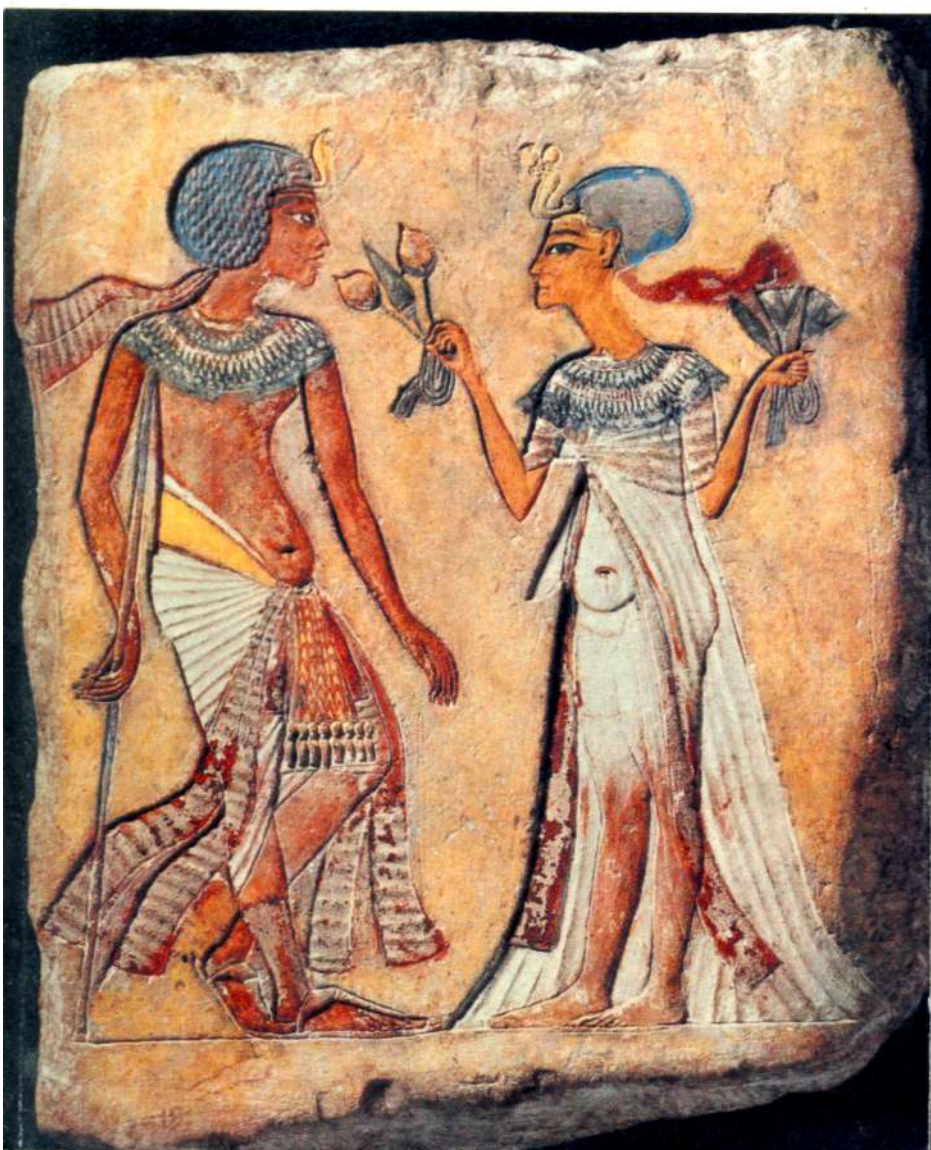


*Е. Вардиман*



# Женщина в древнем мире



## Женщина в древнем мире



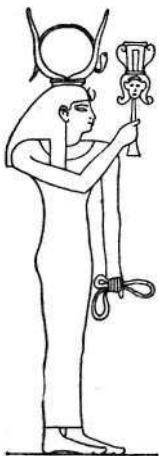
Религиозное чувство нашло, видимо, первоначальное выражение в идолах, изображавших женщину, материнское божество, а не в охотничьих фетишах мужчин — символах льва, быка, орла и солнца. Как произошло, что именно у женщин — об этом говорят археологические находки — возникло религиозное ощущение, потребность в религиозном познании, а значит, и в почитании высшего существа? Такое почитание предполагает преданность, обязательства, отказ от самого себя, подчинение, более того, тотальную зависимость живого существа от объекта поклонения...

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДИЯ

Серия «По следам исчезнувших культур Востока»  
основана  
в 1961 году

*Е. Вардиман*

# Женщина в древнем мире



Москва  
«НАУКА»  
Главная редакция восточной литературы  
1990

ББК 63.3(0)3  
В18

E. E. Vardiman  
DIE FRAU IN DER ANTIKE

Редакционная коллегия  
К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР,  
чл.-кор. АН СССР Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (председатель),  
Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,  
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР, И. С. КЛОЧКОВ  
(ответственный секретарь)

Перевод с немецкого  
М. С. ХАРИТОНОВА

Ответственный редактор,  
автор послесловия и примечаний  
А. А. ВИГАСИН

*Утверждено к печати редколлегией серии  
«По следам исчезнувших культур Востока»*

### **Вардиман**

В18 Женщина в древнем мире. Пер. с нем. М. С. Харитоновна. Послесл. А. А. Вигасина. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 335 с: ил. (По следам исчезнувших культур Востока).

ISBN 5-02-016971-4

Книга посвящена жизни женщин в древнем Шумере, Вавилонии, Египте, малоазийских странах, античной Греции, Риме. Хронологический диапазон — от неолитической революции до утверждения христианства.

В 0504010000-134  
013(02)-90 Без объявления

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-018971-4

© Econ Verlag GmbH, Düsseldorf  
und Wien, 1982

© М. С. Харитонов, перевод, 1990,

© А. А. Вигасин, послесловие,  
примечания, 1990.

## ВВЕДЕНИЕ

---

Тема отношений между мужчиной и женщиной всегда интересовала и будет интересовать историков. Все сущее имеет свои корни в прошлом, наше поведение и мышление отягощены древним наследством, никому, как говорит пословица, не дано «перепрыгнуть собственную тень». Роковое противопоставление «верха» и «низа», ставшее причиной дисгармоничности нашего общественного устройства, началось даже прежде, чем неандерталец выучился ходить на двух ногах, его можно вести от сотворения мира. В воображаемом раю, насколько можно понять, не было ни голода, ни любви, одна сплошная скука. Лишь любовь и голод пробуждают желания и волю, нежность и гнев. Они приводят в движение мировой механизм. Все, что люди изобрели, сконструировали, придумали, все их творческие достижения порождены голодом и необходимостью. Все, что люди сочинили, вообразили, воспели в песнях, переработали мыслью, воплотили в картинах и увековечили в мраморе, возникло под диктовку любви. В какой-то миг обитателям рая стало вдруг до прозрачности ясно и очевидно, что им необходимо для поддержания жизни и что им может дать лишь любовь. Первой, кто отважился сорвать плод с дерева познания, была женщина. Ее звали Ева. Это имя запечатлелось в памяти человечества, как никакое другое. Познание повлекло за собой переоценку ценностей — и обесценение женщины. Она олицетворяла грех.

Пять тысяч лет тому назад — срок в человеческой истории небольшой — люди научились преобразовать свои мысли в письменные знаки. Найдено множество официальных записей, по которым можно судить, как воспринимали мир народы и правительства, и одно здесь на удивление одинаково и неизменно, хотя жизнь

менялась неудержимо. «Пуп земли» — это всегда мужчина, господин, герой, вершитель судеб. Женщина в хрониках если и упоминается, то лишь как второстепенная фигура. Греческий историк Фукидид, предтеча объективной исторической науки в нашем понимании, основоположник так называемой прагматической истории, оставил обширные повествования с подробностями жизни выдающихся людей, но там нет ни одной женской биографии. Женщины появляются лишь на заднем плане — это пассивные, незначительные, побочные персонажи.

Ориенталистика дает нам особенно наглядные примеры патриархальной общественной структуры. Древнейшие тексты законов Двуречья, найденные археологами, хорошо отражают основы устройства рабовладельческого общества, возникшего в результате определенного исторического, политического и социального развития. Лишь последние бедняки не имели рабов. Не существовало никакого естественного равенства людей — и уж тем более никакого равенства полов. Женщина занимала такое же подчиненное положение, как раб, ей полагалось жить замкнуто, выполняя только свои домашние и материнские обязанности. Мужчина был неограниченным господином в доме, недаром римляне называли его «*pater familias*» \*.

В мифологии, эпосе, преданиях многое говорит о первоначальном — существовавшем еще в дописьменную эпоху — периоде матриархата, когда женщина играла выдающуюся роль в общественной жизни; в области религиозной этому соответствовало поклонение единственной небесной богине, *Magna Mater* \*\*, которая была воплощением и персонификацией плодородящей земли. Раскопки обнаружили следы этой эпохи в различных средиземноморских культурах.

Археология позволяет нам заглянуть и в повседневную жизнь периода патриархата. Среди глиняных табличек и папирусов сохранились частные письма, в которых речь идет о разных торговых и личных делах во всей их противоречивой конкретности. Вопреки всем ограничениям, которые налагало общество, и религиозным предрассудкам женщине благодаря своему уму и

\* Отец семейства (лат.).

\*\* Великая мать (лат.).

личным достоинствам нередко удавалось добиться известного положения и признания у себя в доме. У женщин были возможности для экономической самостоятельности, они владели собственным имуществом. Женщины средних сословий выполняли работу вместе со своими мужьями.

И все-таки потрясает письмо одной богатой египтянки, которая после смерти мужа, оказавшись неспособной к самостоятельной жизни, не смогла «стоять на собственных ногах», продала себя и своих детей в рабство, да сверх того внесла все имущество в уплату за свое содержание \*. Когда мы читаем или цитируем такие письма, с нами словно непосредственно заговаривает человек былых времен. Это не героический эпос, не хроники, заказанные правителем, — просто истории, какие пишет жизнь.

Получить более полную картину частной жизни женщины в древности позволяют нам кроме письменных также и немые высказывания фетишей, амулетов, вещей, положенных в могилы, рисунков на вазах, настенной росписи, погребальных портретов, моды и многое другое.

Географически наш очерк охватывает весь мир Восточного Средиземноморья, Ближний и Средний Восток, Рим и Грецию. Древнейшие греческие тексты, микенские таблички с так называемым линейным письмом Б, явно указывают, что в культуре этого региона смешались как древневосточные, так и индоевропейские элементы \*\*. Связь индоевропейцев-эллинов с соседними народами оказалась «счастливым браком». Каждая культура начинается с такой «свадьбы народов». Со времен «Илиады» греков тянуло на Восток.

\* Долговая кабала и самопродажа разорившихся людей — не редкость в Египте (особенно в I тысячелетии до н.э.). Но в данном случае упоминание о передаче семейного имущества ради содержания женщины и детей позволяет усомниться в том, что речь идет действительно о порабощении. Очевидно, имеется в виду переход вдовы с семейством под опеку храма, обеспеченную крупным имущественным вкладом. — *Примеч. отв. ред.*

\*\* Противопоставление «индоевропейских» и «древневосточных» культур восходит к литературе прошлого века. После дешифровки хеттских надписей обнаружилось, что значительную часть этих «соседних народов» составляли также индоевропейские племена. — *Примеч. отв. ред.*

Туда был устремлен их духовный и интеллектуальный взор, туда направлена была предприимчивость их путешественников и торговцев, их колониальный напор. Поход Александра Великого был скорее исполнением, нежели началом греческой устремленности на Восток. Эллинизация многих народов после 330 г. до н. э. означала их сближение на основе греческого образца. Эллинистами, например, в Деяниях апостолов (6,1) назывались евреи, принявшие греческий язык и культуру.

Греки заимствовали на Востоке многое, в том числе, как утверждают некоторые исследователи, и угнетение женщины. Это бездоказательное утверждение. Задолго до встречи с Востоком те же самые греки, которые обожествовали красоту смертных женщин в недосягаемых и поныне скульптурных изображениях, украсив ими свои храмы, в обычной жизни относились к ним пренебрежительно. «Лишних» дочерей подкидывали или приносили в жертву, девушек продавали, а женщин терпели только в качестве безмолвных домохозяек. С присущим им замечательным интеллектом греки подводили под разделение общества па «верх» и «низ» хитроумные философские обоснования. Согласно им, женщина была и всегда останется другим существом, загадочным и угрожающим, манящим и соблазнительным.

Евангелие выдвинуло призыв к новому, «духовному» устройству жизни, однако апологеты христианства, последовавшие за апостолом Павлом, не помышляли о революционном преобразовании общественной структуры. Раб остается рабом, женщина остается другим существом.

Свободны ли мы сами от предрассудков? Об этом можно судить по тому, как мы относимся к самоопределению женщины и насколько готовы в этом ее поддерживать.

*Е. Е. Вардиман*



# *часть первая*

## **ЖЕНЩИНА КАК МИФ**

---

### **1. МАТРИАРХАТ**

#### **Предыстория**

Неизвестно, когда двуногий прямоходящий индивид вышел из своего первоначального полуживотного состояния. Людями в современном смысле мы можем считать лишь те существа, которые, подобно Энкиду из эпоса о Гильгамеше, покончили с дикостью и изоляцией и образовали некую общность. Постепенно возникало родовое общество. Затем появилась оседлость и, наконец, государство.

Всякий культурный прогресс был связан с улучшением условий питания, которое давалось упорной борьбой. Первобытные охотники вели бродячий образ жизни и зависели от возможности добывать свежее мясо. Это приводило к постепенному сокращению и истреблению многих животных. Когда дикие животные (как, например, современный северный олень) меняли свои пастбища, охотник, обитатель лесов, вынужден был следовать за ними. Жил он почти исключительно в обществе мужчин, поглощенный единственным, что его волновало и насыщало, — охотой. Лишь время от времени он начинал искать женщину, не заботясь, однако, о выборе. Он был, как Энкиду, лесной человек.

Постепенно охотник, вынужденный все время заботиться о своем существовании, превратился в пастуха, которому с помощью разумной селекции и ухода удалось одомашнить пойманных диких животных; вместо того чтобы охотиться на них, он стал их охранять и па-

сти. У кочевников-скотоводов мужчина не занимает более высокого положения. Их общественные и религиозные институты не предусматривали неравенства полов: у них не было частной собственности и наследования, лишь имущество племени и общинные интересы. Люди зависели не от самовластных правителей, а от капризов природы.

Засуха приносила пастушеским племенам, живущим разведением мелкого скота, периодический голод. Это заставляло искать другие возможности пропитания, собирая корни и растения. Можно предположить, что однажды нужда и голод заставили какую-то собирательницу корней и растений на Ближнем Востоке попробовать высадить дикие злаки в подходящую землю. От простого срывания злаков она перешла к их продуманному выращиванию, и, чем дальше, тем больше ей удавалось окультурить эти пригодные для еды и варки дикие злаки, превратив их в хлебные зерна, которые можно было хранить и которые стали надежным резервом питания. На Ближнем Востоке были обнаружены не только древнейшие зерновые культуры, такие, как спельта и полба, но и древнейшие земледельческие поселения. Найденные там остатки семян относятся примерно к 8500 г. до н. э.

Посаженному в землю семени нужно примерно полгода, чтобы вырасти и созреть. Это заставляло первых женщин, занявшихся земледелием, отказываться от кочевков вместе с мужчинами и дожидаться урожая на том же месте, где они посеяли в почву зерно. Забота о детях вынуждала уже первобытную женщину селиться в пещерах, которые могли дать защиту, а позднее ставить на равнине близ засеянного поля хижину из листьев или глины.

Мать должна была жить вместе с ребенком, она была привязана к месту, где надо было проводить земледельческие работы; все это вынуждало женщин объединяться для защиты от двуногих и четвероногих врагов. Так возникли поселения.

«На первобытной ступени общественного развития, до возникновения частной собственности на средства производства женщина заняла господствующее положение в жизни рода и племени, так как ее работа (собираание растений, примитивное земледелие) стала важнейшей для пропитания. Благодаря этому женщина стала выше и в социальном отношении, она была гла-

вой семьи. С переходом к более высоким формам обработки земли и к животноводству возникла частная собственность; теперь пропитание обеспечивалось работой мужчины, в результате чего мужчина занял господствующее положение внутри рода. Отцовское право, патриархат, сменило материнское право». Так верно описывает этот процесс Г. Пётке в «Лексиконе древнего мира».



План поселения (Северный Ирак), датируемого VI тысячелетием до н. э. Длина его 230 метров, ширина 110 метров. Наличие многочисленных хранилищ для продовольственных запасов свидетельствует о богатых урожаях. Под фундаментами зданий обнаружены многочисленные погребения, преимущественно детские. В погребениях найдены глиняная посуда, украшения, а также статуэтки. Поразительно то, что это сплошь женские фигуры из терракоты и алебаstra, изображающие «материнские божества»

Преобразование, которое внес в обработку земли мужчина, отразил, например, греческий миф о Деметре. Деметру почитали как богиню земли, научившую людей земледелию. Ее дочь Кора олицетворяла зерно и произрастающий из него колос; обе они были главными богинями эпохи матриархата. При раскопках в Элевсине найден интересный рельеф: на нем Деметра изображена с Триптолемом — она поручает ему дать людям плуг. Хотя примитивное мотыжное земледелие было изобретено женщиной, лишь с появлением плуга мужчина смог создать прогрессивное, более продуктивное земледелие.

Чтобы стало понятнее значение этого усовершенствования, можно привести некоторые сравнительные цифры из статистики ООН. Индейцу в доколумбовой Америке, который обрабатывал почву мотыгой, нужно было для пропитания 20 квадратных километров земли; обитателю степей Центральной Австралии, живущему только охотой, требовалось 100 квадратных километров. В древнем Египте один-единственный квадратный ки-



Деметра, богиня земли, научившая людей земледелию, поручает дать плуг людям Триптолему. С появлением плуга мужчина создает более продуктивное земледелие (рисунок на вазе)

лометр земли, обрабатываемый плугом, мог обеспечить пропитанием 250 человек!

Людям древности, и не только грекам, плуг представлялся чем-то столь чудесным, что они славили его в своих мифах как дар небес. Предание приписывает Триптолему также и другую заслугу: он научил людей цивилизованной жизни.

Лишь после того как былой охотник стал обладателем больших стад — неважно, развел ли он их сам или добыл в разбойничьих набегах, — впервые возникла власть вождя, князя или мелкого царька. К этому предводителю перешло и руководство разрозненными земледельческими поселениями; он оградил их крепкими стенами от нападений, стал заботиться об их защите и создал первый город-государство. Пленных, захваченных в ходе войн, которые надо было вести для укрепления и расширения власти, он заставлял обрабатывать еще большие участки земли. Полученные в результате излишки продукции позволяли ему содержать свой двор. Так ставший воином охотник окончательно утвердил свое превосходство. А став верховным патриархом, возглавив окрепшее пастушеское сообщество, мужчина и в мельчайшей ячейке общества, в семье, получил абсолютную власть над женщиной.

Очень точно характеризует взаимозависимость отношений в семье и в государстве швейцарский психолог К. Г. Юнг: «Психология отдельного человека соответ-

ствуует психологии нации. Что делает нация, то делает и каждый в отдельности, а покуда это делает каждый в отдельности, это же делает и нация...»

### Исследование матриархата

Исследованием материнского права начали заниматься почти одновременно три ученых: американский этнолог Л. Г. Морган (1818—1881), шотландский исследователь права Дж. Ф. Мак-Леннан (1827—1881) и швейцарский историк права И. Я. Бахофен (1815—1887).

Дж. Ф. Мак-Леннан показал, что ярко выраженный матриархат часто встречался у племен, которые обрабатывали землю палкой-копалкой или мотыгой, а забота об урожае и о злаках все еще оставалась в руках женщин, например, у ирокезов в Северной Америке, у занятых примитивным земледелием племен в Меланезии, в Африке, а также в настоящее время на острове Суматра, где, несмотря на мусульманство, 20 миллионов людей продолжали жить по законам материнского права и где женщины выбирали себе мужей. Вопреки всяким правилам матриархат встречался также у племен австралийских охотников и собирателей корней, у некоторых пастухов-кочевников в Африке. Следы полиандрии (многомужества) можно и сегодня найти в Тибете и в некоторых районах Индии, где одна женщина вступает в брак с несколькими братьями.

Л. Г. Морган, изучавший индейские племенные союзы, различал кланы — союзы матрилинейные, ведущие свое начало от одних и тех же почитаемых предков, а «генс» — так он называл патрилинейные роды, — которые возводят свое происхождение к какому-либо предку-герою.

Недостаточно признанный и оцененный современниками базельский ученый Иоганн Якоб Бахофен в своем труде «Матриархат», появившемся в 1859 году, смело утверждал, что им «найден ключ, открывающий многие тайны». Раскрытие этих тайн вызвало бурю возмущения как у ницшеанцев, так и у богословов; противники И. Я. Бахофена утверждали, что такого явного господства женщин никогда не существовало, разве что в мифе о воинственных амазонках. Они называли И. Я. Бахофена «мерзким проповедником материнского права...

который, прибегая к легендам... в религиозном отношении ориентируется на неполноценный Восток».

Греческие историки и писатели отмечали гинекократию, матриархат в его «чистейшей форме», у племен нубийцев, ликийцев, мандеев, насамонов и массагетов, у которых женщины держали в подчинении мужчин и осуществляли власть; греки с высокомерным негодованием называли это ужасным «варварством». И Геродот и Страбон умалчивали о том, что полиандрия была известна в древности и греческим племенам. Еще и в наши дни в греческом горном местечке Моноклиссия празднуется по древнему обычаю времен матриархата «день амазонок». В этот день женщины отдыхают или развлекаются в кафе, а мужчины тем временем должны выполнять все женские обязанности — от приготовления еды до пеленания детей.

На упрек противников, почему он в своих рассуждениях опирается больше на мифологию, чем на историю, И. Я. Бахофен отвечал: «Лишь она может показать нам древние времена, ведь, хотя в мифах все переиначено и завуалировано, они сами порождены той же эпохой. Мифология есть изначальная, более великая и более важная действительность». «Ибо,— как выражается И. Я. Бахофен, — что не может произойти, то может, во всяком случае, быть подумано. Таким образом, нам открывается не просто внешняя правда, но правда внутренняя». Мифы отвечают не на вопрос «почему», а на вопрос «откуда», на вопрос о происхождении, о первоисточках, об изначальном состоянии. Большинство историков считают доказанным, что миф — будь то саги или поэмы, легенды или сказки о древних богах, народах, героях и духах — берет свое начало в религиозной сфере и так же древен, как само человечество. Однако по мере общественного развития он получал новое толкование и форму.

В свое время рационализм объявил миф заблуждением, лишенным реального смысла, суеверием, плодом неразвитого, склонного к излишне наглядным образам мышления. Но если как следует вникнуть, мы должны будем признать, что миф и сейчас отнюдь не чужд нашему повседневному мышлению, он вполне может выдержать научную проверку. Если считать его только заблуждением, то не заблуждения ли тогда все наши научные знания, которые ведь то и дело оказываются неизбежно превзойдены новыми истинами? Миф, в

древности помогавший людям осмысливать мир и свое существование в нем, тоже претерпел немало перемен на протяжении долгих исторических эпох. Он дошел до нас в преобразенном виде, и теперь его многообразные отголоски помогают нам заглянуть в тайны минувших времен. В них — реальные свидетельства о мире, для разгадки которых нам надо еще приложить много усилий. Они полны очарования, поэзии, полны глубокого смысла. Мифы вдохновляют поэтов и художников, это бесценное наследие нашей культуры, они — как это ни покажется странным — живут в каждом из нас, в наших мыслях, наших чувствах, наших желаниях.

В этих великих изначальных образах воплощены всевозможные человеческие представления, которые передаются по всей земле от поколения к поколению.

В мифах выражены не просто древнейшие и общезначимые чувства и мысли, в них есть нечто вроде души, для которой источником познания каким-то образом служит неосознанное восприятие. В начале нашего века благодаря исследованиям З. Фрейда (1856—1939) «мифические силы», объявленные сказкой и вытесненные из рационалистического сознания, стали объектом научного изучения. До той поры от мифических, то есть необъясненных представлений, страхов и воздействий отмахивались, как от «истерии» и «умопомешательства». З. Фрейд хотел понять механизм душевных процессов и поставил психоанализ как науку о бессознательно действующих силах на естественнонаучную основу. Результаты его исследований не оставляли никаких сомнений в том, что определенные болезни можно объяснить результатом внутренних конфликтов и бессознательных вытеснений у пациентов.

Психе (душа) и сома (тело) развиваются параллельно и относительно самостоятельны, они функционируют по собственным законам и определенным образом влияют друг на друга. Наши предки верили, кроме того, в существование некоей магической силы, «маны», которая на все влияет и вокруг которой все вертится. Величайшие и лучшие достижения человеческой мысли опирались на образные представления о неких изначальных таинственных силах. Эти силы могли быть добрыми, могли быть злыми, человека волновала их полярность, вот почему ему всегда нужна была вера в демонов, которые ему угрожают, и в богов, которые его защищают. Без идеи некоего сверхмогучего божествен-

ного существа, превосходящей их творческой силы наши предки просто не смогли бы жить.

Весьма странно — или, вернее, весьма примечательно, — что первой из этих сил, которой, как с уверенностью можно доказать, поклонялись, была женщина, богиня-мать. Появление женщины в мифе связано с важнейшими событиями в жизни человека древности. Борясь с чувством одиночества, покинутости, ограниченности и страха, женщина первобытной эпохи заложила основы религии. Она видела в себе часть природы, часть тех мистических, темных, непостижимых и волнующих сил, которые порождают счастье и горе, жизнь и смерть. Ею двигало стремление создавать и поддерживать жизнь, рожать и кормить. Потому она стала посредницей между этим и тем миром. Она открыла дверь к сверхъестественному и сверхреальному.

Вызвавшую столько споров теорию матриархата подтверждают не только исследователи мифов и психоаналитики, но также археологи, которые нашли ей вещественные доказательства в погребениях первобытной эпохи и в предметах, туда положенных.

### **Госпожа-богиня**

К удивлению исследователей, первое изображение божества, которое первобытный человек вырезал из дерева либо вылепил из глины, представляло собой не «господа» бога, а «госпожу» богиню. Это было олицетворение матери-земли, сверхъестественной вегетативной силы, которой люди поклонялись на заре своей «зеленой эпохи»: из нее они вышли, она их кормила, в нее они возвращались.

Когда началась эта «зеленая эпоха»? В 1948 и в 1955 годах американский археолог Р. Брейдвуд из Чикагского восточного института попытался ответить на этот вопрос путем сравнительных раскопок.

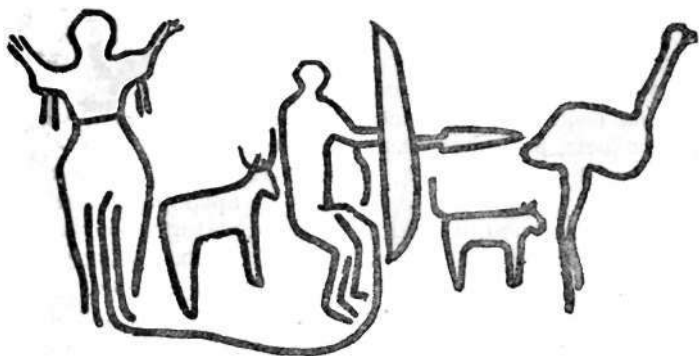
В верховьях одного из притоков Тигра в горных областях Ирака он обнаружил пещеры Шанидара, которые датировал концом ледникового периода — между 34000 и 30000 гг. до н. э., — а также небольшое земледельческое поселение Джармо, которое можно было назвать одним из древнейших земледельческих хозяйств и которое относилось к периоду между 9000 и 6500 гг. до н. э.



Таким образом, пещеры относились к эпохе среднего палеолита (древнекаменный век), поселение же — к эпохе неолита (новокаменный век). Они, то есть пещеры и поселения, свидетельствовали о двух стадиях человеческого развития: стадии гориллоподобного первобытного человека, который обитал в пещерах, выходя, как зверь, на поиски пищи, и стадии человека, уже умевшего выращивать злаки.

В ходе так называемой «неолитической революции» недавний охотник стал оседлым земледельцем, главенствующую же роль в обществе приобрели женщины. Под словом «революция» здесь имеется в виду не внезапное событие, а процесс, занявший длительное время, может быть многие тысячи лет. Три места археологических находок позволяют проследить этот переход к новой общественной формации: Джармо в Ираке, Чатал-Хююк, в 50 километрах к юго-востоку от Коньи в Южной Турции и знаменитый издревле Иерихон, в 25 километрах к юго-востоку от Иерусалима. В этих поселениях были найдены уже каменные орудия для обработки почвы, жернова, ступы и пестики для измельчения зерна. В женские погребения клали зерно и фигурки идолов.

Поразительное исключение представляет здесь Иерихон, где неолитический человек задолго до того, как



Пещерная живопись в Алжире изображает охотящегося мужчину, его гениталии соединены с гениталиями женщины. Поднятые руки женщины следует, несомненно, понимать как ритуальный жест: женское начало явно связано с колдовской функцией; женщина побуждает высшие силы даровать богатые охотничьи угодья



Череп и Иерихона, которому с помощью гипса в культовых целях приданы черты живого человека. Лицо сильно татуировано, а глаза выложены ракушками. Череп относится к эпохе неолита (около 7000 г. до н. э.) и, видимо, изображает городскую богиню или жрицу Иерихона (Государственный музей, Иерусалим)

он выучился изготавливать из глины горшки и обжигать их, укрепил свое поселение массивными каменными стенами и в культовых целях облепливал человеческие черепа гипсом, придавая им с невероятным сходством черты живого человека. Участки плодородной земли в долине Иордана и зернохранилища в Иерихоне вызвали алчность то и дело испытывавших недостаток в еде соседей-охотников, так что для защиты от их нападений потребовались специальные сооружения — вроде знаменитой городской стены Иерихона, — которые нас и сейчас еще изумляют. Потребность в защите сделала Иерихон городом, точно так же как нужда в пропитании привела людей к мысли заняться земледелием. Страх перед силами, угрожавшими жизни, породил религию.

Но если в ледниковую эпоху охотничьи племена украшали свои пещеры изображениями животных и сценами охоты, в земледельческих поселениях после «неолитической революции» появляются многочисленные маленькие фигурки: это неизменно прообразы матери-земли, богини-земли, богини-матери, которая все создает и всех питает. О многообразных видах материнских божеств еще будет говорить подробно дальше.

Интересен ход мысли американского исследователя Р. Брейдвуда, который предлагает такое объяснение «неолитической революции»: «Судя по всему, человек (охотник или кочевник), который предпочел ненадежной добыче оседлую жизнь, не относился к числу способных и оптимистичных; скорее это был человек слабый и разочарованный, отделившийся от своих более удачливых собратьев и предпринявший первую попыт-

ку от беспомощности». Р. Брейдвуд не говорит определенно «женщина», но просто «слабый» человек. Зато Дж. Меллаарт, открывший Чатал-Хююк, приписывает стремление к оседлой жизни именно женщине; благодаря своим успехам в земледелии она получила благоприятное, преимущественное положение в обществе. Это доказывают женские погребения в Чатал-Хююке. «Лишь женщинам полагались такие достойные погребения,— констатирует Дж. Меллаарт,— но мужчинам — никогда».

Ф. М. Хайхельхайм в своей «Экономической истории древности» так обобщает результаты всех раскопок в земледельческих поселениях Месопотамии и Иерихона: «С первобытных времен инстинкт и способности женщины по части разведения растений оказывались важной душой предприимчивости, свойственной мужчинам. Женщина додумалась до блестящей идеи не собирать дикорастущие семена, а высевать их в землю. Можно предположить, что столь важное деяние, как это, требующее глубокого и сознательного осмысления жизненных взаимосвязей, осуществлялось в сфере не рациональной, но мистико-символической формы мышления».

Погребения, пещеры, каменные стены и холмы развалин безмолвны, их доказательства лишь косвенны. Можно ли считать предположения, сделанные такими учеными, как Р. Брейдвуд и Дж. Меллаарт, на основании найденных остатков зерна, приспособлений для помола и идолов, чистой гипотезой? Нет! Шумерские клинописные таблички дают им недвусмысленные письменные подтверждения.

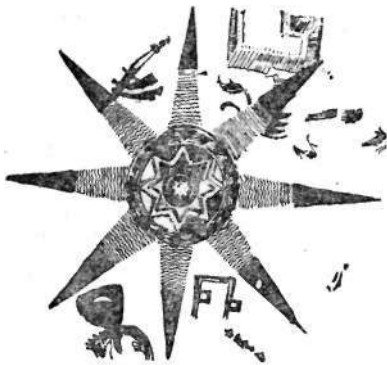


Растирание зерен с древнейших времен — занятие женщины. Эти ступки для растирания зерна, которым почти 10 000 лет, были найдены в древнейших поселениях Передней Азии; кремневые ножи, кремневые наконечники для стрел и прочее оружие принадлежали мужчине-охотнику, но домашняя утварь принадлежала женщине.

## Написано на глине

Шумеры считаются изобретателями письменности и основателями первой высокоразвитой культуры человечества в Месопотамии. С. Н. Крамер, профессор-ассириолог из Филадельфийского университета, обнаружил в шумерских мифологических текстах многие мотивы, напоминающие библейские, однако эти тексты более ранние. Один из них описывает положение в мире до сотворения человека: «Когда боги были людьми, они выполняли тяжелую работу, носили доску с кирпичами; а так как доска у богов была велика, их работа была тяжела, требовалось много труда, причем великие боги семикратно заставляли низших богов выполнять работу».

Богиню-мать, создавшую всех других богов, звали Мама, она же, по-видимому, сотворила и человека. Сделано это было при помощи глины, смешанной с кровью убитого бога. К сожалению, в древнем шумерском тек-

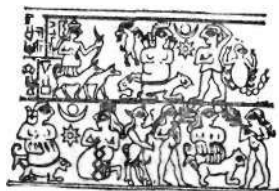


Космическая звезда. Вместе с первыми примитивными жилищами из глины человек стал строить и святилища. Эта полихромная темперная живопись была обнаружена к юго-востоку от Иерихона, на стене дома (около 4000 г. до н. э.). В то время как первые найденные культовые статуэтки были размером не больше ладони, диаметр этой звезды достигал 1,85 метра!

сте имеются лакуны, поэтому кое-что остается неясным. Первое человеческое существо звали Лулла, и, так как оно было создано по образу и подобию творящей богини, это должна быть женщина. По Библии, первым человеком был Адам, мужчина, но, согласно древнешумерскому мифу, прародительница человечества — женщина. Она создана из земли и сама есть часть матери-земли. Почитание матери-земли, богини-матери, от которой зависело произрастание всего живого, которая обеспечивала «хлеб насущный», возникло очень рано. Лулла



а



б

На оттисках критских и месопотамских печатей очевидны приметы матриархата. Как общественной жизнью здесь порой руководили женщины, так и в религиях этих регионов имелись многочисленные женские божества. а) На критской печати (середина II тысячелетия до н. э.) изображена богиня-мать с несколькими дочерьми. б) На печати из Суз (середина III тысячелетия до н. э.) изображены лишь женские божества и жрицы; единственное божество мужского пола изображено в виде полуживья-демона

символизировала плодородие. Она и дочери ее умножили род свой до того, что, как говорится в шумерском мифе, «теснота людей» на переполненной земле стала чрезмерной, и боги решили вмешаться, устроив потоп. Такой высокой рождаемости дочери и внуки Луллы достигли благодаря полиандрии.

Указание на это американский исследователь С. Н. Крамер нашел в одной из ранних надписей шумерского правителя Урукагины, относимой к 2350 г. до н. э.: «В прошлые времена женщины имели у нас обычай брать себе многих мужей; женщина, которая откажется сделать то же сегодня, побивается камнями».

В музеях и в коллекциях мира хранится около полумиллиона найденных при археологических раскопках глиняных табличек с клинописными текстами. Кроме многочисленных мифологических текстов среди них есть и таблички с записями законов, судебных решений, а также частными сообщениями, которые доказывают, что женщина занимала в Шумере весьма почетное положение\*.

Почему в качестве примера древнейшей человеческой культуры мы взяли именно Шумер? В своей речи

\* На основании тех же «древнейших текстов законов Двуречья» чуть ранее автор делал вывод о рабском положении женщины,— *Примеч. отв. ред.*



Шумеры почти 5000 лет назад превратили письмена-рисунки в абстрактные знаки, черточки и клинья. Многие тысячи рисунков они скоро свели к нескольким сотням знаков. Благодаря глиняным табличкам и письмам на глине мы можем реконструировать картину религиозной и социальной жизни того времени. Изображенная на рисунке табличка из Абу-Салабиха относится к III тысячелетию до н. э. Она рассказывает о Нинсун, супруге урукского царя Лугальбанды, матери легендарного Гильгамеша. Ее почитали как божество

на открытии выставки в Британском музее, благодаря которой впервые стали доступными широкой общественности громадные сокровища царских погребений из Ура, Л. Вулли (1880—1934) говорил: «Мы вырастали в пору, когда начало всякой культуры еще возводилось к грекам, когда считали, что она возникла, как Афина Паллада из головы олимпийца Зевса. Мы могли убедиться, однако, что эта культура, достигшая величайшего процветания, питалась жизненными силами всех соседних народов. Но корни уходят еще дальше в прошлое. За всеми этими народами стоят протошумеры\*.

С точки зрения влияния на историческое развитие шумерам принадлежит особое место. Их культуре, озаирившей мир, еще погруженный в глубокое варварство, принадлежит роль одной из первых движущих мировых сил».

Эту славу шумеры делят с египтянами. Те тоже, независимо от шумеров, могут считаться изобретателями

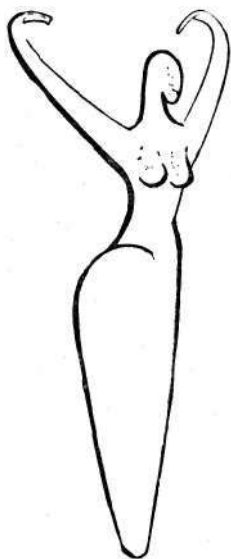
\* Шумерские географические названия не всегда могут быть истолкованы исходя из самого шумерского языка. Это заставляет предполагать наличие более древнего населения в Нижнем Двуречье (так называемых протошумеров), которому шумеры, возможно, были обязаны некоторыми достижениями культуры. — *Примеч. отв. ред.*

письменности; однако иероглифы египтян больше рассказывают об их богатой мифологии, нежели о реальности. Это вынуждает нас ограничиться изложением мифов.

### Египет — страна утренней зари

Рассказывая об одном путешествии по Нильской долине, Геродот (484—425 гг. до н. э.) пишет, что «египетские женщины занимают выдающееся и почетное место, а их сыновья предпочитают именоваться по матери, а не по отцу». Женщины в глубокой древности заложили основу материальной и духовной культуры Египта.

Жизнь египтян зависела от воды Нила и от плодородного ила, который остается после разливов великой реки. Когда-то египтяне почитали эти благодатные силы природы как женские божества. За воду, дарующую плодородие, благодарили богиню Хекет; росу и дождь, явления в Египте редкие, называли слезами богини Тефнут; богиня Нехбет регулировала жизнетворящие разливы Нила, и она же создала из чудесного нильского ила первого человека.



Одна из древнейших и прекраснейших египетских скульптур из тонированной глины, которой 6000 лет, изображает парящую женскую фигуру с воздетыми вверх руками. Она производит впечатление современной скульптуры (из доисторического погребения Мармарига, Верхний Египет. Бруклинский музей)

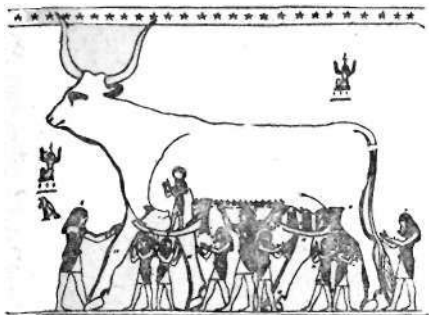
Одна из древнейших и прекраснейших скульптур из раскрашенной глины, относимая примерно к 4000 г. до н. э., была найдена на додинастическом кладбище в Мармариге, в Верхнем Египте. Она изображает божество в виде женщины с широкими бедрами, сильно суженной талией и руками, поднятыми для благословения. Голова, совершенно так же как у более ранних изображений шумерских божеств, представляет собой едва обозначенную птичью голову. Положение ног передает как бы ощущение полета. Очень древняя, но с большим искусством выполненная женская фигурка словно символизирует выход человека из животного, полудикого состояния.

Художник, несомненно, принадлежал к матриархальной общине оседлых земледельцев, а не к бродячим охотничьим ордам того времени. Согласно египетской мифологии, женщины положили начало не только земледелию, но и культуре. Египтяне были наряду с шумерами древнейшим культурным народом этого региона. Богиня Сешат якобы научила людей письму и счету. Поэтому ее называли госпожой книг и грамот, «счетчицей времен». Каждый раз, когда закладывался первый камень храма или царского дворца, Сешат помогала фараону натягивать измерительный шнур, рисовала чертеж постройки и делала расчеты.

Жизнь в сравнительно благоприятных условиях сделала египтян одним из самых терпимых народов древности. Многочисленные материнские божества первобытной эпохи оказались не уничтожены, а мирно соседствовали с мужскими божествами; в эпоху династий они стали матерями, сестрами или дочерьми новых общегосударственных богов.

Ни в какой другой религии не поклонялись такому множеству женских божеств и женских стихий, как в египетской. Охраняющий, льющий глубокое сияние небесный купол воспринимался как женское божество; напротив, земля, которую в других местах считали порождающим женским началом, здесь была запыленным и грязным мужским божеством. Женское божество зовут Нут, это ее склоненное над землей тело образует небосвод, а молоко из ее сосцов питает все живые существа. Два глаза ее — Солнце и Луна, они попеременно смотрят с небес днем и ночью, чтобы никогда не упускать из виду своего подопечного — человека. Позднее ее, каждодневно рождавшую Солнце, стали назы-

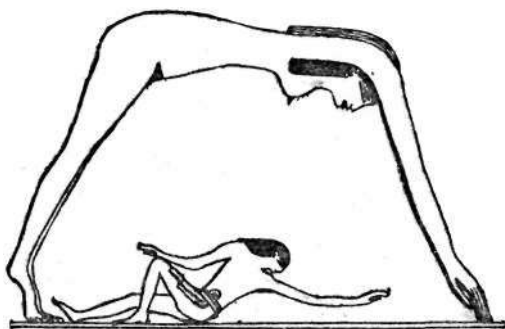




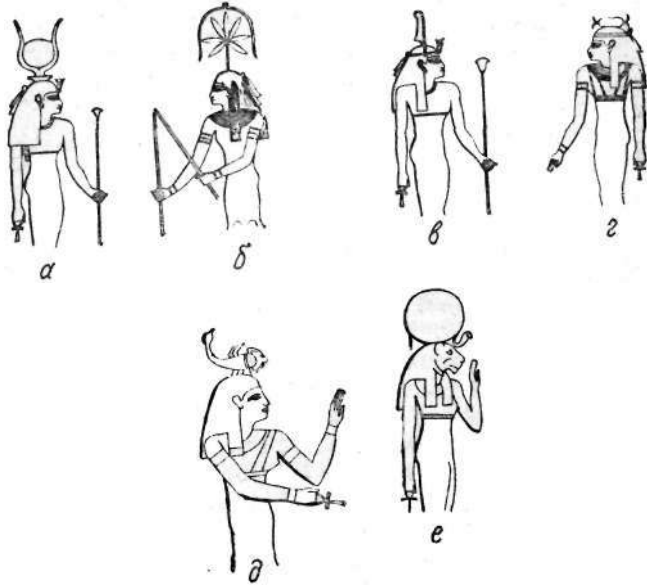
Хатхор в виде небесной коровы, из вымени которой текут на землю «молоко и мед». У ее брюха видны солнечная ладья со звездами и бог Солнца. Множество богов касается ног коровы, поддерживая их (изображение в гробнице, Около 1300 г. до н. э.)

вать матерью верховного бога фараоновских времен — бога Солнца Ра. Кровь, которую она проливала каждый день, рождая Солнце и солнечного бога, окрашивала утреннюю зарю в небесах, и они становились розовыми. Впоследствии бог воздуха Шу отделил богиню-мать Нут от бога земли Геба, ее супруга, и создал таким образом мир, разделенный надвое.

Показательно для эволюции египетской религии новое толкование, которое получила богиня Нейт. Сначала она была богиней войны, ее атрибутами были стрелы и лук, затем в правление XXVI династии она



Согласно патриархальным представлениям религиозно-философского характера, «верх» связан с мужским началом, дневным светом, господством — короче, всем положительным, тогда как «низ» олицетворяет начало женское, грех, землю и грязь — короче, отрицательное. Однако древнеегипетское изображение показывает, что в предшествующую, матриархальную эпоху все было иначе: богиня Нут олицетворяет небесный свод, под ней лежит бог земли Геб, маленькая фигурка (папирус Гренфалда, XXI династия. Британский музей, Лондон)



Необозримое множество египетских божеств — для нас совершенно непостижимое — говорит, что египтяне были одним из самых терпимых народов древности. В древние времена каждая местность имела собственное божество. Когда Египет стал централизованным государством, местные боги вошли в обще-египетский пантеон. а) Хатхор, увенчанная рогами, главная богиня и одновременно богиня любви и счастья. При рождении ребенка приходят семь богинь и определяют его судьбу. б) Сешат якобы научила людей письму и счету. Все ее достижения в области культуры были позднее приписаны ее супругу Тоту. в) Серкет, с жалящим скорпионом на голове, наделяла силой колдунов и целителей. Из яда скорпиона она изготовляла первые лекарства. г) Маат, со страусовым пером на голове, являлась воплощением истины и справедливости. д) Нейт, древнее божество города Саиса, первоначально была богиней войны, ее атрибутами были лук и стрелы, а впоследствии она стала покровительницей женских ремесел. е) Сехмет, львиноголовая богиня, была носителем смерти. Но ее жрецы составляли древнейшее сообщество врачей и ветеринаров

стала главной богиней. К тому времени, когда большое значение приобрело ткачество, воинственная богиня стала покровительницей женских ремесел, а ее атрибутом вместо боевого лука стал ткацкий челнок.

Лишь одной древнейшей богине удалось на протяжении долгих тысячелетий, среди всех общественных

и политических перемен сохранить неизменными и даже выявить еще более четко свой облик и свои функции: это богиня Исида, родившая Хора, которая считалась также матерью каждого фараона. Бог-царь господствовал как воплощение Хора на земле; он был самым божественным Хором, богом неба в облике сокола.

### **Исида, первая богиня-мать**

Еще двести лет назад Египет представлялся путешественникам и ученым загадочной, непостижимой, пугающей страной. Лишь в 1798 году рассеялся таинственный туман, скрывавший подлинный Египет; это случилось, когда Наполеон, выступив в поход против пришедшей в упадок провинции Османской империи, подобно Александру Великому, взял с собой целую свиту ученых, художников, картографов, чтобы исследовать и зарисовать Нильскую долину. На рисунке одного из его спутников, В. Денона, можно увидеть, как двое ученых обмеривают сфинкса близ Гизе, южнее Каира. В. Денон пишет, что при виде этих руин армия безо всякого приказа остановилась, и все невольно опустили оружие.

Это было 22 июля 1798 года. Наполеон указал на сфинкса и на пирамиды и произнес знаменитые слова: «Солдаты! Сорок веков смотрят на нас с высоты этих пирамид!» Могучая фигура, получеловек, полулев, охраняющая в желто-красных песках пирамиды, имеет у основания длину 80 метров. Есть сфинксы с мужской головой и с женской. Они отвечают древнему представлению о стражах жизни и смерти или о страхах, охраняющих святыню.

Для греков сфинкс, чья львиная лапа покоится на колесе судьбы, олицетворял Немезиду, богиню справедливого возмездия, которая озадачивает человека загадками. В древнегреческом мифе Сфинкс задает загадку Эдипу; если он ее не сможет решить, она \* его убьет. Загадка такая: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух и вечером — на трех?». Эдип отга-

\* Сфинкс в греческой мифологии — существо женского пола. — *Примеч. отв. ред.*



Сфинкс на греческой монете. Облик существа с телом льва и головой человека греки заимствовали у египтян, добавив ему крылья и груди. Она задает загадку, а кто не может ее разгадать, того она пожирает

дал, что это — человек: ребенком он ползает на четвереньках, затем ходит прямо, а став сгорбленным старцем, использует в помощь палку. Но для В. Денона сфинкс воплощал не загадку женщины, а загадку Египта. Не расшифровав египетские письмена, нельзя было приоткрыть покрывала этой тайны. Один из наполеоновских офицеров обнаружил Розеттский камень, на котором имелась надпись древнеегипетскими иероглифами, демотическим письмом и по-гречески. Этот камень позволил филологу Ж.-Ф. Шампольону (1790—1832) разгадать загадку древнеегипетской письменности и литературы. В восторге он писал: «Наше неведение о таинственном Египте исчезает, словно утренний туман в лучах восходящего солнца!»

«Египтологический восторг» охватил тогда всю Европу. Бездумные вандалы, воспользовавшись этой египтоманией, стали разорять гробницы и увозить награбленные сокровища из страны. Так называемые



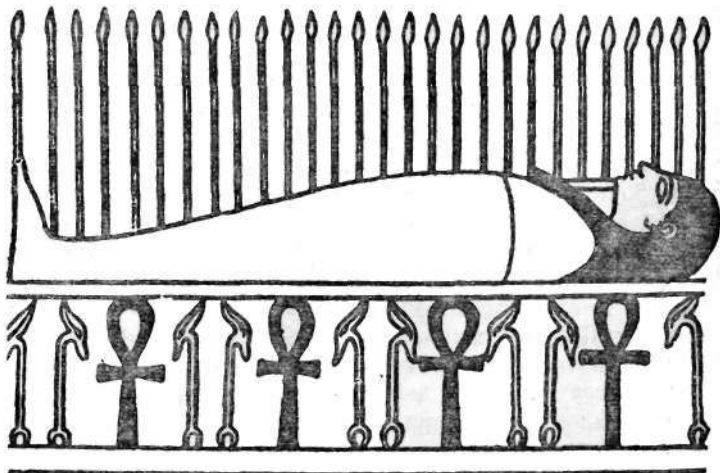
Исида была самой популярной богиней в египетском пантеоне. Она была олицетворением супруги, хранящей верность мужу вопреки смерти, и символом матери, готовой к жертве. Постоянно росло число ее приверженцев, искавших опору в ее доброте, любви и надежности (Государственный музей, Берлин)

«реликвии» стали цениться необычайно высоко. Согласно Библии, в Египте какое-то время находилось Святое семейство с младенцем Иисусом. Некий итальянский авантюрист, которого лихорадочный спрос побудил стать «археологом», алчно и без оглядки, с помощью лома и взрывных устройств, пролагал себе путь к сокровищам гробниц. Он без стеснения рассказывал: «На каждом шагу мне возле сфинксов попадались мумии и статуэтки богоматери». В качестве таких «настоящих самых древних фигур богоматери» итальянец продал множество похищенных им статуэток, изображавших Исиду с младенцем Хором. Копты и гностики \* принимали подобное толкование статуэток совершенно всерьез; они действительно считали Марию новым явлением матери-богини Исиды, а Хора — младенцем Иисусом.

В ходе своей долгой истории, соприкасаясь с другими народами, египтяне включали в свой пантеон все новых и новых богов. Их многочисленный, можно сказать, необозримый пантеон нередко вызывал насмешки у представителей других религий. Лишь единственная богиня смогла сохранить в нем свое главенствующее положение, и то лишь благодаря тому, что представление о ней постоянно менялось, — Исида. Она как бы приспособливалась, отказывалась от самой себя, все время приобретая какие-то новые черты. Она вбирала в себя всех местных богинь, пока не стала окончательно великим материнским божеством древности. Вместе со своим супругом и братом Осирисом, богом воскресения из мертвых, и своим «божественным младенцем», мальчиком Хором, она, человечнейшая из египетских богинь, оказалась одним из самых популярных божеств и в греко-римском культурном ареале. Всеми нашими относительно конкретными знаниями о культуре Исиды мы обязаны не египтянам, а прежде всего Геродоту и Апулею.

Исида, универсальное материнское божество, имела отношение ко многим сторонам человеческой жизни.

\* Копты — египтяне, исповедующие христианство в его особой (монофизитской) разновидности. Гностики. — представители религиозно-философского течения поздней античности, сочетавшего идеи греческой мифологии с христианскими и иудейскими верованиями. — *Примеч. отв. ред.*



Осирис, убитый своим братом, благодаря Исиде сумел чудесным образом вновь пробудиться к жизни. Любовь супруги помогла ему преодолеть смерть, и это дало всем смертным основание надеяться на вечное продолжение жизни. Первоначально Осирис был богом плодородия, который осенью умирал, весной же из его вновь ожившего тела всходили побеги (рисунок на папирусе)

Она обучала женщину домашнему хозяйству, она была великой волшебницей, чья чудесная сила помогала страждущим, и она же по доброте своей обучала человека искусству врачевания. Когда ее супруг Осирис был коварно убит, она впервые надела одежды вдовства и своим героическим примером дала утешение всем скорбящим и одиноким, а ее вера в воскресение отогнала от человека страх смерти. Чаще всего ее почитали как мать вместе с младенцем Хором (по-гречески Гарпократ); по словам Апулея, от этой богини исходит «сладостная материнская любовь». Все человеческие дети тоже могут рассчитывать на материнскую заботу этой защитницы божественного дитяти.

Великое, широко распространенное почитание, которым пользовалась Исида, шло на пользу женщинам. Ни в одной стране мира женщина не занимала такого почетного положения, как в Египте. Характерно, что в эпоху эллинизма именно Исида по замыслу Александра Великого должна была стать объединяющей народы всемирной богиней.

Первоначальная богиня плодородия с коровьей головой превратилась в универсальную «богоматерь», родившую мирового бога и мирового царя Гарпократа. Греческая философия и греческая одежда «модернизировали» древнеегипетскую богиню. Мать-Исида, родившая божественного сына-спасителя и ставшая центральной фигурой мистерийной религии, давала угнетенному человеку новую надежду. «Посвящение в мистирию Исиды, — описывает в своих „Метаморфозах" Апулей (II в. н. э.), — установлено в уподобление добровольной смерти и дарованного из милости спасения». Благословение богини дает ее избранникам, «которые уже окончили путь жизни и стоят на пороге последнего дыхания... возможность еще раз начать путь к спасению».

Новообращенными вне Египта были преимущественно женщины; веруя в Исиду, они надеялись найти у нее больше понимания своих проблем, нежели у мужских божеств других религий.

На одном из римских храмов Исиды есть надпись, гласящая: «Я емь все, что существует, существовало и будет существовать, и ни одному смертному не приоткрыть моего покрывала». Иммануил Кант заметил по поводу этого откровения: «Возможно, никогда не было сказано ничего более возвышенного и в более возвышенных выражениях, чем в этой надписи на храме Исиды».

### **Как испанские торедоры**

Существуют ли следы матриархата также и в европейской части средиземноморского региона? Наша часть света получила название по имени Европы, финикийской царевны, которую сладострастник Зевс похитил, приняв облик быка, и увез на Крит. Здесь важно подчеркнуть, что наша европейская культура загадочным образом связана с Критом, который можно считать оплотом матриархата как в положительном, так и в отрицательном смысле. Этот чарующий, самый крупный остров Восточного Средиземноморья с его гористым ландшафтом, богатыми оливковыми рощами и виноградниками некогда населяли жители неиндоевропейского происхождения, достигшие весьма высокого уровня цивилизации. Расположен он совсем недалеко от Египта

и, возможно, ему обязан влиянием матриархата \*, который здесь получил дальнейшее развитие.

Одним из последователей и восторженных приверженцев Ж.-Ф. Шампольона, расшифровавшего древнеегипетские письмена, был англичанин А. Эванс (1851—1941). Он поставил целью своей жизни разгадать путем сопоставлений напоминающие иероглифы критские письмена. Его открытия поставили науку о ранней истории Греции на совершенно новую основу. А. Эванс прибыл на Крит в 1899 году из чисто филологического интереса; он хотел найти здесь какие-нибудь древние надписи. Не найдя на острове ничего подходящего ни в музеях, ни у торговцев, он решил сам взяться за лопату и стать археологом.



Фреска, изображающая борьбу с быком, из Кносского дворца (около 1500 г. до н. э.). Легко одетая девушка хватается за рога быка — символ мужской силы в религии Крита. Возможно, картина изображает древнейшую игру-мистерию, когда раз в девять лет богу-быку приносились человеческие жертвы (музей в Ираклионе)

Он думал, что завершит свои исследования за полгода, но остров мифов и загадок продержал его в своем плену еще тридцать последующих лет.

Уже вскоре после начала раскопок из-под слоя почвы в Ираклионе (Кносс) стали проступать первые остатки строений. Прозаически описывает А. Эванс это восторженное мгновение: «Солнце пекло немилосердно, я весь обливался потом». Остатки стен оказались частью громадного дворца площадью 250 000 квадратных метров. «Он был, — пишет А. Эванс, — величиной

\* Между Египтом И Критом были некоторые связи с глубокой древности, но, конечно, основы общественного устройства не заимствуются подобно техническим изобретениям. Кроме того, в данном контексте речь идет о III тысячелетии до н. э., когда нет никаких оснований говорить о матриархате в самом Египте. — *Примеч. отв. ред.*





Критская богиня, укротившая двух змей. Выражение лица, одежда, смело обнажавшая грудь, свидетельствуют о сексуальной свободе; все в этой богине характеризует уровень женской эмансипации на Крите (фаянсовая статуэтка из Кносса, около 1500 г. до н. э., музей в Ираклионе)

с Букингемский дворец». В центре дворца был двор. Вокруг него располагалось множество комнат и помещений, связанных между собой запутанными переходами, которые вызывали мысль о сказочном лабиринте. Чудесные, единственные в своем роде настенные росписи свидетельствовали об удивительно высокой культуре. «Даже наши неграмотные землекопы, — замечает А. Эванс, — ощутили волшебство и очарование этих картин».

Он обратил внимание на присущие не только этим фрескам, но и множеству мелких изделий — печатям и украшениям, обнаруженным во дворце, — «специфично феминистские черты». У женщин был особенно прихотливый наряд: юбка из пестро расшитой ткани с разрезом впереди, узкий лиф с поясом и нечто вроде блузы, смело обнажавшей грудь. Одежда мужчин контрастирует с одежаниями женщин; на фресках они, подобно рабам, изображены лишь в облегающих бедра передниках.

На росписи главной дворцовой стены изображены две девушки и мальчик с быком. Они с артистической ловкостью перепрыгивают через буйного зверя и приземляются позади него.

«Прыжок через быка, — констатирует А. Эванс, — олицетворяет неистовый экстаз, характерный именно для религий, где почитают материнские божества». Немецкий историк культуры Э. Корнеман пишет: «Кто однажды стоял перед настенными росписями критских дворцов с изображениями массовых сцен, где женщина показана в различных ситуациях на равных правах с



а



б

Оттиски критских печатей изображают, как это характерно для матриархата, лишь женские божества. Мужчины совершенно исключены из здешнего культа. а) Горная богиня из Кносса стоит на горе, с двух сторон от нее — свирепые львы. б) Богиня-мать с детьми. У богини-матери — плоды граната, у дочерей — цветы, во всем остальном между ними нет отличий (оттиск печати из Микен, около 1500 г. до н. э.)

мужчиной и, больше того, можно увидеть, как женщины сами в мужской одежде, с одним передником на бедрах активно участвуют в религиозных играх с быком или каких-то гимнастических празднествах, тому уже давно ясно, что здесь жил своей жизнью мир, отличный от тех поздних времен греческой классики, когда женщине под страхом смерти запрещалось смотреть на состязания обнаженных мужчин в Олимпии».

Важным торжеством на матриархальном Крите \* были бои быков. Первоначальное жертвоприношение девственниц местному богу-быку, которого звали Минотавром, заменялось, таким образом, спортивным праздником; сам бык оказывался побежден и приносился в жертву. Минотавр, бог-бык, представлялся древним обитателям Крита в виде существа с телом мужчины и с головой быка. В греческих мифах такие смешанные существа указывают на принадлежность к первобытному миру, как, например, кентавры: полулошади, полулюди — чудища ранней древности.

\* Очевидно, под влиянием работ А. Эванса в европейской историографии в довоенный период были распространены представления о «критском матриархате». В советской науке концепция господства на Крите матриархата была решительно отвергнута уже в ходе известной дискуссии в Академии наук в конце 30-х годов (см. отчет о дискуссии в «Вестнике древней истории». 1940, № 2). — *Примеч. отв. ред.*

Обычно бык в мифе олицетворяет собой — так было и в Египте, и в Месопотамии — всепобеждающее мужское начало. На Крите он оказался побежден женским началом. Минотавра можно считать потомком той самой Европы\*, которую Зевс, принявший облик быка, увез на Крит и оплодотворил. В доисторические времена бык требовал человеческих жертвоприношений, позднее сам бык стал излюбленным жертвенным животным.

Существуют ли доказательства, что на Крите царил матриархат? Платон и Плутарх утверждают, будто критяне называли свою страну не отечеством, землей отцов, а землей матерей. Культовыми церемониями на острове руководили исключительно жрицы. Мужчины, исполнявшие подсобные обязанности, должны были носить женскую одежду; вероятно, они, подобно жрецам Исиды, были кастрированы. Бросается также в глаза, что женских божеств на Крите было существенно боль-



Насколько распространилось критское влияние, свидетельствует эта резьба по слоновой кости из Угарита (около 1500 г. до н. э.). Ханаанская богиня плодородия носит здесь типично критское платье «без верха»; в руках у нее два пучка колосьев, к которым тянутся два козла

ше, чем мужских. На свободу женщин указывает также их платье.

К сожалению, критская письменность, ради которой А. Эванс приехал на остров и поискам которой отдал столько энергии, до сих пор окончательно не расшифрована, так что многое здесь для нас остается все еще загадкой.

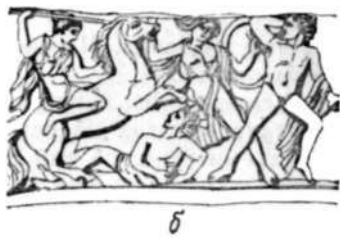
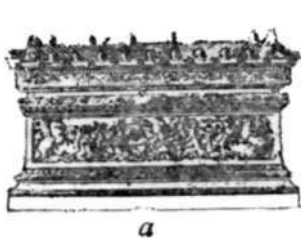
\* Согласно греческим мифам, сыном Европы от Зевса был царь Минос. Минотавр был сыном жены Миноса от быка, посланного на Крит Посейдоном. — *Примеч. отв. ред.*

## Существовали ли амазонки?

Существовало ли на самом деле воинственное племя женщин-амазонок, рассказы о них или как и рассказы о критском Минотавре — лишь плод неисчерпаемой фантазии греков? Со времен Гомера поэты неоднократно упоминали о храбрых женщинах. Гончары изображали их на рисунках ваз, а ваятели — в виде мраморных статуй. Четыре великих скульптора — Фидий, Поликлет, Кресилай и Фрадмон — создали для храма Артемиды в малоазийском городе Эфесе прекрасные статуи одногрудых героинь; сохранились лишь многочисленные копии этих статуй. Каждый художник изобразил их по-своему, но ни один не увидел в них извращения женской сути, тщеславия или жестокости; они восславили их как опору богини Артемиды.

Согласно легендам, эти радикальные феминистки лишь раз в год вступали в общение с мужчинами соседних племен, чтобы продолжить свой род. Они воспитывали только женское потомство, выжигали девушкам правую грудь, чтобы не мешала натягивать тетиву лука, и готовили их — как спартанцы мальчиков — только к воинским подвигам. Название «амазонки» означает искаженное «безгрудые». С этим отважным, смелым племенем женщин приходилось вести нелегкие сражения даже таким величайшим героям, как Тесей, Геракл, Ахилл, наконец, будто бы и сам Александр Великий.

По мнению некоторых ученых, в царстве амазонок женщины достигли высшей степени власти и эманси-



Согласно легендам, самую тяжелую битву Александру Великому пришлось выдержать против храбрых женщин-воительниц на севере Малой Азии; это событие изображено на саркофаге. а) С тех пор битва с амазонками стала излюбленной темой изображений на эллинистических саркофагах (музей в Стамбуле). б) Сцена с амазонками (музей в Хайфе)



Амазонка с копьем (?). Копия мраморной статуи великого греческого скульптора Фидия (V в. до н. э.). На ней коротко подобранный хитон, правая, вырезанная грудь прикрыта. Лицо амазонки выражает печаль пленницы, но не упорство мужеподобной женщины (римская копия из Ватиканского музея)

пации; но другие отвергают даже саму возможность реального существования таких государств, видя здесь лишь порождение фантазии, миф, «в котором метафорически сконцентрировались представления об ужасных мужеподобных женщинах, их чувственности и кровожадности, сексуальные и смертоносные ассоциации». Э. Корнеман возражает на это: «Нет никакого сомнения, что дошедшие до нас через греков легенды об амазонках именно в той «упорядоченной» форме, какую им придали греки, представляют собой не что иное, как сохранившийся в мифах и ими усиленный отзвук миновавших времен, когда женщины занимали более высокое положение и когда существовал культ богинь-женщин». Современные этнографы утверждают, что легенды об амазонках содержат зерно исторически достоверной реальности.

Платон требовал, чтобы в идеальном государстве девушки тоже обучались верховой езде и искусству владения оружием, ссылаясь при этом на сарматов, «у которых, как мы знаем, женщины скачут на лошадях, умеют обращаться с луком и воевать». Пренебрегать женщинами — значит не использовать половину сил государства. Отголоски воспоминаний о войске амазонок, по свидетельству греческого историка Нико-

лая Дамасского (I в. до н. э.), можно было встретить еще у современных ему балканских народов; во время сражений позади их воинов находились женщины, которые криками воодушевляли мужчин и осыпали оскорблениями тех, кто хотел обратиться в бегство, не давая им этого сделать. Когда спартанцы в 510 г. до н. э. покорили город Аргос и в нем не осталось мужчин, способных носить оружие, организатором сопротивления стала поэтесса по имени Телесилла, обычно руководившая хором женщин. Из этих женщин она создала войско и спасла пленных мужчин. В память об этом в Аргосе ежегодно устраивались праздники, на которых мужчины и женщины менялись одеждами.

На Кавказе, там, откуда, согласно Гомеру, происходили амазонки, этнографы в конце XVIII века обнаружили воинственные объединения женщин, имевших матриархальную организацию. В долине Терека в погребениях возле останков женских тел было найдено оружие. Другие погребения «амазонок» обнаружили археологи в Туркменистане, Узбекистане и в Киргизии. Этнографам известны многочисленные племена в Африке, да и в южной части Синайского полуострова, у которых существуют исключительно «женские шатры», куда мужчины лишь иногда навещаются в качестве гостей. В Саудовской Аравии обитает бедуинское племя, где женщины могут ругать своих мужей и даже бить их, а мужчины не могут защищаться или грозить, что прогонят женщину. И это в стране, в которой в городах доходящие до крайности исламские законы принуждают женщину жить в затворничестве, закрывать лицо и во всем подчиняться мужчине.

Для греков существование в древности такого самостоятельного женского царства не подлежало сомнению; на истории их культуры, их религиозных представлениях, их легендах и мифах в немалой степени сказалась легендарная борьба греческих героев против амазонок. Современной археологии, однако, до сих пор не удалось обнаружить остатки их далекого царства.

Что значат легенды об амазонках для современного человека? Государство амазонок исчезло, как сон на утренней заре человечества, но как незабываемо прекрасный сон. Так, победителю Ахиллу вдвойне прекрасной

показалась в миг своей смерти царица амазонок Пен-тесилея, которая сражалась на стороне троянцев; лишь в умирающей открылась ему вся ее женская прелесть. Легенда, однако, утверждает, что амазонкам пришлось признать в победоносных героях превосходство мужской силы. Не было ли царство амазонок, доведенное до неестественной крайности женское общество, ответом на такую же крайность мужского общества?

## 2. БОГИНЯ-МАТЬ

### Богини с птичьими лицами

«Искусство и религия,— пишет американский археолог Р. Брейдвуд,— с самого начала неразделимо связаны». Древнейшие идолы из пещерных погребений мустьерского времени, принадлежали третьему из четырех известных нам типов человека, предшествовавших человеку современному: это кроманьонец, который появился около 40 000 лет назад и вытеснил или истребил неандертальца. Этот новый человек, как показывают сделанные им рисунки, найденная в пещерах живопись и предметы искусства, наделен был немалыми способностями к искусству и — согласно Р. Брейдвуду — также религиозным даром. Говоря об идолах, мы имеем в виду более или менее обработанные предметы, изображающие животных или людей, сделанные из камня, кости, дерева, глины и другого материала, до 20 сантиметров величиной. Они представляют собой древнейшие объекты магии и религиозного поклонения.

Фигурки, найденные в древнейших поселениях Восточного Средиземноморья, изображают женщин с абстрактно-чувственными, как бы раздутыми формами. Затем фигуры становятся стройнее, моложе и, главное, загадочнее. Индивидуальные черты, особенно черты лица, совершенно не выявлены. Зато груди и нижняя часть тела усиленно подчеркнуты; пол представлялся художнику единственно существенным как порождающая, умножающая, питающая природная сила.

Сила эта божественная, ибо из обоих тел, из тела земной и из тела неземной матери, исходит жизнь, оба они обеспечивают дальнейшее существование семьи,



рода, племени. Дети и урожай представляются даром сверхъестественным.

Характерной чертой для женских идов древнейшего периода является лишь едва намеченная голова, напоминающая голову пресмыкающегося или птицы, но не имеющая никакого подобия с человеческим лицом. Сходство с рептилией должно напоминать о существе, обитающем под землей, сходство с птицей — о существе, живущем в воздухе. Древнее представление о сверхъестественных существах — богах с человеческими телами и головами животных — сохранялось в Египте.

Греки изображали крылатых духов ветра, гарпий, в виде женщин с птичьими лицами; представления, однако, изменились, и они символизировали уже не благодатную силу, а, наоборот, силу, появляющуюся внезапно и несущую несчастье. Иначе было у греков малоазийских колоний, испытавших сильное влияние местных народов. Они украшали плащ матери-земли Деметры фигурами животных, а на кайме изображали женщин в масках различных животных, в том числе с птичьими головами.

Для более позднего периода характерны изображения женщин в полный рост или торсы, выполненные с



Заплывший жиром идол плодородия с абстрактно-чувственными тучными формами сверхъестественных объемов относится к эпохе неолита; такие статуэтки находили в разных местах по всему миру. Период примитивной жизни человека имел повсюду разную продолжительность. В Египте и на Переднем Востоке неолит закончился в IV тысячелетии, а в Центральной Европе — во II тысячелетии до н. э. (музей в Тель-Авиве)



Фараон Сети I демонстрирует свою тесную связь с богиней Хатхор. Их руки сплетены, как у любовной пары, а правой рукой он касается «менаты» — ожерелья на шее богини, которое одновременно воплощает половое желание (настенная живопись из гробницы Сети I в Долине царей)

замечательным художественным мастерством. В Уре, шумерском городе-государстве (III тысячелетие до н. э.), это стройные, стоящие женщины, в Финикии и Малой Азии — еще и беременные. Многочисленные торсы, найденные в Ханаане, свидетельствуют, что главное внимание их создатели уделяли не нижней части тела, а большим грудям кормящей матери, которые поддерживаются обеими руками.

Из пышных грудей неземной матери капает роса, дождь и молоко; тело матери-земли источает мед и жир. Все земледельческие народы упоминают молоко и мед или же молоко и жир в своих молитвенных обращениях к небесным силам. К еврейским пастушеским племенам вновь и вновь обращается призыв бога: «Плодитесь и размножайтесь», а для поселения им обещана земля, где «текут молоко и мед». Археологи были поражены, обнаружив на родине пророка Амоса, обрушившего суровые слова гнева против культа быка, царившего в соседней Самарии, глиняные торсы пышных женщин с открытой грудью, которых он не упомянул ни словом.

В 1961—1967 годах английский археолог К. Кеньон обнаружила в Иерусалиме и его окрестностях фрагменты глиняных фигур. Она пишет: «При раскопках наряду с сосудами нами были найдены главным образом обломки мелких скульптур, изображавших материнское божество. Они явно были связаны с культом

плодородия. Изображения, олицетворявшие богиню-мать, имели цилиндрическое тело, расширяющееся книзу, руки были соединены под грудями. На голове иногда имелась напоминающая парик четырехугольная прическа; иногда, особенно в Иерусалиме, у них искаженные птицеобразные черты лица. Полных образцов этой мелкой пластики найдено не было. Возможно, это свидетельствует о том, что скульптуры были умышленно разбиты в культовых целях».

На самом деле их не разбивали, но во время сева «приносили в жертву» богине земли, чтобы, войдя в земное лоно, они своей могучей порождающей силой способствовали его плодородию.

Наряду с одиночными, подчеркнута сексуальными фигурами вскоре появляются также идолы, изображающие мать с ребенком. Древнейшая известная всем статуэтка богини-матери была обнаружена в Тене-Гавре, ей около семи тысяч лет. Американский археолог А. Дж. Тоблер, осторожный во всем, что касалось религий, истолковал ее как фигуру для игры, нечто вроде шахматной королевы. А. Дж. Тоблер нашел в Тене-Гавре лишь одну-единственную мужскую фигурку, все остальные, — а их довольно много — изображали женщин. У древнейших изображений богини-матери змееобразное лицо, иногда ребенок, сидящий на ее руках, своими растопыренными ногами по-змеиному обвивает

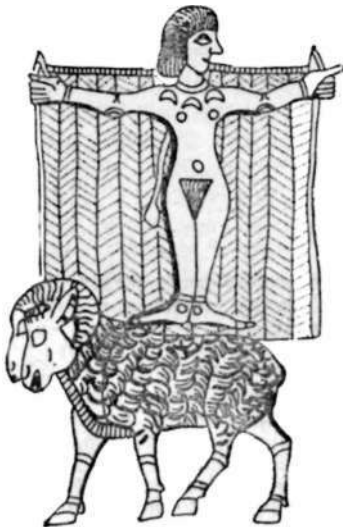


Мать, кормящая дитя, вероятно, Иштар. Такие маленькие статуэтки находили в храмах, но еще больше — в домах. О назначении этих фигурок можно лишь строить предположения. Это очень древний мотив; в самых общих чертах можно только сказать, что статуэтки, видимо, способствовали рождению ребенка (место находки — Урук)



В древнейших мифах власть божества связана со львами. Иногда божество стоит около льва, иногда — на льве. На этом изображении хурритская богиня Хебат со своим сыном Шаррумой движутся навстречу богу погоды Тешубу, чтобы заставить его дать дождь людям и земле (наскальный рельеф из Язылыкская, Государственный музей, Берлин)

ее тело. Змея уже в первобытных представлениях, оканчивается, связывалась с плодородием! Должны ли были эти фантастические существа со змеиными лицами или же с головами рептилий и птиц олицетворять некие демонические силы? «Отнюдь», — отвечает профессор Р. Брейдвуд. — Первобытный человек просто боялся творить божество совсем уж по своему подобию». Но нельзя ли тогда сделать вывод, что людьми, творившими образ этого божества были женщины? Они изображали тело божества подобным собственному телу — но



В пастушеские времена богинь ассоциировали не со львами, а с баранами. Хеттская богиня, совершенно обнаженная, простирает свое магическое покрывало над животным, чтобы принести плодородие всему стаду (с золотой чаши из Хасанлу, около 1150 г. до н. э.)

не голову, вместилище разума и духа; дух божества превосходил человеческий.

В эпоху перехода к патриархату особое значение приобрела не дихотомия матери и ребенка, но триада: как составляли единство небо, земля и воздух, так должны были составлять единство мать, женщина (как таковая) и дочь. В греческой мифологии таковы Рея (праматерь), Деметра (женщина) и Персефона (ее дочь). И лишь позднее в эту триаду добавляется четвертый, мужской элемент.

Р. Брейдвуд пишет: «Обращает на себя внимание, что появляющиеся к 8500 г. до н. э. глиняные женские статуэтки, которые мы находим в Джармо и других древнейших земледельческих поселениях, изготовлялись уже серийно, как массовая продукция, что позво-



Фрагменты идолов плодородия, на которых так обрушивались пророки, были найдены и близ Иерусалима, причем относились они к VIII—VII вв. до н. э. Эти маленькие амулеты земледельцы, по ханаанскому обычаю, разбивали и зарывали в засеянную землю (по У. Олбрайту и К. Кенъон)

ляет сделать вывод о большом спросе на них и о широко распространившихся религиозных чувствах».

Это раннее религиозное чувство, видимо надолго сохранившееся, нашло первоначальное выражение в идолах, изображавших женщину, материнское божество, а не в охотничьих фетишах мужчин — символа льва, быка, орла и солнца. Как произошло, что именно у женщин — об этом говорят археологические находки — возникло религиозное ощущение, потребность в религиозном познании, а значит, и в почитании высшего существа? Такое почитание предполагает преданность, обязательства, отказ от самого себя, подчинение, более того, тотальную зависимость живого существа от объекта поклонения. Происхождение слова «религия» от латинского «*religare*» (быть связанным с богом) вполне отвечает этому представлению. Религиозные чувства женщины на ранней стадии природной религии пси-

хологически связаны с первоначальным ядром ограниченного семейного сообщества; женщина и ее дети образуют центр универсума, и как мать готова на все ради бескорыстной заботы о детях, так беспредельна забота матери-земли о своих земных детях.

В Греции и греческих колониях, как и на древнем Востоке, было найдено больше статуй богинь, чем статуй богов, больше изображений Артемиды, чем Ареса, бога войны, решающего судьбы людей. У мужчины в центре религиозной картины мира стоит не семья, мистическая или реальная, как у женщины, а некое сверхъестественное государство, которым может править лишь верховный бог-отец с помощью силы и законов.

Первобытные женщины не заботились о масштабности; все материнские божества, найденные в Плодородном полумесяце между Джармо и Иерихоном и относящиеся к раннему периоду оседлости, — это маленькие глиняные статуэтки, высотой от 5 до 25 сантиметров. Они не предназначались для поклонения в храме. Первая культовая статуя в «натуральную величину» обнаружена в Мари.

### «Дарующая воду» из Мари

Однажды летним вечером 1933 года караван, находившийся в пути между Мосулом и Дамаском, остановился близ холма Телль-Харири (древнее название этой местности — Мари), чтобы выкопать могилу одному бедуину, скончавшемуся в дороге. По обычаю мусульман, покойник должен быть похоронен еще в день смерти до захода солнца. Вдруг лопаты землекопов наткнулись на какое-то тело, которое уже было зарыто здесь прежде. Опасаясь обвинения в убийстве, они заявили о своей находке ближайшему чиновнику. Тогда вся эта область находилась под французским управлением.

Недоверчивый французский чиновник усомнился в словах чужаков, показавшихся ему подозрительными, и решил сам удостовериться во всем на месте. Первые же обследования показали, что речь идет вовсе не об убитом; здесь, под холмом, была погребена хорошо сохранившаяся мраморная статуя женщины в человеческий рост. Колониальный чиновник подробно телеграфировал о находке в Париж. Через несколько месяцев

министерство прислало в Мари комиссию во главе с известным археологом А. Парро.

Тридцать лет спустя А. Парро говорил по завершении своих тринадцатых по счету раскопок, что смог раскрыть лишь малую часть города, обнаруженного благодаря этой женской статуе. Этот город находился в своем полном расцвете уже 4000 лет назад, в середине XVIII в. до н. э. он был покорен амореями и с тех пор больше не играл никакой политической роли. В додинастическую эпоху в Мари существовали только святилища женских божеств, таких, как Иштар, Иштаран, Нинхурсаг, Нинни-Заза. В династическую эпоху к ним добавились два государственных мужских божества — Даган и Шамаш, которые, однако, не могли вытеснить популярные женские божества.



Первая большая фигура богини была найдена в Мари (середина XVIII в. до н. э.). Из сосуда, который она держит обеими руками во время богослужения, лилась по специальному желобу священная вода. Высота этой «дарующей воду» — 1,5 метра (по А. Парро)

«Внезапно, — пишет А. Парро в отчете о своей первой экспедиции, — из раскопа впервые показалась женская фигура в натуральную величину, а не одна из тех многочисленных статуэток матери-земли величиной с ладонь, какие находили до сих пор». Шесть участников французской археологической комиссии с гордостью решили сфотографироваться рядом со статуей великой богини, чей возраст насчитывал 3500 лет.

В прессе эта история вызвала сенсацию. Горделиво и подробно описывает французский ученый открытую им статую: «Глазницы ее пусты, нос разбит. Остается улыбка, ямочка на подбородке и нежность тонко моделированных щек. Овал лица, немного сплюснутый массой божественного шлема, обрамлен, словно меховой опушкой, косами. Обеими руками богиня наклоняет сосуд, из которого благодаря хитроумному устройству при необходимости льется вода плодородия. Она струится по складкам одежды и как бы включает статую в свое движение».

Совершенно плененный этой скульптурой, А. Парро был убежден, что она первоначально была раскрашена, ее одеяние отделано золотом, глаза инкрустированы драгоценными камнями и подчеркнуты битумом. «Несмотря на пустые глаза, она вся еще — улыбка и очарование!»

Кто была эта богиня? А. Парро удалось в конце концов узнать из надписи ее имя. Ее звали Иштар, и это была не богиня земли, а богиня, дарующая воду, — свидетельство более высокой ступени культурного развития. На стенной росписи дворца в Мари, которую А. Парро назвал «фреской инвеституры»\*, такая же богиня, особо выделенная, изображена рядом с царем Мари, Зимри-Лимом (XVIII в. до н. э.). Стенная роспись относится ко времени, когда царская власть в Мари, а значит, и патриархальные порядки находились в самом зените.

Казалось бы, у царя скорее должно было возникнуть желание увидеть себя изображенным рядом с богом-отцом, нежели с богиней-матерью: это вполне соответствовало бы отцовскому праву, принятому у его рода. Бог-отец, как царь-царей, мог бы олицетворять собой идеи, законы, принципы, порядок, он одновременно был богом войны и богом мести, он мог строго руководить и править не только своим народом, но и всеми народами мира. Однако, несмотря на изменившуюся общественную структуру, царь Зимри-Лим повелел изобразить себя не с богом-отцом, а с богиней-матерью, символизировавшей не суровый принцип порядка, а всеобъемлющее благословляющее начало. Вода, кото-

\* То есть фреской, изображающей сцену вручения царю символа власти. — *Примеч. отв. ред.*



рую она выпускает из облачных шлюзов на землю, несет благодать на поля царя и нищего, самого могущественного и самого слабого.

А. Парро обнаружил и откопал также храм богини. «Он был построен по образцу жилого дома, какой и подобало иметь женщине. В просторном дворе, на небольшом отдалении от входной двери, — как раз в том месте, где в древней Месопотамии обычно был расположен очаг, символ женского начала, — находился подиум». Кувшин для воды, который богиня держит в руках, был соединен с источником, и во время каждого праздника — вероятно, это был праздник набирания воды» — из кувшина обильно текла вода, в которую верующие погружали свои пальцы. Вода, несущая жизнь, — вот чему был прежде всего посвящен ее культ.

Вода, которую дарила людям богиня, обеспечивала процветание земледелия, она означала обилие еды и более высокий уровень жизни. Отказ богини дать воду нес с собой лишения, голод и нужду. Кувшин для воды был ее символом и также символом женского начала.

Забота о воде была в ту пору — и остается на Востоке до сих пор — исключительно обязанностью женщины. Для своих полей и для домашних потребностей женщины с большим трудом носят воду в кувшинах от источника или колодца на плече или на голове иногда очень издалека. У греков приносить воду тоже было обязанностью женщин, и обязанностью тяжелой. Согласно мифу, сорок девять дочерей аргосского царя Дана в наказание за убийство своих мужей должны были в загробном мире день и ночь непрестанно наполнять водой сосуд с продырявленным дном. Его называли «бочка Данаид».

Насколько может стать привычным даже сизифов труд, свидетельствует одна современная газетная заметка. Для живущих в затворничестве женщин-мусульманок носить воду — не только тяжелый труд, но и радостное событие, повод поболтать. В одной небольшой деревне на севере Ирака женщины разрушили современный колодец, который правительство устроило в центре деревни и который лишал их удовольствия встречаться по утрам и вечерам у колодца за околицей, где можно было поговорить — это было единственным, что разнообразило их замкнутую жизнь.

Не приходится удивляться, что для всех народов древности, а не только для обитателей Мари вода, эта

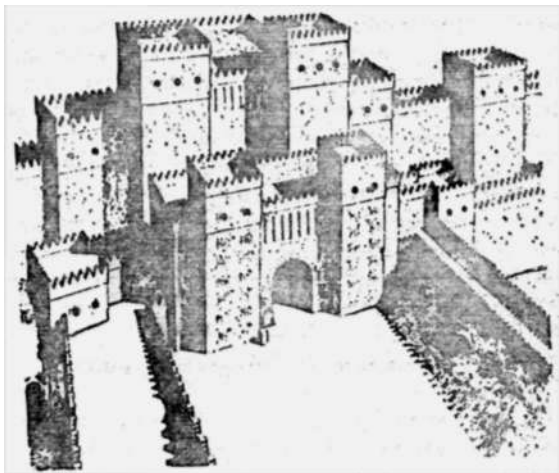
важная первооснова жизни, была связана с женским божеством. В Египте почитали Хекет — богиню дарующую жизнь воды; в Персии ее звали Анахит (Анаит); в Греции каждый источник был связан с особой богиней. В каждом что-то бормочут русалки. Солнечные пятна танцуют на трепещущей поверхности воды. Манящая музыка тихо поднимается из глубины. А там, где источники молчат, откуда изгнаны русалки, там бормочет, журчит выбивающаяся из земли вода — лишь женщины, что приходят сюда с кувшинами, понимают ее язык.

### **Вавилон, «великая блудница»**

После того как в 1786 году ботаник Мишо привез в Париж из путешествия по Востоку камень, покрытый рельефными магическими знаками, многие западные ученые, прежде всего французы и англичане, предпринимали попытки найти упоминаемый в Библии, но исчезнувший с лица земли знаменитый город на Евфрате — Вавилон. Арабы, к которым исследователи обращались в надежде услышать древние предания здешних мест, знали только, что аллах в гневе своем развеял по ветру остатки этого греховного скопища, не оставил даже камня на камне.

В 1842 году французский консул в Мосуле П. Э. Ботта (1805—1870) первым воткнул здесь заступ в холм, положив тем самым успешное начало археологическим исследованиям в Передней Азии. За ним последовал англичанин О. Лэйярд (1817—1894). Французские консулы Френель и Э. де Саргек попытались с помощью раскопок в 1852 и 1877 годах точно определить местонахождение Вавилона. В 1889 году в поиски включились два американца, Питерс и Хайнес, и, наконец, немецкий ученый-археолог Р. Кольдевей (1855—1925). Именно Р. Кольдевею удалось обнаружить Вавилон в 80 километрах к северу от Багдада.

2 октября 1898 года Р. Кольдевей сообщил друзьям (взяв с них слово держать это в секрете), что они по поручению Германского общества ориенталистики планируют экспедицию для раскопок Вавилона. Предполагаемые издержки — 500 000 марок. Продолжительность экспедиции — пять лет. В действительности она потребовала восемнадцати лет (1899—1917). В его первом отчете звучат авантюристические нотки: «Я взял за



Ворота Иштар в Вавилоне при Навуходоносоре II. Они были покрыты голубым фаянсом и украшены изображениями сказочных зверей. Здесь в праздник Нового года начиналось шествие верующих, собравшихся на торжество «священного брака» (по Р. Кольдевею)

обыкновение сначала стрелять в раскопанные шахты и туннели, чтобы разогнать разную нечисть вроде сов, гиен и всякого сброда». «Сбродом» были разбойники пустыни, грабители могил, которые использовали древние своды как укрытия.

Уже после четырнадцати дней раскопок Р. Кольдевей наткнулся на первые остатки городской стены. Она имела 18 километров в длину, а ее ширина в некоторых местах достигала 12 метров, и со своими 360 сторожевыми башнями она была сильнейшей крепостью древнего мира. Кроме того, центр города был защищен двойной внутренней стеной. Этот громадный, «достойный изумления» город, возвышавшийся как символ блеска и нищеты, был основан за 4000 лет до нашей эры; в XVIII в. до н. э. при царе Хаммурапи он пережил эпоху своего первого расцвета, около 570 г. до н. э. при халдейском царе Навуходоносоре II — пору своего второго расцвета. Навуходоносор существенно расширил город, украсил его дворцами и ступенчатыми храмами. К югу от главного дворца, на берегу Евфрата, находилось святилище бога Мардука, — Эсагила с зиккуратом (ступенчатой башней) Э-темен-анки, которая, по словам Биб-

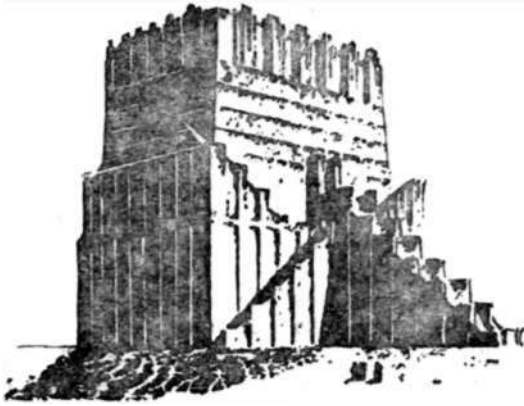
лии, достигала небес. «Э-темен-анки» означает «Дом краеугольного камня неба и земли».

Согласно подсчетам Р. Кольдевея, башня достигала 90 метров высоты, такой же была и длина ее основания. Сегодня такая постройка вряд ли вызвала бы восхищение, но когда-то она воспринималась как воплощение величайшей человеческой дерзости.

Неуклюжее сакральное сооружение с голубой облицовкой из глазурованных кирпичей венчалось блиставшим на солнце золотым изваянием Мардука; если верить Геродоту, оно было все из чистого золота и весило 23 500 килограммов. Согласно фольклорной позднениудаистической легенде, на вершине башни вавилоняне поставили идола, который поднимал к небу меч, будто хотел сказать: «Бог не вправе оставлять верхний мир одному лишь себе, а нижний отдавать нам. Мы намерены сразиться с богом и отвоевать у него лучшую долю».

Главным празднеством у вавилонян был праздник Нового года. В этот день Мардук решал, кого из людей занести в книгу жизни, дать ли обитателям земли на будущий год дожди или засуху, войну или мир, будет ли царь править еще год. Этот день определял судьбу людей и страны. Во время этого праздника, который назывался также «праздник восшествия на трон», поскольку в этот день Мардук одолевал всех богов-соперников и воцарялся в пантеоне, царь вавилонский (а также его наместник) должен был пройти через церемонию унижения перед изображением бога в храме. Жрец приказывал ему преклонить колени, забирал у него знаки власти и заставлял каяться в грехах. При этом жрец подвергал царя бичеванию. Под конец церемонии он возвращал царю знаки власти.

На восьмой день праздника народ, прибывший в Вавилон со всех концов страны, собирался у ворот Иштар и двигался к храму по главной улице, «дороге процессий». Эта улица, подобно ущелью, окружена была голубыми высокими стенами, глазурованные кирпичные рельефы которых изображали 120 львов, священных животных Иштар. Началом этой великолепной улицы были ворота Иштар. Они напоминали триумфальную арку и были украшены изображениями 575 быков и драконов, символов Мардука. Желаящий сегодня представить себе эти ворота может посмотреть их удачную реконструкцию в Берлинском музее. Они относятся



Изучив остатки фундамента Вавилонской башни и сохраняющиеся описания, открывший ее Р. Кольдевей сделал рисунок «легендарного небоскреба», который, согласно Библии, «достигал небес». В верхнем его этаже в праздник Нового года, видимо, совершался «священный брак» (по Р. Кольдевею)

примерно к 1000—500 гг. до н. э. Во главе вавилонского пантеона тогда стоял бог-отец, царь царей, а его вступление на престол праздновалось как начало года. Однако это могло происходить лишь потому, что он сочетался «священным браком» с материнским божеством.

Иштар почиталась как главное женское божество вавилонян. Она была утренней звездой — богиней войны и вечерней звездой — богиней любви. В день, когда праздновался Новый год и восшествие на престол царя, ее славили как богиню любви и главное действующее лицо «священного брака».

Все, кто прибывал к воротам Иштар из ближних и отдаленных мест страны, несли ее статуи и дары для нее. Р. Кольдевею это напомнило его ранние впечатления: «Я однажды видел, как в портале храма в Сиракузах 40 человек вынесли, высоко подняв над толпой, носилки со сделанной из серебра статуей девы Марии высотой больше человеческого роста, в торжественном убранстве, кольцах, драгоценных камнях, золоте и серебре, как ее несли в сады в торжественной процессии при звуках музыки, молитв и песнопений. Примерно такой же представляется мне и процессия в Вавилоне».

Процессия изображала торжественное шествие не Иштар, а Мардука.

Среди остатков кирпичных стен и башен Р. Кольдевей обнаружил первый заслуживающий внимания символ патриархата, мужского господства над женским божеством земли: знаменитых вавилонских львов, стоящих над фигурой лежащей женщины.

В верхнем этаже зиккурата имелось маленькое культовое помещение с одним лишь столом и ложем. Здесь жрица целый год ждала появления бога Мардука, который мог днем или ночью ощутить желание навестить «приготовленную постель». В великий праздник Нового года эта жрица должна была уступить свое место более высокой персоне, которая сочеталась здесь «священным браком» с царем или с его представителем. Подробности неизвестны; они окружены были строгой тайной. «Божью невесту» назначал оракул, она принадлежала к царскому дому или же к «высшему обществу». Многие цари, от Саргона до Набонида (последнего вавилонского царя), желали, чтобы для церемонии были избраны их дочери.

Что происходило в священном брачном покое, мы не знаем, нам известно только, что ни одна жрица никогда не оказывалась беременной. Не оплодотворение, а только лишь торжественный половой акт призван был обеспечить благословение богов.

Половое слияние было в этом культе возведено в ранг священного действия первостепенной важности. Представление древних религий, будто боги подобны людям также и в любви, и в половых желаниях, обеспечили сексуальному мотиву важное место в культе.

Пока царь поднимался в брачный покой на вершину зиккурата, хор жриц пел: «Жених, возлюбленный мое-



Изображения любовных актов с храмовыми прислужницами рассматривались как талисманы, которые обеспечивали обретение детей.

го сердца, велика твоя красота, сладка твоя любовь, львиная сила в чреслах твоих. Приди, о, приди, введи меня в покой, подари мне твою ласку. Бог мой, господин, мой заступник, мой Шу-Суэн, радующий сердце Энлиля, о, прошу, подари мне ласки твои».

Народ вместе с низшими жрицами Иштар, иеродулами, завершал акт бракосочетания божественной пары оргиями в «Доме любви». Культовым бракосочетанием бог или царь обеспечивали земле плодородие, процветание семьям, приплод животным.

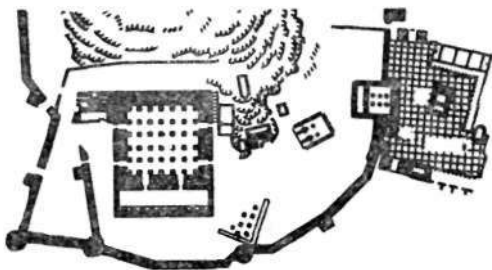
В торжественных одеждах, в благоговейном молчании поднимался паломник, имевший такое право, на возвышение, где стоял алтарь любви, и ощущал в себе, человеке, бога. Лишь с течением времени то, что первоначально было священным ритуалом плодородия в день величайшего праздника, оказалось низведено до проституции, приносящей доходы храму.

### Элевсинские мистерии

«Священный брак» был важнейшим праздником плодородия не только у вавилонян, но и у ассирийцев, хеттов, ханаанеян, греков, египтян и — как свидетельствует «Песнь песней» — также у древних евреев. Английский этнолог Дж. Дж. Фрэзер (1854—1941) отмечает, что похожий праздник можно наблюдать и у некоторых современных ему народов: «Есть много примитивных племен, для которых не существует различия между естественным и сверхъестественным, которые видят в своих жрецах и жрицах, колдунах и колдуньях воплощение божества и которые обеспечивают земле плодородие с помощью торжественного полового акта».

Еще Гомеру был известен миф, согласно которому Деметра, богиня земли, богиня-мать, на трижды вспаханном поле принимает в свои объятия Иасиона, духа неба и дождя, и от этого союза рождается чудесное дитя, Плутос. «Плутос» по-гречески означает богатство, в том числе и земное изобилие. У Гомера богиня и Иасион сплетаются в долгих объятиях. О том же говорит и Эсхил: «Пашня (Деметра) томится мечтой о слиянии. Любвеобильное небо (бог небес) льет дождь на землю и оплодотворяет ее. И она рождает обильный корм для скота и хлеб для людей (богатство)».

В Элевсине, который был центром культа Деметры,



Храмовой комплекс Деметры в Элевсине

ее бракосочетание торжественно отмечалось «в месяц посева», осенью, тайными ритуалами, служившими плодovitости человека и плодородию природы. В этот день статую богини украшали, как юную невесту, и в торжественной процессии несли через весь город до святилища, где приготовлено было брачное ложе. При потушенных факелах верховный жрец Зевса вступал в занавешенное помещение. Перед этим он должен был с помощью особого напитка вызвать извержение семени. Спустя некоторое время верховная жрица Деметры, которую молящиеся дожидались, затаив дыхание, появлялась перед завесой и показывала колосья, которые она — как верил народ — мгновенно зачала и тут же родила. Верховный жрец Зевса восклицал: «Вот благословенный мальчик, сын бога, которого родила мать хлебов». Позднее, на рубеже эпох, мифологическое мышление переосмыслило «священный брак»: теперь его результатом было рождение не зерна, а воплощенного сына божия, спасителя мира.

Остатки знаменитого святилища элевсинского культа и мистерий были раскопаны греческим Археологическим обществом в 1882—1890 годах в районе нынешней деревни Левсина, в 22 километрах к северо-западу от Афин. Сооруженный в 600 г. до и. э. квадратный колонный зал, окруженный местами для сидения, мог вместить свыше 3000 молящихся, точнее, свыше 3000 посвященных в мистирию. Место это на берегу залива изумительно по красоте. «Еще и сейчас, — пишет один археолог, — каждый, кто хоть немного знает греческую мифологию и обладает исторической фантазией, взглянув на ночной, точно увиденный во сне пейзаж, вдруг словно чувствует себя участником колдовской мисте-



рии, когда горы и залив вторили восторженным напевам, а воды у берега отражали свет тысяч факелов, которые несли паломники».

В центре святилища стояли на возвышении культовые изображения двух богинь, Деметры и Кора (Персефоны). «Кора» по-гречески означает «девушка, дочь». Деметра, богиня земли, восседала на корзине с плодами земли, а Кора, воскресающая богиня, держала факел. Как установили археологи, основные стены святилища были возведены еще в догреческие времена; они несут на себе следы крито-микенской культуры, которую греки отнюдь не искоренили. Напротив! Вскоре и победители стали поклоняться «великой матери» Деметре, богине побежденного коренного населения. «Священный брак» в Элевсине олицетворял соединение «патриархального Зевса» с «матриархальной Деметрой» как результат слияния обоих культов, причем верх взяло древнее материнское божество.

С 700 г. до н. э. Элевсин управлялся Афинами. Оба города были соединены «священной дорогой» — она представляла собой нечто вроде «дороги процессий» в Вавилоне, только длиной в 22 километра. Осенью по ней тянулись из Афин в Элевсин на главный праздник Деметры тысячи «посвященных» паломников. Мужчины, участники процессии, несли украшенные венками земледельческие орудия и колосья, а женщины — плющ, ветви мирта и факелы. Хотя за много веков в элевсинские мистерии посвящена была масса людей, однако никто не выдал посторонним подробностей этого тайного культа. К числу посвященных принадлежал и великий трагик Софокл. «Лишь тот, кто участвовал в священном представлении, — говорит он, — сможет обрести жизнь в Аиде, лишь ему дарована милость ощущать конец жизни как новое начало». Спокойствие и уверенность перед лицом смерти — вот что даровал по-священным элевсинский культ. Еще более прямо говорит об этом другой поэт: «Кто же остается непосвященным, кто не участвовал в священнодействии, тому достанется иной жребий (нежели посвященным); он навсегда исчезнет в глухом мраке земли». Лишь Деметра, порождающая хлеб, может обеспечить и возрождение человека, ибо лишь она, рождающая, может и возродить. Хлебное зерно покоится в лоне земли, как семя человека в материнском лоне.

Миф о воскресении связывает ее не с сыном, а с до-



Миф о Деметре и Персефоне олицетворяет тесную изначальную связь между матерью и дочерью. Мужское начало, в данном случае Аид, бог подземного мира, может различить их лишь силой (с саркофага в Аскалоне)

черью, Персефой, которую называют также Корой. В одном гимне, приписываемом Гомеру, повествуется, как однажды девушка весело играла со своими подружками на лугу; вдруг разверзлась земля и появился Аид (Плутон); он похитил девушку и унес ее в свое подземное царство. Девять дней бродила стонающая мать, разыскивая ее, но не нашла своего дитяти, и тогда она в досаде скрылась ото всех.

Без заботы Деметры все засохло, тучные зеленые нивы превратились в безотрадные бурые пустыни. Люди голодали, у них не стало еды, чтобы приносить жертвы богам. И тогда вмешался Зевс, верховный судья, постановивший: пусть Кора (Персефона) треть года проводит у своего супруга в подземном мире, а две трети — у своей матери на земле.

Элевсинский культ исходил из того, что Деметра, сумевшая добиться у бога подземного мира воскрешения своей дочери, обладала также властью высвободить из мрачного могильного подземелья всех посвящен-



Воскресение Персефоны, рядом — Деметра с факелами, позади — Гермес, проводник душ умерших. Мотив обретения дочери вновь, воссоединения матери и дочери играл важную роль в элевсинских мистериях (рисунок на вазе, Крит)

ных, своих детей,— для них было возможно возрождение. Каждого новичка, принимаемого в число посвященных, одна из жриц обрызгивала водой, а другая трясла над ним решетом с зерном: это был знак возрождения и воскресения. «Причастие посвященных» связывало людей с божеством.

Частью элевсинских мистерий было драматическое представление, в ходе которого разыгрывался миф о зачатии и рождении, искуплении и посвящении, смерти и исчезновении, о возрождении и воскресении. Половой акт, олицетворение «священного брака», был в Элевсине прежде всего действием духовным, исполненным внутренней чистоты, но не терял при этом своей естественности и тесной связи с природой. Элевсинский культ Деметры связан с древнейшим земледельческим культом; он олицетворял для древних греков зачатие и посев. «Что касается беременности и плодородия, здесь не женщина служит земле примером, а земля женщины». Швейцарский ученый И. Я. Бахофен комментирует это так: «Не земля подражает женщине, а женщина земле. Брак (и половую жизнь) люди в древности рассматривали с точки зрения земледельческих отношений, вся брачно-правовая терминология заимствована была из аграрной сферы».

Элевсинские мистерии, уходящие корнями в седую древность, перестают упоминаться историками лишь в V в. н. э. Но сколь глубоко укоренилась вера во всеислие «великой матери Деметры», утешительницы, несущей надежду, убедился, побывав в Элевсине осенью 1890 года, один археолог, отмечавший вместе с христианскими потомками греков в близлежащей деревне Левсина «праздник посева и воскресения»; в ритуалах и обычаях здесь было много сходного с древними мистериями, только вместо изображения Деметры поклонялись образу богоматери Марии.

### **Мать и дочь**

Для понимания «женского вопроса» в античном мире фигура дочери столь же важна, как и фигура матери. В древности почитались три богини: мать (Рея), женщина (Деметра) и дочь (Персефона). Позднее к этой триаде добавился четвертый, мужской элемент (Аид). В дальнейшем Рея, прародительница и мать

всех олимпийских богов, отходит на задний план, и триаду составляют Деметра (мать), Персефона (девушка) и Аид (мужчина). Мужчина играет в этой триаде зловещую роль: он разбойник, повелитель подземного мира, он олицетворяет вообще всякий мрак и угрозу. Характерен для древних представлений мотив похищения девушки, которое связано одновременно как с браком и смертью, так и со смертью и рождением.

Хотя импозантный, бородатый, кудрявый, царствующий над всем и вся Зевс является отцом Персефоны, она для мира — не дочь отца, а дочь своей матери. С матерью целиком и полностью связана ее судьба. В Элевсине почитались лишь двое, мать и дочь, но не Аид.

Эти двое символизируют непрерывное продолжение жизни; дочь — это возродившаяся мать. Богиня-мать с ее беззаветной любовью отвечает глубочайшим чаяниям человека; она символизирует одновременно родину, дом, семью, безопасность, тепло и пищу. То же природное чувство переносится и на дочь. Она — продолжение, она — то же, что и мать.

Персефона, подобная весенней почке, похищенной Аидом, в поздних мифах становится богиней увядания, богиней ночи и мертвых. Многозначность образа Персефоны, которая предстает одновременно как дочь, похищенная, невеста и повелительница смерти, венгерский психолог К. Кереньи объясняет тем, что судьба Персефоны просто отражает соответствующие стадии человеческого бытия: «Ведь такой можно рассматривать и судьбу всякого живого существа. Люди смертны и в то же время полны единственной надежды, которую как бы воплощает мифологема Персефоны: надежды на возвращение похищенной. Это то самое возвращение, которое в Элевсинских мистериях торжественно провозглашалось рождением в смерти, которое праздновалось там как вечно повторяющееся, бесконечно обновляющее жизнь божественное событие».

Античные религии не сводили жестокую реальность смерти к абсолютному небытию; исчезнувшая в подземном мире Персефона тоже принадлежит царству небытия, но в ней воплощены одновременно жизнь и смерть. Когда она возвращается к матери, вместе с ней на землю возвращается весна, и богиня смерти становится богиней рождения. Смерть оказывается не такой тяжелой; возрождение несет новую жизнь. Поэтому смерть

в элевсинском культе объявляется «тайной всего живущего».

Наряду с Элевсинскими мистериями известны и мистерии Малой Азии, где с древнейших времен существовали многочисленные пережитки матриархата, например в Ликии, Лидии, Карию, Фригии, Самофракии и др. Самыми популярными были мистерии Артемиды в Эфесе и Кибелы в Сардах. Георг М. А. Ханфман, один из тех, кто производил раскопки в Сардах, пишет: «В 1958 году к северу от храма Артемиды мы обнаружили вделанное в стену византийских времен рельефное изображение богини Кибелы, относящееся, очевидно, к IV веку». В Сардах, главном городе Лидии, когда-то господствовало матриархальное право. Согласно легендам, здесь правила царица по имени Омфала; на одной из ваз, найденных при раскопках, она изображена одетой в львиную шкуру.

### Аттис — Адонис — Осирис

Близ Сард, примерно в 100 километрах от западного побережья Малой Азии, на территории современной Турции, на скале найдено изображение сидящей богини со львами. Оно, без сомнения, относится к хеттской эпохе, к периоду примерно между 2000 и 1200 гг. до н. э. У хеттов это божество называлось Кубаба. Ее можно считать предшественницей лидийской Кибелы, получившей позднее известность как горная богиня Сард. Колоссальное выветрившееся изображение на каменном обрыве, над разлившимся теперь водоемом, возле которого пасутся овцы и козы, производит сильное впечатление. Тот факт, что богиня представлена сидящей между двумя львами, вне всяких сомнений, связан с древними мифами о воинственных женщинах-львицах. Спорным можно считать разве что сопоставление лидийской Кибелы с хеттской богиней Кубабой \*, хотя в языковом отношении оно безупречно. И Кубаба и Кибела — богини гор, культ обеих соответствует их природе; пантеры и львы — их спутники. Древнейшее свя-

\* Кибела — собственно, эллинская богиня фригийского происхождения. Кубаба — божество, почитавшееся у хеттов, но, по-видимому, заимствованное из хурритского пантеона. — *Примеч. отв. ред.*

тилище Кибелы находилось в той же местности, на горе Диндим.

Совсем поблизости, скрытая в лесном мраке, расположена, как гласит легенда, могила прекрасного возлюбленного Кибелы — Аттиса, смертного, милого, рано скончавшегося мальчика-пастуха, которого любовь богини сделала бессмертным. Аттис по обету обязан был хранить целомудрие и верность Кибеле, но он допустил слабость — позволил соблазнить себя лесной нимфе, тем самым нарушив обет; услышав голос богини, он в припадке безумия оскопил себя под пинией, а затем в отчаянии покончил с собой. По-видимому, Аттис был

MD·MI· ET· ATTINIS



Кибела на повозке, запряженной львами, встречает пастуха Аттиса. Интересно, что он прислонился к стволу пинии, возле которой впоследствии сам себя оскопит и которая потом будет ему посвящена. Согласно малоазийским народным верованиям, считалось (и считается теперь), что шишка пинии укрепляет мужскую силу.

жрецом и служителем Кибелы; он носил женское одеяние, благодаря Аттису культ Кибелы распространился по всей Малой Азии.

С тех пор, согласно легенде, величественные пинии с их зонтообразной кроной — характерный для Средиземноморья вид сосны — осеняют все места, где почитался прекрасный Аттис. Когда над лесистыми горами Анатолии проносились весенние бури, пастухи говорили: «Это Кибела мчится со своей буйной свитой. И все горные склоны вторят ее горестным восклицаниям: „Аттис! Аттис! Где ты?“ С ума можно сойти от страха». Каждый год, в конце марта, когда многочисленные общины Кибелы отмечали жертвенную смерть Аттиса, фанатичные жрецы, которые, подобно Аттису, должны быть оскоплены и одеты в женское платье, бродили по лесам и горам при свете факелов, под пьянящую музы-

ку рогов, дудок, барабанов и кастаньет. Бредущие вслед за ними почитатели Кибелы в своем оргиастическом неистовстве заходили иногда так далеко, что наносили раны сами себе или друг другу.

Желавший стать жрецом Кибелы был обязан пройти также через обряд окропления кровью. Он спускался в яму, над которой убивали быка, и бычья кровь капала ему на голову. Этот акт полностью соответствовал таинству крещения; он был связан с идеей очищения, возрождения и чувством мистического единства с божеством. Во время священной трапезы жрец, согласно Клименту Александрийскому (II в. н. э.), произносил слова: «Я вступил в адитон». Адитон — самое заповедное место, в которое могли входить только жрецы. Это слово означало также «брачный покой» божества, где происходило таинство «священного брака» посвященного и богини.

Протестантский исследователь религии И. Лейпольдт пишет: «Что касается воздействия культа Кибелы — Аттиса, то есть серьезные основания видеть его пережитки у христиан-монтанистов, которых называют также просто „фригийцами“. У них, по-видимому, значительную роль играет экстатический элемент».

Фригийскую богиню-мать часто отождествляли с Артемидой Эфесской, с Афродитой Кипрской и другими малоазийскими божествами, в 204 г. до н. э. по совету оракула-сивиллы она была введена в пантеон римской государственной религии. Культ Афродиты — Адониса обнаруживает поразительное сходство с культом Кибелы — Аттиса.

Юноша Адонис, имя которого стало нарицательным для красавца и которого полюбила Афродита, был, как и Аттис, пастухом. Только он после поры недолгой любви не сам умертвил себя, а был растерзан диким вепрем. Безутешная Афродита добилась у богов разрешения, чтобы ее возлюбленный мог на полгода возвращаться к ней. Разве не напоминает эта история миф о Деметре и Персефоне? Только в мифах об Аттисе и Адонисе главную роль играет не дочь, а возлюбленный; он олицетворяет исчезающую и воскресающую любовь.

Праздник «адоний» отмечался месяцем позже, чем праздник Аттиса, то есть в апреле—мае, и длился три дня. Женщины сажали в горшках цветы, которые за три дня расцветали и увядали. В первый день они горестно оплакивали исчезновение Адониса, в последний

день, ликуя, приветствовали его возвращение. При этом верховный жрец вскрывал предполагаемую могилу Адониса и объявлял собравшимся: «Он восстал, так и вы когда-нибудь восстанете из могильного тления, а потому ликуйте!»

В разных местах культ воскресения Аттиса имел свои оттенки и особенности. В Александрии он сближался с культом Исида — Осириса. Х. Хепдинг так объясняет это странное смешение в работе «Аттис, мифы о нем и его культ»: «Не следует удивляться, что дошедшие до нас легенды о фригийском боге Аттисе так сильно разнятся. Объяснение этому надо искать в характере древних религий, которым присуща свобода от всякого догматизма в исполнении религиозных ритуалов. Как тот или иной человек понимал происхождение обычаев, было несущественно.

Первоначальный смысл обычаев часто забывается, и возникают новые мифы для объяснения и полного оправдания богослужебных действий, которые могут быть неодинаковыми в разных местах. При изучении и объяснении культов неверно выдвигать на передний план мифологию, но, с другой стороны, не следует и недооценивать древние мифы как свидетельства того, какие представления о природе богов господствовали в то или иное время».

Широко распространенный культ Кибелы и Аттиса, связанный с тенистыми лесами и горами, дошел, по мнению Р. Пёртнера, и до римских пограничных поселений на Рейне. «Еще в IV в. н. э. можно проследить культ Кибелы на нижнем Рейне, его приверженцы, по свидетельствам античных писателей, оказывали самое ожесточенное сопротивление христианству. Недавние раскопки в Нойсе дали этому подтверждение: здесь была найдена единственная в своем роде так называемая кровавая яма — *fossa sanguinis*, — какую до сих пор находили только однажды, а именно в Остии близ Рима, в священном округе великой богини-матери».

Добавим теперь, что Адонис и Адонаи, так же как и Ваал, — имена семитских богов природы, они означают попросту «господин». Установив это, перенесемся из Сард в Угарит, город-государство в Северной Сирии, который располагался на восточном побережье Средиземного моря, — здесь ключ ко многим загадкам,



### 3. ЗА И ПРОТИВ ВААЛА

#### Анат и ее супруг Ваал

К важному открытию города-государства Угарит, который погиб под натиском эгейских «народов моря» в 1200 г. до н. э., одновременно с Троей, привела, как и в Мари, случайная находка в Рас-Шамре. В марте 1928 г. один крестьянин, вспахивая свое поле, наткнулся на камень, который, как выяснилось при более близком изучении, относился к остаткам кладбища. Лежал он на склоне холма, который сирийские арабы называли по траве, растущей там в изобилии, Рас-Шамра, что значит «холм фенхеля». Раскопки были начаты экспедицией Парижской академией языка и литературы под руководством К. Шеффера в апреле 1929 года; они были прерваны второй мировой войной и по сей день не закончены.

В Рас-Шамре оказалось пять культурных слоев. Они относятся к периодам от неолита (4000 г. до н. э.) до начала железного века (1200 г. до н. э.). Древнее название этого места было, как свидетельствуют надписи, Угарит. Будучи международным торговым центром и портовым городом, Угарит поддерживал связи с островами Эгейского моря, с хеттами, хурритами, ассирийцами, с Аккадом, Мари и Египтом. Это делает город особенно интересным для историка. В одном из найденных посланий повелитель Угарита просит царя Хаммурапи послать своего сына к Зимри-Лиму, правителю Мари, чтобы тот посмотрел на строительство его роскошного дворца. С одной стороны, Угарит готов был учиться у всего окружающего мира, с другой — в нем самом находился главный центр культуры Восточного Средиземноморья. Множество найденных здесь текстов

можно назвать, по словам профессора К. Шеффера, энциклопедией этой культуры. На вершине холма французский археолог обнаружил здание, связанное с храмом Ваала. Обилие находившихся здесь табличек с письменами привело его к выводу, что это здание представляло собой библиотеку культовых текстов всего Переднего Востока. Библиотека служила одновременно своего рода «издательством», где копировались древние тексты. Снимавшие эти копии учились здесь же, в школе писцов. Они должны были по памяти воспроизводить гимны Ваалу и Анат.

Основал эту библиотеку, по всей видимости, царь Никм-Адду II (XIV в. до н. э.). На одной из его печатей слева изображена богиня-заступница, в центре — жрец-посредник, а справа — бородатый царь, восседающий на престоле. Что характерно: и здесь царь помещен рядом не с богом-отцом, а с богиней-матерью. К. Шеффер так толкует это изображение: «Царя почитали, ему молились, но не поклонялись. Поклонялись в Угарите женскому божеству».

К. Шеффер обнаружил в этих местах три храма: храм юного бога Ваала, храм бога Дагона (называемого также Эль) и храм богини Анат-Ашеры. К храму Ваала примыкала башня, напоминавшая девяностометровую ступенчатую башню близ храма Мардука в Вавилоне, только в Угарите высота ее была гораздо скромней.

В этой башне, считает исследователь угаритских



Анат поклонялись прежде всего как богине войны. На угаритском рельефе (около 1200 г. до н. э.) она изображена со щитом, копьем и палицей, во всем великолепии восседающей на троне, чтобы судить людей (Сирийский музей)

текстов А. С. Капельруд, Ваал и Анат-Ашера ежегодно справляли «священный брак», который, как и в Вавилоне, связывал восхождение на престол царя земного и «царя небесного». «Этот же обычай, — пишет А. С. Капельруд, — переняли от ханаанейян израильтяне, когда они осели на земле, только праздник у них приобрел другой характер и был связан с Яхве».

С течением времени представления о Яхве, «господине», «царе царей», видоизменилось: он утратил черты живого существа, пророки, проповедники культа Яхве, вознесли его в сферу трансцендентного, как единственного бога, у которого нет божественной подруги и который может сочетаться лишь со своим избранным народом. Мифологические тексты из Угарита важны для исследователей религии потому, что здесь можно обнаружить поразительное сходство, порой даже прямое совпадение с миром библейских идей. Даже там, где подобные параллели можно только предполагать, иные, слишком усердные издатели текстов с помощью небольших исправлений пытаются привести угаритские тексты в полное соответствие с Библией. К. Шеффер по этому поводу пишет: «Не следует забывать, что многие таблички найдены в виде обломков, что написаны они на трудном языке, который имел ограниченные возможности для выражения; все это ставит перед переводчиком непреодолимые трудности. Поэтому представляется необходимым предостеречь тех, кто текстами из Рас-Шамры хотел бы подтвердить то, что они называют „буквальной истиной Библии“. Желая использовать наши материалы таким образом должен подходить к ним с осторожностью и абсолютной честностью».

О вытеснении в иудаизме матриархальных, женских божеств патриархальными, мужскими божествами еще будет идти речь. Что, однако, говорилось в Угарите о возлюбленной Ваала, которую знали как богиню любви и звали Ашера (Астарт), но знали и как богиню войны и тогда звали Анат? Обратимся к археологическим данным. В царском дворце К. Шеффер нашел изысканные изделия из слоновой кости; одно из них — планку от кровати более 100 сантиметров длиной и 50 сантиметров шириной — он охарактеризовал как самое крупное резное изделие из слоновой кости, найденное до тех пор на Ближнем Востоке. На планке изображены сцены из жизни царя, а также богиня, грудь которой сосут два царских ребенка. Силой, покрови-

тельствующей царю и царским детям, здесь представлен не бог, а богиня.

Интересна выполненная из слоновой кости крышка ларца, найденная в портовом квартале. На ней вырезана полуобнаженная богиня, в обеих руках у нее колосья, и два козла пытаются в прыжке дотянуться до них. На богине юбка, сильно напоминающая ту, что носили на матриархальном Крите.

В том же портовом квартале Угарита К. Шеффер нашел золотую подвеску. На ней изображена нагая богиня, стоящая на льве и держащая в обеих руках связанных львят. По бокам от нее извиваются вверх змеи, символы плодородия. Богиня любви, особенно здесь популярная, то и дело появляется все в новом облике, изображенная на золотых подвесках или в виде статуэток из слоновой кости, глины, камня. Мужских идолов в Угарите найдено не было.



Многочисленные изображения Ашеры, в том числе в короне и с цветком лотоса, обнаружены во всех ханаанских поселениях на западном берегу реки Иордан. Они представляли собой нечто вроде образков

Кого же изображают многочисленные женские фигурки? Это Анат, западносемитская богиня войны, охоты и права, которой в Вавилоне соответствовала Иштар. Ее отождествляют также с Астартой (Ашерой) — богиней любви.

На всем Ближнем Востоке, от Угарита и Малой Азии до Египта и Южной Аравии, ее почитали как богиню наслаждения и любви. Известна она была и в Израиле. Пророки обрушивались на мужей Израиля, которые

были постоянными «гостями в доме блудницы Ашеры».

В угаритских же текстах она упоминается главным образом в своем изначальном виде — как воинственная Анат. Будучи спутницей Ваала, она, однако, более активна: она сражается за него, сокрушает его врагов, хитростью добывает для него престол и то и дело храбро спешит на помощь своему царственному супругу. Часто спрашиваешь себя: не она ли, собственно, Господин (Ваал) в этой неравной паре?

В древневосточной мифологии бог, захотевший выисаться над всеми богами, должен был вначале победить древнего дракона, или чудовище, олицетворяющее хаос. Так, Мардук, юный вавилонский бог, победил богиню хаоса Тиамат с ее свитой подземных сил. Однако в угаритском мифе не Ваал, а Анат победоносно сражается с драконом Таннином. Позднее это обидное для Ваала представление было исправлено и победа приписана ему. В другом мифе Ашера — супруга первобога Эля, а Ваал — ее сын и возлюбленный. Чтобы помочь ему добиться верховного господства, она посещает своего старого супруга в его «заоблачном дворце».

«Завидев ее, — так звучит это дословно, — Эль открывает свой рот и смеется. Он ставит ступни свои на скамеечку и шевелит своими большими пальцами. Он вышагает голос свой, подобный грому, и восклицает: „Зачем явилась, Ашера?“».

На этой аудиенции богине хитростью удалось выманить у старого владыки для своего сына и возлюбленного разрешение на строительство храма. Вначале Эль возмущенно восклицает: «Что, разве я твой раб? Твой каменщик?» Но вскоре он покоряется ее женскому очарованию и уступает; он разрешает своему сыну строить храм и тем самым лишает себя трона. Вавилонскому Мардуку и греческому Зевсу пришлось побеждать своих отцов в тяжелой борьбе, Ваал же благодаря женской хитрости получает власть без борьбы.

Он предоставляет бороться за себя Анат-Ашере. Она полна решимости свергнуть с трона своего мужа, чтобы обеспечить власть своему сыну и возлюбленному. Однако судьба распорядится по-иному. Угаритский миф повествует, как Моту (Муту), богу подземного мира, удалось пригласить своего тщедушного брата Ваала (Балу) к себе в царство смерти. На прощание перед дорогой, чтобы успокоить свою совесть, Ваал приходит



Образ дерева, поднимающего свою крону к небу, издавна волновал людей. В его тени искали укрытия и покоя, его плодами утоляли голод и жажду. Но дерево было еще и воплощением богини Хатхор, которая, как показывает этот рисунок из гробницы эпохи XVIII династии, даровала пищу также и душам умерших

к своей супруге для любовного свидания. Он превращает Анат в молодую, резвую телку и покрывает ее как могучий бык. Впоследствии, увидев, что Ваал не возвращается с пирушки, Анат начинает искать его; в песне об этом говорится так: «Как сердце коровы тоскует по теленку, как тоскует по ягненку сердце овцы, так сердце Анат тоскует по Ваалу».

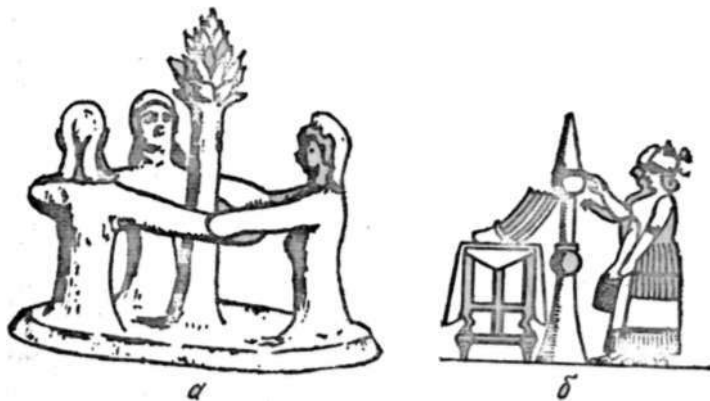
Сколько естественности и простоты в этих стихах! Ханаанский гимн в высоком чувстве любви видит то, что изначально объединяет человека с природой — и одновременно с божеством, что является общим для них всех. Сама богиня тоскует по своему возлюбленному не сильнее, а так же, как корова по теленку, которого у нее похитили.

Что предпринимает Анат, получив страшное известие о смерти своего возлюбленного? Исида, Деметра, Кибела, Афродита и другие богини чувствовали себя подавленными, предавались печали, пугливо уединялись, начинали стенать, покуда верховный бог, сжалившись, не позволял их умершей любви вновь ожить. Со всем другим делом Анат-Ашера: она не обращается к Элю, богу-отцу, она действует сама; удар судьбы пробуждает в ней ярость и жажду борьбы. Полная решимости, спускается она в подземный мир, но не для того, чтобы, как Орфей, сладостным пением очаровать Мота, а чтобы вызвать его на поединок. «Она хватает Мота, — говорится далее в песне, — рассекает его серпообразным мечом, провеивает его через решето, сжигает его в огне, растирает его между жерновами, рассыпает его по полю, чтобы птицы склевали его остатки». Ханаанская поэзия, стараясь наглядно изобразить поединок, в ко-

тором речь идет о жизни и смерти, выбирает образы из земледельческого быта.

Здесь Анат-Ашера — богиня жатвы, которая берет бога Мота твердой рукой, словно пучок колосьев, и, срезав, бросает его, точно сноп, на гумно, затем сжигает его мякину, рассыпает его как удобрение на поля, а зерно мелет в муку.

Иосиф Флавий, историк, живший 1300 лет спустя после гибели Угарита и наверняка ничего не знавший об угаритских гимнах, сообщает, что еще в его времена иудеи в день первого весеннего полнолуния (пора пасхи) не должны были касаться свежесрезанных колосьев, покуда не совершат культовых ритуалов жатвы, провеивания, сжигания мякины и размалывания зерна. Кроме того, семь предшествовавших дней они ели только незаквашенный хлеб (мацу) и праздновали «воскресение» Израиля из рабства египетского. Этот обычай они переняли у коренного ханаанского населения. Первый взмах серпа в день первого весеннего полнолуния знаменовал для ханаанейян начало праздника; они праздновали воскресение Ваала и благодарили Анат, которой были обязаны этим чудом. Для израильтян это был праздник благодарения Яхве, ибо ему обязаны они были своим воскресением, своим освобождением из рабства египетского.



Священное дерево и культовый столб. а) Три женщины водят хоровод вокруг дерева (Кипр, около 1000 г. до н. э.). б) Две жрицы умащивают украшенный художественной резьбой культовый столб (рельеф из Ашшура, около 800 г. до н. э.)

## Древесная богиня и столб

Чем дальше, тем менее воинственной становилась Анат, превращаясь исключительно в богиню любви Ашеру. Ашере, а не Анат поклоняются в Ханаане в виде дерева и в виде столба. В Библии не раз встречается упоминание, что под каждым деревом, стоявшим на возвышенности, «блудодествовали», то есть почитали богиню любви. Человек первоначально верил, что дереву присуща таинственная сила, которая каждую весну порождает новую жизнь, то есть зеленые листья и плоды. Древнейшие мифические деревья, «дерево жизни» и «дерево познания», росли посреди рая. Люди полагали, что корни деревьев произрастают из тела матери-земли и, значит, связаны с этим телом. Поэтому их считали источником жизненной силы. Ликийцы в Малой Азии верили даже, что деревья старше самой земли.

В гомеровской «Илиаде» ликиец Главк так отвечает греку Диомеду на вопрос о происхождении людей:

Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:  
Ветер один по земле развевает, другие дубрава  
Вновь, расцветая, рождает, и с новой весной возрастают  
Так человеки \*.

Так, используя сравнение с природой, ликиец описывает представления своей страны: листья дерева растут не каждое само по себе — все они связаны общим стволом. Ствол же произрастает из матери-земли, в ней корни всего дерева. Недаром мы и поныне говорим о родословном древе.

В древности распространен был культ деревьев. Можно предположить, что он имел особенно притягательную силу для женщин. Женщина изначально больше была связана с природой; ей представлялось, что силы природы обитали в различных предметах или могли быть с ними отождествлены. Дерево было олицетворением женского божества; его зеленая крона дарует благодатную тень, его плоды служат пищей.

Греки, римляне и другие народы тоже верили, что жизнь связана с деревом, и, когда у них рождался ребенок, они сажали дерево, которое считали духом-по-

\* Перевод Н. Гнедича.



кровителем. Листва дерева служит прибежищем для птичьих гнезд и для человеческих душ, ибо душу человека древние нередко представляли себе в виде птицы. Поэтому на египетских изображениях часто можно видеть деревья со множеством птиц на них или же деревья, то есть богинь дерева, которые питают бессмертные души умерших. Не потому ли мы и сейчас сажаем на кладбищах деревья? Женщина, приходившая к священному дереву, была — сознавала она это или нет — готова к медитации, погружению, восторгу, чтобы слиться с ним в «мистическом уединении» и услышать в шуме его листвы предсказания.

Многие пророчицы древности делали свои предсказания в тени деревьев. В дельфийском святилище рос лавр. Согласно легенде, нимфа Дафна, когда ее преследовал воспылавший страстью бог Аполлон, попросила отца своего Зевса спасти ее, и он превратил ее в лавр. Лавр шелестел листьями, когда пифия, пророчица-жрица, впадала в экстаз, и темные слова ее предсказаний «благоухали», по словам Плутарха, как благоухает лавр в цвету. Толковать шелест культовых деревьев, колышимых ветром, могли только женщины, и при всей двусмысленности формулировок их высказывания определяли судьбы людей.

Впрочем, братья Grimm на основе филологических исследований доказали, что и древнегерманское слово, обозначавшее «храм», в большей или меньшей степени подразумевало священную рощу, где обитали боги и о которой заботились женщины-жрицы.

Когда человек начал строить обители для божеств, он валил культовые деревья и делал из них столбы или колонны перед таким святилищем или внутри его. Еще и поныне у некоторых народов перед домом новобрачной пары ставят фетиш в виде столба. Слово «фетиш» пришло к нам через португальцев; оно означает предмет, объявленный богом. Фетишизм обнаруживается уже в раннюю эпоху в критской религии и затем у греков. Дерево или столб были не отвлеченными понятиями, а конкретными личностями. Женщина, которая отдавалась под культовым деревом во время «священного брака», получала жизненную силу от богини Ашеры, а не от мужчины, и мужчина, обнимавший иеродулу, обнимал в ее лице саму богиню плодородия. Одна финикийская статуэтка из глины, найденная на Кипре, запечатлела такую сцену: три женщины,

взявшись за руки, танцуют вокруг стилизованного столба, который напоминает фаллос с листьями. Этот фаллический танец ветхозаветные пророки и называли «блудодейством».

Современная невеста была бы испугана, если бы священнослужитель, венчающий ее, назвал миртовый венок, который она надела для бракосочетания, «знаком блудницы». Между тем вечнозеленый мирт с белыми душистыми цветами, типичное средиземноморское растение, являлся символом богинь любви Афродиты и Венеры. Миртовые ветви несли не только во время свадебных церемоний, но и во время процессий, посвященных Деметре, которые происходили весной и осенью. Эти процессии были связаны с тайными ритуалами, призванными обеспечить плодovitость человека и плодородие природы; участвовать в них могли только женщины. Улица шествия от Афин до Элевсина была засажена священными маслинами. Маслина считалась деревом сытости, кротости, мира и была посвящена богине Афине. Геру же представляло гранатовое дерево, символ плодородия.

Однако вернемся к Ашере! Одно и то же слово в древнееврейском языке могло означать как «колонну», «фетиш», «знак удовольствия», так и «фигурку идола». Знаменитый американский археолог У. Ф. Олбрайт (1891—1971) из университета имени Джона Гопкинса в Балтиморе, четыре десятилетия проводивший успешные раскопки в Палестине, находил, к своему разочарованию, как и К. Шеффер в Угарите, лишь женские иды. Он констатировал: «Можно почти с уверенностью утверждать, что ханаанеи, как и евреи, были монотеистами, только у них вместо господина бога была госпожа богиня. Хотя у Ашеры был спутник-мужчина, Ваал, но он оставался в тени лишь как незначительная, второстепенная фигура».

### **Израиль и культ дерева**

Меньше всего деревьев на земле в пустыне. Здесь нет ни маслин, ни лавров, ни миртов, ни гранатовых деревьев. На бесконечных песчаных просторах лишь изредка пробивается кое-где голый колючий куст терновника, будто пылающий в свете закатного солнца. Возле такого куста некогда пережил откровение человек,

воспитанный при дворе египетского фараона как подкидыш, но вынужденный бежать после того, как он убил надсмотрщика над рабами. Звали этого человека Моисей. Ему суждено было стать основоположником монотеизма.

«Моисей! Моисей! — воззвал голос из куста, — не подходи сюда, сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». В монастыре св. Екатерины в Южном Синае показывают место, на котором якобы рос куст откровения; желающий пройти туда должен снять обувь, как некогда Моисей.

Бесплодный колючий терновый куст здесь — символ уже не женского начала, не олицетворение богини плодородия, а символ религиозных представлений, свойственных кочевникам пустыни. Библейский автор, возможно, хотел выразить не мифический, а вполне реальный опыт: когда израильские племена еще жили в пустыне, они не видели ни оливковых, ни фиговых, никаких плодовых деревьев, один лишь колючий терновник.

Известно, что древние предки евреев, как и ханааняев, тоже поклонялись деревьям, только основываясь на других культовых представлениях. Авраам поставил жертвенник у древнего оракула — дерева-терebinта в Сихеме\*.

Отправившись в дальнейшие странствия, он посадил в Беершебе собственное культовое дерево — тамариск. Если терebinт, разновидность плодородного фисташкового дерева, — характерное средиземноморское растение, то тамариск — типичное растение степей и пустынь. Ревекка, невестка Авраама, похоронила свою любимую кормилицу Девору под «дубом плача» в том же Сихеме. Сын Ревекки Иаков вынужден был бежать от гнева своего брата в арамейскую землю\*\*. Вернувшись через двадцать лет на родину, он в весьма характерной сцене отобрал у обеих своих арамейских жен золотые украшения, служившие им антропоморфными

\* В Библии говорится о дубраве в Сихеме (Быт. 12, 6—7). Е. Вардиман цитирует Библию не по каноническому немецкому переводу, а по неизвестному вольному, с сокращениями, как правило не указывая места, откуда взяты цитаты. В данном переводе по возможности цитируется канонический русский текст с указанием сокращений; некоторые особые случаи и различия оговариваются. — *Примеч. пер.*

\*\* В Библии — в Харран (Быт. 28, 43). — *Примеч. пер.*

амулетами, и закопал их под теребинтом в Сихеме, где уже приносил жертвы Авраам \*.

Эту сцену можно толковать по-разному, но нельзя не видеть ее мифологический смысл. Она характеризует ту эпоху, когда монотеизм еще не вполне сформировался. Очевидно, в Сихеме находилась местная священная роща, которую почитали также и еврейские племена. По мере того как они постепенно проникали в страну и смешивались с коренным населением, они заимствовали древнеханаанские политеистические мифы и культы, то есть пробовали сочетать элементы многобожия с почитанием единственного всемогущего господа (монотеизм).

В Библии упоминаются названия всего четырех цветков, а как с деревьями? О шумящих лесах в Библии говорится не меньше, чем в угаритском эпосе, и породы деревьев здесь самые разнообразные. Два названия: «ела» (тамариск) и «алон» (дуб) — связаны с именем бога «Эль». Все деревья — от кедра, который гордо возносит свою главу над снежными вершинами Ливана и дарит драгоценную древесину для строительства божьего храма, до огненного тернового куста в пустыне, откуда услышал Моисей божественное откровение, — связаны здесь со священными символами. Благословенна всякая семья, сидящая в тени фигового дерева со своим потомством, обильным, как побеги маслины. Еще апостол Павел сравнивает новообращенных христиан с побегами древней маслины — Израиля. Масличную гору к югу от Иерусалима и древние оливковые деревья связывают со страстями Иисуса. Пророку Исае Израиль представляется деревом, которое срубают другие народы. Но от корней его взойдет побег, «грядущий мессия». С явлением мессии вместо терновых кустов вырастут кипарисы и вместо колючек — миртовые деревья; «все деревья возликуют и заплещут в ладони». И автор псалмов добавляет: «И возликуют все деревья в лесу перед господом, когда он придет».

Деревья могут ликовать, говорить, рукоплескать и хватать своими ветвями-руками, словно чудесные существа. «Пошли некогда дерева, — повествует библейская легенда, — помазать над собою царя и сказали мас-

\* В Библии: «И отдали Иакову всех богов чужих, бывших в руках их, и серьги, бывшие в ушах у них; и закопал их Иаков под дубом, который близ Сихема» (Быт, 35, 4). — *Примеч. пер.*



Маслина у древних евреев символизировала плодородие. Согласно Книге Судей (9, 8 и сл.), деревья предложили ей царствовать над ними. Но маслина отказалась: «Оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей?..»

лине: «Царствуй над нами!». Маслина сказала им: «Оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей, и пойду ли скитаться по деревьям?». Такой же ответ получили они от смоковницы и от виноградной лозы, которая сказала: «Оставлю ли я сок свой, который веселит богов и человеков?» (обращает на себя внимание множественное число «боги», существование которых Библия здесь признает!). Наконец, разочарованные деревья склоняют свои кроны перед убогим терновником. Но голый куст недоверчиво качает своими колючками и колюче же отвечает: «Если вы по истине поставяете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью моею» \*.

Да, и древние евреи чувствовали колдовскую силу деревьев, и они были ими очарованы. Но дерево для них олицетворяло силу мужскую, а не женскую, как у ханаанеев. Подобное же развитие можно проследить и у других народов. Деревья, связанные прежде с женскими божествами, с наступлением патриархата оказались поставлены в связь с богами-мужчинами; дуб — с Зевсом, лавр — с Аполлоном, пиния — с Аттисом, фиговое дерево — с Ромулом; лишь маслина осталась священным символом женщины — Афины.

Пришедшие из пустыни еврейские племена намного уступали в численном, экономическом и военном отношении ханаанеям, жившим в различных городах-государствах. Они страшились их замечательных городских укреплений, боевых колесниц, закованных в доспехи Голиафов. Чтобы не оказаться поглощенными превосходившими их во всех отношениях, хотя и раз-

\* Книга Судей, 9, 8 и сл. — *Примеч. пер.*

дробленными ханаанеями, еврейские племена должны были защищаться всеми доступными им средствами. Как и почему они в начале своего исторического самосознания пришли к идее единственного божества, неизвестно. Однако это божество было *мужским* и, значит, выражало помимо всего прочего также религиозные воззрения патриархата по отношению ко все еще в значительной степени матриархальным ханаанским культам.

Английский археолог К. Кеньон нашла в земле Иерусалима множество мелких, по большей части разбитых глиняных статуэток Ашеры, которая поддерживает руками свои торчащие груди. Фигурки относятся к IX—VII вв. до н. э. — эпохе правления иудейских царей. А это значит: почти до последних дней существования самостоятельного древнееврейского государства культ плодородия сохранялся в народе, несмотря на старания пророков. В Иерусалимском храме имелись женщины, которые «ткали одежды» для Ашеры, вероятно, жрицы Ашеры, выполнявшие обязанности иеродул.

По словам пророков, еврейские женщины, следуя ханаанским обычаям, выпекали особые хлеба в форме фаллосов, приносили «водяную жертву» и отправлялись в «блудилище» — так называли пророки языческие храмы, где женщины доводили себя до экстаза, чтобы вымолить «хлеб и вино», хороший урожай зерна и винограда. Яхве первоначально был богом пастухов, он сопровождал своих подопечных при перемене пастбищ,



С началом патриархата небесные богини были низведены в подземный мир и превратились там в силы хаоса и в драконов. Это иллюстрирует оттиск печати из Телль-Асмара (XXIII в. до н. э.): здесь добившийся господства среди богов Мардук сражается с четырехголовым огненным драконом из свиты богини Тиамат (Иракский музей, Багдад)

охранял их овец и обещал им райские уголья. Но луга, оливковые рощи и виноградники принадлежали не ему; ими распорядились ханаанские боги.

Царь-реформатор Иосия (640—609 гг. до н. э.) по совету пророка Иеремии провел радикальное религиозное очищение:

«И вынес Астарту из дома господня за Иерусалим, к потоку Кедрону, и сжег ее у потока Кедрона, и истер ее в прах... И разрушил дома блудилищные, которые были при храме господнем, где женщины ткали одежды для Астарты... и осквернил высоты, на которых совершали курение жрецы, от Гевы до Вирсавии... Также и жертвенник, который в Вефиле... и высоту он разрушил, и сжег сию высоту, стер в прах и сжег дубраву» \*.

В дни, когда Навуходоносор все теснее сжимал вокруг Иерусалима кольцо осады, Иеремия бегал по улицам, повторяя: «Предотвратите катастрофу! Обратитесь к Яхве! Из-за Ашеры мы попали в беду!» Народ же, напротив, считал, что несчастье пришло в страну именно из-за пренебрежения культом Ашеры; к политическому кризису прибавился еще голод, результат неурожая. Пророку возражали: «Но будем... кадить богине неба и возливать ей возлияние, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели. А с того времени, как перестали мы кадить богине неба и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода» (Иер. 44, 17 и сл.). Иеремия возражал на это. Но народ угрожал ему, восклицая: «Слово, которое ты говорил нам именем господя, мы не слушаем от тебя».

Этот диалог передает резкое разногласие между «пророческой идеей» и «народной религией». Выдвигая свои высочайшие моральные требования, пророки боролись во имя Яхве против всякого анимизма и пантеизма, против всякого культа плодородия, который они расценивали как «проституцию». Лишь после многих кризисов им наконец удалось покончить с соблазнительными обычаями, основанными на чувственных инстинктах и поклонении природе, утвердив представление о нравственной ответственности, более высоком жизненном служении и сознании долга. Библия расска-

\* IV книга Царств, 23, 8—15. — *Примеч. пер.*

зывает нам о борьбе этих двух сил; борьбе морального сознания, опирающегося на законы, и эмоциональной, инстинктивной свободы.

### Миф ли Библия?

Что значит «миф»? Миф есть одна из форм общественного сознания на сравнительно низкой ступени развития человечества; позднее стали применять этот термин к сфере подавленных бессознательных комплексов — так миф об Эдипе стал «эдиповым комплексом». Миф, таким образом, относится к числу важнейших факторов в истории человеческого познания и деятельности. По-гречески слово «миф» означает собственно лишь «мысль», «мотив», «идею». Можно видеть в нем также и «рассказ» о происшествиях в мире богов, из которого мы узнаем о происхождении и ходе человеческой истории. Такое понимание мифа связано с эпохой, когда боги вели себя подобно людям, а люди, подобно богам, напрягали гигантские усилия в своей победоносной борьбе против сверхъестественных сил. Миф помогал древним людям объяснять загадочные для них явления природы и космоса событиями в мире богов; чтобы понять тайны собственной жизни, они искали параллели в мире сверхъестественном. Для своего времени миф был законной формой теоретического и практического овладения действительностью; в своем воображении — и благодаря своему воображению — человек овладевал силами природы, воплощая их в фантастических образах.

Сходство мифов у различных народов свидетельствует о сходном образе мышления в обществах, находящихся на одинаковой ступени развития, ибо само происхождение мифов одинаково. За библейским рассказом о сотворении мира, вне всякого сомнения, чувствуется универсальный миф.

«Поскольку само представление о божественном формируется в процессе мифологического осмысления действительности, — пишет д-р Ф. Юрс, — миф, религия и культура первоначально образуют неразделимое единство, из которого затем возникает обычай (культ), связанный со специфическим образом действия (ритуалом), и на этой основе — особое почитание богов (религия). Спор о том, что было вначале, культ или миф,



представляется праздным; они развивались совместно и благодаря друг другу, как теория и практика» («Лексикон античности»).

Разнообразные мифические мотивы мы находим в Псалтыри, собрании древних народных песен, которые пастухи напевали еще до Моисея. Конечно, для пастухов существование богов и богинь было вне сомнений, в них верил и псалмопевец. Это находит недвусмысленное выражение в псалме 82. Господь созывает сонм богов и произносит: «Вы боги?.. Поистине, вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей» \*. Таким образом, сам псалмопевец, названный Асаф («Собира-тель»), еще верует в существование богов, которых господь низвергнет в день страшного суда.

В псалмах 18, 19 и 148 солнце, луна и звезды выступают как мифические персонажи: солнце — жених, луна — невеста, звезды — двое сыновей; это весьма напоминает космо-астрологические религиозные представления древних вавилонян. Что это — случайность? Поэтическая игра слов? Но и книга Бытия повествует о сынах божьих: «Когда люди (сыновья Адама. — *Примеч. авт.*) начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены... и они стали рожать им исполинов. Это сильные, издревле славные люди» \*\*. Не напоминает ли это языческий миф? Речь идет о героях, о полубогах, рожденных земными женщинами от богов и совершавших в древности прославленные подвиги. Образцом им служили сами боги, которые постоянно сражались и побеждали под грохот грома и в блеске молний. В известном вавилонском мифе Мардук побеждает богиню хаоса Тиамат, рассекает ее надвое и делает из одной части ее тела небо, а из другой — землю. В угаритском эпосе бог Эль побеждает морского бога Ямма, что значит «море», его женскую свиту, драконов подземного мира, Левиафана и его возлюбленную Раав.

В библейских псалмах находят выражение сходные

\* В русском каноническом тексте это псалом 81, а соответствующее место звучит так: «Я сказал: вы — боги, и сыны всевышнего — все вы. Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей» (Пс. 81, 6—7). — *Примеч. пер.*

\*\* В русском тексте (Быт. 6, 2—4): «...и они стали рожать им. Это сильные, издревле славные люди». — *Примеч. пер.*

мифические представления: ты (т. е. бог-творец) «расторг силою твою море, ты сокрушил головы змиев в воде, ты сокрушил голову Левиафана» (Пс. 74) \*, «ты низложил Раав, древнюю блудницу» (Пс. 89) \*\*.

Следы более древнего мифа можно найти и в Книге Иова, и у пророков. У Иова упоминаются «проклинающие день» духи ночи, способные разбудить «дракона, дремлющего в подземном мире» \*\*\*. Иов называет Тиамат «воротами моря, вышедшего как бы из чрева» \*\*\*\*. Пророк Исайя, вероятно самая значительная личность среди ветхозаветных пророков, верил, что духи подземного мира в женском обличье не исчезнут и впредь и будут приносить людям несчастье. Лишь в день страшного суда господь окончательно уничтожит «Левиафана, змея прямо бегущего, и Левиафана, змея изгибающегося». \*\*\*\*\*. Мотив героической борьбы бога света с драконом через Апокалипсис Иоанна перешел и в христианство.

Со временем неистовые пророки стали прилагать усилия, чтобы затушевать наличие в Библии мифологических элементов, «демифологизировать» их, переделывать, видоизменить или вытеснить. Каждый миф пророки сопровождали богословским толкованием, наделяли другим смыслом. До конца им это сделать не удалось. Вольно или невольно многое в Библии сохранило первоначальный мифологический характер. Рассмотрим же теперь с этой точки зрения библейский рассказ о сотворении женщины, миф, который не «демифологизирован» и до наших дней.

\* В русском тексте — Пс. 73, 13—14. — *Примеч. пер.*

\*\* В русском тексте: «Ты низложил Раава как пораженного» (Пс. 88, 11). Раав в мифологии иудаизма — имя одного из чудовищ, с которым сражался Яхве; в библейском предании — иерихонская блудница, у которой скрывались посланцы Иисуса Навина. — *Примеч. пер.*

\*\*\* В русском тексте: «способные разбудить Левиафана» (Иов, 3, 8). — *Примеч. пер.*

\*\*\*\* В русском тексте не упоминается Тиамат: «Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева» (Иов, 38, 8). — *Примеч. пер.*

\*\*\*\*\* (Исайя, 27, 1). В немецком тексте Е. Вардимана Левиафан назван «драконом». — *Примеч. пер.*

## Первая женщина проклята

Рассказ о сотворении мира и человека в том или ином варианте этнологи находят по всей Европе, в Передней и Средней Азии, в Индии, Африке, даже в Северо-Западной Америке и Китае. Несомненно, это древнейшее достояние человеческой мысли. Однако миф о грехопадении не встречается ни у одного другого народа древности. Он оригинален.

Библейская Ева в известной степени имеет отношение к шумерской мифологии, это обнаружил известный американский ученый С. Н. Крамер. У великой богини-матери Нинхурсаг в шумерском раю росло восемь растений, которые никому не позволялось есть. Но Энки пренебрег этим запретом. Правда, богиня-мать за это не изгнала его из рая, но пригрозила смертью. Энки смертельно заболел, и лишь после заступничества других богов разгневанная Нинхурсаг решила спасти Энки. Из каждой части его тела, пораженного мучительной болезнью, она сотворила божество-целителя. Восьмым при этом было ребро, которое у него особенно болело. «А из него, — сказала богиня-мать, — я сотворю тебе спутницу, богиню Нинти». «Нинти» по-шумерски значит как «владычица ребра», так и «владычица жизни», поскольку «ти» означает и «ребро», и «творить жизнь». Она была создана, чтобы соблюдать заветы богини-матери.

Как говорит Э. Фромм: «Библейский миф о сотворении начинается там, где кончается вавилонский (шумерский). Чудесным образом не женщина рождает мужчину, а мужчина женщину». В Книге Бытия можно встретить два разных представления о сотворении человека. В более раннем человек создан двуполом: мужчина и женщина составляют одну суть. Во втором и более позднем вначале появляется мужчина как венец творения; женщина создана гораздо позднее и не из того же первоначального материала, а из ребра мужчины.

Зачем? Чтобы образовать с ним единство? О нет, Ева олицетворяет не существо, равное мужчине, а «другое», чуждое ему и остающееся чуждым. Ева — материальная плоть, Адам — идеальный дух. Все в материальном мире создано парным: небо и земля, день и ночь, солнце и луна, свет и тьма, бытие и смерть — таковы же суть мужчины и женщины. Так представляла это Библия, так видели это и греческие мыслители. Лишь

участие двух противоположных сил делает возможным рождение новой жизни и продолжение мира.

Согласно философским представлениям Платона, первый человек был вначале создан двуполом, лишь впоследствии Зевс за «дерзость» разделил его на две части, которые с тех пор стали чужды друг другу и должны вновь соединяться: «С тех пор свойственно людям влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу».

Только в любви и стремлении к полноте, как бы они ни проявлялись, видит Платон творческую силу, способную породить новую жизнь и создать новый образ мира. Лишь «согрешив», первые человеческие существа стали «самостоятельными». У Платона первое двуполое существо восстает против богов и в наказание оказывается расчленено.

В Библии именно Ева осуществляет деяние, достойное Прометея, и соблазняет мужчину вкусить от плодов запретного дерева «познания». За это оба они изгоняются из рая. Без провинности Евы не было бы на земле ни нужды, ни смерти, но не было бы и любви и потомства. В этой драме развития Ева представляется более активной, жаждущей знания стороной, Адам же, напротив, представлен наивным, пассивным и неведающим. Да, Талмуд даже называет его «куском глины»: «Он позволил себя одурачить, ибо сам не знал и не спрашивал, от какого дерева тот неизвестный плод, что Ева предложила ему на ужин. Он был отнюдь не слабым, не податливым существом, но существом невежественным. Вначале змей хотел обратиться к мужчине, но потом подумал: „С Адамом говорить бесполезно, он просто кусок глины, лучше я заговорю с женщиной, она податливей, любопытней и все хочет знать...“»

Что хотела «знать» Ева? «Знание» и «познание» в еврейском языке, но также и в древнесемитском означает «зачатие», «сотворение». Лишь когда Адам вкусил от запретного плода, у него «открылись глаза, и он узнал, что оба они наги» \*. Адам вдруг увидел, как соблазнительна Ева; Ева «пробудила» Адама. Она пробудила в нем желание, влечение, потребность в любви. Миф ви-

\* В русском тексте Библии: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги» (Быт, 3, 7). — *Примеч. пер.*



Женское начало постоянно связывается со змеями. Иногда мы видим богиню любви с двумя змеями в руках, иногда — там, где она олицетворяет плодородие, — это древняя женщина-змея. а) Богиня любви Иштар держит в руках двух змей, властвуя над любовью, судьбой и смертью (по Боннэ). б) Хтоническая богиня Геката с атрибутами своей власти: кинжалом, бичом, факелом и змеей (греческая гемма)

дит в этом проклятие человечества — а в результате была проклята женщина. Проклятие, наложенное на Еву в на весь женский род, дочерей Евы, — излюбленная тема всех богословов. Для них смысл мифа о Еве — провозглашение моральной ответственности и покорности богу. О половом акте в самом тексте нет ни слова; как и в древневавилонском мифе, говорится лишь о нарушении божественного запрета.

Немецкий исследователь — протестантский богослов Г. Гункель противопоставляет такой интерпретации другую: «Проклятие женщины связано с ее половой жизнью, она познала (пол) благодаря греху». Г. Гункель ссылается на слово «йеда» в древнееврейском первоисточнике, которое означает и «знание», и «половое общение».

Один из отцов церкви, Августин (354—430), выразил сходное представление в четкой формулировке: «Худшая кара за грехопадение — желание. Половое влечение, как и акт зачатия, всегда порочно, оно никогда не свободно от греха». Боязнь впасть в грех в результате любовного влечения еще и поныне угнетает большую часть человечества. Вытесненный в бессознательное, этот страх все еще держит людей, по выражению швейцарского психолога К. Г. Юнга (1875—1961), «в адской пасти тела».

## Абсолютный патриархат

Миф о Еве, как и всякий миф, в поэтической форме свидетельствует о реальном историческом событии — он знаменует конец матриархата. В эпоху матриархата кровное родство выводилось лишь по материнской линии, в Книге же Бытия вопреки биологии не мужское начало порождено женским, а, напротив, женское начало возводится к мужскому. Произошла «патриархальная революция», и теперь первая женщина появляется из тела мужчины, как Афина Паллада из головы богатоца Зевса. В греческом мифе, как и в христианском, мужское начало — это космос, творческая сила. Перефразируя К. Г. Юнга, можно сказать: изменившаяся оценка женщины, ее принижение и дискриминация есть порождение мужской травмы, «это действительно, так сказать, вышло только из его головы».

Вне всякого сомнения, первоначально Ева была легендарной богиней-матерью, но с утверждением патриархата она стала, как грубо выразился М. Лютер, «блудницей чертовой». Миф о Еве свергает с престола «великую мать», низводя ее в подчиненное положение. Мать в нем унижена, деторождение оказывается связано с грехом и соблазном; женщина осуждена рожать «в болезни». То, что прежде почиталось и восславлялось, объявлено теперь нечистым и достойным презрения.

Невозможно понять жизнь человека, не зная древних религиозных и мифических представлений; в них — корни человеческой истории. Миф в Книге Бытия сви-



Змея в ранних культурах могла интерпретироваться по-разному. Вавилоняне и евреи видели в ней воплощение зла, египтяне и греки — мудрости. Бог врачевания Асклепий изображался со змеей, обвивавшейся вокруг его посоха. В греко-римскую эпоху богиня Исида также изображалась со змеей, обвивавшей ее руку (римский рельеф)

детельствует о победе бога-отца и торжестве патриархального образа мыслей.

Что такое патриархат?

«Pater» по-латински значит «отец»; под патриархатом понимают организацию общества, основанную на отцовском праве. У евреев в области религиозных представлений сложился абсолютный патриархат. И именно отсюда перешло в католическую церковь понятие «патриарх». Оно означает старшего в племени, отца семьи или рода, а в области трансцендентного — также и племенного бога-отца, наделенного всеми мужскими атрибутами патриархального общества. Это бог грозный, строгий, но справедливый отец, он карает и награждает, он повелевает и самодержавно правит всем. Он олицетворяет не мир чувства и сострадания, но мир мысли, закона, порядка и дисциплины.

Еврейские пастушеские племена подчинялись племенному богу, который руководил ими и судил их как племенной вождь. Это продолжалось долго, до тех пор, покуда в эпоху царей племенной бог не стал богом всего государства, а затем, после вавилонского плена, — всеобщим универсальным богом. «С этим, — пишет Эрих Фромм, — была тесно связана другая функция, обусловленная характером социально-экономического развития. Когда в ходе истории возникла частная собственность и имущество стал наследовать один из сыновей, отец оказался заинтересован в сыне, который должен будет когда-нибудь стать его наследником. Естественно, наиболее пригодным для такой роли всегда казался отцу тот сын, который был больше других похож на него и которого он, следовательно, больше всех любил».

Существенно для отцовской любви то, что она налагает обязательства; эта любовь зависит от того, насколько покорен сын отцовским требованиям. Лишь покорный сын может быть любимцем отца. Тут есть и положительные и отрицательные стороны.

Поскольку любовь сопряжена с условиями, не выполнив их, можно ее потерять; но можно и снискать ее, если постараться. Для этого надо, чтобы человек постоянно приносивался к своему богу-отцу и не позволял себя отвлекать от служения ему. Тело есть тюрьма души, и лишь преодоление чувственных инстинктов позволяет человеку возвыситься до божественного. Для жёнщины религия означает самоотдачу и любовь, это присущие материнским божествам. Для мужчины рели-

гия означает закон, долг и логос. Иудаизму первому из всех религий удалось преодолеть космический политеизм, представление о божественной борьбе природных сил и заменить его моральными законами бога-отца. При этом оценка женщины, которая в условиях матриархата занимала в обществе главенствующее место, существенно пострадала. Христианство, переняв от иудаизма представление о боге-отце, равно как и миф о Еве, развило его дальше. Как и в каком направлении?

Как относился к женщинам Иисус, основатель христианства, которого последователи называли сыном бога-отца? Чтобы уяснить это, надо обратиться не к мифическо-спекулятивным толкованиям письменного предания, а к историческому фону, на котором возникло христианство. Это была эпоха эллинизма, ознаменовавшая перелом во всех областях — политической, социальной, культурной и религиозной.



## 4. РУБЕЖ ЭПОХ

### Эмансипация в эпоху эллинизма

Греческую историю сравнивали с пятиактной драмой. Первый акт — эгейская культура, которая охватывает III—II тысячелетия до н. э. Второй акт знаменуется общим подъемом греческих городов-государств Афин и Спарты и длился по 480 г. до н. э. Третий акт — золотой (Периклов) век. Четвертый характеризуется утратой свободы и началом упадка (399—322 гг. до н. э.). Последний, пятый акт — период эллинизма после смерти Александра Великого. Это — эпоха величайшего «внешнего» расцвета, влияние которой распространяется по всему миру — от Испании до Китая.

Истинным результатом победоносных походов Александра Великого и начавшейся с них «эллинистической весны» была всемирно-историческая буря, которая смела все старое и отжившее и связала культуры и народы, живущие на разных континентах. Благодаря ей во всех областях мысли и в религии проложили себе дорогу новые взгляды; это сказалось и на общественном положении женщины.

Значительная ассимиляция народов сопровождалась множеством смешанных браков. Это хорошо показал Ульрих Вилькен в своей «Хрестоматии папирологии». Один из изученных им папирусов повествует о македонянце Махатасе и его жене Азии, вероятно вольноотпущеннице из мест, на которые указывает ее имя; они жили около 250 г. до н. э. в Фаюме, к югу от современного Каира. В то время как муж оставался верен греческим богам, своей жене он позволил и дальше поклоняться сирийской богине Кибеле. Дети их оказались склонны к компромиссу: они молились как Зевсу, так

и Кибеле. Из другого папируса выясняется, что македоняне не только разрешали своим негреческим женам молиться негреческим богам, но порой и сами молились вместе с ними.

Человек — это мир в малом, мир — это человек в большом масштабе. Эллинизм расширил географический горизонт, одновременно шире становилась и человеческая мысль. Возникло новое гуманистическое представление о жизни. Греческий драматург Менандр (около 342 — около 291 гг. до н. э.), современник Александра Великого, формулирует принцип эллинистического гуманизма в духе этического монотеизма: «Бог один для всех — и для свободного, и для раба». И в другом месте: «Ни один человек мне не чужд, ибо от природы все люди равны». Менандру принадлежит и другая знаменитая фраза: «Что за славное существо человек, когда он человек». Человеческая природа, цивилизованная сущность человека лежит в основе идеала «*homo humanus*» \*, Менандр на равных правах включает в это понятие и женщин и рабов. Будучи острым наблюдателем человеческого поведения, страстей и бедствий, драматург снисходительно критикует людские слабости, проявляет глубокое понимание женщин. Мастерски очерчены характеры женских персонажей его «бытовых» комедий, в которых отразилась социальная жизнь того времени; у каждой — свои индивидуальные черты.

Можно сказать, что с психологической точки зрения лишь эллинизм открыл женщину.

Современником Менандра был Зенон из Китиона (около 336—264 гг. до н. э.), основатель философской школы стоиков, которому драматург был обязан многими своими идеями. Согласно просвещенным взглядам стоиков, этическая жизнь человека подчинена общим для всех законам природы и разума; это позволяет говорить о моральном равенстве всех людей, будь то мужчина или женщина, свободный или раб, грек или варвар. Истина, утверждали стоики, есть свойство суждения, она означает соответствие человеческого знания действительности. Эта действительность подтверждает равноценность всех людей.

Изменившееся положение женщины повлекло за со-

\* Человечный человек (лат.).

бой новое отношение к браку. Аристотель (384—322 гг. до н. э.), воспитатель Александра, формулируя нормы этики, призывал пересмотреть взгляды на женщину и на брак. Брак должен служить не просто получению потомства, а быть сообществом двух людей, объединившихся ради выполнения общих задач. Задачи эти разделены, работа у каждого разная; оба «помогают друг другу, при этом каждый вносит свой вклад в целое, находя в таком содружестве пользу и удовольствие». Брак имеет нравственную основу, если нравственны оба супруга; как ни различны их сущности, у каждого свое достоинство; такие отношения могут принести и телесную радость. Аристотель считает оскорблением «всякую любовную связь мужчины вне дома». Для нравственной чистоты человеку необходимо, считает он, почитать богов, уважать родителей, хранить верность в дружбе и браке.

Плутарх, философ и писатель более позднего времени (46—120 гг. н. э.), осуждает мужчин, которые, женившись и наскоро насладившись женами, затем отказываются от брака ради увлечений на стороне или, даже сохранив брак, «не заботятся всерьез о том, чтобы любить и быть любимыми». В брачной связи существенна взаимная склонность. Настоящая любовь в браке означает, что нет моего и твоего «для тех, чьи тела разделены, но души едины и слиты, кто не хочет думать и не считает, что их двое». Плутарх приходит к выводу: «Любить в браке — большее благо, чем быть любимым».

Софист Никострат так характеризует новое представление о браке: ни с кем не говорит мужчина о своих тайнах, «кроме своей жены, и говорит с ней, как с самим собой», ибо душа у них едина.

### Ученые женщины

Общее духовное обновление способствовало освобождению женщины. В эпоху эллинизма, то есть за 300 лет до начала нашего летосчисления, эмансипация женщины достигла уровня, какого не знала древность и какого долго еще не могло достичь общество христианской эпохи. Высвободившись из строго отгороженного домашнего мирка, женщина получила возможность приобщиться к открытому для нее теперь образованию.

Философией, делом до той поры чисто мужским, стали заниматься и женщины.

Образованные ученицы часто стали открыто появляться теперь рядом со своими учителями как в «университетах», так и во время их выступлений на улицах и рынках.

Древняя Академия связала платоновские идеи с пифагорейскими элементами. Идеи при этом нередко выражались математическими понятиями; объявлялось, что в основе мира лежит различие между единством и множеством. Из *двух* разных элементов можно сделать *одно* целое. Школа пифагорейцев, представлявшая собой довольно замкнутое религиозно-этическое сообщество, отличалось от других академий строгостью нравов и обычаев; она привлекла немало женщин. Пифагореец Финтий учил: «И мужчине, и женщине присущи храбрость, разум и справедливость, только в одних добродетелях больше приходится упражняться мужчине, в других — женщине». Он призывал женщин быть «скромными» и «благоразумными», одеваться просто, без украшений.

Новое, свободное умонастроение выразила пифагорейка Феано. Вслед за Платоном она утверждает единую нравственную меру для обоих полов: ведь, согласно Платону, «у плохого человека нечистая душа, у хорошего — чистая. Ни хорошему человеку, ни богу не пристало брать что-либо у нечистого».

Последней пифагорейкой была Гипатия (370—415 гг. н. э.). Она была дочерью математика Феона Александрийского и руководила школой. Она учила математике, философии и писала книги, которые, к сожалению, до нас не дошли. Ее убили христиане-фанатики, школа же была сожжена.

### **Женщина и политика**

Благодаря доступу к образованию изменилась самооценка женщин эллинистической эпохи. Они вырастали в новом, жадном до нового обществе; иногда они втягивались и в политическую борьбу за власть.

Однако излишняя поспешность в эмансипации, чрезмерное честолюбие и стремление к успеху открыли путь разрушительным силам. Иные из коронованных женщин той эпохи действовали с пользой, другие, на-

оборот, жертвовали благополучием страны ради своих поистине македонских страстей.

Из замечательных женщин эллинистической эпохи назовем двух наиболее ярких. Среди первых птолемеевских цариц выделяется Арсиноя II (316—270 гг. до н. э.). Она в возрасте 38 лет вышла замуж за своего брата Птолемея II, который был младше ее на восемь лет. Об этой истории много писали. Несомненно одно: именно Арсиноя побудила к браку младшего брата, проявив полное пренебрежение к обязательному в обществе запрету на инцест\*. Придворный поэт Феокрит в своей хвалебной песне сравнил эту связь с браком Зевса и Геры, которые тоже были братом и сестрой; он назвал это таким же исключением, какие дозволены богам. Арсиноя одно время царствовала над фракийцами, македонянами и египтянами.



Арсиноя II, в третьем браке ставшая женой своего брата Птолемея II, способствовала распространению и подъему греко-египетской культуры (изображение на монете)

Птолемей II Филадельф был не столько крупным полководцем, сколько государственным деятелем. Обеспечив экономический подъем своей стране, он привел ее к благосостоянию, какого она прежде не знала; он покровительствовал наукам, искусствам и культуре, превратив свою столицу Александрию в один из важнейших центров античного мира. Арсиноя II фактически правила вместе с ним, взяв на себя значительную часть государственных дел. Благодаря ей или вместе с ней он осуществил замечательные культурные начинания. Так, в Александрии на государственные средства

\* Как известно, в древнем Египте (как во времена фараонов, так и при династии Птолемеев) браки между братьями и сестрами была весьма распространенным явлением, в особенности в царской семье. — *Примеч. отв. ред.*

был основан Мусейон. Это был не музей, а своего рода исследовательский институт, в котором на самом современном для той поры уровне занимались наряду с поэзией и философией также астрономией, математикой, ботаникой и зоологией. Именно Арсиноя привлекла в Мусейон лучшие умы своего времени и вела там дискуссии с учеными и поэтами. Для обширной библиотеки были сделаны списки со всех произведений греческой классики и переведены на греческий язык иноязычные книги, в том числе Библия.

Птолемей пытался также провести религиозные преобразования, создав из элементов западных и восточных верований нечто вроде универсальной религии. После смерти Арсинои он причислил ее к сонму богов. Он назвал ее «Thea Philadelphos», что означает «братолюбивая богиня». Позднее он ввел также понятие «Theoi Adelphoi» (боги — брат и сестра). Таким образом, умершая царица и ее живой брат-супруг соединялись в одном культе. Немецкий историк Шубарт заметил по этому поводу: «Как для эллина полис, город-государство связан был с его религиозными представлениями, так теперь для новой государственной формы, царства, потребовалось новое религиозное обоснование; это могло быть лишь представление о божественности царя».

Идеи Птолемея II о теократической форме власти сформировались под влиянием его жены и сестры. Главное святилище Арсинои располагалось в столице провинции Фаюм, для осушения которой потребовались грандиозные мелиоративные работы. Когда-то болота и тростниковые заросли в этих местах кишели крокодилами, поэтому греки называли столицу Фаюма Крокодилополис, город крокодилов \*. Птолемей II превратил его в город-сад и переименовал в Арсиною. Нам думается, этот брак между братом и сестрой, не давший потомства, можно назвать благословенным. Некоторые историки называют Арсиною «самой выдающейся женщиной эпохи». Другие же изображают ее, особенно в первый период жизни, этаким «бой-бабой», одержимой честолюбием, не чуждавшейся никаких интриг, чтобы

\* Столица этой области (нома) Египта была центром почитания бога в облике крокодила. Мелиоративные работы в оазисе проводились еще в начале II тысячелетия до н. э. — *Примеч. отв. ред.*

удовлетворить свою жажду власти. Честолюбие, вне сомнений, было в крови у македонских цариц.

Эллинизм как всемирно-историческое явление достиг вершин в области политической, социально-экономической и культурной во времена Арсинои. Затем начался упадок эллинистических государств в результате соперничества между ними и внутреннего разложения; конец эллинизму положили римские завоевания. В последнем акте этой драмы на сцене появляется еще одна великая наследница Птолемеев — Клеопатра VII (69—30 гг. до н. э.), пожалуй, самая знаменитая и вызвавшая больше всего споров царица той эпохи. Если судить по изображениям на монетах, она была не слишком красива, но, очевидно, компенсировала этот недостаток очарованием и умом. По словам Плутарха, ее красоту «саму по себе нельзя было назвать несравненной или непременно пленяющей любого, кто видел ее. Однако, общаясь с ней, невозможно было противиться ее очарованию; очаровывали и облик ее, и искусство в речах, и пленительное обхождение».

Родилась она в Александрии, городе, который стал Парижем античности. Здесь она посещала уже упомянутый Мусейон, изучила шесть языков, была всесторонне образованной женщиной. Единственная из всех Птолемеев, она отлично говорила по-египетски и проявляла понимание к местным культам. Это принесло ей любовь народа.

Совсем юной Клеопатра вышла замуж за своего брата Птолемея XIII. Несогласие ее с методами его правления привело к политическому кризису. Целеустремленная и волевая женщина не пожелала склониться перед сплоченной группой высших царских чиновников. Окружение ее слабого брата добилось ее изгнания в 48 г. до н. э. Тем временем в Египте высадился Юлий Цезарь, чтобы выступить «посредником» в конфликте. Его войска заняли царскую крепость в Александрии. Примечательна сцена, когда в осажденную египетским войском крепость ночью проносят Клеопатру, закатанную в ковер. Пятидесятидвухлетний Цезарь был крайне поражен, когда из переданного ему подарка выскользнула экзотическая красавица двадцати одного года.

Римские писатели не поскупились на самые ужасные сплетни в адрес этой женщины: она была объявлена и «безнравственной» и «распутной». Но Клеопатра никогда не дарила свою благосклонность кому попало,



Клеопатра VII, египетская царица, возлюбленная Цезаря, а затем Антония (изображение на монете)

в своих отношениях она была весьма разборчива. Сам Цезарь, вообще-то весьма трезвый и уже немолодой повелитель, не устоял перед чувственным очарованием этой царицы с Нила. Клеопатру тоже пленил дух «великого римлянина». Она родила Цезарю сына, Цезариона.

По приглашению Цезаря Клеопатра прибывает в Рим, чтобы, как гордая мать, привезти отцу сына и продолжить прерванную совместную жизнь. Однако убийство Цезаря 15 марта 44 г. до н. э. обрывает эту связь, которая могла изменить мировую историю. Клеопатра чуть было не стала римской «императрицей», а Цезарион, их сын, потомок греко-македонских царей, — наследником Цезаря.

Трон и сама автономия Египта вновь оказались под угрозой, когда в 41 г. до н. э. здесь появился полководец Марк Антонин. Это был второй человек в Риме, он делил власть с будущим императором Августом — тогда его еще звали Октавиан — в соответствии с соглашением в Брундизии: Октавиан осуществлял управление над западными областями империи, Антоний — над восточными. Для уже 28-летней царицы этот примечательный год знаменовал начало третьего акта ее жизненной драмы. К сорока годам Антоний достиг вершины своей славы. Столь же горячий по натуре, как и Клеопатра, он пленился ею еще сильнее, чем Цезарь. Однако при этом Антонин оставался римлянином, ведущим расчетливую политику. Его привлекло не только очарование Клеопатры, но также — и прежде всего — громадные сокровища Египта и возможности военной власти. С ее помощью он хотел осуществить свою юношескую мечту — стать вторым Александром Великим и завоевать весь Восток. Несмотря на заключенный в 40 г. до н. э. брак с Октавией, сестрой Октавиана, он



женился на египетской царице, чтобы получить доступ к государственной казне; так их любовные отношения перешли в брак по расчету. Согласно римским представлениям, это было двоеженство, но с точки зрения восточного права — вещь абсолютно законная.

В том же году Антоний начал задуманную войну против парфян, которая закончилась полным разгромом его армии. Историки сравнивают неудачную парфянскую Кампанию с наполеоновским походом на Россию. Потерпев полное поражение на Востоке, Антоний в закрытой повозке бежал в Александрию. Клеопатра выехала ему навстречу; она привезла ему деньги, одежду, великодушно предоставила в его распоряжение другие средства, чтобы подготовить новый, еще более крупный поход против парфян. Но было уже слишком поздно. Неудача парфянского похода, а также унижение, которое претерпела его сестра в результате двоеженства Антония, побудили Октавиана к действиям. Он мобилизовал все военные силы Рима на суше и на море: для него шла речь о мести и о борьбе за власть, за господство над империей. Морская победа Октавиана над Антонием близ Акция решила исход борьбы и ознаменовала конец драмы. Двое возлюбленных покончили самоубийством. Характерно, что войну Рим объявил Клеопатре, а не Антонию. Ее Рим считал врагом номер один, ведь это она подговорила Антония отделиться от империи и угрожала мировому господству Рима.

Доказательством верности Клеопатры Цезарю можно считать уже тот факт, что в своем завещании она объявила Цезариона полноправным наследником. Возможно, этот потомок македонян и римлян, соединив в себе высокие способности отца и матери, сумел бы сделать еще больше их. Но Август почти сразу после победы под Акцием приказал казнить восемнадцатилетнего юношу.

Клеопатра — не первая из женщин, которая в своей переменчивой жизни нашла вторую любовь или еще раз вышла замуж. Она не забыла своей первой большой любви и тем не менее двенадцать лет дарила свою благосклонность также Антонию. Антонию она осталась верна даже тогда, когда его звезда начала заходить. Октавиан через посредников, обещая Клеопатре полное прощение, пытался подговорить ее, чтобы она убила Антония. Клеопатра отказалась. В преддверии неминуемой гибели царица устроила великолепный

праздник в честь дня рождения своего возлюбленного, чтобы поддержать в нем уверенность. Эта была вера не скептической гречанки, а глубоко религиозной египтянки. Она обожествляла Антония, видела в нем Осириса, который умирает и возрождается, в себе же видела Исиду, которая ищет умершего возлюбленного и находит.

### **Богиня эмансипации**

Чтобы создать в Восточном Средиземноморье тигль для переплавки народов и идей, нужна была объединяющая мысль, объединяющая религия. Властители из ветви сирийских Селевкидов весьма нетерпеливо пытались навязать покоренным ими народам Зевса Олимпийского в качестве верховного бога, сами же себя ощущали наместниками Зевса Сотера («Soter» означает «спаситель»). Терпимые властители из ветви египетских Птолемеев, которые проводили политику ассимиляции, опираясь на восточные религиозные представления, ввели культ универсального бога — Сараписа, или Сераписа. Серапис изображался в облике бородастого Зевса с корзиной зерна на голове — восточным символом плодородия. Для греков Сарапис был равен Зевсу, Гелиосу, Аиду и Асклепию; египтяне видели в нем новое воплощение Осириса.

Почитание Сараписа распространилось за пределы Александрии — отчасти через греческих торговцев, отчасти благодаря многочисленным приверженцам, которых привлекли странствующие апостолы этого бога и действовавшие его именем чудесные целители. В 1850 году французский археолог О. Мариэтт обнаружил в Мемфисе святилище Сараписа, в подземных галереях которого находились погребения священных быков Аписов. Один из 24 гигантских каменных саркофагов весил почти 70 тонн. К святилищу примыкала лечебница, где высокие медицинские знания греческих врачей в сочетании с египетской магией творили подлинные чудеса исцеления. Это особенно способствовало славе Сараписа.

В ту пору бог немислим был без богини. Рост влияния Исиды в греко-римской религии был тесно связан с ростом влияния Сараписа; но Исида вскоре по своему влиянию превзошла Сараписа. Вокруг Исиды сложился целый культ с религиозными мистериями и

иерархией жрецов. В бесчисленных гимнах она воспевалась как богиня небес и мироздания, как избавительница от бед, повелевающая судьбами и распространяющая культуру. Греки сравнивали ее с Герой, Деметрой, Ио, Гекатой, Афродитой, Тихе и изображали ее с лунным диском над головою, с систром и кувшином нильской воды. Богиня, которую в родной стране изображали с застывшими и безжизненными чертами лица, теперь приобретала греческий шарм. В ее уста вкладываются греческие слова, ей приписываются изречения в духе греческих философов. Она становится универсальной богиней.



Исида в греко-римскую эпоху стала универсальной богиней. Ее культ характеризовался особыми мистериями и иерархическим институтом жрецов. а) Исида-Артемида с лунным диском на голове, систром и кувшином для освящения (Рим). б) Исида в виде римской богини Фортуны с рогом изобилия и высокой короной (Неапольский музей)

Для людей образованных мистерии Исиды были связаны с глубокими идеями стоической философии. В одном из посвященных ей греческих гимнов богиня заявляет: «Я — мать всей природы, повелительница всех стихий, я — начало и первоисточник столетий, я — верховная царица всех обитателей неба, я — владычица мертвых. Сияющие высоты небес, целительные ветры морские, горестное безмолвие царства мертвых — все это я, всем этим я правлю, как хочу и желаю». И далее: «Все, что в мире есть крепкого, доброго и одушевленного, сама жизнь и все, что есть в ней, и все, что она рождает, исходит из нее (Исиды)».

В сочинении одного из стоиков, приверженца Исиды, богиня говорит: «Я отменила тиранию, сделала справедливость сильнее, чем золото и серебро; благодаря мне природа различает добродетель и грех». Одна



Исиду представляли как богиню-мать, вскармливающую ребенка. Здесь она изображена на троне в виде небесной царицы. Еще до распространения христианства в Римской державе она пользовалась широким почитанием в народе, так что Калигула был вынужден возвести ее культ в ранг государственной религии

надпись в святилище Исиды на острове Иос многозначительно свидетельствует: «Я добилась того, что мужчины стали вновь любить своих жен»; между тем в одной молитве говорится: «Ты дала женщинам ту же силу, что и мужчинам». Исиды стала покровительницей тогдашнего «женского движения», у нее было много неистовых поклонниц.

Быстрый рост числа приверженцев Исиды осуждал Плутарх в своих брачных предписаниях. Женщины, по его мнению, должны молиться лишь тем богам, которых признают их мужья, то есть греческим и римским; перед всяким же другим культом или суеверием, то есть перед восточными религиями, им следует закрыть дверь. Плутарх, обычно выступающий за равноправие, настоятельно подчеркивает, что лишь эмансипация позволила женщинам сменить богов против воли своих супругов. Сенека (I в. н. э.) называет рьяных поклонниц Исиды «извращенными» женщинами, требующими новой этики и морали.

Калигула возвел почитание Исиды в ранг государ-



Торжественная мистерия перед храмом Исиды в Помпеях. О египетском происхождении богини говорят пальмы, сфинксы и ибисы, а о ее терпимости и универсальности — разный цвет кожи у членов общины. Рисунок в книге не может дать представления о мастерстве и красоте настенной росписи, найденной при раскопках в Помпеях

ственной религии, но, как можно судить по росписи в одной из вилл в Геркулануме, она, видимо, получила распространение только в верхних слоях общества. Картина изображает богослужение Исиде, здесь мы видим ибисов, пальмы, сфинксов и темнокожего жреца — вещи весьма необычные, подчеркнута чужестранного происхождения; все полно солнца и экзотики. Не о такой ли обстановке мечтали римские женщины, которые на росписи представлены как «хор избранниц Исиды», аристократическая свита царственной богини?

Женщины из низов, которые об эмансипации не помышляли и на нее не надеялись, не находили утешения в этой показной утонченной религии для избранных; они обращались к другим религиям, тоже пришедшим с Востока, — к иудаизму и христианству. Эти последние обещали избавить страждущих от угнетения, отчаяния и уныния, внушали им надежду на приход мессии. В Римской империи христиан еще несколько веков считали просто одной из многих еврейских сект и подвергали преследованиям наравне с прочими. Известно, что в числе первых, кого захватило религиозное движение, пришедшее из Иудеи, были женщины, особенно из самых бедных слоев. Женщин-прозелитов — так называли новообращенных — было больше, чем мужчин. К ним обращал свои проповеди в синагогах Павел, эти женщины стали первыми приверженцами христианства. Он с любовью называет их своими соработницами и матерями общины.

### **Женщины как носительницы религиозности**

Первые христиане оказались в конфликте с римскими властями. Это вело не только к преследованиям и мученичеству, но и к внутренним разногласиям в «самом тесном семейном кругу», как выразился немецкий историк Л. Фридендер в своей «Истории римских нравов». «Христианское учение, — пишет он, — воспламенило в первую очередь сердца женщин, и его проповедники, конечно, не могли не понимать, как много значит их восприимчивость для распространения новой веры. Как известно, христианство нашло признание прежде всего в низших слоях общества. Язычники еще в течение двух веков с насмешкой говорили, что новые общины состоят преимущественно из мелкого люда, из

ремесленников и старых женщин, что христиане способны обратить в свою веру лишь самых простоватых и приниженных, лишь рабов, женщин и детей. Возможно, у христианства в Риме были последовательницы, принадлежавшие к более высоким слоям. Тем, кто не хотел терять своего положения в результате брака с людьми более низкого положения, первые епископы позволяли сожителство даже с рабами, показывая тем самым, что такие отношения, закреплённые законом и моралью, лучше, нежели брак с „неверующими“. Не было никакого сомнения, что в ходе вековой борьбы между язычеством и христианством будут все больше рваться самые священные природные узы и разрываться сердца. Юстин описывает случай, каких было, наверное, тысячи: некая женщина, став христианкой, тщетно пыталась „исправить“ (обратить) своего мужа; наконец ее одолел страх, что если она и дальше будет оставаться его женой, то окажется, как и он, повинной в безбожии, и она ушла от него. Порфирий передает ответ оракула Аполлона на вопрос ее мужа, какого бога ему просить, чтобы жена отказалась от христианства: „Ты скорее научись писать на воде либо летать в воздухе, нежели сумеешь переменить мысли твоей супруги, опозорившей себя безбожием“».

Эти первые стойкие христианки покидали свой дом и семью и по слову Иисуса «следовали за ним, дабы снискать царствие небесное».

А как относился к женщинам сам учитель?

### **Иисус и женщины**

Ни поэты, ни художники древности не обращали внимания на красоту и своеобразие окружавшего их пейзажа, Пейзажи на помпейских стенных росписях — просто нереалистические декорации. А ведь ландшафт, среди которого вырастает человек, влияет на его жизнь и судьбу. Немецкий философ Освальд Кюльпе (1862—1915) писал, что человека нельзя отрывать от его окружения, следует рассматривать его в «интеракции», то есть во взаимодействии с ним.

Иисус, как известно из Библии, вырос в Назарете — «маленьком местечке», небольшой деревне. Назарет находился в северной области Иудеи, которую называли Галилеей. Это гористая местность, полная конт-



Изображения первых христиан следовали античным представлениям. На одном христианском саркофаге «брак в Кане» изображен как свадьба Пелея с нимфой Фетидой (дельфины на верхней кромке!). Гости приносят подарки жениху и невесте (вилла Альбани, Рим)

растов. Здесь обитали народы самого разного происхождения — греко-сирийского, ханаанско-финикийского, но главным образом иудейского. Обычаи их, касавшиеся женщин, были столь же различны, как и отношение к ним. У одного народа женщина не знала существенных ограничений, у другого она жила замкнуто, как в гареме. В городе предпочитали скрывать женщину во внутренних покоях дома, чтобы она не общалась с чужаками и иноверцами. В деревне это было невозможно, ведь женщина должна была участвовать во многих полевых работах.

Когда родился Иисус, время расцвета эллинизма \* и самостоятельности Иудеи уже миновало. Страна, лишь формально имевшая самоуправление, стонала под гневом римлян. Результатом крайнего угнетения было общее обнищание людей, депрессия, чувство полного бессилия; люди стремились как-то уйти от жизни, которая сулила им все меньше надежд, и замыкались в себе. Некоторые реагировали иначе, отчаяние и гнев приводили их к борьбе, даже если это грозило гибелью; для других надежда на лучшее будущее оказывалась связана с углубленной и обновленной религиозностью.

\* Автор употребляет слово «эллинизм» то в узком, то в широком смысле. Концом эллинизма принято считать 30 г. до н. э., когда Египет — последнее из государств, возникших на развалинах державы Александра Македонского, — вошел в состав Римской республики. Свойственный же периоду эллинизма интенсивный синтез различных культурных традиций сохранялся, естественно, и позже этого хронологического предела и имел важное значение для возникновения христианской религии в I в. н. э. — *Примеч. отв. ред.*

В бедственные эпохи всегда обостряются крайние тенденции.

В Галилее и борцы за свободу, и люди, видевшие выход в религии, были полны мятежного духа. Недаром существовала тогда поговорка: «Из Галилеи не может прийти ничего хорошего».

Каждый язык обладает своими выразительными средствами. Галилея была областью двуязычной. Здесь говорили как на греческом, так и на еврейском или арамейском языке. Иисус, несомненно, владел обоими языками, и если он говорил и думал лишь на еврейском, то это потому, что проповедовал он главным образом среди иудеев. В притчах Иисуса чувствуется запах галилейской земли, они тесно связаны с местной действительностью. Он говорит земледельцам о лопате для веяния зерна, о гумне и житнице (Лука, 3, 17), о пастухе, отбирающем животных (Матф. 25, 32). Этот язык был понятен слушателям. Иисус во всех отношениях был человек деревенский, лишь несколько дней перед смертью он провел в городе, где и настигла его судьба.

К кому обращался Иисус? К беднякам и голодным, к нищим и отверженным, к париям общества! У тех, кто следовали за ним, не было ни гроша за душой, ни одежды, кроме той, что на них.

И сам Иисус был так же беден, как они; он тоже не знал, «где преклонить свою главу». Его последователи раздавали свое имущество: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа — и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4, 32). Врагами его были богачи, которым так же трудно войти в царствие небесное, «как верблюду в игольное ушко». Язык, которым он говорил, не ласкал слух.

К бедным, угнетенным, к тем, кто страдал душой, относились также и женщины. Чтобы подчеркнуть насущную необходимость улучшить общественное положение женщины, Иисус прямо обращался к тем, кого общество отвергало, и к тем, кто ходил в лохмотьях. Даже учеников его смутило, что Иисус, благочестивый человек, открыто беседовал у колодца в Самарии с женщиной дурной репутации; эта женщина жила в свободной любви с семью мужчинами. Они «удивились, что он разговаривал с женщиною, однако ж ни один не сказал: „Чего ты требуешь?“ или „О чем говоришь с



нею"» \*. Им это явно было неприятно, однако сказать это учителю они из почтения не решились. Для благочестивого, связанного с традициями рабби такое поведение было в новинку, оно выглядело вызывающим.

Похоже, будто Иисус предпочитал именно тех женщин, «что живут в грехе». Никогда не упоминает он грехопадения и вины «дочерен Евы», никогда в своих притчах он не приводит согрешившую женщину как устрашающий пример. Наоборот, он говорит: «Прощаются грехи ее многие за то, что возлюбила много» (Лука, 7, 47). Однажды толпа собиралась побить камнями грешницу, «взятую в прелюбодеянии». Тогда Иисус обратился к мужчинам, жаждавшим убийства: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Иоанн, 8, 7). В самом деле, кто же без греха?



Поклонение трех волхвов изображено на этом оттиске с римского каменного кольца, найденного в Неаполе (около 600 г. до н. э.), в полном соответствии с античными образцами

Развод Иисус отвергает независимо от того, женщина ли ему виной или нет, ибо, «что бог сочетал, того человек да не разлучает» \*\*. Следовательно, вступая в новый брак, мужчина или женщина совершает прелюбодеяние. Об этом недвусмысленно говорится у Марка, первого из евангелистов: «И если женщина разведется с мужем своим и выйдет за другого, (она) прелюбодействует» \*\*\*. Это указывает на сравнительно свободное положение женщины во время Иисуса, когда женщины

\* Иоанн, 4, 27. В Евангелии Иисус говорит женщине: «У тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе» (Иоанн, 4, 18). — *Примеч. пер.*

\*\* Марк, 10, 9. — *Примеч. пер.*

\*\*\* Марк, 10, 12. — *Примеч. пер.*

могли сами добиваться развода. Иисус, однако, выступает против. Для него брак есть попытка сделать из двух «я» одно; таково предназначение творца, и его нельзя отменить.

Евангелисты идеализировали образ Иисуса, сделав его непохожим на других людей. Остается загадкой, почему они не идеализировали также его мать, материнскую любовь к сыну. Мария упоминается очень редко, причем зачастую — в противоположность позднейшей традиции — отмечена всяческими недостатками. Не связано ли это со стремлением вести борьбу против почитания богини-матери, которое имело глубокие многовековые корни у языческих народов, населявших Галлилею?

Наряду с учениками Иисуса сопровождали многие женщины, главным образом те, кого он исцелил от болезней или избавил от демонов. Среди них была и Мария Магдалина, из которой он изгнал «семь бесов» (Лука, 8, 2). Город Магдала на Генисаретском озере имел рыбные промыслы, Мария, видимо, разделявала рыбу, но одновременно занималась и проституцией. Историки религии не могут сказать, сыграла ли эта женщина решающую роль в жизни Иисуса и каким образом. М. Лютер считал, что Иисус, видимо, женился на Марии из Магдалы, чтобы полностью разделить человеческую участь; если помнить о высоком отношении самого Христа к браку, этот взгляд кажется крайне сомнительным, однако он представлен также в христианской гностике. В «Pistis Sophia» \* прекрасной любвеобильной грешнице дается более чем прощение: «Великолепная Мария (Магдалина), ты блаженна, ты сама полнота, прославленная в поколениях».

В апокрифическом египетском Евангелии от Филиппа (Коптский текст), в параграфе 3, говорится: «Женщины следовали за господом постоянно: Мария, мать его, его сестры и Магдалина, которую называли его спутницей (партнершей)». «Мария», собственно, значит и сестра, и мать, и спутница. Параграф 55б: «Марию Магдалину спаситель любил более, чем всех учеников, и часто целовал ее в уста. Другие ученики подошли к ней и стали ее упрекать. Ему же сказали: „Почему ты

\* «Мудрость веры» (греч.) — название коптской рукописи из Египта.

любишь ее больше, чем нас всех?»). Тексты египетского происхождения представляют особый интерес, поскольку в Нильской долине христианство распространилось раньше всего и сохранило свои первоначальные черты. В Евангелии от Фомы говорится: «Симон Петр сказал им: „Мария должна нас оставить, ибо женщины недостойны жизни (вечной)“». Иисус возразил на это: «Смотри, я поведу ее, чтобы она сравнялась с мужчинами, в том числе и с духом живым, который вас делает мужчинами. Ибо всякая женщина, сравниваясь с мужчиной, войдет в царствие небесное». В другом апокрифическом Евангелии из Египта Иисус говорит: «Я пришел, чтобы отменить цену женского».

### **Любовь к ближнему**

В центре учения Иисуса — любовь, всеобъемлющая любовь к ближнему. «Возлюби ближнего твоего как самого себя», — сказано уже в Ветхом завете (Левит, 19, 18), а евангелист Матфей объявляет эту мысль основной заповедью, на которой утверждается «весь закон и пророки» (Матф. 22, 39 и сл.). В греческом тексте Евангелия понятие «любовь» передано словом «агапе»; греки употребляют для обозначения любви также слово «эрос», но понимают под ним нечто другое. «Эрос» означает «страстную любовь», когда желаешь другого для себя, любовь, которая дарует любящему страдание и блаженство; это демоническая сила, возносящая человека на вершину экстаза и низвергающая его в пропасть вины, — так выражается у Софокла Антигона. Но эрос — не только слепая, чувственная страсть, это устремление духа, души к высшему. «Эрот — это великий гений, нечто среднее между богом и смертным, это дитя богатства и бедности» (Платон).

В Евангелиях слово «эрос» не встречается ни разу, а греческая литература, в сущности, не употребляет слова «агапе». Между этими понятиями существует огромная разница: эрос — это любовь вождедеющая, агапе — любовь дарующая. Греческая Библия (Септуагинта) обозначает словом «агапе» и природную любовь отца и матери к своим детям, и прежде всего любовь мужчины к женщине. Таким образом, любовь земная и небесная обозначаются одним словом, а следовательно, двойная заповедь: любить бога и любить ближнего

своего как самого себя, о которой говорится у Матфея, есть одна заповедь. Иисус пришел для того, чтобы «исполнить» эту заповедь «агапе» (Матф. 5, 17).

Датский философ и теолог С. Кьеркегор (1813—1855) проникновенно пишет по этому поводу: «Заповедь любить ближнего как самого себя — словно отмычка, одновременно открывающая замок себялюбия и отнимающая его у человека. Выражение „как самого себя" нельзя повернуть и переиначить; в нем неумолимость вечности, оно проникает в самые скрытые уголки, где таится любовь человека к себе самому, и не оставляет этой любви ни малейшего оправдания, ни малейшей лазейки. Не удивительно ли? Сколько долгих и остроумных речей можно было потратить, убеждая, что человек должен любить ближнего своего, а самолюбие каждый раз находило бы для себя извинения и отговорки, поскольку суть всегда оставалась бы не испорчена полностью, все возможные случаи не перечислены, мысль не была бы выражена и описана точно и обязательно. Но это „как себя самого" — поистине, ни один борец не мог бы ухватить своего противника так крепко, не давая вырваться, как делает это заповедь любви к себе».

### **Женщины и апостол Павел**

Из совсем другой местности, чем Иисус, происходил апостол Павел. Если Иисус вырос в деревне, в иудейском «маленьком местечке», его главный апостол, напротив, в иудейской общине Тарса, оживленной столицы Киликии. Киликия (в современной Турции) лежала на перекрестке многих путей и была объектом многих споров. Здесь был распространен культ Артемиды; апостол особенно подчеркивал его притягательность для масс и усиленно с ним боролся. Иисус проповедовал перед деревенскими общинами и избегал городов. В Тивериаду, столицу Галилеи, он никогда не входил, Павел же, напротив, проповедовал только в городах; здесь он чувствовал себя вполне в своей стихии.

Условия жизни определили также и отношение Павла к другому полу. Женщины, которых видел в своей юности Иисус, были главным образом суровые крестьянки с гор, гордые, своенравные, работавшие на полях вместе с мужчинами. В Тарсе, напротив, женщины и дети жили отгороженно от окружающего мира. Когда

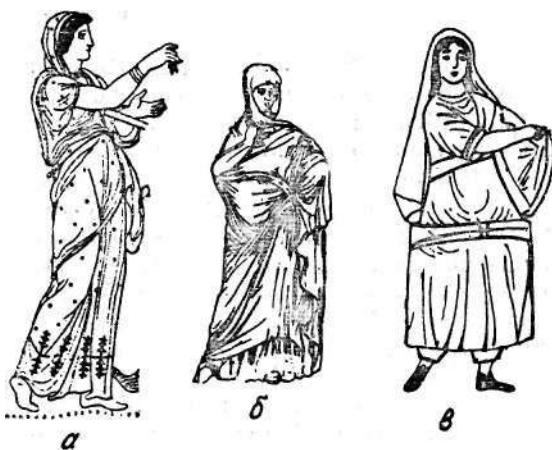
же маленький Савл (так звали его тогда) украдкой выглядывал из зарешеченного окна своей сумрачной комнаты на языческую часть города, он видел напоминающие карнавал шествия радостных женщин, которые направлялись к храму Артемиды, а женщины-зрительницы с обочины кричали в восторге: «Славься, наша Артемида!» Мужчины-зрители присовокупляли к этому терпкие непристойности. В представлении мальчика, храм Артемиды, куда ему входить строжайше запрещали родители, вероятно, скоро оказался связан с похожими на оргии празднествами порочного культа, которому были привержены все неиудейские женщины.



Культовая статуя широко почитавшейся Артемиды Эфесской. Первоначально богиня охоты Артемида стала богиней-покровительницей женщин, бракосочетания и родов (музей Эфеса, близ Измира)

Мистерии Артемиды отчасти были отмечены чертами моральной распущенности, характерной для Малой Азии, где женщины во всех отношениях обладали свободой; даже гетеры здесь допускались к действиям для посвященных. Полную противоположность уверенным в себе греческим женщинам Тарса представляли женщины иудейские: они жили замкнуто, покорно, строго следуя ветхозаветным законам. Тем не менее Павел и на них смотрел весьма критично. Он, видимо, никогда не общался с женщинами, даже в родительском доме.

Резкость, с которой он исключал всякую возможность глубокого душевного единства между мужчиной и женщиной, связана не столько с напряженными психозеротическими переживаниями юности — о его матери и, может быть, о сестрах ничего не известно, — сколько с его религиозным, основанным на мифах мировоззрением.



а) Афинская женщина с покрывалом. б) Гречанка, одетая по восточной моде. в) Иудейка из Дура-Эвропоса

Среди первых обращенных в новую веру было немало выдающихся женщин, например иудейка Прискилла. Изгнанная из Рима императором Клавдием вместе со всей иудейской общиной, она попала в Коринф и там развернула активную религиозную деятельность. Ее часто и с похвалой упоминал ее муж, ибо (по словам М. Фаульхабера) «она, несомненно, была душой дома и духовной руководительницей для окружающих». Благодаря «миссионерскому рвению» Прискиллы и многих других процент женщин среди последователей апостола Павла неуклонно рос. Несмотря на это, он говорит: «Жены ваши в церквах да молчат» (I Кор. 14, 34). И еще: «А учить жене не позволено, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо...» — и тут следует обоснование не столько по сути, сколько опирающееся на миф: «Ибо прежде создан Адам, а потом Ева, и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление» (I Тим. 2, 12—14). Согласно мифическим представлениям, отраженным в рассказе о сотворении человека, женщина повинна в несовершенстве мира, и проповедник, верный тогдашним взглядам (в соответствии с которыми определялись и родство и наследование), видел Еву в каждой женщине. С великой строгостью он требует от последовательниц своих не поддаваться греческим идеям эмансипации,

хранить верность древним законам и религиозному долгу.

В первом послании к коринфянам Павел подробно и недвусмысленно излагает свою позицию по «женскому вопросу»: «Всякому мужу глава Христос, жене глава — муж... всякая жена, молящаяся... с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же самое, как если бы она была обритая (т. е. проститутка. — Примеч. авт.), ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется... Муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для ангела» (11, 3 и сл.).

Саксонский теолог Г. Деллинг в своем исследовании «Павел и женщины» дает этому отрывку из послания пояснение: «Для Павла покрывало — нечто вроде клейма. Женщина в большей мере пленница природы по причине своей будто бы более сильной сексуальности,



Изображение женщин, закутанных в покрывала, было обнаружено лишь на одном-единственном античном рельефе близ Пальмиры; это участницы какой-то процессии

носить покрывало — значит смиренно это признать, значит испытывать стыд от того, что через нее в мир пришел грех».

Элегантные гречанки тоже носили покрывало, но из воздушных цветных тканей, чтобы подчеркнуть свою очаровательную красоту. Христианки же, напротив, должны были скрывать себя под своими серыми и черными покрывалами.

В мышлении Павла — как и в случае с «комплексом Евы» — вновь проступают представления, основанные на древних мифах. Слабый пол, легко поддающийся-



На самых ранних христианских саркофагах женщины по большей части изображены без покрывала и головного убора, одетыми по римской моде (по Буонаротти)

ся соблазну, должен «для ангела» покрывать свою голову. В греческом мифе нет ангелов, но есть боги, которые постоянно атакуют и соблазняют прекрасных земных женщин. В Книге Бытия соблазняют человеческих дочерей ангелы, точнее, сыны божии (Быт. 6, 2 и сл.).

Павел, который сам не был женат, рекомендует мужчинам и женщинам жить одиноко, ибо брак есть лишь «необходимое зло». Он советует сочетаться браком лишь тем, кто «сгорает от желания», но и они должны, насколько это возможно, уравновешивать свою чувственность (инстинкты) разумом и обращением к духовным делам. Лучше всего было бы, если бы люди добровольно решили жить друг с другом, как братья и сестры, ибо «тело не для блуда, но для господ» (I Кор. 6, 13).

Один из последователей Павла, учитель церкви Тертуллиан (160—220), провозглашал с вызывающей краткостью: «Брак основан на том же самом акте, что и блуд». Иероним (331—420), который в юности досыта вкусил женской благосклонности, а в более зрелом возрасте жил отшельником, строго требовал: «Возьмем в руку свою топор и срубим у самого корня бесплодное дерево брака».

Павел видел в любви риск — риск, которого можно избежать. Но что он вообще понимал под любовью и браком? Брак, по его мнению, служит не для того, чтобы производить потомство (как считали древние), а единственно и исключительно для удовлетворения чувственной похоти. Однако учение Христа провозглашает прежде всего любовь — любовь к ближнему: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Это означает уважение к личности других людей. Это означает, что любовь к себе может быть согласована с неприкосно-



венностью и единственностью всякого другого существа — будь то чужестранец, будь то женщина. Совсем другое понятие избирает фанатичный моралист Павел: любовь называется у него «блуд», это распутство и грех, «не знающая узды похоть», что скачет «от ложа к ложу» (Рим. 13, 13) \*. Павел не исключает взаимной любви, но лишь во «исполнение закона». Лишь перед богом равны мужчина и женщина, но не в практической жизни.

Христианский гностик Ириней, выступавший за новое понимание любви («гносис» означает «познание»), заявлял, протестуя: «Кто не любит женщину, тот не знает истины, он должен еще прийти к истине». Это глубокое высказывание, ведь слепец не может понимать в цветах, а кто не ведал *истинной* любви, не может понять *истину* любви.

В одной из молитв гностического Евангелия Евы праматерь Ева, олицетворяющая человеческий универсум, говорит Христу, новому Адаму, о природе истинной, связующей любви: «Я есмь ты, и ты еси я, где бы ты ни был, ибо я есмь и посеяна в тебе и во всем живущем, и всюду, где ты пожелаешь, ты собираешь меня, и где ты собираешь меня, ты собираешь себя».

Эта прекрасная декларация совпадает не с представлениями Павла, а со взглядами Христа на любовь к ближнему. Жаль, что в последующие века утвердилось не убеждение учителя, но убеждение его апостола!

Павел умер в 65 г. н. э. в Риме. Его моральная проповедь при его жизни не оказывала никакого влияния на греко-римский мир в целом. Еще не закончилась античность. Но уже ничто не могло остановить перемен к худшему в общественном положении женщины.

Закат Римской империи знаменовал собой конечный пункт тысячелетнего развития. Наступило мрачное средневековье. Поскольку женское начало было объявлено дьявольским, женщин, кому-то показавшихся неудобными, стали сжигать на кострах как ведьм; последствия такого отношения к женщине для нашего духовного развития мы ощущаем и поныне.

Впрочем, верит ли сейчас кто-нибудь в ведьм?

\* В русском каноническом тексте соответствующее место звучит так: «Будем вести себя благочинно — не предаваясь... ни сладострастию, ни распутству» (Рим, 13, 13). — *Примеч. пер.*

В 1973 году Алленсбахский институт обратился к ряду граждан ФРГ с вопросом: «Когда-то верили в ведьм. Считаете ли вы, что в этом, может, есть своя правда? Может быть, ведьмы существуют?» Девять из ста молодых западногерманских граждан и семнадцать из ста человек старше 60 лет твердо или с небольшими оговорками заявили, что верят в существование ведьм. В США этот процент еще выше; там еще в начале нашего века проходил «процесс ведьм».

В самом деле, от нас до средневековья (и обратно) не так уж и далеко. Мы живем в «просвещенную эпоху» человечества, эпоху правового, политического и социального равноправия, но все же положение женщин во многом осталось проблематичным.

А как протекала в древности повседневная жизнь женщины?

*часть вторая*  
**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ  
В ДРЕВНЕМ МИРЕ**

---

**1. ДЕТСТВО**

**Когда опасно родиться девочкой**

У кочевников-моавитян в Восточной Иордании во время родов уже тысячелетиями разыгрывается один и тот же ритуал, характерный для этой скудной, жаркой, пустынной земли: роженица сидит на корточках, раздвинув бедра и крепко упершись ступнями в края ямы, за спину ее поддерживают старые женщины. Женщины этого племени приветствуют рождение новой жизни пронзительными криками страха, заклинаниями и магическими знаками. В соседнем шатре лежит отец будущего ребенка. Верхнюю одежду он снял; когда ему сообщают о первых схватках, он начинает кричать и стонать громче, чем роженица, ибо, по древним бедуинским представлениям, не от женщины, а от него зависит, как пройдут роды и какой появится на свет ребенок. Не мать дает ребенку жизнь; она лишь сосуд, в котором вырастает и получает питание зародыш, но творит жизнь отец, и этнографы спорят, что означает этот обычай, называемый «кувада»: выражает ли он сочувствие роженице, желание сравняться с ней, или это способ отгонять злых духов?

Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), хорошо знавший мир Восточного и Западного Средиземноморья, общал о подобном обычае на Корсике, на Кипре и в Индии: «Когда женщина рождает, за ней самой никто не ухаживает. Зато мужчина ложится в постель, как будто он болен, и проводит так несколько дней».

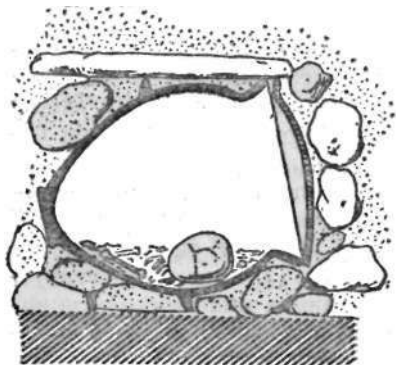


Во время родов роженице помогали две акушерки. По этой терракотовой статуэтке с Кипра (1200 г. до н. э.) трудно судить, сидит ли женщина на корточках над ямой или на двух камнях, как это было принято в древности (музей в Неаполе)

Для мужчин из бедуинских племен сын — это наследник, продолжение их самих, благодаря ему будут жить дальше они сами, их семья, их род. Для матери ее дитя, которого она выносила в чреве, — чудо, и сама она — волшебный сосуд, в котором возросло семя мужчины. Если этот сосуд слаб, то даже самый сильный зародыш даст лишь скудный росток, слабое потомство. Если рождается дочь, в этом повинна только женщина. В Аравийской пустыне с древних времен существовал обычай вырывать перед каждыми родами яму в песке. Над ней мать рожала, сидя на корточках. Если ребенок, падавший в яму, был «всего лишь» девочкой, отец



Вопрос о жизни и смерти новорожденного решал отец. Лишь когда он «принимал его себе на колени» и тем самым соглашался взять на себя заботу о нем, ребенок становился членом большой семьи. Дети, которых не признавали, подкидывались или умерщвлялись. На одном хеттском золотом кубке из Хасанлу (около 1100 г. до н. э.) акушерка протягивает ребенка отцу, чтобы он взял его «себе на колени» (музей в Анкаре)



Пузатый глиняный кувшин с детским скелетом; такие часто находили на Переднем Востоке и в Греции под порогом дома; это были жертвы при закладке основания дома. Пузатый кувшин — предшественник урны — символизирует тело женщины. Изображенная на рисунке жертва при закладке дома найдена в Олимпии (Греция)

тотчас решал, засыпать ли над ней яму или, если девочек в племени не хватало, позволить ей жить.

Бедуины племени курейшитов в Саудовской Аравии отвергали варварский обычай других племен превращать родильную яму в погребальную. Они также не следовали обычаю этих племен приносить юных девиц в «жертву» — так обычно называли культовое убийство детей. Они просто оставляли детей на священной горе Абу Духама близ Мекки, с тем чтобы пророк и посланец аллаха в безграничной милости своей сжался над ними. Верховный мулла Сасаа спас много подкинутых девочек. Это воспринималось как чудо. Кроме того, он давал отцам верблюда в качестве выкупа, правда лишь для того, чтобы продавать подкидышей на запад, торговцам девочками.

Однако обычай этот существовал и до появления ислама.

### **Знаменитые подкидыши**

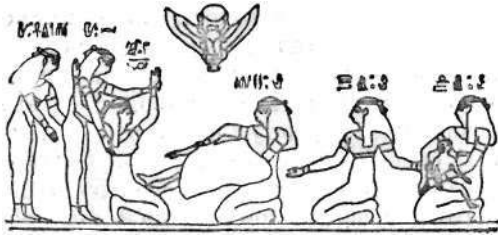
Подкидывать младенцев по причине перенаселенности или из экономической нужды было у всех народов древности, в том числе и у израильтян, столь же обычным делом, как у кочевников, и не считалось варварством. Пророк Иезекииль говорит об одном подкидыше: «При рождении твоём — в день, когда ты родилась, — пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта для очищения, и солью не была осолена и пеленами не повита... но ты выброшена была в поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего» (16, 4 и сл.).

К 1300 г. до н. э. относится иероглифическая надпись, которая сейчас находится в Лейденском музее;

там говорится о жестоком голоде как причине детоубийства: «Это так, это так. В горе оставляли детей на дороге или в пустыне или, положив в корзину, жертвовали крокодилам Нила». Не приводит ли это на память тростниковую корзину, в которой был подкинут маленький Моисей, или историю царя Саргона, основателя в 2300 г. до н. э. первую Аккадскую державу? В одной автобиографической надписи он признается: «Матерью моей была иеродула (храмовая проститутка), отца я не знал, втайне родила она меня, положила в осмоленную тростниковую корзину и предала течению реки». Схожая легенда окружает рождение основателя великого Хеттского царства в Анатолии почти 4000 лет тому назад. Он был подкидышем и считался полубожественного происхождения. Один бедный рыбак нашел его, лежащего в речных камышах, принес своей жене и сказал ей: «Сядь на корточки и кричи, чтобы все соседки вокруг слышали, как ты рожает, и думали, будто это наш сын». При усыновлении подкидыша прибегали к такой подражательной магии, как и при куваде; приемная мать должна была имитировать роды, а приемный отец должен был поднять ребенка над собой в знак того, что признает его, или взять себе на колени.

Согласно Диодору, Зевс, который сам был подкидышем, уговорил свою жену Геру усыновить Геракла, рожденного от него Алкменой. Гера возлегла на облачное ложе, Зевс положил уже подростка ей под одежды, и тот, как при настоящих родах, выскользнул оттуда на землю; затем Зевс поднял его и объявил бессмертным героем.

Если судить по многочисленным мифам разных народов, может показаться, что едва ли не все выдающиеся личности были подкидышами. Зброшенные, отринутые, презренные, ничтожные черви оказывались существами божественными. Своеобразную роль играет при этом мать подкидываемого ребенка: она одновременно и мать и не мать. Покинув ребенка, мать сама оказывается покинутой. Сирота становится героем, но мать забыта, ее как будто не существует. В сказках ребенок-сирота символизирует покинутость, мать — одиночество. Покинутость приобретает в мифе то же значение, что в ранний период человеческой истории жертвоприношение первого ребенка. «Смысл прототипа чудесного сироты, — пишет психолог К. Кереньи, — рас-



При акте усыновления служанки клали подкидыша на колени египетской царевне точно так же, как это делали при акте признания ребенка отцом. Пожалуй, самым знаменитым подкидышем, усыновленным египетской царевной, был библейский пророк Моисей (с церемониального предмета около 1450 г. до н. э., Лейденский музей)

крывается во всей полноте особенно там, где местом действия его епифании \* является вода». Как в еврейском, так и в египетском, вавилонском и греческом мифах вода — символ изначального одиночества.

Греческий историк Диодор передает один миф малоазийского происхождения, где главную роль — в виде исключения — играет подкидыш-девочка. Это дочь царя Меона и богини Диндимены. Нежеланный младенец был брошен у источника в суровых фригийских горах. Там девочка питается молоком диких зверей; пастушки берут ее на воспитание. Позднее богиня-мать взяла ее обратно к себе, но та никогда не забывала, что терпят «брошенные» дети и бедные покинутые женщины, она стала их любящей покровительницей.

Диодор добавляет: «Обычай подбрасывать детей известен лишь у варварских народов». Греки якобы его не знали. Тут, однако, Диодор сильно ошибается.

### «Планирование семьи» в античном мире

Известно, что в Спарте каждому новорожденному устраивалась государственная проверка. Детей слабых или с физическими недостатками сбрасывали с утеса. Платон считал, что в идеальном государстве будущего, где лишь лучшие мужчины станут сочетаться с лучшими женщинами, и как можно чаще, а плохие мужчи-

\* Епифания (греч.) — явление.

ны — лишь с плохими женщинами, и как можно реже, неполноценными детьми надо поступиться и воспитывать за государственный счет одних лучших.

Еще более поражает то, что в эллинистическом Египте подкидывание детей считалось законным средством «планирования семьи». Филон Александрийский, иудейско-эллинистический философ (25 г. до н. э. — 50 г. н. э.), свидетельствует о многочисленных случаях подкидывания и абортов в Александрии, обвиняя в этом неискоренимую «современную моду». В Государственном музее Берлина находится один подлинный документ того времени — письмо некоего Илариона из Александрии к беременной жене в Фаюм:

«Иларион к Алис, своей сестре (супруге), много приветов. Знай, что мы еще (находимся) в Александрии. Не пугайся, если я задержусь в Александрии еще, когда другие возвратятся. Я прошу тебя и умоляю, заботься о ребенке. Как только я получу деньги, я тебе их перешлю. Если ты (тем временем) родишь и будет мальчик, оставь его, если девочка, подкинь. Не забывай меня. Итак, я прошу тебя, ничего не бойся».

Что становилось с подкинутыми детьми? В случае удачи их кто-то брал и воспитывал для определенных, целей. Документы свидетельствуют, что по всему римскому миру публичные дома обслуживались подкидывающими, рабынями и женщинами, захваченными на войне.

Избавляться от «лишних» девочек в тяжелые времена было принятым обычаем не только в средиземноморском регионе, но и у древних германцев. И позднее, в христианской Европе, общественное мнение отнюдь не осуждало стремления избавиться от новорожденных девочек; сам Фома Аквинский (XIII в.), виднейший деятель католицизма, так отвечал на вопрос, почему вообще рождаются девочки: «Благодаря дьявольскому вмешательству мужское семя иногда оказывается порченным, или у женщины больна матка, или из-за влажных южных ветров в зародыше оказывается слишком много воды, тогда рождаются девочки».

### **Ребенку дается имя**

Ритуал наречения до сих пор во многом сохраняет значение, которое ему придавалось тысячелетиями. Кому из родителей не знакома проблема «правильного»



имени, которое подчеркнуло бы семейные традиции, но при этом выразило бы ожидания и надежды, связанные с младенцем? То есть акт наречения тоже отражает в каком-то смысле взаимоотношения полов.

Патриархальный обычай требовал, чтобы отец «поднял» новорожденного ребенка и взял его «себе на колени». Но когда имя дает мать, отец теряет свои «отцовские права», он уже не властен над ребенком. Так считали народы древности. Древнейший миф хеттов (индоевропейцев), которые за два тысячелетия до нашей эры создали на территории современной Турции великое государство, погибшее около 1200 г. до н. э., рассказывает, как божественная праматерь родила человеческое дитя: «Она подняла новорожденного и положила его на колени богу-праотцу. А он стал радоваться ребенку и ласкать его...» Однако первоначально ритуал наречения соответствовал обычаям матриархата. Древнейшие источники египтян, шумеров и евреев свидетельствуют, что первоначально давать ребенку имя была «уполномочена» женщина.

Имя — это омен \* (*nomen est omen*); согласно древним представлениям, оно является как бы важной частью индивидуальной сущности человека. Но имя также тотем, который обеспечивает защиту ребенку. Кроме того, дающий имя получает таинственную власть над получающим имя. Назвать существо — значит подчинить его себе. Первому человеку было позволено в раю дать имена животным — тем самым он получил над ними власть. Произнести имя — значит превратить потенциальную энергию в реальную силу. Библия часто упоминает имена, данные женщиной \*\*. Самые известные женские имена были связаны с миром животных, которые, согласно матриархальным представлениям, являлись воплощениями древнейших богов, например: Лия (корова), Рахиль (овца), Дебора (пчела), Сепфора (птичка), Эгла (телка), Ионина (голубка), Акбар (мышка) и Табит (газель). Это отнюдь не пренебрежительные прозвища, напротив! У пастушеских народов особенно ценилась и почиталась как святыня овца (Рахиль), у земледельческих — корова

\* Омен — примета, предзнаменование (лат.) — *Примеч. отв. ред.*

\*\* См. Книгу Бытия, 3, 20; 17, 5; 25, 20; 29, 31; 30, 24; особенно же Книгу Судей, 13, 24 и I книгу Царств II, 20,

(Лия). В греческих и древнеханаанских мифах женщины или богини часто превращались в коров, которых покрывал бог. Корова в эпической символике этих народов была «более достойна любви», чем двуногое женское существо. Хатхор называлась «небесной короной», а Гера, греческая богиня-мать, именовалась «волоокой». Лия, вероятно, была богиней-коровой и прародительницей одного из еврейских племен.

3. Фрейд (1856—1939), основатель психоанализа, точно заметил: «Тотемами первоначально были только животные, они считались предками отдельных племен. Наследовались тотемы только по женской линии».

Многое может сказать и то, как называли греки своих богинь. Если Геру Гомер называл «волоокой», а Афины Палладу «совоокой», значит, первоначально их почитали в облике коровы и совы. Афродита отождествлялась с голубем, Артемида — с оленем. Не последние ли это отголоски доисторического культа животных или матриархата?

Геродот рассказывает о ликийцах, потомках жителей острова Крит, которые обосновались на юго-западном побережье Малой Азии: «Есть впрочем, у них один особый обычай, какого не найдешь больше нигде: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии. И если женщина-гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными; напротив, если гражданин — будь он даже самый влиятельный среди них — возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства»\*.

Историк Николай Дамасский, живший на рубеже эпох, подтверждает, как упорно сохранялись подобные представления: «Лидийцы больше почитают женщин, нежели мужчин; они называют себя по матери и наследство оставляют дочерям, а не сыновьям». Происхождение ведется только по матери, и обосновывается это тем, что «лишь оно может быть установлено безусловно».

\* Ликийские надписи вопреки Геродоту свидетельствуют о патриархальном общественном устройстве. По всей видимости, матрилинейный порядок наследования искусственно сохранялся лишь в ограниченном кругу ликийской знати. — *Примеч. отв. ред.*

Интересно отношение римлян к наречению имен дочерей. Они ценили их так высоко, что вообще не давали им никаких имен\*. Женщины носили только родовое имя (Юлия, Клавдия, Сульпиция и т. п.). Если сразу у нескольких оказывалось одно и то же имя, рационалисты-римляне их просто нумеровали: Клавдия Терция (третья), Клавдия Квинта (пятая) и т. д.

Арабские женщины в нынешнем Иерусалиме более «современны»: они дают своим дочерям имена уже не по тотемам, а руководствуясь зачастую лишь настроениями и чувствами, которые они испытывали при их рождении. Так, одна арабская женщина, у которой рождались одни дочери, назвала четвертую За'ула («Тяжкое бремя»), а восьмую — Тамам («Теперь хватит»).

### Колыбельная, которой пять тысяч лет

Для матери неважно, мальчик у нее родился или девочка, крепок ли новорожденный или слаб. Напротив, чем младенец слабее, чем уязвимее, тем больше вызывает он у нее любви и желания защитить, и все равно, лежит ли он в яслях для скота или в кроватке из слоновой кости. Детских колыбелей в древности не существовало. У бедных пастушеских и кочевых племен новорожденного клали в корыто, из которого кормили скот. И Мария в Вифлееме, как было принято у пастухов, среди которых она жила, положила младенца Иисуса в ясли для корма. Что касается пеленания, то греческие врачи рекомендовали бинты в три пальца шириной и шесть метров длиной, в которые младенца завертывали вместе с руками, ногами и головой, и так до второго года жизни.

В этом ненадежном, непредсказуемом, враждебном мире младенца подстерегали разнообразные опасности. Поэтому его обильно увешивали амулетами против дурного глаза, а в его свивальники клали чеснок и разные колдовские травы, чтобы защитить от злых духов, которые могли явиться ночью.

\* Подобная практика была распространена лишь в эпоху Поздней республики. Ранее женщины имели как родовое, так и личное имя. Незамужних принято было называть с упоминанием имени отца, а замужних — мужа. — *Примеч. отв. ред.*



Это мраморная фигура с одного из Кикладских островов Эгейского моря (около 1600 г. до н. э.). Фигура была своего рода символом родословного дерева: дочь стоит на голове матери или вырастает из нее (по Нойману)

Новорожденный стремится на руки своей матери, он ищет ее живого тепла, он хочет, чтобы она целыми днями — даже когда работает — носила его, хочет чувствовать ее близость. Он ищет ее ласки, а когда не может заснуть — ждет ее успокоительного голоса. Перед нами древнейшая в мире колыбельная песня, ее записали шумеры четыре тысячи лет назад, но пели ее еще задолго, задолго до того:

Ах, мое дитя, пусть придет к тебе сон,  
приходи, сон, приходи, сон,  
приходи к моему малышу,  
поспеши, сон, закрой его беспокойные, живые глазки,  
ляг на его глазки с гулу-амулу\*.  
Ах, ты все беспокоишься, бедный червячок,  
я вся в заботах, я не знаю, как быть,  
я смотрю на звезды, на новорожденный месяц,  
он светит мне прямо в лицо,  
ах, спи спокойно и спокойно проснись.

В этой песне шумерская мать, жившая четыре-пять тысячелетий назад, выражает те же чувства, что и нынешняя. Только у матери в древности, которая не могла рассчитывать на помощь детских врачей с высшим образованием, а лишь на колдунов и на амулеты, было больше оснований для беспокойства, чем у современной. Против многих болезней люди были бессильны. Винили в них демонов и таинственные существа. Древ-

\* То есть специально покрашенные от дурного глаза,

неегипетская колыбельная отчетливо выражает этот страх перед ними:

Сгинь, сгинь, приходящий из темноты!  
Ты прокрался сюда, чтобы поцеловать мое дитя?  
Я тебе не позволю его целовать!  
Ты явился, чтобы ему навредить?  
Я тебе не дам ему вредить!  
Ты пришел его взять себе?  
Я тебе не дам его взять себе!

Родившись на свет, младенец ничего не различает. Лишь через шесть недель в его глазах загорается светлая искорка, и он впервые с удивлением смотрит на мать. Лицо его начинает что-то выражать, он впервые улыбается. Мать улыбается в ответ. Великая поэтесса древности Сапфо с острова Лесбос около 600 г. до н. э. воспела это счастливое чувство:

У меня ли девочка  
Есть родная, золотая,  
Что весенний златоцвет —  
Милая Клеида!  
Не отдам ее за все  
Золото на свете\*.

Когда младенец открывает глаза, взрослые кажутся ему гигантами или богами; мать — божество любимое, отец — божество грозное. Стоит ли удивляться, что образ материнского божества оказывается в центре древнейших религий.

### **Материнское молоко, молоко небесное и молоко кормилицы**

Ребенок создан из крови матери — мы говорим о кровном родстве. Согласно представлениям древних, после рождения ребенка кровь превращается в молоко. В материнском лоне ребенок формируется, но лишь благодаря материнскому молоку крохотное нечто становится человеком. Древние считали, что ребенку через молоко передается физическая и психическая материнская сила, отсюда также их вера, что цари и герои были вскормлены небесным молоком. Молоко из груди богини обеспечивало будущему царю или фараону совершен-

\* Перевод Вяч. Иванова.

но иную, божественную жизнь, одновременно наделяя его силой, чтобы выполнять свою задачу властителя в этом мире.

Молоко играло значительную роль как в питании, так и в религиозных представлениях первобытных народов. У арабов слово «батен» означало одновременно и «грудь» и «чрево». Тем же словом обозначались родство, племя и род. Существовало родство кровное и молочное. Кровными родственниками были все члены племени, молочными — лишь вскормленные одной и той же грудью. Предложить грудь значило предложить родство, отвернуть ее — отказаться от родства.

Кормление грудью продолжалось не менее трех лет — такую «роскошь» могли себе позволить только бедные женщины. Это помимо всего позволяло продолжать тем временем половые сношения со сравнительно малой вероятностью забеременеть вновь. Заботиться о красоте и фигуре могла только знать; она держала кормилиц. В Вавилоне эта профессия стала столь распространенной, что царь Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) считал необходимым сформулировать на сей счет специальный закон — не для защиты кормилиц, а в интересах их благородных работодательниц. Параграф 194 его кодекса гласит: «Если человек отдал своего сына кормилице, а этот сын умер на руках кормилицы и кормилица без (согласия) его отца и его матери взяла другого ребенка, (то) ее должны уличить и, так как она без (согласия) [его] отца и его матери взя[ла] другого ребенка, ей должны отрезать груди». За работу с кормилицами в Вавилоне в течение трех лет расплачивались едой, елеем и одеждой. Поистине рабское вознаграждение!

Предписания, относящиеся к кормилицам, и договоры с ними известны были и в Греции. Согласно этим предписаниям, кормилицы должны были быть «зрелыми», в возрасте от 25 до 31 года, иметь грудь, способную «воспламенить старца», и воздерживаться от половой жизни и всяких излишеств. В Риме в кормилицы предпочитали брать рабынь-гречанок, поскольку они кормили детей одновременно «молоком и культурой». Как выразился один римский сатирик, они «по характеру были противоположностью своих хозяек». Не приходится поэтому удивляться, что аристократические отпрыски были сильнее привязаны к своим греческим рабыням-кормилицам, чем к родным матерям.

Греческий философ Платон, рисуя картину идеального государства, пишет довольно странную вещь: «Матери здесь кормят грудью, но не своих собственных детей», дабы «не возникало тесной эмоциональной привязанности». Лишь в таком случае дети, вырастая, смогут ощущать себя братьями и сестрами, старшие же будут отцами и матерями для всех; лишь таким путем может возникнуть великое сообщество, а государство станет *одной* большой семьей. В одной из позднейших работ Платон сам себя поправляет. Несомненно, многие указали ему, что между женщиной и ребенком, которого она вскармливает, даже если он не ее собственный, возникает на всю жизнь глубокая связь, «молочное родство».



Кормилица Одиссея Эвриклея первой узнала своего любимца, вернувшегося после двадцатилетнего отсутствия, во время мытья ног по крохотному шраму (с рисунка на вазе из Этрурии, Национальный музей, Неаполь)

Добросердечные женщины, вышедшие из народных низов и «замещавшие» мать ребенку, продолжали заботиться о своих питомцах на всех стадиях жизни; обладая «здравым смыслом», они часто давали им советы и оказывали помощь. Гомер обессмертил кормилицу Одиссея Эвриклею. Она хранит непоколебимую верность не только своему царственному питомцу во время его долгого отсутствия, но и его супруге Пенелопе. Когда герой после двадцатилетних странствий («Я скитался от страдания к страданию», — говорит Одиссей) наконец возвратился на Итаку — в обличье нищего, одевшись в лохмотья, неузнаваемо измененный возрастом, — именно Эвриклея первой узнала его по крохотному шраму на ноге. Какую дивную сцену рисует Гомер! Ни жена, ни мать, никто из множества слуг не узнают вернувшегося — одна только кормилица да еще собака.

Особенно много значила кормилица для повзрослевших девушек: она была им старшей подругой, способной дать добрый совет, не всегда, впрочем, добрый. Иногда кормилицы удостоивались культового почитания. Ревекка, племенная родоначальница евреев, посадила на могиле своей кормилицы-ханаанейки Деборы культовое дерево, которое в Библии названо «дубом плача», и поныне «почитаемым в Вефиле» (Беершебе).



## 2. ЮНОСТЬ

### Первый период жизни

Древние евреи выделяли в жизни женщины несколько периодов: до конца третьего года жизни ее называли «йонекет» (грудной ребенок), до восьмого года — «наара» (ребенок), до двенадцатого — «бетула» (девушка), а затем — «богерет» (взрослая, достигшая зрелости). В Греции городские девушки тоже, как и у евреев, росли в обособленных женских покоях. Только греки различали не четыре периода в ее жизни, а три: девушка — «кора» (еще недееспособная), женщина — «гине» (рождающая) и «хера» (вдова или одинокая).

Первому периоду жизни прежде вообще не уделяли никакого внимания, но благодаря З. Фрейду мы знаем, что самые ранние детские впечатления с их травмами и снами сознательно или неосознанно продолжают существовать в человеке в виде комплексов страхов и желаний, определяя его развитие и поведение; они держатся в подсознании как воспоминания. Древние считали ребенка маленьким взрослым. Они не подозревали о том, что дети обладают совершенно особым душевным миром, миром особых ощущений, и не имели никакого представления о развитии их воображения и воли.

Дети и тысячи лет назад, как и сегодня, оставались детьми и по характеру мышления, и в своих играх. Археологи нашли в детских погребениях мячи, погремушки, кубики, обручи, кукол, кукольные домики, кукольные коляски и кукольную посуду. Детские игры очень напоминали современные. Как и сейчас, они перетягивали канат, играли в прятки, носили друг друга на спине, кидали мяч и т. д. Навсикая играла на берегу в мяч, когда увидела потерпевшего крушение Одиссея. Многие

рисунки на греческих вазах изображают разнообразные детские игры.

Для маленькой девочки кукла — «ребенок», она ее убаюкивает, бранит или нежно с ней разговаривает, точь-в-точь как ее собственная мать с ней самой. И в то же время девочка сама себя представляет «куклой»; она мечтает, играя. Евангелия упоминают младенцев, которые подражают в своих играх взрослым, играя в свадьбу или в погребение.



Мать играет со своим ребенком, который сидит на оригинальном стульчике. Рисунок на краснофигурной вазе около 450 г. до н. э. (музей, Брюссель)

Женщины из простонародья, у которых было много детей и которых изматывала работа, не могли уделять особого внимания воспитанию каждого ребенка. Ребенок был предоставлен сам себе и должен был сам себя воспитывать, сам набираться опыта вне родительского дома и сам бороться за существование. Суровые жизненные условия, ранняя угнетенность души страхом перед демонами, впечатления, полученные на улице и в тесном жилье, где все спали вместе, — все это заставляло ребенка преждевременно взрослеть.

### Воспитание — для чего?

Шаг за шагом, держась возле матери, ребенок в ходе своего развития учился приспособливаться к близкому окружению; все другие удовольствия большого мира ему недоступны, он жил изолированно и должен был оставаться в изоляции. Единственным и лучшим, чему могла научить свою дочь на собственном примере женщина из простонародья, было: работать, работать, ра-

ботать — и подчиняться! Но могла ли на основе такого воспитания сформироваться человеческая личность?

И. Кант говорит: «Человек может стать человеком лишь благодаря воспитанию». Биологически человек развивается сам по себе, но духу для развития нужен другой дух. И здесь античное общество обнаруживало полную неспособность дать что-нибудь широким слоям народа.

Девушки из богатых и благородных семейств, выставившие в замкнутом мире гинекея, женской части дома, учились выполнять повседневную домашнюю работу — печь хлеб, готовить еду, прясть, ткать и шить, но больше ничему. Все воспитание готовило их только к роли будущих жен. Они должны были оставаться целомудренными и, по существу, невежественными, довольствоваться лишь самыми ограниченными знаниями, проявлять покорность по отношению к родителям и будущему супругу, выполнять религиозные предписания. Короче говоря, их удел — зависимость, апатия и отчаяние.

Когда были раскопаны обугленные останки людей в Помпеях, исследователям со всей очевидностью открылось, что мужчин смерть застигала в движении, их позы выражали сопротивление, вызов небесам при попытке спастись бегством; женщины же лежали чаще всего скорчившись, уткнувшись лицом в землю. Они чувствовали себя бессильными перед любым событием — таков был результат их воспитания. Это отчаяние порождало также терпение и спокойствие, которыми столь часто удивляют нас женщины античности.

Гомер рисует образ любимой царской дочери Навсикая: этот послушный ребенок каждый день сидит у ткацкого станка своей матери и возле отцовского трона, учась у одной усердию, а у другого искусству терпеливо слушать. «Навсикая, — пишет исследовательница Гомера В. Цинзерлинг, — воплощение прекрасной, добродетельной и заботливой девушки, которая готовит себя к браку, послушная родителям и богам».

Призыв Платона создавать особые школы для девушек остался утопией. В его смелом проекте идеального государства будущего не предполагалось никакой дискриминации по признаку пола и никакого различия в преподавании для девочек и для мальчиков, ибо «девушки наделены такими же духовными способностями... женщина от природы имеет такие же задатки, как



В Греции найдено множество кукол из ткани, дерева или глины, а также других игрушек. Эта игрушка из глины была обнаружена в детском погребении близ Афин (около 300 г. до н. э.)

и мужчина, и должна их точно так же развивать, *если она получит такое воспитание*». Среди прочего Платон считал необходимым обучать всех музыке, искусству верховой езды, основам военной и государственной службы. При этом он, несомненно, опирался на опыт Спарты, где дети на седьмом году жизни забирались из родительского дома и воспитывались за государственный счет в духе интересов государства. Девочки получали там не только такую же физическую закалку, как и мальчики, их воспитывали в том же «свободном духе». Можно, пожалуй, сказать, что спартанки добились такого равенства с мужчинами, какого нигде больше в Греции не было. Соответственно и положение женщины в Спарте занимали особое.

В жизни каждого человека есть целый ряд областей, куда не дано проникать постороннему: воспитатели здесь бессильны. Есть опыт, который каждая девушка должна не столько изучить, сколько рано или поздно пережить сама. В «фаллической фазе» — так З. Фрейд называет пятый и шестой годы жизни — ребенок начинает осознавать свою половую принадлежность; причем девушка, чтобы вжиться в роль женщины, берет за образец свою мать. В возрасте своенравном, когда любят задавать вопросы, подрастающая девочка проявляет повышенный интерес к жизненным процессам, но наталкивается на строгость или молчание. Всякая потребность в сексуальном знании подавляется с помощью запретов. Если маленькая девочка бессознательно или во сне трогает свои гениталии, мать отводит ее ручку. Девочка должна научиться сублимировать присущую ей наблюдательность и легкую возбудимость. «Ты должна хранить чистоту! Ты должна хранить чистоту!». Даже свинопас в Афинах отказывался жениться на «обесче-

щенной»! Каждый день малютка слышит все те же предостережения. Всюду подстерегают и манят опасности, всюду ожидают запреты, возможность вины, угроза наказания — этого достаточно, чтобы отбить у девушки охоту к удовольствиям. Чувство вины связано с правомерными упреками к самой себе. Одна мать признается: «Я хотела, чтобы моя дочь, когда вырастет, во всем мне доверяла. Но вот она достигла возраста, когда задают вопросы, и я не смогла доверить ей моих собственных переживаний».

Необходимо сделать одну оговорку: античные источники всегда описывают лишь жизнь властителей, представителей привилегированных, богатых, знатных слоев общества; о людях маленьких — пастухах, земледельцах, ремесленниках — они не говорят никогда. Для этих людей образование, воспитание, культура и нравственность были иностранными словами. Моральное воспитание и сексуальное образование девочек из низших слоев общества происходило на улице.

### **Обрезание и отцовская власть**

Во многих странах арабского мира еще и сейчас над девочками совершается ритуальное действие, объяснение которого надо искать еще в доисламской эпохе. Обрезание клитора, ритуальный акт, существовавший и существующий прежде всего у кочевых племен, служит, по мнению европейских исследователей, чтобы пригасить «ненужное» любовное влечение, а в дальнейшем улучшить готовность молодых женщин рожать. Арабы, напротив, видят в этом культовом акте элитарный смысл: таким образом всемилостивый пророк отличает их от всех «необрезанных». (Пророк, впрочем, считает обрезание обязательным лишь для мужчин.) Обрезание клитора еще и сейчас осуществляется над девочками между восьмым и пятнадцатым годами жизни у некоторых народов в Африке, Австралии и Южной Америке.

Обрезание знаменует превращение девочки в женщину. Она становится членом кочевого общества, покидает защищавший ее «шатер матери» и переходит во «власть отца». В пустыне до сих пор правят те же законы, что действовали на древнем Востоке сотни и тысячи лет назад. Уже законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) подтверждали авторитет и власть отца: девоч-

ка должна была быть покорна отцу как рабыня. Отец был вправе поступить с ней как хочет: продать при нужде в возмещение долгов или ради чистой корысти, заложить, отдать в храм или в публичный дом. Спустя двести лет царь города Нузы ввел ограничение, свидетельствовавшее о прогрессе цивилизации: «Никто не вправе без соизволения царя лишать свою дочь родного дома. Кто сделает это, подлежит наказанию».

Проданные маленькие девочки нередко бежали от своих новых хозяев, чтобы вернуться к матерям. Так, один вавилонский работорговец мимоходом сообщает: «Маленькую Шулуумми я снова поймал и изрядно побил. Теперь я возвращаю ее тебе. Возложи на нее длинную цепь, не то она вновь попытается бежать».

В древнем рабовладельческом обществе прогресс цивилизации сплошь и рядом прокладывал себе дорогу благодаря нередким, увы, экономическим потрясениям. Библейская хроника Неемии реалистически описывает народное восстание во время голода 440 г. до н. э.: «Сделался большой ропот в народе... Были такие, которые говорили: „Вот, мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабы, и некоторые из дочерей наших уже находятся в порабощении. Нет никаких средств для выкупа в руках наших"» \*.

Согласно греко-римскому праву, хозяин дома, как и на древнем Востоке, обладал абсолютной властью над имуществом и всеми живущими в доме. К сожалению, нам не известно ни об одном судебном процессе, когда мужчина обвинялся бы в злоупотреблении отцовским правом. В одном письме, посланном из Мемфиса (находится в Венской государственной библиотеке), гречанка Артемисса проклинает своего супруга, вероятно патологического пьяницу, не только повинного в смерти их дочери, но и отдавшего в залог мумию малышки: «Сколько зла он причинил мне и ребенку! Пусть боги сделают так, чтобы сыновья оставили без погребения этого жесточайшего из отцов. Прошу тебя об этом, о боже, да свершится твой суд!»

Современная психология утверждает, что на восьмом году жизни для ребенка особую роль начинает играть отцовский авторитет, он даже испытывает потреб-

\* Неем. 5, 1 и сл. У Е. Вардимана цитируется произвольно. — *Примеч. пер.*

ность во всем следовать за ним, ощущать его «грозную» власть, а не просто «почитать». Отец — это Строгий, Чужой, Требующий Послушания, Внушающий Страх, Вызывающий Почтение. Любовь отца не безусловна, ее нужно заслужить. Это открытие порождает в сердце ребенка сложное желание «заслужить» отцовскую любовь.

До тех пор — под материнской защитой — дети принимали любовь и тепло гнезда за нечто само собой разумеющееся. «Поворот к отцу» означает для ребенка новую потребность — вызывать любовь собственными действиями. На этой ступени развития подрастающая девочка открывает отца как мужчину, как объект своей первой любви; она учится приближаться к нему, любя и вызывая любовь, и, наконец, начинает повелевать им не хуже матери. Если учесть, что до восьми лет ребенок почти не обращал внимания на отца и не придавал ему значения, мы поймем, что перед нами борьба за признание своей личности с использованием всех средств детского кокетства.

### **Инцест, тайное желание нежности**

Некоторые исследователи считают, что понятия инцеста первоначально не существовало. Согласно Ч. Дарвину, первобытный человек жил, подобно гориллам, в стаях, состоявших из одних лишь женских особей. Предводительствовал ими и их оплодотворял единственный самец, а именно сильнейший. Всякий конкурент мужского пола, будь то даже его собственный сын, изгонялся из стаи или умертвлялся. Дочери, точно так же как и матери, принадлежали к его стае и были в его распоряжении, в том числе и в сексуальном.

Если это так, то отголоски инстинктов этой «звериной» доисторической эпохи, отстоящей от нас на сотни тысяч лет, в большей или меньшей степени проявляются у мужчины и до сих пор. В древнейшие времена, вероятно, не существовало никаких табу, никаких законов, никаких понятий о добре или зле. Похоже, лишь обуздав присущую ему от природы дикость, человек сумел выйти из первобытного состояния.

В древневосточных законах, предупреждающих инцест, — «никакая плоть да не приблизится к родствен-

ной плоти» — педантично перечислялись все родственники, с которыми запрещалось инцестуозное общение; но поразительным образом в этих подробных длинных списках не упоминалась как преступление связь между отцом и дочерью \*. За инцест со снохой, напротив, полагалась смертная казнь. Инцест с дочерью обходится молчанием и в Библии.

Разумеется, на отношения между отцом и дочерью, как и на отношения между братом и сестрой, в древнем мире нельзя смотреть сегодняшними глазами. Хроника сообщают о браках между братом и сестрой, равно как и о браках между отцом и дочерью. Великий фараон Аменхотеп IV (1372—1354 гг. до н. э.), известный также как Эхнатон, супруг Нефертити, следуя тогдашним обычаям, вступил в брак со своей одиннадцатилетней дочерью Анхесенамон, ставшей впоследствии супругой Тутанхамона. Персидский царь Артаксеркс II (404—359 гг. до н. э.) был женат поочередно на двух своих дочерях, т. е. взял обеих в свой гарем. В Греции случаи инцеста не волновали никого из смертных, ведь сам Зевс повинен был в «кровосмешении» с ближайшими родственницами.

Геродот в своей «Истории» вскользь сообщает о связи египетского фараона Микерина со своей дочерью. Всемирную известность приобрел миф о фиванском царе Эдипе, от которого еще в младенчестве постарались избавиться, чтобы не сбылось предсказание оракула; однако он спасся и впоследствии женился, не подозревая об этом, на собственной матери. Узнав правду, Эдип ослепил себя и удалился в изгнание.

В Риме слово «инцест» первоначально означало лишь ритуальное осквернение, например лишение девственности весталки; позднее оно стало означать также преступление и в обычном праве. Наказуемой считалась связь между кровными родственниками до шестой, позднее — до четвертой степени.

Некоторые психоаналитики утверждают, что эротическое влечение между отцом и дочерью, так же как между сыном и матерью, заложено в человеке изначально на известной стадии человеческого развития; не получив нормального удовлетворения, оно хранится и в

\* В этом отношении автор явно заблуждается; такого рода преступление систематически упоминается в юридических памятниках древнего Востока. — *Примеч. отв. ред.*



памяти современного человека в виде скрытых желаний. Необходимо прежде всего констатировать: в наше время случаев инцеста, то есть «кровосмешения» между членами одной семьи, гораздо больше, чем думают обычно. Различными исследователями установлено, что от полутора до пяти процентов людей и каждое из десяти семейств когда-либо сталкивалось с инцестом — и это в так называемых культурных государствах. Однако известной становится лишь малая часть таких случаев, вероятно один из двадцати. Согласно исследованиям Вашингтонского университета, в 1976 году запрет на инцест нарушался в Америке более 100 000 раз. Лишь одна из пяти девушек пережила последствия инцеста без вреда для психики. Почти у всех осталось чувство собственной неполноценности. Блэр и Рита Джастис из Хьюстонского университета в Техасе считают, что лишь от пятнадцати до двадцати процентов инициаторов инцеста попадают под категорию психопатов и педофилов. Инцестуозные отношения с детьми завязываются по большей части до наступления их зрелости. Они часто заканчиваются лишь тогда, когда девушка покидает родительский дом или попросту бежит из него. Согласно мнению обоих исследователей, наименьшую травму участникам причиняют обычно отношения между братом и сестрой.

Особого внимания заслуживает судебный отчет из лондонской газеты «Таймс» от 15 августа 1976 года, когда перед судом предстала девятнадцатилетняя Норин Винчер, обвиненная в убийстве своего отца. Причина: отец насиловал и жестоко обращался с ней с девятилетнего возраста.

«Как показывают статистические данные (по Англии и Ирландии), подобные отцы вовсе не представляют собой асоциальных исключений, это средние обыватели, которых на первый взгляд не отличишь от других сограждан и которые считают себя вправе абсолютно распоряжаться женой и детьми... Страх испытывают только дети: страх перед насилием отца, перед реакцией матери и перед общественностью, которая обычно приходит к выводу, что подвергнувшаяся насилию проявляла недостаточное послушания и была наказана отцом. Не отец виноват здесь, а дочка-нимфоманка», — подчеркивает судебный репортер «Таймс». И жертва тоже глубоко усвоила эту общественную норму. На заключительном заседании Норин Винчер сказала: «Он

был отец, его надо было слушаться, другие члены семьи молчали и все принимали, я одна была непослушная и все время его провоцировала. Вызов всегда бросала я, но это редко было сексуальное желание, скорей потребность в близости, нежности и самоутверждении. Я была соблазняющей стороной, и только я несу вину».

Этот судебный отчет заставляет вспомнить два мифа: один — из Библии, другой — греческий. После извержения вулкана на Мертвом море из Содомы бежит семья Лота. С матерью во время бегства случается беда, и она умирает. Обе дочери уверены, что они с отцом единственные из людей остались в живых после катастрофы. На первом же привале они подпаивают его до бесчувствия и по очереди совокупляются с ним, причем он об этом не подозревает. Согласно религиозному преданию, города на Мертвом море были уничтожены смолой и серой, «ибо грехи их были так тяжелы», что среди жителей не нашлось и десятка праведников; лишь Лот был пощажён как человек безгрешный и богобоязненный. «И напоили (дочери) отца своего вином и вошли (сначала одна, потом другая) и спали с отцом своим, и он не знал, когда они легли и когда встали» \*. Он ничего не знал. Он был невиновен.

В греческом мифе Мирра, избалованное нарциссическое существо, любила и обожествляла только своего отца, царя Кинира. Она сделала все, чтобы переспать с ним. С помощью любовного напитка, который приготовила ей ее кормилица, Мирре удалось опоить отца; двенадцать ночей подряд она делила его ложе — не из страсти, а только чтобы воплотить свою мечту о любви. Пробудившись от опьянения, отец хотел убить дочь; однако богиня Афродита, всепонимающая и всепрощающая богиня любви, превратила спасавшуюся бегством девушку в благоухающий прекрасный куст, который с тех пор называется ее именем. Это куст мирры. В греческом мифе, как и в библейском, дочь — главная виновница кровосмешения; это отвечало мужским представлениям.

Но спустимся с Олимпа на землю. Не порождена ли привязанность дочери к отцу еще и чарующей властью, таинственным престижем, которым со времен патриар-

\* Быт. 19, 33 и сл.; текст цитируется в произвольном сокращении. — *Примеч. пер.*

хата наделена фигура отца? Усилиями всех женщин отец в семье оказывается вознесен на пьедестал, и это укрепляло в маленькой девочке убежденность в его мистическом превосходстве.

Тот факт, что девочка больше, нежели мальчик, интересуется своей внутренней жизнью, делает ее особенно любопытной к тайне деторождения. Многие люди и сейчас живут в условиях весьма стесненных. Все члены семьи спят рядом друг с другом в одном помещении; ночной ритуал родителей будоражит воображение подрастающей дочери, будит в ней страсть к неизвестному; уважение же к матери сталкивается с жадной жаждой самоутверждения. Нередко дочь готова принизить мать в глазах отца, чтобы завоевать отцовскую любовь для себя самой.



Аменхотеп IV (Эхнатон) часто изображался с семьей (рельеф из Телль эль-Амарны, XIV в. до н. э., Египетский музей, Берлин)

Если как следует покопаться, семей, в которых не все так уж гладко, окажется вообще немало. Бывает, что муж с женой не подходят друг другу в сексуальном и эмоциональном отношении или мужчина жаждет человеческого, теплого общения, не помышляя о сексуальной связи, и тогда он делает дочь «хозяйкой дома». Потом уже само собой доходит и до физического контакта. Для девочки это редко проходит бесследно. Вытесненное из сознания чувство вины отягощает ее, производя опустошительное воздействие: оно подрывает ее уважение к себе, сказывается на отношении подросшей девушки к сексу и мужчинам, а возможно, и на ее роли жены и матери. Кто более виноват в такой судьбе: еще не подросшая дочь или инстинктивно влюбленный в собственную кровь отец?

Дети требуют внимания и ласки, но все же каких-то нежностей, чувственных объятий и поцелуев родителям следует избегать. Всякий «нормальный» отец должен уметь правильно оценивать скрытые или бурные проявления дочерней любви.

С развитием культуры все более теряли свою силу древние законы, дававшие отцу по отношению к дочерям права рабовладельца. К девочкам относились уже не столько как к собственности, которая могла принести выгоду, сколько как к материальной и моральной обузе. Отцу надо было о ней заботиться.

Характерно предостережение проповедника Иисуса, сына Сирахова, жившего в Иудее между 200 и 140 гг. до н. э., когда между иудеями и греками существовали тесные политические и культурные контакты. Он говорил: «Дочь была и остается для отца бесценным сокровищем, однако она доставляет ему бессонные ночи. Если она неприглядна, он боится, что она может состариться или забеременеть, не выйдя замуж, если же она найдет мужа, он боится, что тот может с ней развестись и отослать ее. Легкомысленную дочь надо держать в строгости, чтобы весь город не стал шептаться о ней и тебе не пришлось стыдиться. Пусть там, где она пребывает, не будет окна; там, где она ночует,— замкни дверь. Пусть не говорит она наедине ни с мужчиной, ни с женщиной».

### **Ритуал инициации: погребение заживо**

Когда дочь достигала «опасного» возраста — возраста половой зрелости, лучше всего было запереть ее под замок, отгородив от мира мужчин. Греки, очень достоверно излагавшие в своих мифах истории человеческих неудач, рассказывали про Данаю, дочь аргосского царя Акрисия. Узнав от дельфийского оракула, что ему суждена смерть от руки внука, Акрисий заключил Данаю по достижении ею «опасного» возраста в подземный терем, чтобы она ни с кем не могла встретиться. Увы, даже эта предосторожность не помогла. Зевс, обернувшись золотым дождем, проник к заточенной женщине и овладел ею. Она родила мальчика, Персея, который прославился многими подвигами и преступлениями.

И в классическую эпоху в греческих полисах для всех девушек и женщин, независимо от возраста, суще-

ствовали особые женские покои на верхнем этаже, которые для надежности охранялись и закрывались па за-сов.

Знаменитый английский этнолог Дж. Дж. Фрэзер сообщает, что у некоторых народов девушки при наступлении первой менструации удалялись от семьи и общества в маленькую, расположенную на отшибе хижину, где должны были жить в строжайшем затворничестве, чтобы не оказаться «опасными для общества». Первая кровь — знак демонических сил, которые впервые получают власть над телом девушки. Первая менструация на несколько лет опережает полную телесную зрелость; время ее наступления зависит от климатических и расовых особенностей. В тропических областях, например в Африке и Азии, где Дж. Фрэзер это наблюдал, она может наступить уже на восьмом году жизни. То есть жить некоторое время в изоляции должны дети от восьми до одиннадцати лет.

Согласно Дж. Фрэзеру, этот обычай связан с культовым ритуалом инициации, который отдаленно напомнил ему гомеровский миф об Ифигении и библейский — о дочери Иефая. Но вместо жертвоприношения девственницы здесь имело место «погребение заживо». Подобно тому как каждый юноша у многих народов должен был при «посвящении в мужчины» пройти через различные мучительные испытания, такие, как обрезание, татуировка с надрезами и многое другое (это заменяло древнее жертвоприношение первенца), так и каждая девочка при «посвящении в женщины» должна была пройти через тяготы жизни взаперти, в уединении, с аскезой, покаянием и молитвой (вместо того чтобы быть принесенной в жертву).

Строгая отгороженность в зависимости от местных обычаев могла продолжаться несколько дней, недель и даже целый год. Все это время девочки были «нечистыми», оскверненными демонами. Ведь и Лютер переводил «менструацию» как «нечистое состояние». Первая менструация есть знак того, что «невинное существо» утратило свою чистоту и становится существом сексуально «виновным». Согласно такому взгляду, всякий человек, достигший зрелости, считается существом грешным. Страх перед демонами заходил так далеко, что даже мужчина, по неведению коснувшийся менструирующей хотя бы кончиками пальцев, считался подверженным смертельной опасности, как от заразной бо-

лезни. Ни земледелец, ни охотник, ни воин не должны были перед севом, охотой, перед решающим походом касаться менструирующей или принимать еду, до которой, быть может, она дотрагивалась. По этой причине евреи и древние греки «освящали» себя; перед сражением они вообще не касались женщин — береженого бог бережет — и не принимали пищи. Чтобы по неведению не нарушить запрет, они перед военным походом порою приносили в жертву девственницу, как у Гомера, или давали обет принести в жертву девственницу, как в библейском рассказе.

О существовании суеверных представлений о «нечистоте» мы узнаем из «Естественной истории» Плиния Старшего (24—79 гг. н. э.). Здесь он сжато перечисляет, какой вред сельскому хозяйству может принести прикосновение менструирующей: сохнут виноградные лозы, вянут овощи, гниет зерно, портятся фрукты, киснут вино и молоко. Плиний добавляет, что первая кровь девственницы и первая кровь после утраты девственности обладают «особенно вредоносными и губительными свойствами».

Насколько живучим оказалось это представление, видно из того, что в средние века «нечистыми» объявляли даже монашек. На время месячных им не дозволялось входить в церковь и причащаться. Известна церковная запись, сделанная в Шварцвальде в 1684 году и отражающая чувства таких монашек: «Женщины менструирующие стоят перед воротами церкви, им не дозволено войти, и они стоят, словно у позорного столба».

Девочки, которых у некоторых народов содержали в изолированных хижинах, чувствовали себя не столько стоящими у позорного столба, сколько отверженными и покинутыми всем миром. Лишь мать имела право навещать там своего ребенка, приносить ему каждый день скудную еду. Лишь мать могла по собственному опыту понять, что испытывает дочь. Изоляция воспитывала в ребенке трусость, страх и неуверенность. Она действовала на девочку как тюремное заключение. Она должна была отучить ее от своенравия, чувствительности, неуступчивости, упрямства, а вместо этого внушить ей чувство унижения, нечистоты. Все это связывалось со строгими законами магического цикла плодородия земли.

Перед тем как мать приходила для утешения и наставлений, дочь должна была покинуть хижину, спрятаться за ней и слушать предостережения через стену.

Однако она не вправе была отвечать, ибо правила запрещали ей даже разговаривать. Она не имела также права сидеть на голой земле, даже оставлять на ней остатки еды — все надо было тщательно закапывать, чтобы не лишить драгоценную землю плодородия своей нечистотой. Мать должна была объяснить дочери, что ее тело наделено магическими силами, которые можно использовать как для добрых, так и для злых целей.

Девочка, еще не знавшая никакого разлада с собой, вдруг начинала ощущать себя женщиной, мечтать о другом существовании. Искушение войти в другой мир становилось для нее после изоляции еще более соблазнительным. Неуемная жажда удовольствий охватывала многих девушек, когда они после установленного срока покидали хижины и как бы возвращались к жизни. Однако иным, предрасположенным к нарциссизму, самоутверждению или истерическим страхам, изоляция могла нанести непоправимый психический вред. В результате ее нередко возникала враждебность к обществу, желание уйти от него, жить в вечном затворничестве и вечной девственности.

Парадокс заключается в том, что как античный, так и христианский мир славил «непорочных, чистых девственниц», женщин, сохранивших невинность, но при этом же проклинал природную биологическую «нечистоту». Это позволяет понять, почему самым ценным жертвоприношением во все времена было жертвоприношение девственницы.

С древним ритуалом инициации по поводу первой менструации — символическим «погребением заживо» — связан один суровый римский закон. Если весталки, девственницы, посвятившие себя богине Весте, теряли девственность, их погребали заживо — страшное наказание.

Дж. Фрэзер, к своему удивлению, установил, что, хотя маленьких девочек, пребывавших в изоляции, матери навещали ежедневно, сами они в своем одиночестве чаще думали об отцах — точно так же как монашки постоянно думали об «отце небесном». Объяснить этого Дж. Фрэзер не смог. Интересно, что психолог К. Кереньи тоже связывает мотив Ифигении, как и мотив Иефая, с темой отношений между отцом и дочерью: «Тип жрицы — это одно из воплощений дочери с ее трагическим и недостижимым стремлением заполучить отца».

## Первая любовь

Саффо, величайшая поэтесса древности, в таких простых словах выражает первую потребность девушки в любви:

Мать милая! Станок  
    Стал мне постыл,  
    И ткать нет силы.  
Мне сердце страсть крушит;  
    Чары томят  
    Киприды нежной \*,

Девушка вдруг ощущает томление, потребность в прикосновении другой руки, губ, незнакомого тела. Она жаждет и боится первой встречи с любовью.

Слово «любовь» имеет для обоих полов отнюдь не одинаковый смысл; в жизни мужчины это дело второстепенное, тогда как для женщины это составляет собственно жизнь. Философ Э. Блох (1885—1977) формулирует парадоксальный вывод: «Когда двое любят, они вначале обособлены. Но происходящее не только связывает их, оно делает из двух одно, а из одного как никогда прежде — двух».

Существовало ли в древности нечто вроде «свободного» знакомства или «женитьбы по любви»? Платон в своем проекте идеального государства предлагал, чтобы молодым людям «по крайней мере» раз в год, во время общественных праздников, в хороводах предоставлялась возможность знакомиться друг с другом и находить друг друга «по личной склонности». В условиях городской жизни это предложение оставалось утопией; во всяком случае, в Афинах молодая девушка не могла выйти на улицу без строгого надзора, да и на улице не отваживалась поднять глаза. «Любовь», «склонность» были для нее абстрактными словами. Отец выбирал ей жениха по своему усмотрению. В знатных семействах уже сразу после рождения ребенка ему намечался «подходящий» супруг. Так было в городе и, вероятно, лишь в высших слоях общества.

В деревне же, среди пастухов и земледельцев, где девушки с ранних лет усердно помогали во всякой работе вне дома, в пору жатвы или уборки винограда и

\* Перевод Вяч. Иванова.



где они сами должны были пасти и поить мелкий скот, дело обстояло совершенно иначе.

С давних времен свидания любили устраивать возле колодца, природного или выкопанного. Это было идеальное место; здесь молодой человек мог встретить свою девушку, а профессиональный сват — выбрать невесту. Древнейшее письменное сообщение на эту тему мы находим в угаритском тексте (около 1200 г. до н. э.): «Ищи себе жену в богатом водой Удумми (не на чужбине.— *Примеч. авт.*), у источников найдешь женщин, набирающих воду. Подожди там день, два или шесть дней; тебе не надо отправляться в чужие края, чтобы найти себе суженую».

У общего колодца можно было встретить девушек, близких по происхождению. У колодца в Харране, в Арамейской земле, встретил Иаков Рахиль (идеальная любовная пара, по Библии!). Едва увидев эту девочку — ей было в ту пору, должно быть, всего лет семь, — когда она привела свое стадо на водопой, он бросился к ней и стал ее целовать. Дословно об этом говорится так: «И поцеловал Иаков Рахиль, и возвысил голос свой и заплакал»\*. Так и у Гомера великие герои выражали свои чувства, будь то радость или горе, во весь голос, смеясь или плача. Иаков плакал, не сдерживая радостных слез. Поцеловав Рахиль, он почувствовал, что наступило счастливейшее мгновение его жизни. Четырнадцать лет он служит за Рахиль у ее отца Лавана, четырнадцать лет он должен был ждать осуществления своей мечты. И четырнадцать лет промелькнули для него как один день.

Разве не упоминается поцелуй во всякой пастушеской поэзии? Египетский пастух поет: «Уста возлюбленной моей подобны бутону, который я жажду открыть (своими губами.— *Примеч. авт.*)». И пастушка отвечает: «От губ твоих мое тело трепещет, словно тростник». В одном шумерском любовном стихотворении пастушка поет: «Возлюбленный, сокровище сердца моего, ты силен, словно лев, от поцелуя твоего кружится голова, хочу ласкать тебя, объятия твои горьки и сладки как мед». Стихотворение создано в Уруке четыре с половиной тысячелетия назад и запечатлено клинописными знаками на обожженной глиняной табличке. Пастушка

\* Быт. 29, 11.— *Примеч. пер.*

раскрывает в нем всю полноту своих чувств, ей мало поцелуев, она жаждет объятий.

Прощание, разлука, слезы и печаль тоже неотделимы от первой любви, и о них говорится во всех пастушеских песнях. Смена времен года заставляет странствовать в поисках новых пастбищ. Пастушка останется или уходит со своей семьей в другую сторону. Кто знает, увидятся ли они следующей весной на том же месте и у того же колодца? Пастушеская поэзия — это преимущественно поэзия тоски.

Кому еще не довелось встретить своей любви, тот всегда искал ее в поэзии. Влюбленные совершенно особыми глазами смотрят на природу. В плеске колодезной воды, в журчании источника, в бутонах, в цветах, в пении птиц они видят и слышат свое. Поэзия помогает человеку в пору первой любви ощутить себя частицей мироздания, частицей цветущей весны.

В одном древнеегипетском любовном стихотворении рассказывается о покинутой девушке, она сидит на краю колодца и смотрит, как навозный жук копошится в песке. Ее дружок, пастух, ушел со своим стадом. Она рисует пальцем на песке магический круг, втыкает в середину палку, обвязывает навозного жука нитью и прикрепляет другой конец нити к палке. Бормоча магические заклинания, она напряженно следит, как черный жук, которого в Египте считали вестником судьбы, а также приметой счастья, медленно ползет по кругу, как все короче и короче становится нить — пусть так же сократится расстояние от нее до возлюбленного.

Сходные чувства выражает и другое египетское стихотворение: «Ах, поспеши к сестре твоей, подобно газели, что мчится через пустыню; ноги ее дрожат, тело ослабело, и всю ее охватил страх. Охотники гонятся за ней, она не видна в облаке пыли, нет ей отдыха, куда не переплывет реку, — и вот ты наконец в объятиях сестры твоей. Здесь ждут тебя любовь и счастье, друг мой».

Любовь — страсть поэтическая, в ней больше желания, чем исполнения, больше страданий, чем радости, больше мечты, чем действительности. «Эрос, — как выразился один грек, — есть неисполненное томление». К сожалению, большая часть греческой любовной лирики утрачена, до нас дошли только жалкие обрывки.



Сапфо из Митилены с острова Лесбос, самая замечательная древняя греческая поэтесса. Римская копия из Геркуланума (Национальный музей, Неаполь)

Величайшей лирической поэтессой была Сапфо. О ее жизни известны лишь недостоверные легенды. Говорят, что она собрала вокруг себя на Лесбосе девушек благородного происхождения и давала им до замужества уроки музыки, поэтического искусства и танца. Для тех, кто покидал ее круг, она писала свадебные песни, восходящие к народной поэзии. Песни Сапфо отличает глубина чувств; основываясь на собственном опыте, она умеет выразить все оттенки человеческих переживаний. Вот образец ее любовной лирики:

Богу равным кажется мне по счастью  
Человек, который так близко-близко  
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно  
Слушает голос  
И прелестный смех. У меня при этом  
Перестало сразу бы сердце биться:  
Лишь тебя увижу, уж я не в силах  
Вымолвить слова.  
Но немеет тотчас язык, под кожей  
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,  
Ничего не видя, глаза, в ушах же —  
Звон непрерывный.  
Потом жарким я обливаюсь, дрожью  
Члены все охвачены, зеленее  
Становлюсь травы, и вот-вот как будто  
С жизнью прощусь я\*.

Г. Лихт пишет: «Сапфо, несомненно, принадлежит к числу величайших поэтических гениев всех времен. Ее песни на протяжении веков оставались образцом эротической поэзии, образцом, которому часто стара-

\* Перевод В. Вересаева.



Женщины и девушки у источника. Кувшин носили на голове, точно так же, как сейчас в арабских странах. Общественный источник был для женщин основным местом встречи, где они могли поболтать друг с другом (рисунок на вазе, около 590 г. до н. э., из Вульчи, Британский музей, Лондон)

лись подражать, но с которым редко удавалось сравняться».

Эротическая поэзия? Сапфо, как и все греки, считает чистую радость жизни, особенно же радость любви, тем счастьем, к которому должен стремиться человек. Ее песни — сплошь откровенное исповедание чистой чувственности безо всякого поэтического лицемерия. Кажется, будто ей неведомо никакое другое божество, кроме богини любви, которой она посвящает праздники жизни и свои песни. Собранию ее стихов можно было бы предпослать слова, где она сама признается, какая могучая в ней пылает страсть: «Эрос вновь мучит меня силой своей. Сладость и горечь в нем, могучем чуде».

Любовь в древней литературе, не только у Сапфо, почти всегда эротическая. Поэзия чаще всего воспевает тоску влюбленных, которые переживают разлуку друг с другом как разлуку телесную, а когда они наконец обретают друг друга, это одновременно и встреча, и телесное слияние. Томление о возлюбленном для людей античности означает тоску по такому слиянию. Эротическая любовь предполагает исключительность единения двух людей: *я и ты* суть части *единого*, *мы* — это *одно* целое. (В религиозных песнях псалмопевцев

И мистиков находит лирическое выражение такая же страсть к слиянию с богом.)

Если в поэзии Сапфо отражены жизнь и чувства лишь высшего слоя, то в Библии описываются простой народ, любовные переживания пастухов и земледельцев. Встреча Иакова и Рахили у колодца — это эпизод древнего пастушеского эпоса, когда любовь зарождалась вдруг под звуки свирели и звон бубенчиков проходящего стада. Чарующая история любви Руфи и Вооза, которую ежегодно вспоминают в пору жатвы, доносит до нас аромат спелых хлебов и запах пота земледельцев, собирающих колосья или молотящих зерно. Как пастухи встречались с пастушками у колодцев, так сельские девушки встречались с работниками во время жатвы или сбора винограда и, обессиленные жарой и работой, ложились на сено для отдыха и для любви.

Руфь, чужеземка, моавитянка, настолько бедная, что вынуждена была собирать на сжатых полях упавшие зерна, сама находит себе возлюбленного — Вооза. Не он выбирает ее, но она его. Ночь, Вооз спит на куче зерна, он должен стеречь урожай от воров. В это время Руфь прокрадывается к нему, проскальзывает под плащ, который служит ему одеялом, и прижимается к спящему своим теплым телом. В сжатых, почти сухих словах излагает Библия этот ночной роман: «Она пришла тихонько, открыла у ног его и легла. В полночь он содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина. И сказал ей Вооз: „Кто ты?“ Она сказала: „Я Руфь, раба твоя; прости крыло твое на рабу твою"... И спала она у ног его до утра, и встала прежде, нежели могли они распознать друг друга. И сказал Во-



В классическом искусстве почти не изображались сцены ласки. Поцелуй в губы встречается лишь в эротических описаниях, особенно в позднюю эпоху. На рисунке — Амур и Психея (римская копия эллинистической скульптуры, Рим)

оз: пусть не знают, что женщина приходила на гумно. И сказал ей: подай верхнюю одежду, которая на тебе, поддержи ее. Она держала, и он отмерил ей шесть мер ячменя»\*.

Как неромантично все происходит! Ни лунного сияния, ни нежного шепота, ни лживых фраз. В конце концов, Вооз вознаграждает сборщицу колосьев за ее любовные услуги как проститутку. Лишь позднее ему приходит на ум жениться на ней. Этот рассказ, хоть он и записан уже в эллинистическую эпоху, восходит к далекому прошлому, он возник около 1200 г. до н. э. Показательно, что эта простая любовная история разыгрывается в Вифлееме. Сын Руфи — Овид, зачатый на куче зерна, стал дедом царя Давида.

### «Песнь песней»

Скептически настроенные ученые считают неосновательными все аргументы в пользу того, что и в древности существовал свободный выбор партнера. Их контраргумент — обширная библиотека греческих текстов, враждебных женщине, а исключения, говорят они, как известно, лишь подтверждают правило. Но если мы в качестве последнего довода, подтверждающего нашу точку зрения, приведем «Песнь песней», тогда и самый скептический критик должен будет сложить оружие.

Древнееврейская «Песнь песней» — жемчужина пастушеской поэзии и одновременно самое знаменитое собрание любовных песен в древней литературе. Это драматическое действо со сменяющими друг друга певцами и хором еще и поныне поражает своей яркостью, своей образной силой и страстью. «Песнь песней» входит в Библию как одна из «книг мудростей и псалмов» и приписывается израильскому царю Соломону (X в. до н. э.).

«Хотя „Песнь песней“ — прекраснейшая из песней Соломоновых, — пишет Г. М. Мартин, — начинается она тремя песнями, которые поет женщина с уверенностью в себе, с вызовом, самозабвенно. Я не хотел бы провозглашать „Песнь песней“ манифестом женс-

\* Руфь 3, 7 и сл. — *Примеч. пер.*

кого освобождения. Но меня радует, что и как пишется в Библии об эротической любви. О том, что между Садам Эдемским и Божьим Царством, где деревья жизни растут посреди дороги, есть Сад Любви».

Эти в высшей степени свободные тексты, отвечавшие жизни пастушеского народа, его знойному темпераменту и знойному ландшафту тех мест, тексты, переходившие из уст в уста, шокировали многих пуритански настроенных литературных критиков. Лишь И. Г. Гердер (1744—1803) понял истинный характер «Песни песней» как «собрания эротических напевов, между которыми не больше связи, чем между жемчужинами, нанизанными на нить».

Откуда она вообще взялась в каноне Священного писания? Не только в «Песни песней», в любом «священном» песнопении можно найти намеки, которые кажутся непристойными. Нельзя сказать, что мистическая молитвенная любовь всегда имеет сексуальный характер, но сексуально-эмоциональное чувство первой любви всегда имеет мистическую окраску.

В «Песни песней» двое молодых людей попеременно ведут речь о том, как они желают друг друга. Этот «разговор» пронизан эротикой, соблазнительной, утонченной. Они поют о поиске и обретении, о благоухании садов, о плодах любви. Они восхищаются красотой друг друга, описывают тела друг друга, как описывают ландшафты, воображают пастушеские игры и придворные сцены.

«Что такое любовь?» — спрашивает пастушка Суламифь своего возлюбленного. «Ты, мудрый как царь Соломон, скажи мне, что такое любовь?». И он отвечает: «Любовь это одновременно рай и ад»\*. Безымянный еврейский поэт находит пламенные слова для описания этого чувства: «Крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она — пламень весьма сильный» (Песнь песней, 8, 6). Любовь и смерть связаны друг с другом. Одна сильнее другой, обе могучи. Победить их нельзя. Кто не хочет до поры в объятия смерти, во власть теней, может, сопротивляясь, любить. В экстатической любви, в огне страсти «я» выходит за собственные пределы и уже

\* Перевод по тексту Е. Вардимана. В русском тексте «Песни песней» соответствующего места нет. — *Примеч. пер.*

приближается к ощущению смерти, когда на помощь приходит спасительное «ты».

Песнь представляет собой диалог, ее девиз: «Я есмь ты, и ты — я». «Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне» (6, 3). Пастушка поет: «Я смугла, ибо солнце опалило меня...» «но красива, как шатры Кидарские» ...«скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты?» (1, 5; 1, 4; 1, 6). Пастух отвечает: «Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских... Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла, дождь миновал, перестал, цветы показались на земле, время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!» (1, 7; 2, 10—13). Познать любовь — значит достичь вершин, значит стать сильным, как барс, как лев.

Но вот возлюбленный поет: «Со мною с Ливана, невеста, со мною иди, с Ливана! Спешу с вершины Аману, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!» (4, 8). Любовь не только совместный подъем, ей приходится познать также и глубины, ей надо уметь и защищаться.

Любимый должен уйти. Девушка остается одна, она тоскует и не спит ночами: «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, который стучится: „Отвори мне, сестра моя, моя возлюбленная, голубица моя, чистая моя, потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночьюю влагою,„» (5, 6). «Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел... Я искала его и не находила его, звала его, и он не отзывался мне. Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня, сняли с меня покрывало стерегущие стены» (5, 6—7). Глубоко уязвленная, пастушка восклицает: «Заклинаю вас, дщери иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажите вы ему? что я изнемогаю от любви» (5, 8).

Для автора «Песни песней», как и для всех южан, любовь полна природной чувственности. Любящий хочет раствориться в другом: «Я в тебе, и ты во мне». Во всех этих стихах любовь безоглядно обнажена, она до боли уязвима, любящую мучают страхи, ее терзает



тоска, она самоотверженно гонится за тенью и готова заплатить за свою преданность. Да, горька, как смерть, любовь, горьки, как жизнь, удары стражников. Но кто эти стражники, которые не дают вступить в замок любви?

Пять раз возлюбленный называет свою подругу сестрой. На редкость многозначительную, загадочную сцену, где «любовь» ассоциируется с «семьей», мы находим в восьмой главе: «Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного? Под яблонью разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя» (8, 5) \*. Под этим деревом девушка потом засыпает, под ним же она просыпается. Любовь не заменяет мать, но связь их означает, что человек уже не одинок.

Озадачивает и очаровывает тот факт, что в этой многообразной, «полной жемчужин» любовной поэме упомянуты мать, сестра и брат, но об отце нигде ни слова. Произошло ли здесь отождествление, смешение брата, возлюбленного, отца, или отец подразумевается под стражником, который охраняет «замок любви»?

\* Там, где указаны ссылки, цитируется русский канонический текст «Песни песней»; у Е. Вардимана цитаты вольно скомпонованы и переведены. — *Примеч. пер.*

### 3. СВАДЬБА

#### Цена невесты — овца

Наряду с «браком по обычаю», который был известен еще во времена Хаммурапи и который римляне называли «*usus*» (то есть женщина считалась состоящей в браке с мужчиной, если жила с ним год, не разлучаясь на три ночи подряд), древнейшей и распространеннейшей формой женитьбы можно считать «покупку невесты».

Дорого ли стоила невеста? В эпоху, когда еще не чеканили денег, а денежной единицей служил скот, цена ее колебалась от одной до двадцати овец или от одной до двадцати коров. Покупка невесты была известна и Гомеру. Расплачивались греки древнейшей эпохи коровами. Позднее земледельцы стали расплачиваться плодами своего урожая. В шумерском языке «цена невесты» называлась словом «*нинда*», что значит примерно «съестные продукты». И действительно, известны сообщения, когда девушку отдавали за меру или мешок ячменя. Когда от обмена натуральными продуктами перешли к расчетам посредством благородных металлов, куски серебра стали отрезаться на вес. Такая единица называлась «*сикль*» (от слова «отвешивать»); один сикль равнялся 11,4 грамма серебра. В Вавилоне за девочку от трех до девяти лет платили 10 сиклей, от девяти до двенадцати лет — 30 сиклей; штраф за изнасилование девушки составлял 50 сиклей серебра.

Размер платы за женщину зависел от материального состояния ее семьи, от того, как расценивалась она лично, но особенно — ее рабочая сила. Определяющим требованием было, чтобы девушка принадлежала к то-

му же роду, по возможности была бы даже близкой родственницей \*, например двоюродной сестрой. Неравный брак был запрещен. Хеттский брачный закон гласил: «Если свободная девушка выйдет замуж за человека несвободного, за пастуха или изготовителя мазей, то она станет рабыней» \*\*.

С развитием культуры покупка невесты — у римлян это называлось «соемptio» — еще долго сохранялась в виде символического акта. Мужчина в Риме во время обручения должен был иметь при себе весы, на которые невеста в присутствии свидетелей бросала монету \*\*\*.

В древнейшем библейском рассказе о покупке невесты за Ревекку дали не скот, как у Гомера, а два золотых браслета весом 140 грамм и толстую золотую серьгу весом 6,5 грамма. Это был необычайно высокий свадебный выкуп, он означал, что невеста высоко ценится. Серьга имела у древнейших народов особое значение: она должна была защищать от дурного глаза.

Согласно Гомеру, грекам древнейшей эпохи были неизвестны такие украшения, как кольца. Римляне также заимствовали их с Востока. В Риме жених на безымянный палец левой руки своей невесты надевал железное кольцо — звено с цепи раба \*\*\*\*. Позднее эта

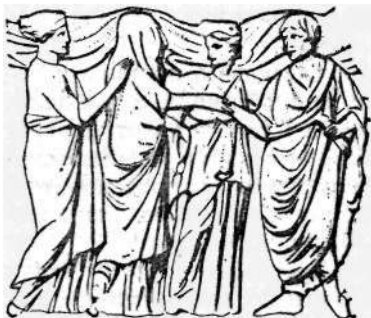
\* Кое-где в древнем мире встречался обычай заключения так называемых кузенных браков (однако строго регулируемых этническими традициями: например, разрешалось жениться на дочери брата матери, но не на других близких родственницах). В целом же родство между будущими супругами не только не требовалось, но, как правило, строго запрещалось. Исключение составляли лишь особые случаи: если единственным ребенком оставалась дочь, то на ней должен был жениться один из близких родственников, чтобы наследственное имущество не вышло за пределы рода. — *Примеч. отв. ред.*

\*\* Хеттские законы предусматривают возможность брака между свободными и рабами, а также развода, сопровождаемого разделом имущества и детей между супругами разного общественного положения. Аналогичные правила имеются и в законах Хаммурапи. Параграф хеттских законов приведен автором неточно. На самом деле речь идет об исключительном случае бегства девицы с человеком, видимо, особо низкого статуса, не уплатившим брачного выкупа. — *Примеч. отв. ред.*

\*\*\* Во время свадебной церемонии «козмпцио» не невеста, а жених в качестве покупателя ударял монеткой по чашке везов. — *Примеч. отв. ред.*

\*\*\*\* Железное кольцо, надетое на безымянный палец, символизировало, конечно, союз между супругами, но отнюдь не было «звеном с цепи раба». Выбор именно этого пальца не слу-

символика подчинения утратила смысл, и сохранившийся поныне обычай обмениваться кольцами «связывает» теперь не только одну, но обе стороны. Дающий и получающий дары, согласно древним представлениям, оказывались соединены магической «связью», в данном случае — брачными узами. Девушка, принявшая подарки, оказывалась связана с дарителем. В древней Месопотамии различали обручальный подарок и свадебный выкуп, который давали за невесту.



Закутанную в покрывало невесту ведут к жениху в торжественной церемонии. У жениха в руке брачный контракт. Над обоими — драпировка балдахина (с этрусского саркофага)

Тот, кто не имел средств, чтобы купить невесту, мог за нее «служить». Так называемой «службой за невесту» добивались обычно руки у дочерей богатых скотоводов или крупных землевладельцев. Согласно древне-вавилонским законам (XVIII в. до н. э.), пастуху или поденщику-земледельцу платили в год около 10 сиклей. В таком случае за обычную девушку он служил от года до трех лет, а за девушку особенно дорогую, которая могла стоить до 50 сиклей,— пять лет. Праотец Иаков в разорванных одеждах бежал в Харран. Судьбе было угодно, чтобы у колодца он встретил Рахиль, свою двоюродную сестру; ему пришлось служить у «злого» Лавана, ее отца, четырнадцать лет, прежде чем он получил в жены дочь богатого скотовода. Всего лишь благочестивая легенда? Но будем иметь в виду, что в наши дни хорошо оплачиваемый работник на американской ферме ни за семь, ни за четырнадцать лет не

чаен: у многих народов ему придавалось особое, сакральное значение (с этим же связано и то, что палец назывался «безымянным», то есть не имел «имени»). — *Примеч. отв. ред.*

сможет сэкономить из своей заработной платы столько, чтобы жениться на богатой дочке своего работодателя. То ли дело раньше — недаром говорят: «старые, добрые времена!»

### Договор о покупке

При всякой покупке невесты в присутствии свидетелей заключался соответствующий договор. Параграф 128 законов Хаммурапи гласит: «Если человек взял жену и не заключил с ней договора, (то) эта женщина — не жена». Писец у городских ворот писал тексты брачных контрактов клинописью на глиняных табличках, которые затем обжигались и хранились на случай возможных в будущем конфликтов. Свидетели могли умереть, но обожженные глиняные таблички хранились долго.

В Нузе (современное городище Иорган-Тепе в Ираке) существовали три типа договоров. При заключении одного из них отец невесты обязывался передать все свои опекунские права над дочерью жениху. Такой тип договора означал права опекунства, но не брачный контракт. Второй тип контракта оговаривал срок действия и цель. Отец передавал свою дочь «покупателю» на определенное время, чтобы она произвела ему потомство. Если продавалась рабыня, то договора включал пункт, согласно которому мужчина имел право отпустить взятую им на время женщину, когда его главная жена рождала наследника. Если «покупатель» желал вступить в постоянный брак, то в подобном контракте должны были быть точно перечислены все внешние недостатки невесты и добавлялось: «такая, как есть», то есть без права возврата. Эта формула — «такая, как есть» — употреблялась в Нузе также и в документах о продаже скота.

Каждый документ предусматривал, кроме того, в соответствии с законом меры на случай нарушения договора. При невозможности уголовного преследования или возмещения убытков договор заканчивался угрозой проклятия. Так, в соглашении, заключенном 3500 лет назад о браке царя Митанни (государства на северо-западе Месопотамии) с хеттской царевной, говорилось: «Если ты или твои люди нарушат договор, пусть уничтожат боги земли тебя, имущество твое и



Брачный контракт писали на папирусе в двух экземплярах: один экземпляр сворачивался, зашнуровывался и запечатывался, чтобы в него нельзя было внести никаких исправлений и добавлений. В случае тяжбы о разводе судья ломал печать

землю твою. Как на солончаках не растет трава, так пусть не будет семени у тебя и у земли твоей».

Брачные договоры писались как на глине, так и на папирусе, причем в двух экземплярах. Первый экземпляр скручивался в свиток, сшивался и запечатывался. Если дело доходило до судебной тяжбы, судья мог сломать печать и убедиться, каков был первоначальный, неподдельный и не подлежащий исправлению текст. Если жених сожалел о помолвке и отказывался от нее, отец невесты оставлял себе выкуп. Но если отец невесты нарушал брачное соглашение, он возвращал двойную цену. Положение женщины в обществе постепенно улучшалось; ее уже не покупали, как бездушную скотину, она была ценностью, которая требовала гарантий. Это новое отношение к браку отражает следующий документ, датированный 135 г. н. э. и найденный в пещере у Мертвого моря: «Такого-то, такого-то (далее число и дата, не поддающиеся прочтению, а затем ритуальная формула бракосочетания): Ты становишься моей женой, а я твоим супругом отныне и навеки, согласно закону Моисееву. Если я оставлю тебя, я должен вернуть тебе твой утренний дар \* в размере 200 динаров. Если ты уйдешь от меня в дом вечности (т. е. умрешь), твои сыновья должны получить в наследство

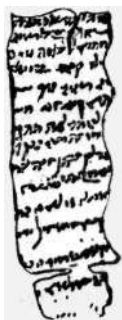
\* Подарок для новобрачной утром после свадьбы; здесь и далее фактически обозначает приданое. — *Примеч. пер.*

все (твое имущество). Если я уйду от тебя в дом вечности, ты должна жить с детьми, они обязаны кормить тебя как положено и одевать во все дни твоего вдовства. Все, что я имею и приобрету впредь, тому порукой. Для этой цели, ради твоей пользы и во избежание всякого спора подписываю я этот документ». Ниже стоят подписи мужчины и свидетелей.

Голландская исследовательница Э. Коффман изучила этот контракт с точки зрения истории права, и охарактеризовала его как своего рода «облигацию»: «Брак создает экономическое единство. Всякий брачный контракт, согласно документам, найденным близ Мертвого моря, был не чем иным, как долговым обязательством мужчины перед женщиной — ипотечным ручательством. Муж ручался жене за выплату определенной суммы, а также имущества, принесенного женщиной, на случай развода или смерти всем своим имуществом. Для мужчины такое обязательство было тяжелым бременем».

### Приданое

Если при покупке невесты дочь-девственница была для отца источником дохода, то при браке с приданым она становилась для него чувствительным расходом, доставляющим заботы. Надо было не только распорядиться дочерьми, но и заботиться о них. Согласно соннику Артемидора Эфесского (около I—II вв. н. э.), сны о дочерях всегда означали заботы, печали и большие убытки, ибо дочь, выходя замуж, требовала у своего отца приданого, как кредитор, и «хоть воспитание ео стоило забот и печалей, уходит она со своим приданым равнодушно, как кредитор с полученной суммой».



Фрагмент брачного контракта, датированного 100 г. н. э. и найденного близ Мертвого моря: «В случае развода ты, жена, получаешь 200 динаров, если же ты уйдешь от меня в дом вечности, сыновьям, которых ты родишь от меня, переходит твое приданое сверх того, что им положено по закону... Если же я уйду в дом вечности раньше тебя, тебя должны кормить и одевать (сыновья или опекун) все дни твоего вдовства до самой смерти».

Приданое в виде наличных денег или ценностей, которое давалось невесте в качестве «утреннего дара», супруг получал лишь «в долг»; он уже не мог, как прежде, полновластно распоряжаться женой и ее имуществом. Последнее просто переходило к нему в «управление», но в случае развода или его смерти жена получала обратно принесенную ей долю с процентами и была, таким образом, материально обеспечена. Это создавало совершенно иную основу ответственности. Если при покупке невесты муж, едва разочаровавшись в жене или даже необоснованно заподозрив ее в неверности, мог в любой день, без судебного решения о разводе выставить ее на улицу, причем без всяких средств к существованию, то в условиях брака с приданным предусматривалась юридическая регуляция имущественных отношений обоих партнеров.

Древнейшие известные нам договоры о приданом относятся еще к XVIII в. до н. э.; как показывает следующий вавилонский документ, порядок, устанавливавшийся при этом, еще не очень отличался от порядка, существовавшего при покупке невесты: «Благородный Иббатум отдает свою дочь Сабитум в супруги Варад-куби, сыну Илузу-имби, и дает за ней в качестве утреннего дара две кровати, два стула, один стол, две корзины, один жернов, одну чашу для еды, одну ступку, одну меру масла, а также 10 сиклей отвешенного серебра. Если однажды моя дочь скажет Варад-куби: „Ты больше не муж мне“, то пусть ее бросят в воду. Если однажды Варад-куби скажет моей дочери: „Ты больше не жена мне“, он должен выплатить ей при разводе одну треть мины серебра» (т. е. 20 сиклей, двойное приданое). Далее следует подписи десяти свидетелей.

Отец сам указывает в договоре, что, если его дочь откажется подчиняться мужу, ее следует бросить в воду; сегодня это кажется нам непостижимым. Но все-таки этот договор уже содержит «гарантийный пункт», предполагающий, что в случае развода женщина должна быть материально обеспечена.

Брак с приданным был распространен и в позднем Египте. К женщине здесь с давних времен относились лучше, чем в других областях древнего мира. Э. Ренан, французский ориенталист и исследователь религии, пишет: «Египет возвышается как маяк над мрачным морем народов древности». Лишь со времен Александра



Великого \* благодаря тесному контакту с Египтом греки переняли брак с приданым, который предусматривал материальное обеспечение обеих сторон. Еще более важным, чем материальная сторона дела, было то, что греки в эпоху Александра по примеру египтян стали до какой-то степени признавать правоспособность женщины. Диодор с неохотой признает, что в Египте женщины в браке имели гораздо больше прав, чем в греческом мире, и что следует внести существенную поправку в старые представления, согласно которым египтяне считались варварами, а греки — носителями культуры.

Когда читаешь дошедшие до нас греко-египетские брачные договоры, возникает впечатление, что там чуть ли уже не исполнились некоторые современные желания и требования по части эмансипации; таков, например, договор между греческим военачальником Гераклидом с Элефантины (остров на Ниле напротив Асуана) и состоятельной девицей Деметрией, заключенный в 311 г. до н. э.:

«Гераклид берет Деметрию в жены. В браке она приносит за собой одежду и украшения стоимостью в 100 драхм, Гераклид же обязуется обеспечить ей все, что положено свободной женщине. Если Деметрия будет уличена в дурных делах, она теряет свое приданое, но при этом трое мужчин, которых выберут они оба, должны подтвердить Гераклиду справедливость этих обвинений. Гераклид не может ни привести в дом другую жену, ни родить детей с другой женщиной, ни допускать какой-либо несправедливости против Деметрии. Если он будет в этом уличен, то Гераклид должен будет вернуть Деметрии ее приданое в 1000 драхм и сверх того 1000 драхм штрафа. В этом Деметрии должно оказываться законное содействие, у Гераклида же может быть описано в обеспечение все имущество, и сам он посажен в долговую тюрьму».

Это была значительная сумма. В греко-египетских брачных договорах самое маленькое приданое составляло от 3 до 50, среднее — от 150 до 500, большое — от 600 до 1500 драхм \*\*.

\* Сам Е. Вардиман далее упоминает браки с приданым в Афинах задолго до Александра и предполагаемого «египетского влияния». — *Примеч. отв. ред.*

\*\* 1 драхма = от 4 до 6 граммов серебра.

Для греков материальная сторона дела значила много, и солидное приданое при выборе невесты играло решающую роль, поэтому девушка из аристократической семьи, не имевшая средств, будь она даже красива и образованна, могла засидеться без жениха. В то время нередко бывало, что состоятельные родственники за свой счет обеспечивали девушек из небогатых семей, а дочери бедных, но заслуженных граждан даже получали свое приданое из общественных фондов. Такое рассказывают, например, о двух дочерях Аристида. Аристид (V в. до н. э.) был политик и реформатор, стратег в битве при Марафоне. Он считался образцом справедливости и неподкупности, исполнял должность архонта и потерял при этом все свое имущество. Каждая из его двух дочерей получила в приданое от государства по 3000 драхм.

Уже Солон, мудрый афинский законодатель (640—559 гг. до н. э.), сам происходивший из знатной, но обедневшей семьи, пытался бороться против злоупотреблений в браках с приданым; в одном из законов он запретил заключать «браки ради прибыли». Платон около 400 г. до н. э. требовал вообще запретить приданое; чтобы обеспечить «равенство семей», позволялось приносить с собой не более 50 драхм — столько стоили одежда и белье. Но и требования Солона, и требования Платона имели только «бумажную ценность»; осуществить их на практике было невозможно.

### **Брачный возраст**

Гомер никогда не называет возраста человека. Десять лет означали у него «долгий» срок; Троянская война длилась десять лет, и десять лет странствовал Одиссей. В ту пору, когда мало кто умел считать, писать и читать, счет времени велся по урожаям, по определенным событиям, а возраст женщины — по лунным циклам. Функции женского тела тесно связывались с фазами луны. Ведь и современное слово «месяц» связано со словом «луна»\*. На древнем Востоке месяцем назывался период между двумя новолуниями (29 1/2 дней). Когда девушка достигала десяти лунных лет, она считалась пригодной для замужества.

\* По-немецки Mond — Monat. — *Примеч. пер.*

Какого-либо минимального или рекомендуемого среднего возраста для замужества нигде не указывается, говорится лишь лаконично: «как можно раньше!». В двенадцать с половиной лет девочка считалась зашедшей, такую никто уже не хотел брать. Так что и религиозные и гражданские установления призывали отцов выдавать своих дочерей замуж как можно раньше, «покуда они держат руку свою на их затылке» и «прежде, чем девушка созреет как полная луна», то есть до половой зрелости.

Девочка в возрасте, когда она еще не выросла или только что вышла из пеленок, по природе «покорнее». Лишь незрелый ребенок готов беспрекословно следовать тому, что ему скажут родители. Еще и сейчас в Индии девочек обручают в младенчестве. В архаической Греции невеста бывала такой юной, что в день свадьбы ей приходилось сжигать на алтаре Артемиды свои игрушки и своих кукол. Много детских браков известно в египетских царских династиях. Тутанхамону исполнилось примерно девять лет, когда он женился на Анхесенамон, а его невесте — одиннадцать. Девять — одиннадцать лет были обычным брачным возрастом для египетских правителей, а у простого народа он был еще ниже.

Следует при этом иметь в виду, что и продолжительность жизни тогда была весьма незначительна. Исследования египетских мумий показали, что средний возраст даже знати равнялся двадцати восьми годам, причем, в противоположность нашим дням, мужчины жили дольше женщин.

Иудейский царь Ирод Агриппа I (I в. н. э.), воспитанный в Риме, обручил свою дочь Друзиллу в шесть лет, свою дочь Марианну в десять лет, причем обеих одновременно. Еврейский закон требовал от отца: если его дочь останется незамужней после двенадцати лет, «тогда отпусти одного из рабов своих на свободу и дай его ей в мужья». Поздний Вавилонский талмуд называет девять лет идеальным брачным возрастом для девочки и тринадцать лет — для мальчика. В Риме законом был определен минимальный брачный возраст: для девочек двенадцать, для мальчиков четырнадцать лет. Петроний, римский писатель, живший при дворе Нерона, описывает в «Пире Трималхияна» брак семилетней как порождение извращенных нравов.

У греков на этот счет можно встретить разные высказывания. Для Гесиода идеальный брачный возраст

наступал к восемнадцати годам, для Платона — даже к двадцати. Еврипид настойчиво предупреждал: «Великое зло связывать двух людей одного возраста, ибо мужчина сохраняет свою силу значительно дольше, а расцвет женской юности проходит быстрее». В двадцать лет женщина считалась уже матроной. Римский император Август вынужден был принять закон против безбрачия и бездетности; того, кто к двадцати годам не вступал в брак, могли оштрафовать и даже изгнать.

Не столько возраст вступающих в брак, сколько обычай соединять людей без их согласия возмущал римского писателя Сенеку: «Любое животное, любого раба, любую одежду и кухонную утварь мы проверяем, прежде чем купить, лишь невесту не показывают, чтобы она не могла вызвать неприязнь жениха прежде, чем он приведет ее в дом. Может быть, она зла, глупа или уродлива, может, у нее пахнет изо рта — какой бы изъян в ней ни был, мы узнаем это лишь после свадьбы»,

### **Борьба за женщину**

Древние ритуалы обручения могут нам показаться варварскими, и все же они знаменовали высокую степень цивилизации. То, что мы понимаем под браком, появляется лишь у «культурных» народов в историческую эпоху, причем первоначально в форме «умыкания невест».

Летопись каждого народа начинается с похищения женщины. Боги тоже предпочитали свадьбу с умыканием. Зевс, отец богов, принимая облик различных животных, охотился за женщинами — жертвами своей любви. Гомеровская «Илиада» начинается с похищения женщины: Парис умыкает Елену. Агамемнон и Ахилл были ничуть не лучше: они во время нападений на троянские города похитили двух женщин, Хрисеиду и Бризеиду, из-за которых в самом начале «Илиады» между ними вспыхнул спор. Этот спор едва не погубил ахейское войско.

Похоже, что похищение людей было главным поводом для большинства войн древности. Греки вели счет военной добыче по «тетрапода» (четвероногим) и «андропода» (человеконогим). Основание Рима связано с «похищением сабинянок». Согласно легенде, Ромул, согражданам которого не хватало женщин, пригласил на



Похищение спартанской царицы Елены троянским царевичем Парисом (рисунок на аттической вазе, V в. до н. э.)

праздник сабинян (соседнее скотоводческое племя, обитавшее в Центральной Италии) вместе с их семьями. Во время празднества римляне похитили незамужних сабинянок. Когда впоследствии из-за этого разгорелась война, сабинянки, ставшие к тому времени женами и матерями римлян, встали между сражающимися войсками и заставили их примириться.

Нечто похожее рассказывает Библия о потомках Вениамина в царскую эпоху. В ходе междоусобных войн у них осталось мало женщин. Они напали вначале на город к востоку от Иордана и «поразили мечом» всех мужчин и женщин, но «четыреста девиц, не познавших ложа мужского»\*, они похитили и привели в свой лагерь, в Силом. Другой вариант легенды сообщает, что на празднике по окончании сбора винограда дочери силомские танцевали на виноградниках в белых одеждах. Тут из засад па них напали неженатые вениамитяне, каждый похитил для себя девушку и убежал с нею.

Знакомо было умыкание и ханаанеям: женщин завоевывали и похищали, это была цепная добыча. В мифе о Керет из Угарита (Рас-Шамра), которому, видимо, более 3500 лет, бог-отец Эль приказывает угаритскому царю: «Вторгнись в соседнюю страну Удумми, победи царя Пабелли, но не бери золота и серебра, возьми лишь его дочь Хурай и увези ее».

\* Суд. 21, 12,— *Примеч. пер.*

За похищение людей в своей собственной стране хетты подлежали смертной казни, но умыкание девушек из чужой земли восхвалялось и считалось героизмом.

Эламский царь Шальхак-Иншушинак гордо сообщает: «Я уничтожил Каринташ, собрал в одно место и увел всех жен, наложниц и дочерей царя». Но пробил и час Элама, и ассирийский царь Ашшурбанапал сообщает, торжествуя: «Дочерей и жен эламитского царя, его градоправителей и полководцев, великих и малых, взял я в добычу и увел, как стадо».

Тиглатпаласар III, ассирийский царь, правивший в VIII в. до н. э., так описывает один из своих походов: «Я разрушил город, как глиняный сосуд, тысячи женщин увел как добычу». Еще Александр Великий не считал похищение женщин делом недостойным и приказал доставить в свой гарем жен побежденного им персидского царя Дария III.



На саркофаге, найденном близ Хайфы (около 100 г. н. э.), сцена умыкания женщин изображена менее идилически, чем похищение Елены на аттической вазе; такие варварские сцены происходили в глубокой древности. Здесь изображены кентавры, похищающие девушек и женщин с детьми (музей Хайфы)

Первобытный человек выслеживал, подстерегал, похищал свою добычу как охотник и следопыт, по всем правилам искусства. Когда он потом склонялся над женщиной, точно над раненым, связанным зверем, которого тащил к себе, испытывал ли он сочувствие к ее беспомощности? О нет, он был полон охотничьей гордости — он был победитель, герой, повелитель. В умыкании невест мужское начало утверждало себя путем насилия.

Надо было пройти долгий, долгий путь, чтобы человеческое общество от биологического акта спаривания пришло к социальному институту брака, когда юридический договор стал фундаментом упорядоченного общественного и государственного устройства. Истории неизвестно, как произошел переход от умыкания невест

к выкупу, но, видимо, этому способствовало непрекращающееся активное и пассивное сопротивление женщин. Одним из свидетельств того, что женщины не давали себя так просто похитить, может служить бытующий до сих пор во многих странах Востока танец с мечами, который исполняет на свадьбе невеста. И хор, как мы уже подробно рассказывали, поет «Песнь песней»: «Кружись, кружись, Суламифь, в дивном воинственном танце» \*.

В Спарте, откуда гости-троянцы похитили из дворца жену царя Менелая, вызвав тем самым десятилетнюю войну, умыкание невест для бракосочетания официально поощрялось. Жених-спартавец должен был похитить невесту, высватанную ему его родителями, даже если предмет его любви был и без этого вполне доступен и согласен на брак. Греческий историк Плутарх оставил нам описание этого странного свадебного обычая: «Женитьба в Спарте происходила таким образом, что каждый юноша должен был похищать свою невесту. Ее встречала так называемая прислужница невесты, остригала ей наголо голову, снимала с нее тонкие одежды и надевала грубую, из мешковины, укладывала ее на мешок с соломой и оставляла одну в темноте. Жених подкрадывался к ней скрытно и насильно развязывал ей пояс. Причем не только один раз, не только в первую ночь, но долгое время. Это подстегивало желание: постоянно оживляя свою любовь, он овладевал ею вновь и вновь вместо того, чтобы, насытившись официально дозволенным удовольствием, ослабеть».

Нечто подобное требует от евреев библейское Второзаконие, пятая книга Моисеева: «Когда выйдешь на войну против врагов твоих... и возьмешь их в плен, и увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жены, то приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою, и обрежет ногти свои, и снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем, и она будет твоею женою» (Второзак. 21, 10—13).

Пережитки времен, когда умыкали невест, сохрани-

\* В библейской «Песни песней» соответствующего места нет. — *Примеч. пер.*

лись и в европейских свадебных обычаях — от вечеринки накануне свадьбы (нем. Polterabend) до обычая переносить невесту через порог.

### Приготовление к свадьбе

После подписания свадебного договора молодые люди считались помолвленными, но жених не имел права видеть будущую жену до свадьбы,— все равно, долгим или коротким было время после помолвки.

После помолвки родители тщательно выбирали срок свадьбы. Существовали счастливые дни, счастливые числа, счастливые месяцы — необычайно сложный гороскоп определялся расположением звезд, которые магически влияли на человеческие судьбы. Лучше всего было спросить совета у жреца или оракула. На Ближнем и Среднем Востоке избегали жениться в течение пятидесяти дней примерно между христианской пасхой и троицей. Они считались несчастливыми. У земледельческих народов счастливым временем считалась поздняя осень, когда было выдавлено вино и выжато масло, убраны поля и жених с невестой, а также гости имели достаточно времени для праздника. В Греции предпочтение отдавалось месяцу «гамелиону» (январь — февраль), так как в этом месяце не было никаких полевых работ. Слово «gamos» означает свадьбу. Особенно предпочитали дни полнолуния, так как женщины в такие дни считались особенно способными к зачатию, но лишь в том случае, если они были «освящены». Поэтому у многих народов Восточного Средиземноморья невеста за день до свадьбы совершала сакральное омовение, чтобы «освятить» себя для новой жизни (слово «крестить», «святить» \* происходит от «погрузиться в во--») \*\*), «преобразиться», «принять посвящение». Погречески слова «крестить», «освятить» и «погружаться, нырять» имеют одинаковое значение («baptisma» от «baptizo»), что видно и из Нового завета.

Как свидетельствует шумерский гимн Инане, пять тысяч лет назад даже богини перед «священным браком» должны были совершить сакральное омовение:

\* По-немецки «taufen». — *Примеч. пер.*

\*\* По-немецки «Ins-Wasser-Taufen». — *Примеч. пер.*



«Госпожа погружает свои золотые чресла в бегущую воду, ради бедер царственного жениха купается она, ради бедер Иддин-Дагана купается Инана; царственный жених войдет в ее чистые чресла». В Израиле в подвальных помещениях стояли специальные женские купели, вмещавшие до 800 литров воды, так что вода доставала до груди стоящего человека. В маленьких купелях нельзя было лежать, только «погружаться». «Миква», так называлось омовение женщины, не было омовением в гигиенических целях, оно служило лишь культовому очищению. В Назарете показывают купель, где совершала «микву» Мария.



Омовение невесты было непременной составной частью свадебного ритуала. Воду для этой цели приносили в особых изящных сосудах с ручками

В Греции невесты, набирая воду для омовения перед свадьбой, использовали особый керамический сосуд; он был высок, удлинённой формы, с двумя ручками. Если женщина умирала незамужней, ей ставили на могилу «лутрофор» — так называли кувшин невесты, — чтобы она могла навестать в Аиде и свадьбу и омовение. Греки тоже верили, что священное омовение очистит их от всего брэнного и переродит.

Во многих странах — если не были уверены в невесте — она помимо очищения подвергалась проверке девственности. По Плутарху, у некоторых племен, живших на берегах Каспийского моря, невеста, прежде чем надеть на себя покрывало, становилась обнаженной перед пчелиным ульем. Поскольку рабочие пчелы живут «целомудрено», чистая девушка не мешала им, но нецеломудренную девушку они обращали в бегство.

Рабби Гамалиель предложил для проверки невинности собственный метод: невеста, вызвавшая подозрение, должна была сесть на корточки над отверстием винной бочки. Если она утратила девственность, запах вина должен был проникнуть в нее, если была девственна — не проникал. После такой проверки Гамалиель сказал недоверчивому жениху: «Ты хотел избавиться от нее, но она спасет тебя! Иди и радуйся твоей невесте!»

Особое внимание мать невесты уделяла свадебному наряду. Дочь снимала короткую девичью одежду и надевала длинную женскую, которую мать нарядно украшала вышивкой. На голову надевался головной убор или покрывало, так как головной убор замужней женщины отличался от убора незамужних. Покрывало было длинное или не очень длинное. Гомер называет его то воздушным, то «среброблещущим», то «светозарным». В Риме оно было красным и называлось «flammeum» — «огненное». Согласно тогдашним религиозным представлениям, головной убор, будь то убор жреца или невесты, обладал магической силой: он отгонял злых духов.

Одна работа Трифона, резчика по камню, позволяет предположить, что в Греции покрывало имело важнейшее культовое значение: божественный Эрот приподнимает во время свадьбы покрывало Психеи: «лишает ее покрывала». Поверх покрывала невеста надевала венок из роз и миртов, на Востоке также диадему или венец. Жених тоже носил на свадьбе напоминающее венец украшение, которое надевала ему его мать. Так, в «Песни песней» говорится: «Выходите, дочери иерусалимские, посмотрите на царя в венце, который возложила на него мать в день свадьбы его, в день его радости сердечной» \*.

Покрывало и венец преображали даже бедных и беднейших — пускай всего на один день в жизни, но они становились царской четой, они восходили на трон, и все славили их песнями радости.

Помпейская фреска «Альдобрандинская свадьба», названная так по имени бывшего владельца дома, изо-

\* Перевод по немецкому тексту Е. Вардимана. В русском тексте «Песни песней» соответствующего места нет. — *Примеч. пер.*

бражает подготовку к свадьбе. К закутанной в белые одежды, оробевшей невесте, которая сидит на постели, обращается богиня увещевания \*. Слева мать невесты готовит свадебное омовение, в то время как справа женщины-подружки сыплют фимиам и поют свадебную песнь.

### Свадебный пир

На свадебный пир приглашалась вся родня, а в сельской местности — вся деревня. У кого не оказывалось средств на пышную свадьбу, должен был одолжить их. Сохранился список из Ура, в котором четыре тысячелетия назад подробно перечислялись все расходы на свадьбу: невеста получала в приданое посуду и белье, а жених в подарок — серебряные украшения, нарядную одежду и солидную сумму серебра. Кроме того, жрецу платили продуктами и серебром, чтобы он выпросил у богов благоволение к юной паре. Однако главные средства шли на свадебное угощение. С большой точностью перечислялось, сколько выдано муки, пирогов, жира, конопляного масла, пива, вина, овец. Расходы на угощение в соответствии с древними «законами гостеприимства» всегда были на Востоке очень велики. Мясо в изобилии можно было поесть именно на праздничном пиру: жили тогда обычно бедно и в «постные» дни недели питались только вегетарианской пищей. Рассказывая о браке в Кане, евангелист упоминает пригнанных быков и другой скот, хотя родители невесты были так бедны, что не могли закупить достаточное количество вина. Чтобы это не испортило праздничного настроения, Иисус, как известно, превратил воду в шести каменных сосудах в вино.

На удивительной свадьбе в Кане был и свой распорядитель. Он советует жениху: «Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее» \*\*. Вина тогда потребляли довольно много; даже рабу полагалось в день 0,6 литра вина. Женщинам в Греции пить вино строжайше запрещалось. Тайное

\* К невесте обращается Афродита — богиня любви и брака. — *Примеч. пер.*

\*\* Иоанн, 2, 10. — *Примеч. пер.*

употребление вина считалось достаточным основанием для развода.

Согласно греческим и восточным обычаям, женщины не имели права пировать вместе с мужчинами; им свадебное угощение подавалось в другую комнату или на другой стол. Невеста, главная участница события, должна была оставаться вдали от торжеств, ее черед наступал лишь вечером, когда начиналась самая важная часть праздника — «введение невесты в дом»,

### Свадебное шествие

Торжественное шествие с флейтистами, барабанщиками, факельщиками сопровождало невесту, порой совсем еще юную, из родительского дома в ее новый дом. Музыка, громкие крики ликования и факелы должны были отпугивать демонов, которые угрожали шествию. Факелы представляли собой длинные палки, верхний конец которых был оплетен лубом, обмакнутым в оливковое масло.

Евангелист Матфей рассказывает, как навстречу жениху вышли десять дев со светильниками (факелами). «Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взявши светильники свои, не взяли масла» \*, разумные же сумели поддержать свет. Считалось, что факел может влиять на судьбу; подтверждения этому мы находим в греческой легенде об Эвридике, жене певца Орфея, которой пришлось умереть в день собственной свадьбы, потому что погас ее факел и демоны смогли к ней приблизиться.

В Риме на улицах, по которым проходило торжественное свадебное шествие с факелами и музыкой, царила радостная суматоха; зрители и участники выражали свой восторг, давая волю южному темпераменту. Чтобы предупредить опасные бесчинства, римляне позволяли приглашать на свадьбу не более тридцати гостей.

А как воспринимала всю эту суматоху та, что была главным действующим лицом на торжестве «введения невесты в дом»? Греческий поэт Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) в своем эпосе «Аргонавтика» впечатляю-

\* Матф. 25, 2 и сл. — *Примеч. пер.*

ще, с большой психологической глубиной описывает борьбу противоречивых чувств в ее душе. «Голоса радости» для нее — лишь внешние звуки, они не могут избавить малолетнюю невесту от неуверенности и страхов. Она плачет, она стремится от того неведомого, что ей предстоит, что в корне изменит всю ее жизнь, оторвет от родительского очага. Она боится мужчины, который много старше ее, которого она прежде не знала и даже не видела; ведь ей вообще до сих пор строжайше было запрещено всякое общение, всякий разговор с мужчинами вне семьи. Все в ней противится происходящему. Ей страшно, страшно, страшно!



Свадебное шествие. На колеснице невеста и жених, впереди — подруга невесты, сзади — ее мать с факелами. Согласно другому толкованию, рядом с невестой сидит Аполлон, который сопровождает девушку, одновременно защищая и поучая ее (афинская пиксида, около 400 г. до н. э., Национальный музей, Афины)

За отсутствием документальных описаний «свадебного шествия» античных времен нам придется привести свидетельство немецкого миссионера Л. Шнеллера, который в 1890 году наблюдал в качестве гостя свадьбу арабов-христиан в деревне Бет-Джала близ Вифлеема. В то время эта местность входила в состав Османской империи:

«Девушку, не спрашивая ее, продают тому, кто предложит больше денег и по возможности принадлежит к тому же роду. Эта до крайности отвратительная сделка совершается в присутствии невесты. Как магометане, так и христиане рассматривают брак лишь с материальной точки зрения. Если учесть еще совсем юный возраст невесты, можно понять, что она испытывает при всем этом гнетущий страх, но никак не ра-

дость». Саму свадебную церемонию священник описывает так: «Во время торжества, которое я наблюдал, две группы мужчин стояли на плоских крышах домов, образуя два хора друг против друга, и пели воинственные и свадебные песни. При этом они подчеркивали такт хлопками, наклонами, всяческой пантомимой и мимикой. Невесте было не больше восьми-девяти лет, жениху четырнадцать... Невеста сидит на высоком верблюде, в руке у нее кривая сабля, которая чуть ли не больше ее и которую она едва держит торчком. Ее самой, выражения ее лица при этом совсем не видно, поскольку с головы до пят она закрыта платками и покрывалами и на мощном седле выглядит как бы жалкой грудой тряпья. Украшение невесты в основном состоит из золотых и серебряных монет, в которых проделаны отверстия и которые нанизаны, как бусы, на нить, подобно венку обрамляя лицо и лоб. Другие монеты составляют ожерелье, свисающее до груди. А вокруг верблюда танцует, скачет, поет, шумит возбужденная толпа. Слышно нечто вроде ритмических выкриков, пением этот адский шум назвать нельзя. Когда запевала, который руководит также и танцами, бросает на землю саблю, шествие гостей останавливается, никто не может переступить саблю. Останавливается и закутанная невеста. Ожидают, пока не начнет смеркаться, потому что встреча невесты начинается только при заходе солнца. Лишь тогда в дверях дома появляется жених. Толпа девушек с факелами и светильниками спешит ему навстречу, а все при этом ликуют и хлопают в ладоши».

В заключение пастор Л. Шнеллер выражает свое возмущение тем, что в христианской деревне Бет-Джала свадебная церемония происходит без церковного благословения, а на языческий манер, совсем как две тысячи лет назад: «Когда жених поднял невесту над порогом, вся деревня разразилась похотливо-варварским смехом и ликующими криками». Миссионер, возмущенный, покинул праздник.

### **Свадебная песнь Сафо**

Приближалась решающая минута, когда невесту должны были перенести через порог, чтобы обмануть подстерегающих ее демонов; в Греции юноши и девушки в это время начинали петь «гимении» — песни, на-

званные так по имени бога бракосочетаний Гименея. Большинство свадебных песен утеряно, о них остались только упоминания; сохранился лишь скудный фрагмент одной из песен Сапфо. Это тем более прискорбно, что, по свидетельствам древних, именно свадебные песни были жемчужинами ее поэзии. Еще Гимерий Афинский, софист и учитель риторики, с восторгом описывал в 350 г. н. э. красоту этой части лирики Сапфо. «Сапфо готовит жениху постель (своими песнями), славит красоту девственницы-невесты, приводит в брачный чертог Афродиту на колеснице харит и резвящийся с ней хор Эротов, которые летят впереди, потрясая свадебными факелами».

Цюрихский профессор Х. Кёхли характеризует гимны Сапфо как «лирические драмы, которые словно разделены на несколько актов, где основные части свадебного торжества описаны в напевах и сопровождаются ритмическим, отвечающим содержанию, действием». Хоровые партии сменяют друг друга; как и в Бет-Джала, юноши и девушки двумя группами друг против друга стояли перед дверью дома, чтобы песнями приветствовать невесту. Вот в сокращении фрагмент из свадебной песни Сапфо.

В начале каждой строфы повторяется обращение к богу браков Гименею: «Гимен, о гимен, приходи, Гименей!»

Хор девушек:

Уже близко невеста, выходи ей навстречу!  
Страшна вечерняя звезда... Нет в небе злей света!  
Ты вырываешь дочь из материнских рук,  
Чтоб против воли отдать, нетронутую, пылкому юноше!

Хор юношей:

Вечерняя звезда дружелюбна! Нет в небе света прекрасней!  
Ты, сияя, свершаешь обещанный брак,  
Что давно назначили и подтвердили родители.  
Благословен час, когда боги даруют людям исполнение,

Хор девушек:

Как цветок наша невеста в хранимых ухоженных садах,  
Ее ветер ласкает, солнце питает, поит ночная роса,  
Но скоро сникнет она, потеряв кровь невинности,  
Она уже никого не привлечет, и девушки будут  
чуждаться ее.

Хор юношей:

Как лоза винограда, что в саду выросла,  
Беспомощно ищет, вокруг кого обвиться, чтобы гроздь  
взлелеять,

Так девушка тянется к грубому вязу,  
Останется одна — постареет, и никто не вспомнит о ней.

(Невесте):

Твоя девственность принадлежит не только тебе,  
но и родителям —

Треть отцу, треть матери,

И лишь треть твоя. Потому не противься родителям.

Твой долг подчиниться им и следовать за мужчиной,  
Которого они нашли с помощью богатого приданого\*.

Бросается в глаза, что Сапфо, поэтесса с Лесбоса, всегда воспевавшая и подчеркивавшая чувственную сторону любви, здесь, в свадебной песне, даже избегает таких слов, как «любовь» или «эрос», обычно столь частых у нее, зато прозаически упоминает в качестве важнейшего фактора приданое. Столь же прозаически дверные косяки нового дома невесты в древней Греции украшались не гирляндами цветов, а прядями шерсти, перед порогом стояла ступка, чтобы молоть зерна. И то и другое — древние символы, призванные напомнить юной невесте о ее будущих обязанностях жены. Едва она входила, мать сразу подавала ей факел, который она заботливо несла для нее в свадебной процессии, и говорила ей: «Зажги очаг в твоём новом доме. Будь внимательна, не давай ему погаснуть, дабы никогда не угасало счастье в твоём доме».

В некоторых местностях, например в Беотии, невеста ехала к дому своего жениха на повозке, запряженной волами. После ее прибытия оси повозки сжигали. Это делалось, чтобы юной жене никогда не захотелось покинуть дом своего мужа.

Но главное испытание ей еще предстояло.

### Ночь тайн

В любви греки видели телесное слияние двух гармоничных людей, таинственное благо, которое боги даруют немногим. Но если партнеры противоположны, любовь оказывается лишь лживой иллюзией, неразрешимой загадкой. Решающее значение тут имела «ночь тайн», как греки называли первую брачную ночь. Она была испытанием способности к совместной жизни, да и самого себя.

Изначальное единство желания и познания нашло

\* Подстрочный перевод.



выражение в дельфийском девизе: «Эрот говорит: познай самого себя!» По-еврейски сексуальный акт называется «познанием». В любовном акте можно познать другого, но не разгадать его, если одновременно не познаешь самого себя. Любовь требует преодоления человеческой разорванности, чуждости, противоположности, в ней осуществляется жажда соединения. Согласно мифу о происхождении эроса, который излагает Платон в своем «Пире», люди первоначально были двойственными, «женско-мужскими» существами; они чувствовали в себе такую силу, что отважились восстать против богов. В наказание Зевс разделил их на два существа, мужское и женское, и обрек их на необходимость вечно стремиться друг к другу, чтобы вновь стать единым целым.

Каждая «ночь тайн» пыталась снять эту противоположность между женским и мужским началами.

Гераклит Эфесский (VI—V вв. до н. э.), древний философ, открыл самый удивительный из всех психологических законов — регулирующую функцию противоположности. Все стремится к своей противоположности. Человек разумен — и в то же время не может быть *только* разумным. Иррациональность неистребима. Все происходит в столкновении противоположностей. На противоположности основана и гармония музыки, и гармония любви. Миг желания для мужчины — не любовь, это миг агрессии; удовлетворенное желание приносит успокоение, неудовлетворенное — порождает ненависть. Любовь и ненависть суть полюсы одного и того же чувства. Из общности рождается обособленность, из совместной жизни — жизнь рядом друг с другом. В поляриности ли тут дело, или просто таков парадокс любви?

### Первое переживание

Даже когда античные философы бурно восторгались любовью как чудом, можно заметить, что она для них не была связана с браком. Одно дело философские представления, другое — реальность. Кажется, что в телесном единении всегда есть какая-то недостаточность.

Для греков, правда, эротика предполагала единство духовного и чувственного элементов. Лишь благодаря такому единству, считал Платон, совместная жизнь людей может протекать гармонично, Ночь любви не длит-

ся вечно, и ни один брак не может быть вечным раем — здесь сочетаются счастье и страдание, беспокойство и умиротворенность, осуществление и разочарование, приязнность и отчуждение. Мужчина и женщина по-разному воспринимают миг любви, который должен их связать.

Как же переживал мужчина «ночь тайн»?

Именно сильнейшие из сильных, герои мировой истории, одолевавшие всех и вся, перед лицом слабого пола терпели поражение. Таков был Геракл, этот «супермен» греческих мифов: он совершил множество подвигов, но, попав в услужение к лидийской царице Омфале, дошел до такого унижения, что носил женскую одежду. Таков был Самсон, еврейский богатырь с львиноподобной гривой; он перебил ослиной челюстью тысячу закованных в доспехи филистимлян, но в объятиях нежной филистимлянки выдал тайну своей силы. И таким же оказался шумерский герой Энкиду, друг Гильгамеша, — вавилонская блудница сделала из него, бессмертного, слабого смертного. Первая любовная ночь превратила божественного сильного мужчину в земного слабого человека. Этот древнейший, возникший более 4000 лет тому назад рассказ о брачной ночи интересен еще и тем, что здесь не девушка, а мужчина теряет свою невинность. Взамен он обретает знание.

Вот как описывается в эпосе Энкиду:

Шерстью покрыто все его тело...  
Пряди волос, как хлеба густые...  
Вместе с газелями ест он травы,  
Вместе со зверьми к водопою теснится.

Мудрец советует Гильгамешу, если он хочет усмирить Энкиду, позвать в помощь иеродулу, культовую проститутку из храма, и вместе с ней подстеречь звероподобного человека. Когда Энкиду явился, блудница:

Раскрыла груди, свой срам обнажила,  
Не смущаясь, приняла его дыханье,  
Распахнула одежду, и лег он сверху,  
Наслажденье дала ему, дело женщин,  
И к ней он прильнул желанием страстным.  
Шесть дней миновало, семь дней миновало —  
Неустанно Энкиду познавал блудницу,  
Когда же насытился лаской,  
К зверью своему обратил лицо он.  
Увидав Энкиду, убежали газели,  
Степное зверье избегало его тела.  
Вскочил Энкиду, — ослабели мышцы,  
Остановились ноги, — и ушли его звери.

Смирился Энкиду, — ему, как прежде, не бегать!  
Но стал он умней, разумением глубже,—  
Вернулся и сел у ног блудницы...  
За руку взяв, повела, как ребенка,  
К стану пастушьему, к скотным загонам \*.

Поразителен этот рассказ о том, как дикие звери, еще недавно верные спутники Энкиду, которые в райских рощах, «где лев и овца вместе пасутся», мирно делили с ним водопой, пастбища и пещеры для жилья, вдруг, после любовного акта, почувяли, что он превратился в «человека», в охотника, во врага, и в ужасе бежали. Энкиду пришлось расстаться со свободой и покинуть леса. Так Адам должен был покинуть рай, «познавши» любовь. Познание ведет к изгнанию, говорится в шумерском мифе, зато он «стал умней»; нечто сходное утверждает и Библия, повествуя об изгнании из рая.

Каким же познанием наделяет мужчину первый любовный акт? Мужчина ищет в объятиях большего самодовольствия, он надеется обрести какую-то свободу, возвышенности чувств, избавление. Но вместо небес оказывается на грешной земле. Он винит в этом разочаровании женщину, партнершу по любовному акту, он бежит от нее, противясь своим инстинктам, но они возвращают его к женщине.

Швейцарский психолог К. Г. Юнг так формулирует сущность борьбы полов, которая господствует в мире с тех пор, как Адам утратил свой рай, а Энкиду — свою дикость: «По самой своей природе мужчина нуждается в женщине как телесно, так и духовно. Его устройство а priori ориентировано на женщину, точно так же как оно приспособлено к совершенно определенному миру, где есть вода, свет, воздух, соль, углеводы и т. д., поэтому осознанно или неосознанно он именно их ищет».

Вопрос, однако, в том, на какую женщину он ориентируется. Идет ли речь непременно о его законной жене? Существуют достоверные свидетельства, что довольно многие греки из числа богачей и высшей аристократии сразу же после брачной ночи, произведя потомство, считали свой общественный долг исполненным: они полагали, что этого уже достаточно, теперь можно покинуть своих супругов и убежать к гетерам. Брак был для греков унылой повседневностью, к которой можно

\* Перевод И. Дьяконова,

было относиться безразлично; праздник любви они справляли всегда вне дома.

А чего могла ожидать от «первой ночи» женщина? Феокрит (IV—III вв. н. э.) говорил, что любовь заполняет все существо женщины, как физически, так и психически. Женщина рождается со знанием о любви. Любовь живет в ней, это часть ее самой, она так же предназначена для любви, как ее легкие — для дыхания.

Но не ошибается ли здесь Феокрит?

Что может чувствовать невеста, когда она сама еще ребенок? (Только представить себе: ей, может быть, девять лет или того меньше!) Воспитанная в подчинении, выросшая в изоляции женских покоев, никак не подготовленная матерью, разве что просвещенная разговорами подружек, она в страхе отдается чудовищу, насильнику — мужу. В древнем мире свадебная ночь для невесты-ребенка могла быть только актом насилия, он вырывал ее из детского состояния, заставляя исполнять роль жены и домохозяйки, от которой она уже не могла освободиться до конца жизни.

## 4. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

### Суровые семейные законы

Поскольку на древнем Востоке не существовало консультационной службы по вопросам брака, девушке, чтобы предупредить разочарование, неплохо было бы перед свадьбой совершить познавательную поездку в Сузы. Сузы — небольшая холмистая местность на юго-западе Ирана. Здесь в 1901—1902 годах Ж. Ж. Морган (1857—1924) обнаружил базальтовый столб высотой 2,25 метра, относящийся к эпохе великого вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.); сейчас он находится в парижском Лувре. На нем тщательно высечены 282 параграфа законов.

От женщины требовалось абсолютное послушание мужчине. Если она не подчинялась, он имел право ее наказать. Согласно одному древнеассирийскому закону, супруг мог за непослушание, леность или отказ от исполнения супружеских обязанностей «побить свою жену, остричь ее, отрезать ей уши, нос, выжечь на лбу рабское клеймо или прогнать ее». В случае любых домашних споров или необоснованной жестокости ни жена, ни тесть не могли привлечь его к судебной ответственности.

Если женщина бежала от жестокости мужа в родительский дом и оставалась там четыре дня, он мог вернуть ее насильно, заставить доказывать божьим судом, посредством ордалии, что она за время своего отсутствия не спала ни с каким другим мужчиной. «Ее надлежит связать и бросить в воду; если она выберется благополучно, значит, она невиновна, и муж должен оплатить судебные издержки». Отчаянный побег может стоить ей жизни, ему же — всего лишь денежного штрафа.

фа. При подозрении в измене процедура была такова, что доказательство измены означало для женщины неминуемую смерть. Уже в законах из Эшнуны (ныне городище Телль-Асмар, в 25 км к северо-востоку от Багдада), датированных началом II тысячелетия до н. э., говорилось: «День, когда ее обнаружат в объятиях другого, для нее последний; более ей не жить». Даже в «прогрессивную» эпоху римских императоров за супружескую измену подлежала наказанию только женщина, муж имел право подвергнуть за это женщину смерти.



Столб с законами Хаммурапи (верхняя часть). Великий аморейский царь Вавилона, повелевший записать законы, получает от восседающего на троне бога Солнца кольцо и жезл в знак своих полномочий. Под этим изображением на столбе высотой 2,25 метра высечен текст законов (базальтовый столб из Суз, XVIII в. до н. э., Париж, Лувр)

Законы Хаммурапи делали женщину бесправной во всех отношениях; она не могла ни заключать договоров, ни вести денежные дела, ни ставить свою подпись — все только через опекуна. Она оказывалась, по существу, рабыней мужа. За нерадивость, леность, отказ от работы он мог избить ее, мог проткнуть ей уши у позорного столба перед городскими воротами при всем народе, как это делали с беглыми рабами. Этот «паша» мог распоряжаться рабочей силой своей жены. Он вполне мог одолжить эту рабочую силу другому, как тяглого вола или земледельческое орудие, мог заложить, т. е., по существу, продать жену и детей, если испытывал затруднения.

Правда, закон Хаммурапи ограничивал срок такого

заклада тремя годами и запрещал получавшему женщину сверх меры ее эксплуатировать. Но это ограничение было отменено. В более позднем законе можно прочесть: «Он может отдать женщину даже без ее согласия, и если он отдает женщину, то ее имущество не переходит тому, кому он ее отдает». Женщина не могла предстать перед судом ни как истица, ни как свидетельница. Даже если муж был душевнобольным или склонен к насилию, жена не могла требовать развода. Она не могла претендовать ни на какое наследство; имущество ее покойного отца или супруга переходило к сыновьям. Овдовев, она могла рассчитывать только на их милость.

Женщина не принимала никакого участия в общественной жизни; она не могла покинуть женских покоев, в которых не было окон, не могла одна выйти на улицу, даже за покупками. Она должна была молчать, не имела права участвовать в разговоре мужчин, не могла есть за одним столом со своим мужем или сыном, и если обслуживала их за едой, то лишь стоя. Лишь на большом отдалении, лишь в «чистом состоянии», лишь закутанная в покрывало, «со знаком власти на голове», как выражается апостол Павел, она могла молча присутствовать при богослужении. Ее клятва перед алтарем имела силу только тогда, когда ее подтверждал кто-либо «уполномоченный», то есть ее муж или — если она была незамужней или вдовой — ее отец, брат или другой родственник-мужчина. Так что даже перед богом она объявлялась существом недостойным.

Поразительно, что законы Хаммурапи знаменовали еще культурный прогресс по сравнению с другими древневосточными законодательствами. Параграф 148 гласил: «Если человек взял жену, а ее схватила проказа (?) и он захочет взять другую, (то) он может взять, (но) свою жену, которую схватила проказа (?), он не должен оставить, она может жить в его доме, который он построил, и, пока она жива, он должен ее содержать».

Важнейшие статьи законов обязывали женщину заботиться о потомстве; бездетная женщина должна была привести мужу другую женщину, чтобы та вместо нее родила наследника-мальчика.

Столь подчеркнуто патриархальный характер семейных законов Хаммурапи сейчас способен нас удивить, озадачить, нам трудно его понять. Мы склонны



Рамсес II ласкает свою наложницу. Этот могущественный египетский фараон имел большой гарем (рельеф из Мединет-Абу, около 1250 г. до н. э.)

видеть в таком всевластии хозяина дома чистый произвол, а положение женщины представляется нам просто рабским.

А как обстояло дело в Египте?

Несмотря на продолжающиеся уже двести лет интенсивные раскопки в долине Нила, до сих пор не удалось найти здесь ни одного собрания законов, хотя они должны были существовать. В различных текстах юридического характера мы находим ссылки на общие установления фараона. У нас есть доказательства, свидетельствующие, что жизнь в Египте была гораздо более терпимой, уравновешенной, либеральной, чем та, о которой дают представление древние суровые пункты законов других народов древности.

Более сильное и продолжительное влияние, чем светские законы, оказывали на человеческое общество законы религиозные. Консервативный, верный традициям и, несомненно, законопослушный народ на Ниле жил по древним религиозным установлениям, многие из которых сохранились еще со времен матриархата. Хотя в обширном египетском пантеоне главенствовал бог Солнца Ра, отец всех богов, мужчина-правитель, народ почитал главным образом Исиду, верную супругу Осириса и любящую мать Хора. Так было в эпоху строительства пирамид, в III тысячелетии до н. э., и так осталось до V в. н. э., когда традиционные египетские верования были сметены государственной христианской



религией. Миф об Исиде и Осирисе утверждает, что лишь женщина могла обеспечить воскресение, возрождение и вечную жизнь.

Согласно египетским религиозным представлениям, земная жизнь коротка, лишь после смерти начинается истинная, вечная жизнь. Каждый египтянин, испытавший счастье в браке, хотел в ином мире продолжать вечную жизнь с той же самой женщиной. Это находит выражение во многих надгробных рисунках и в статуэтках, которые клались с покойниками. Нередко они изображают мужчину и женщину, которые сидят вплотную друг к другу, взявшись за руки или положив руку на плечо партнера, и неподвижно смотрят в вечность; они и там не хотят разлучаться. Иногда они сидят друг против друга у сакрального стола с дарами или в беседке и смотрят друг другу в глаза. Вспомним, что жители других стран Ближнего и Среднего Востока, как и греки, никогда не садились за один стол с женщинами, пировали они только в мужском обществе и никогда не появлялись на людях со своими женами. А ведь надмогильный памятник тоже выставлен для общего обозрения. На других египетских погребальных изображениях мы видим, как мужчина и женщина вместе обрабатывают свою землю; они сеют, пашут, жнут, как будто хотят продолжить это и в другой жизни. Неписанные религиозные законы Египта, тысячелетиями определявшие совместную жизнь людей, обязывали не только женщину, но и мужчину хранить верность как до, так и после смерти.

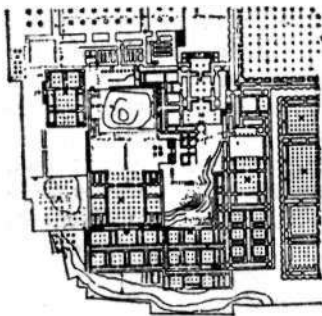
Третью дочь фараона Эхнатона звали Анхесенамон. Она жила где-то в середине XIV в. до н. э. Овдовев в одиннадцать лет, она вышла замуж за Тутанхамона. Когда он умер совсем юным, она воздвигла для фараона великолепную гробницу, которую в 1922 году открыли в Дер эль-Бахри Г. Картер и лорд Г. Г. Карнарвон. В одной из камер, полной изумительных золотых изделий, лежало тело фараона в великолепном саркофаге, покрытое драгоценными украшениями, амулетами и золотой маской. Однако самым прекрасным украшением был букетик из веток оливы, цветов лотоса и васильков, который положила сюда на прощание жена. Как и символические изображения на стенах гробницы, букетик выражал желание продолжить счастливую совместную жизнь в другом мире и в новом рождении соединиться с супругом «навек».



Будуарная сцена в египетском женском доме. Наложницы должны были развлекать фараона музыкой, пением и танцами. Надзор за женским домом осуществляла главная жена с многочисленным штатом служителей (рельеф гробницы в Телль эль-Амарне, около 1360 г. до н. э.)

А что у греков? Ряд исследователей отказываются признавать в формах греческой жизни какие-либо азиатские черты; греки — индоевропейцы, а значит, существенно отличаются от семитов. Но ведь к индоевропейцам относились и многие азиатские народы, такие, как хетты, филистимляне, персы и другие. К тому же Гомер, Сапфо, другие знаменитые греческие поэты и философы происходили с восточных островов или из Малой Азии, а не с греческого материка. Греческие порядки, определявшие юридическое положение женщин и закрепленные в традиции, были не менее суровы, чем законы Хаммурапи. Было бы утомительно приводить здесь греческие законы, неукоснительно утверждавшие насильственную власть мужчины. Эта власть распространялась не только на имущество и домашнее хозяйство, но и на всех живших в доме, включая жену и рабов.

Может быть, наиболее унижительными для женщи-



Дворец (восточная часть) персидского царя Ксеркса I. В маленьких помещениях, которые видны на нижней части рисунка, содержались женщины гарема

ны были предписания, касавшиеся ее имущественных и наследственных прав; они давали исключительные преимущества прямым и непрямым наследникам только по мужской линии, поэтому женщине иногда надо было развестись и выйти замуж за какого-нибудь дальнего родственника, имевшего права на наследство, чтобы получить хотя бы часть отцовского наследства.

Гомер, относившийся к женщинам лучше, чем какой-либо греческий поэт, создал образ Пенелопы — идеальной жены, которая хранит верность своему супругу Одиссею во все время его двадцатилетнего отсутствия, образцово ведет его хозяйство, день и ночь занимается прядением и ткачеством. И все же суровый греческий закон ставит ее под опеку собственного сына Телемака. В отсутствие отца он властвует в доме на Итаке и приказывает своей матери:

Удались, занимайся, как должно, порядком хозяйства,  
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе  
Были; судить же о луке — не женское дело, а дело  
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель\*.

В Греции закон предписывал мужчине строгую моногамию, но в его распоряжении были все служанки, рабыни и рабы, а вне дома он мог иметь сколько угодно подруг и приятелей. Уважавший себя зажиточный грек-горожанин проводил большую часть времени вне дома, дискутировал, вел беседы о политике и философии на улицах и в общественных местах. Вечера он проводил среди мужчин, в различных обществах, за угощением или питьем. Женщина должна была, напротив, оставаться дома, жить замкнуто. Единственной ее обязанностью было заботиться о хозяйстве и детях.

Дискриминационные законы о браке принимали еще более жестокие, бесчеловечные формы, когда в семейную жизнь вмешивалось государство. Недаром Плутарх сравнивал заключавшиеся по государственному установлению браки в Спарте с прекрасно организованным коневодством или собаководством. Там планировалось, например, отбирать наиболее подходящих женщин и мужчин, чтобы государство получало от них телесно совершенных воинов. О том же мечтал афинский

\* Перевод В. Жуковского.



У греков не было гарема, но каждый зажиточный грек проводил счастливые часы в обществе гетер. Рисунок на краснофигурной вазе изображает пирующего юношу и танцующую девушку (Британский музей, Лондон)

философ Платон, представляя себе идеальное государство будущего.

Софокл в своей трагедии «Антигона» описывает конфликт между неумолимыми требованиями государственных законов и «неписаными» законами человечности, естественными требованиями любви. Антигона, героиня греческой легенды, — дочь Эдипа, она сопровождает своего старого, слепого отца до самой его смерти. Антигона решает похоронить своего брата Полиника, погибшего в войне против Фив, невзирая на запрет царя Креонта. В наказание Креонт повелевает заживо замуровать ее в пещере. Там она покончила с собой: естественные права любви, по мысли Софокла, не могут найти осуществления, столкнувшись с законами царскими.

Как видим, греческие законы о браке представлялись Софоклу законами ненависти. Лишь столетие спустя заявят о себе, по крайней мере среди философов, новые, порывающие со старым представления о человеческом достоинстве. Уже Аристотель считал, что истинное сообщество мужчины и женщины может быть только свободным. «Брак должен служить не просто рождению детей, в нем следует видеть истинное сообщество мужчины и женщины. Работы и обязанности, выпавшие на их долю, должны быть распределены справедливо, одни пусть выполняет мужчина, другие — женщина, в зависимости от их склонностей. Каждый помогает другому в меру своих способностей». Для философа Антипатра из Тарса (II в. до н. э.) брак — это «полное смешение» двух различных химических эле-

ментов, причем вещество одного полностью проникает в вещество другого, сохраняя при этом свои особенности, как если смешивается вода с вином. Еще более точно другое его сравнение: мужчина, нашедший подходящую жену, подобен однорукому, получившему вторую руку.

### «Женщины — ваша нива»

По выражению одного ученого-экономиста, семья в древности «заменила отсутствующее социальное обеспечение по болезни, инвалидности и старости». Большая часть населения во многих странах жила в ужасающей бедности, людям приходилось тяжело работать на чисто «семейных предприятиях», без посторонней помощи. Необходимую дополнительную рабочую силу заменяли собственные дети. Чем больше подрастало в семье «собственной» рабочей силы, тем более обеспеченным было ее существование и тем шире была ее экономическая основа. Бездетные земледельцы и скотоводы в случае болезни, старости или смерти партнера могли совсем разориться. Поэтому бездетность в древности означала величайшее несчастье не только для семьи, но и для общества. Для общества хотя бы уже потому, что в ту пору была очень высока детская смертность и не были редкостью неурожаи, войны и эпидемии, которые уничтожали целые народы. Отсюда господствовавшие в те времена убеждения, что для любой общности людей, будь то семья или государство, способность женщины к непрерывному деторождению является главным шансом на выживание. Было совершенно необходимо какое-то «планирование семьи» — прежде всего по части «численности детей»; поэтому и отношение к женщине определялось ее способностью к деторождению. Как поле засыхает, если на него не надает дождь, так засыхает бездетная женщина и ее семья.

Один ханаанский царь писал в 1350 г. до н. э.: «Мое поле (моя страна) засохло, как женщина без супруга, ибо некому его пахать» (т. е. после проигранных войн у царя не осталось мужчин). Египетский мудрец Птаххотеп поучал своего сына: «Когда войдешь в силу, женись и создай дом. Люби жену свою, как это положено. Наполняй тело ее, одевай ее и одаривай. Она — твое поле, которое надо усердно обрабатывать».

В одной из сур Корана говорится, что само природное устройство женщины — лишь она может рожать и вскармливать детей — указывает на ее главное предназначение: рождение и воспитание детей. Главная задача мужчины — усердно «вспахивать» ее; но он должен остерегаться, как бы не потерять при этом душу. Сура гласит: «Ваши жены — нива для вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете...» (Коран, 2, 223). Бесплодие воспринималось как кара судьбы. Мужчина, который «дал своему семени пролиться», то есть умышленно постарался предупредить беременность, считался «проклятым», судьба должна была его наказать.

Когда в трудные времена студенты-богословы стали игнорировать в своей семейной жизни основной завет Библии: «Умножайтесь, как звезды в небесах и как песок в море», их учитель, рабби бен Аццаи говорил гневно: «Горе тем, кто пренебрегает продолжением рода, каждый, кто умышленно так поступает, подобен преступнику, проливающему кровь». Государство поощряло деторождение, а за бездетность карало. Согласно Платону, не вступившие в брак и бездетные должны терять права граждан, «ибо, лишь производя потомство, можно обеспечить устойчивость государства». Он добавляет к этому требование, чтобы на брачное ложе всходили только трезвыми, «ибо ваш ребенок должен рождаться от людей здоровых и умеренных... Неизвестно, в какую ночь или в какой день произойдет зачатие». Платон подчеркивал, что деторождение — не только общественный и нравственный, но также непрменный религиозный долг. Представление о деторождении как о религиозном долге в Греции было таким же, как на Ближнем и Среднем Востоке.

Истинно благочестивый человек способен воспитать в религиозном духе своих детей; лишь они обеспечат бессмертие душ своих родителей. Кто умрет, не оставив потомства, тот в наказание будет носиться как тень, не находя успокоения. Понятно, почему во времена, когда господствовали подобные представления, признанием пользовалась лишь женщина-мать, уделом же бездетной было презрение.

Гиперид (389—322 гг. до н. э.), ученик Платона, требовал относиться к бездетным женщинам так, чтобы они почувствовали стыд. Приветствуя женщину, надо было обращаться к ней не как к дочери такого-то и такого-то и не как к жене такого-то и такого-то, а лишь

как к матери такого-то и такого-то. Бездетные не должны были участвовать в праздниках и религиозных торжествах.

### «Дай мне детей, не то я умру»

Женщины, которые из-за врожденных биологических недостатков не могли родить детей, представлялись обществу бесполезными, даже вредными, проклятыми и несущими проклятие. Если женщина оставалась бесплодной, в этом, считали древние, была виновата только она, но не мужчина.

Гиппократ (460 — около 370 гг. до н. э.), первый из врачей перешедший от эмпирического мышления к научному, придавал особое значение наблюдениям над больными; однако и он полагал, что причина женских болезней не органическая и не инфекционная, их порождает «hybris». Словом «hybris» («святотатство») греки пытались объяснить все непостижимое в жизни: предопределенность, как казалось им, счастья и несчастья, необходимость для человека отвечать за свои поступки. Понятие «hybris» подразумевало, однако, не только вину, грех, но и «заносчивость», трагизм надменного высокомерия. Так, фиванская царица Ниоба, согласно мифу, хвастала своими четырнадцатью детьми и была за это наказана богами. Аполлон и Артемида умертвили всех сыновей и дочерей Ниобы на ее глазах. Женщин, не рожавших детей, как и женщин, не желавших зачинать, постигала кара богов.

Подобные взгляды на роковое предопределение существовали у всех народов, в том числе у древних евреев. Рахиль (образ идеальной женщины, по Библии) в течение двадцати лет, несмотря на всю свою страстную любовь, не могла забеременеть, тогда как ее сестра Лия, другая жена ее мужа, родила уже нескольких детей. Тогда Рахиль в отчаянии воскликнула: «Дай мне детей; а если не так, я умру» \*. Терпение Рахили иссякло, она больше не могла вынести своего положения, ее неспособность родить стала для всех очевидной. Она избегала людей, даже сестру и всех домашних, ей казалось, что каждый смотрит ей вслед, каждый знает, что судьба обрекла ее на бесплодие,

\* Быт. 30, 1. — *Примеч. пер.*

Этот страх был оправдан, поскольку, согласно законам Харрана, откуда она была родом, муж вправе был отказаться от жены, которая не могла или не хотела исполнить долг деторождения, и отправить ее домой. Для избавления женщины от такой суровой участи закон разрешал ее отцу давать вместе с ней служанку, которая в случае необходимости могла родить вместо оказавшейся неспособной к этому госпожи. Целью брака было прежде всего произвести потомство, мужское потомство, чтобы было кому передать наследство. Если главная супруга не могла выполнить этой своей высшей обязанности, она должна была обеспечить мужу наложницу. Муж мог войти к этой женщине лишь с позволения главной жены. Если госпожа впоследствии сама рожала сына, она все же не могла отослать или продать служанку и ее ребенка. Закон защищал последнюю, давая ей статус как бы второй жены, но только более низкого ранга.

Шумерский кодекс Ур-Намму (XXI в. до н. э.) предписывал: «Если рабыня возомнит себя равной своей госпоже и станет говорить ей дерзости, пусть госпожа натрет ей рот мерой соли». Отношения между бездетной женой и служанкой или рабыней, которая родила наследника и которую предпочитал господин, поневоле создавали проблемы. Чтобы их избежать, жена усыновляла ребенка своей рабыни.

Библейский рассказ сжато и точно воспроизводит подобную ситуацию: «Дал Лаван (на всякий случай. — *Примеч. авт.*) служанку свою Валлу в служанки дочери своей Рахили. Иаков вошел к Рахили, и любил Рахиль, больше, нежели Лию... Господь узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была бесплодна... И сказала (она) Иакову: дай мне детей, а если не так, я умру. Иаков разгневался на Рахиль и сказал: разве я Бог, который не дал тебе плода чрева? Она сказала: вот служанка моя Валла; войди к ней: пусть она родит на колена мои, чтобы я имела детей от нее» \*. Этот акт усыновления как раз соответствовал закону, гласившему: «Если служанка рождает ребенка на колени госпоже, госпожа считается родившей через нее».

Похоже, что и греки боялись оказаться вымираю-

\* Быт, 29, 29; 30, 1 и сл. — *Примеч. пер.*



шим народом, они тоже старались иметь больше детей. В Спарте деторождение было государственной обязанностью; закон требовал особого великодушия от пожилых мужей, у которых были молодые жены. Они должны были предоставлять своих жен для оплодотворения молодым людям благородного происхождения (об этом сообщает Ксенофонт). Платон, которому нравились спартанские законы о браке, предлагал в своем проекте идеального государства наказывать всех бездетных без исключения. «До зачатия первого ребенка молодая пара должна находиться под надзором и руководством особых слугителей; если же они остаются бездетными после десяти лет, необходим развод».

### Жена и наложницы

Состоятельный мужчина на Ближнем и Среднем Востоке мог иметь несколько жен; это подчеркивало его благосостояние. Для того чтобы позволить себе такую роскошь, он должен был только обеспечить каждой жене собственный дом, или отдельный этаж, или по меньшей мере свой особый очаг. По мнению некоторых исследователей, полигамия вначале возникла у тех народов, которым нужно было много рабочей силы для ухода за обширными посевами, а также у тех пастушеских народов, которые стали воевать ради добычи.

Трудно сказать, почему обычай полигамии так распространился именно на Ближнем и Среднем Востоке; но здесь он достиг особого расцвета. Уже Гомер называет многоженство восточным обычаем. У греческих царей и героев было лишь по одной жене, но у Приама, царя малоазийской Трои, было множество жен, хотя его главная жена Гекуба не чувствовала себя при этом ущемленной:

Пятьдесят [сыновей я] имел при нашествии  
рати ахейской,  
Их девятнадцать от матери было единой;  
Прочих родили другие любезные жены в чертогах \*.

Аменхотеп III (1408—1372 гг. до н. э.), любивший хвастать своим великолепием и обожавший свою жену

\* Перевод Н. Гнедича.

Тейю, сообщает, что одна из его жен, митаннийская царица Тадухепа, дала ему помимо значительного приданого также 317 служанок в женский дом. Царь Соломон (X в. до н. э.) имел, по преданию, от трехсот до тысячи жен родом из разных стран, среди них была египетская царица, взятая, впрочем, лишь по «политическим мотивам». Когда этот миролюбивый царь заключал союз с какой-либо соседней страной, он каждый раз брал в жены дочь соответствующего царя. Этот обычай связывать заключение мира и заключение брака был с древних времен известен во многих азиатских государствах.

Каждая из жен-цариц имела собственный дом. Как можно понять, такой дом существенно отличался от «классического» восточного гарема, тип которого сложился лишь позднее в Персии. В египетском женском доме размещались царица и царевны. Иногда в многокомнатных покоях воспитывались и подкинутые дети; одним из таких детей был, например, Моисей, которого некая царица нашла в корзине в нильских камышах. Персонал состоял из придворных женщин, любивших музыку и танцы. Но эти женщины умели и ткать, причем занимались этим вполне профессионально.

«Классические» гаремы получили наибольшее распространение уже в эпоху Сасанидов, Самый крупный гарем имел царь Хосров I (531—579 гг. н. э.): в нем было, по некоторым сведениям, 1200 женщин. Спустя примерно восемьдесят лет после Хосрова I, в 651 году, империя Сасанидов пала под ударами мусульман. Ислам ввел некоторые ограничения: у мужчины могло быть не более четырех жен. Сам пророк Магомет эти ограничения, однако, не соблюдал, у него было девять жен. Мусульманский философ аль-Газали так объясняет — на примере Иисуса и Магомета, — почему полигамия предпочтительнее моногамии или отказа от брака и почему пророк в отступление от правил мог иметь девять жен:

«Спрашивают, почему благословенный Иисус остался неженатым, а у нашего многоблагословенного пророка Магомета было столько жен, хотя оба они считали самым лучшим полностью посвятить себя служению богу; и ответ таков: лучше всего объединить то и другое, если избранный обладает для этого необходимой силой и величием... Наш многоблагословенный пророк получил такую силу и соединил преданность богу с бра-

ком. Хотя у него и было девять жен, он целиком отдавал себя служению богу».

Аль-Газали хотел, таким образом, сказать, что Магомет был сильнее, чем неженатый Иисус, и должен быть поставлен выше его. Для европейца это, однако, не доказательство.

Многоженство могут позволить себе лишь зажиточные арабы; немецкий пастор И. Иеремиас рассказывает, ссылаясь на собственные впечатления: «В арабской деревне Артас близ Вифлеема в 1927 году лишь у двенадцати из ста двенадцати женатых мужчин было больше одной жены, а именно одиннадцать имели по две жены, и лишь у одного, мухтара, было три жены».

### **Предпочтение молодым, красивым рабыням**

Хотя грекам предписана была моногамия и закон запрещал им держать несколько жен, к услугам каждого зажиточного мужчины в доме были рабыни, а вне дома — гетеры. В эпоху расцвета Афин средний рабовладелец имел от 20 до 50 рабов, зажиточный — 100—150, а владевший рудником — даже до 1000 рабов. Красивые, молодые рабыни и мальчики-рабы были лучше жен, с ними проблем было меньше, они выше ценились; получить их можно было в качестве военной добычи или купить на рынке. Работоторговлей в античном мире занимались не только финикийцы, но и сами греки. Главными перевалочными пунктами в продаже рабов на запад были Делос и Родос. Рабов в античном мире использовали, не считаясь с человеческим достоинством, для чего угодно, в том числе и для удовольствия.

Хозяин обладал абсолютной властью над своими рабами, он мог обращаться с ними, как с вещью. Уже для гомеровского времени можно говорить о роли молодых, красивых рабынь в жизни их хозяев. За троянскую рабыню Бризеиду, которую взял в качестве добычи Ахилл, Агамемнон предлагал герою собственную дочь. Молодая, красивая рабыня имела для него большую ценность, чем царская дочь! На рабских рынках предпочтение отдавалось «красивым, светлокожим девственницам», или «умелым, уже один-два раза рожавшим», или «прилежным ткачихам, которые могут сидеть за работой у станка день и ночь». «Ночная работа» у господина считалась побочным занятием.

Римский писатель Варрон (116—27 гг. до н. э.) называет рабов «instrumentum vocale» (говорящим орудием). Согласно Катону Старшему (234—149 гг. до н. э.), они должны знать только работу, еду и наказание, но прежде всего — работать до изнеможения. Разумеется, хозяин мог полностью распоряжаться и телом раба. Рабыня, которую выбирал для себя хозяин, освобождая ее от тяжелой работы, чувствовала себя отмеченной среди прочих подруг по судьбе, те завидовали ей. Не только они, но и оставшаяся в пренебрежении законная жена должна была уважать соперницу. Из приличия ей оставалось только делать вид, будто она не замечает постоянных увлечений своего мужа.

В некоторых домах рабыня создавала невыносимую атмосферу, порождая своего рода домашнюю войну. Плутарх упрекал софиста Горгия (около 483 — около 375 гг. до н. э.), мастера риторики, чья речь «О согласии эллинов», произнесенная в Олимпии, привлекла большое внимание, что он, достигавший таких высот красноречия, не мог добиться согласия даже в небольшом кругу из трех человек, состоявшем из него, его жены и его рабыни.

Сколь трагичный оборот могли принять «отношения в треугольнике», показывает великий классик трагедии Софокл на примере запутанных отношений Геракла — Деяниры — Иолы. Деянира выделяется среди всех женских образов, созданных драматургом; это любящая и терпеливая жена, которой часто приходится мириться с тем, что у Геракла во время его путешествий и победоносных походов постоянно бывают также приключения с женщинами. Его выходки становятся все более невыносимыми. Наконец, он даже требует от жены, чтобы она приняла в дом, как равную, Иолу, юную пленницу, и относилась к ней с уважением. Но это для Деяниры вопрос уважения к себе. «Жить вместе с ней — какая женщина позволила бы это, разрушив узы брака?» — в отчаянии восклицает она. Такое требование уже свыше ее сил, ей приходится прибегнуть для спасения к волшебному средству (хитон, пропитанный кровью кентавра Несса), чтобы любимый отказался от Иолы и вернулся к ней. Однако губительное колдовство оборачивается для Геракла смертью, а для нее — позором, который она решает искупить ценой собственной жизни. Умирая в страшных муках, Геракл требует от своего сына привести к нему мать, чтобы

он мог задушить ее. Но, узнав, что мать уже сама покончила с собой, он заставляет сына взять в жены свою возлюбленную Иолу. Иола — это сосуд, который передают дальше. Она была и остается рабыней.

Еврипид, великий знаток людей, особенно женщин, считал, что рабство вообще нельзя оправдать, он энергично защищал право всех людей на свободу. Платон признавал, что вовсе не природой определено, быть ли человеку рабом, а исключительно произволом людей. Однако он не винил в этом общество, считая, что каждый должен смиряться со своей судьбой.

Позднейшие мыслители, в том числе и апостол Павел, при всем своем стремлении к большей гуманности мирились с рабством «как с необходимым злом» и не пытались поставить под вопрос саму систему рабства. Раннее христианство довольствовалось тем, что принимало рабов в свои общины как равных в религиозном отношении.

### **Зелья и колдовство**

Между народными верованиями и магией не было существенной разницы. Прежде чем бездетная женщина в отчаянии соглашалась пойти на крайнюю меру и предоставляла своему мужу служанку или рабыню, она испытывала тысячи всяких тайных средств, чтобы сделать себя плодоносящей, а мужа — более сильным. Этой цели мог служить обет в храме, инкубация\* в священном месте или визит к знахарке, понимающей в зельях. Имелись в виду одурманивающие средства, возбуждающие снадобья, а также пряности, коренья и дикорастущие растения. С древних времен существовали женщины, собиравшие такие растения и коренья и знавшие их свойства. Таких собирательниц растений можно назвать первыми «фармацевтами».

По-гречески «аптекарь» — «ридзотомос», что значит «собиратель кореньев». Существовало множество книг о целебных свойствах растений, авторами их были иногда видные ученые, но чаще знахари. В этих книгах говорилось, например, про сок критайгоса: если

\* Инкубация — сон, приносящий чудесное исцеление; см. об этом далее. — *Примеч. пер.*

муж и жена будут принимать его натошак в течение сорока дней, им гарантировано рождение мальчика. Растение телефилон обладало двойным действием — как возбуждающее любовь средство и как средство гадания о любви. Среди многочисленных средств, помогавших от бесплодия, были чабер, семя крапивы, смешанное с толченым перцем, растертая персидская ромашка в старом вине, лук, семена пиниевых шишек, кора кориандра, полынь, салат из лапчатки, а кроме того, ваниль, шафран, имбирь, корица, сельдерей. Из фруктов возбуждающим, к тому же способствующим деторождению средством считался гранат; сердцевина гранатовой ветки повышала половую потенцию. Универсальным средством почитался сок гладыша, он помогал от головной боли и от депрессии, при месячных недомоганиях, болях живота и бесплодии. Древний «фармацевт» относил все эти недомогания в разряд женских болезней. Плиний Старший рекомендовал омелу в качестве надежного средства, чтобы забеременеть и сделать роды легкими. Он сам много путешествовал, а в 67 г. н. э. сопровождал будущего императора Тита в его поездке в Иудею, где тоже собирал для своих исследований экзотические растения. Александр Великий посылал своему учителю Аристотелю диковинные растения из всех стран, в которые он приходил, для изучения и описания.



Плод граната упоминается в Библии как средство, стимулирующее половую активность. Для создателя «Песни песней» его святящиеся розовые цветы символизируют пробуждение весны; терпкий, кисло-сладкий сок граната — любовный напиток, и тело любимой «благоухает, как гранатовый сад»

Из всех известных растений особенно будоражил воображение людей корень мандрагоры (любовное яблоко), напоминавший человеческую фигуру. Об этом есть сведения в Библии: «Рувим пошел во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии: дай мне мандрагоров сына твоего. Но она сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагоров сына моего? Рахиль сказала: так пусть

он ляжет с тобою эту ночь за мандрагоры сына твоего... И лег он с нею эту ночь... и она зачала, и родила Иакову пятого сына» (Быт. 30, 14—17). Естественно, «любовные яблоки» не помогли бездетной Рахили, зато Лия сумела родить пятого сына.

Мандрагора была обнаружена и в гробнице Тутанхамона. В последней камере, символизовавшей надежду на возрождение, находился драгоценный ящик, украшенный резьбой из слоновой кости. Резьба на крышке изображает царицу Анхесенамон, которая протягивает своему супругу два букета из лотоса, папируса и мандрагоры. Букетик выражал желание, чтобы в потусторонней жизни муж дал ей детей. Ее брак, к сожалению, остался бездетным; кроме того, царица положила в гробницу два детских зародыша — также набальзамированных — семи и восьми месяцев как свидетельство своего несбывшегося желания.

Если все растительные снадобья оказывались бесильны, женщины в отчаянии обращались к «*medicina magica*» \*. Из множества дошедших до нас книг особый интерес представляет греческая книга из Египта, датированная 400 г. н. э.; она хранится сейчас в Парижской Национальной библиотеке. Хотя к той поре, когда эта книга создавалась, христианство уже было господствующей религией, при совершении колдовского ритуала призывались три языческие богини: богиня Луны Селена-Артемида, богиня-мать Геката и богиня подземного мира Персефона. Эту триаду символизировал знак треугольника, то и дело встречающийся в книге. Главная вершина треугольника соответствовала богине Луны; полный, круглый и прибывающий месяц играл, как считалось, большую роль в ритме женской жизни — в месячных регулах и при родах. Соответственно каждый рецепт делился на три части: первая часть содержала призыв к богам, во второй подробно излагались магические предписания и, наконец, в последней приводились волшебные заклинания. Вот характерный пример такого рецепта: взять одну землеройку, двух майских жуков, одного речного рака, немного козьего сала, два яйца ибиса, две ложки обезьяньего навоза, растолочь их в ночь полнолуния в ступке с двумя граммами мирровой смолы, пылью цветка шафрана, ладаном

\* Колдовской медицине (лат.). — *Примеч. пер.*



Ношение амулетов было особенно распространено в Египте. Как считали, их магическая сила придавала человеку уверенность. Фигурки или символы уродца Бэса или бегемотоподобной Таурт должны были способствовать плодovitости

и луком, сварить на крыше дома в жертвенной чаше на древесных углях и медленно принимать, призывая трех богинь и произнося определенные заклинания. Вскоре после этого бездетная женщина должна почувствовать наглядный результат.

Страдавшим половой слабостью мужчинам египетские и римские «аптекари» предписывали ослиную шерсть, шкуру, молоко ослицы, навоз, кровь. Император Валентиниан приговорил своего секретаря Фаустина к смерти за то, что он похитил священного осла из императорских стойл. Обвиняемый защищался, говоря, что использовал его не против импотенции, а лишь как средство против выпадения волос.

Стоит ли нам свысока смеяться над наивными суевериями древних? Достаточно заглянуть в некоторые наши газеты и иллюстрированные журналы, чтобы убедиться, как процветает сейчас торговля всякими сомнительными препаратами, усиливающими потенцию; можно подумать, что каждый третий страдает импотенцией из-за стресса или по другим причинам.

### Чудесные исцеления

На одном греческом храме можно прочесть следующее предостережение: «Ни мужчина, ни женщина не должны прибегать к извращенным сношениям, пользоваться вредными для здоровья средствами или колдовскими зельями, дабы способствовать зачатию либо вытравить плод, а также рекомендовать другим рецепты, способствующие зачатию либо предупреждающие его».

Этот запрет можно было бы приветствовать как мудрое свидетельство «научного прогресса», если бы дальше в надписи не следовало одно «но»: но надо лишь



просить о желаемом в данном храме, прибегая к молитвам, обетам, дарам и жертвоприношениям.

Жертвоприношения отчаявшихся женщин составляли один из важнейших источников доходов любого храма. Храм Асклепия (= римскому Эскулапу) в Эпидавре имел в древности примерно такой же доход, как сейчас Лурд во Франции. Согласно легенде, Асклепий странствовал по земле как простой смертный, он помог многим женщинам и мужчинам, исцелив их. Его благодарно славил как целителя или спасителя (по-гречески «сотер»).



Исцеленные в Эпидавре в благодарность ставили памятные камни: «Арата, страдавшая водянкой, сама не смогла прийти в Эпидавр, в священное место отправилась ее мать. Ей приснилось, что бог-целитель повесил ее вверх ногами, отделив голову, так что вода вытекла из ее тела. Затем он опять пришел ей голову. Когда мать вернулась, дочь, которой в это время приснился такой же сон, уже выздоровела»

К храму Асклепия в Эпидавре (сейчас — местечко Эпидавр на северо-востоке Пелопоннеса) примыкал «санаторий», в котором достигали сенсационных медицинских успехов с помощью внушения, так называемой инкубации. Женщины ложились спать в залах под изображением бога. Мысль о присутствии бога вызывала в них нервное напряжение, сначала они без сна лежали в темноте, затем жрецы с помощью оккультных манипуляций приводили их в состояние транса. Один из жрецов изображал самого Асклепия; он медленно появлялся, чудесно освещенный, среди многоколонного зала, поднимал жезл, обвитый змеей, и торжественно приближался к больным. Он гладил их по животу и по бедрам, иногда змея сползала с жезла и заползала под платье лежащим. Внешние стены храма украшало множество досок с надписями, которые поместили здесь в благодарность женщины. Сохранилось не менее семидесяти высеченных сообщений о чудесных исцелениях.

Не следует рассматривать эти исцеления с одной лишь научной точки зрения: здесь нужна была вера.

Вне области религиозных представлений их не понять. Так, например, один милетский врач, Никий, не мог получить у своих коллег помощи против загадочной болезни, но нашел ее в Эпидавре. За это он воздвигнул в своем доме алтарь с изображением бога Асклепия и каждый день приносил перед ним жертвы. У Асклепия было множество приверженцев, храмы его существовали по всему греко-римскому миру, в том числе в Афинах, Эфесе и Риме.

Особенно почитался добрый бог-целитель там, где он при очевидцах совершал чудеса, излечивая больных женщин. Можно понять, что испытывала, например, бездетная женщина, которая после многих лет отчаяния вдруг беременела, посетив священное место, — она благодарила за это божественную силу. Многие народы древности не считали зачатие результатом полового общения; по их представлениям, оно случалось, когда в женщину входил некий дух, даже если она оставалась девственницей. Вера в непорочное рождение и божественное зачатие была особенно распространена в Эпидавре, ведь сам бог-целитель Асклепий родился от земной девственницы и бога.

Современному человеку не понять, до чего тесно люди тогда чувствовали себя связанными с богами. Если в наше время женщина станет утверждать, что у нее было видение, что ее исцелил бог и она от него забеременела, ее сочтут странной и, возможно, поместят в лечебницу. Но для древних греков, иудеев и ранних христиан не было ничего необычного в теофании \*, когда человек говорил с видениями и даже вступал с ними в связь.

### **Беременность — каким образом?**

Как это ни покажется невероятным, на ранних стадиях культуры люди еще не знали, что беременность возникает в результате половых сношений, что мужское семя оплодотворяет женское яйцо. Они считали, что жизнь зарождается в материнском теле, когда материя обретает душу, когда ее «одухотворяет» божественное дыхание. По Библии, бог, сотворив человека, вдохнул

\* Теофания (греч.) — богоявление. — *Примеч. пер.*



Беременная женщина осторожно кладет себе руку на живот и прислушивается. Считается, что эта фигура изображает финикийскую богиню Астарту, дарующую счастье

в него душу; подобные представления были известны и в Египте. Но там это относили не только к человеку, а ко всему живому, будь то даже крохотный цыпленок. В гимне фараона Эхнатона к богу Атону говорится: «Ты, Атон, даруешь дыхание птенцу, когда он, нерожденный, пребывает еще в скорлупе, чтобы он мог скорлупу расколоть, — такова твоя цель. И вот он покидает яйцо, криком спеша объявить о своем появлении на свет». Зародыш в материнском теле — тот же цыпленок в яйце! Без божественного дыхания он остается немой, бесчувственной материей, скоплением клеток и тканей.

Позднее наряду с этими религиозными представлениями возникли представления биологические, учитывающие сексуальный акт, но и согласно им эмбрион возникал и развивался благодаря крови и сердцу. «Ибо, — гласит так называемый папирус Эберса, который сейчас находится в берлинском Египетском музее (ГДР), — сердце есть средоточие и творческая часть жизни, оно содержит кровь, молоко, семя и слезы». Сердце эмбриона создается из материнской крови. Поэтому на время беременности прекращаются менструации, сохраненная кровь женщины превращается в материнское молоко. Так объясняли зарождение новой жизни древние.

Первым, кто определил расположение и функции

внутренних женских органов и аномалии в положении плода, был Герофил из Халкедона (III в. до н. э.), основатель научной анатомии. Однако и он считал, что ребенок возникает из преобразенной материнской крови. Пифагор (VI в. до н. э.), философ и математик, математическим путем установил опасность седьмого месяца беременности, ибо священное число семь влияло на судьбу. В основе же бытия, считал он, лежит число 40, поэтому срок беременности он вычислял как 7, умноженные на 40, — 280 дней.

Согласно широко распространенным народным поверьям, беременность была состоянием опасным. К женщине в это время устремлялись как добрые, так и злые духи. Она, с одной стороны, должна была соблюдать определенные запреты, в том числе и на еду, дабы отвести зло от будущего ребенка, с другой — должна была держаться обособленно от общества, чтобы не навредить окружающим и окружающие не навредили ей. Широко распространено было представление, что волнение матери может повредить ребенку, как может повредить ей «дурной глаз» завистливых соседей. Считалось также, что беременная как носительница плодотворящих сил может передать свое благословение людям и животным. Если она коснется больного мужчины, у него прекратятся боли, если она погладит корову или овцу, те принесут больше потомства. В целях сохранения этого счастливого излучения она должна быть постоянно весела и носить красивые одежды. Наиболее полное выражение этот взгляд нашел в индийской Сушрута-самхите: «Беременной рекомендуется с первого дня быть постоянно довольной, красиво одетой, исполненной радости, счастья, преданной божеству (которому она этим счастьем обязана. — *Примеч. авт.*) и брахманам. Она должна избегать всякого смятения чувств и жить обособленно от других. Ей дают все, что потребуется, ибо если оба сердца (ее большое и маленькое, которое в ней растет. — *Примеч. авт.*) получают то, что им нужно, то женщина произведет на свет крепкого сына, который будет жить долго».

## 5. РОДЫ

### «В болезни будешь ты рожать детей»

Богини терпели при родах те же мучения, что и смертные женщины. В древнем шумерском эпосе богиня корчится от болей: «Потемнели глаза ее, прерывистым стало дыхание, губы она закусила, стала рвать на себе одежды, упала на землю и стала кататься по ней». Узнав эту боль на себе, она стала небесной повитухой и покровительницей рожениц.

Согласно Библии, женщины в болезни должны рожать детей, потому что праматерь Ева сорвала запретное яблоко; однако народы древности видели причину в том, что роженице в эти тяжелые часы, которые нередко заканчивались смертью, приходилось выдерживать мучительную борьбу с демонами тьмы.

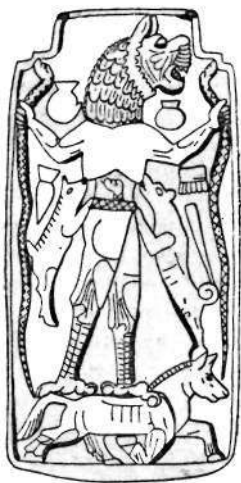
Египетская женщина в древности рожала, присев на двух кирпичях. Помощницы-акушерки держали ее за спину. Считалось, что эти родильные кирпичи, украшенные изображениями головы богини Мешенит и знаками, приносящими счастье, влияют на судьбу ребенка. Мешенит, которая помогала возникнуть и развиться зародышу в теле матери, была богиней судьбы и жизни. Она помещала зародыш в тело матери «заимообразно», но, если та оказывалась недостойной родить, могла его забрать и отдать другой женщине.

Позднее появился родильный стул, напоминающий гончарный круг, на котором бог Хнум вылепил первого человека. Поскольку стул стоял на четырех ножках, считалось, что его хранят четыре богини, которых звали Мешенит (множественное число). У каждой богини был свой эпитет; различались великая, превосходная, прекрасная и процветающая Мешенит. Наряду с

Мешенит родам способствовали также богини Хекет, богиня-мать Исида и богиня Нефтида. Все они поддерживали роженицу в ее борьбе против демонов, которые угрожали ее жизни и жизни ребенка.

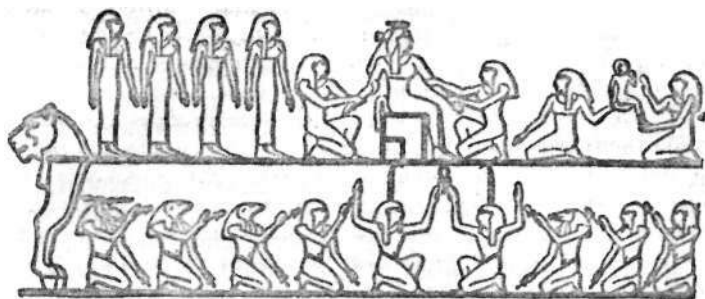
Похоже, однако, что египтянки не вполне доверяли божественным покровительницам, которые были одновременно богинями жизни и смерти; еще во время беременности и тем более во время родов они увешивали себя всяческими амулетами и магическими знаками. Среди амулетов наиболее распространенным было изображение бога-карлика Бэса. Его гримасничающее лицо и гротескный вид способны были отпугнуть демонов и отогнать их опасные чары.

В Месопотамии женщины в критический момент — несмотря на то что их охраняла в это время богиня родов — поминали женщину-демона Ламашту; если ею пренебрегали, она могла коварно задушить новорожденного, а на мать наслать смертельную родильную горячку.



Ламашту, демоница родильной горячки, посягает на жизнь матери и коварно убивает новорожденного. Амулеты с ее отвратительным изображением должны были умиловать ее и отвести опасность (терракота, около 800 г. до н. э., Британский музей, Лондон)

Гречанки ориентировались на силы космоса; для них половая жизнь и роды были тесно связаны с Лунной, поэтому все богини, имевшие отношение к Луне, такие, как Гера, Артемида, Афродита и Афина, считались покровительницами женщин. Кроме того, была и особая богиня — покровительница родов, критская бо-



В родах, которые нередко заканчивались смертью, древние видели борьбу с демонами тьмы. На египетском изображении царица сидит на родильном стуле, ее держат за руки две акушерки. Перед ней хорошие духи приносят ей желанного ребенка. Под ложем стерегут злые демоны, желающие навредить матери и ребенку

гиня Илифия, само имя которой обозначало боль при родах. Она была дочерью Геры, а согласно Гомеру, все дочери Геры должны были помогать женщинам при родах, поскольку каждой богине в отдельности было не справиться со всеми многочисленными обязанностями. На Крите существовало святилище «коленипреклоненной» Илифии, поскольку здесь, как и в древнем Египте, считали, что женщине лучше всего рожать, стоя на коленях или сидя на корточках. Впрочем, Илифия была богиней одновременно и дарующей жизнь, и несущей смерть; она решала как вопрос жизни, так и вопрос смерти. Роженицы призывали также Артемиду, чтобы эта богиня охоты была к ним милостива и не поразила их внезапно своими смертельными стрелами; во всяком случае, ей приписывали «несчастные случаи» — роды с плохим исходом.

С развитием культуры женщины все меньше полагались на богинь-покровительниц и все больше — на искусство знающих повитух. В глубокой древности главной своей обязанностью повитухи считали перерезание пуповины. Поэтому по-гречески повитуха называется «перерезающая пуповину». Она получала пуповину в вознаграждение за помощь, но лишь в том случае, если рождался мальчик. Эту пуповину она могла продать в качестве амулета женщинам, желавшим мальчика. Со временем профессиональные акушерки в Греции достигли высокого уровня квалификации. Их

считали врачами, они оказывали оперативную помощь при родах и составляли уважаемое сословие. Мать Сократа Фенарета была акушеркой и высокообразованной женщиной; вероятно, свой острый ум он унаследовал от нее. В шутку он называл свои педагогические беседы, в ходе которых он помогал «родиться» знанию, дремавшему в учениках, унаследованным акушерским искусством. Гинеколог Соран из Эфеса, который во II в. н. э. составил первое методическое пособие по акушерству, гинекологии и педиатрии, тоже признавался, что своими знаниями он обязан в первую очередь профессиональному опыту своей матери. Пособие Сорана, неоднократно переработанное, сохранило свое значение до времен средневековья. Только в 1310 году его запретил собор в Трире, который объявил недопустимой всякую помощь при родах мужчины, если только он не священник.

### **Инфекции и родильная горячка**

Роженицам в древности было чего бояться. Исследования останков в многочисленных захоронениях показывают, что большой процент женщин и новорожденных умирал как во время самих родов, так и в послеродовой период от недостаточной гигиены, инфекционных болезней, горячки, недостаточного питания и эпидемий. Высокая смертность при родах из-за инфекционных болезней противоречит наивным, еще и сейчас бытующим представлениям о «простой, здоровой жизни предков».

Две главные причины вели к трудным родам: преждевременное начало трудовой деятельности и юный возраст матерей. Среди них были десяти- и двенадцатилетние. Д-р М. Вендлер из университета в Эрлангене опровергает мнение, будто молодым матерям рожать легче и проще. В 1978 году он обследовал 386 женщин. Молодые матери уже беременность переживали с нарастающим страхом, как нежелательную ситуацию и угрозу. «Стресс был, очевидно, столь велик, что оказывал такое косвенное влияние и на психическое развитие зародыша». Результат: у девушек от семнадцати до девятнадцати лет число неблагополучных родов и мертворождений было в четыре раза выше, чем у более старших.



Но д-р М. Вендлер не имел дела с беременными девочками от десяти до шестнадцати лет, которых было много на древнем Востоке. Статистики тех времен не существует, однако исследование найденных женских скелетов показало, что их возраст — от десяти до восемнадцати лет. Недвусмысленные свидетельства содержат также и надгробные надписи. Вот два примера из многих: «Здесь покоится прах Кротисты, прилежной дочери Демайнета, любимой супруги Архимаха. В стенаниях и муках судьба оборвала ее юную жизнь, без матери, с одним отцом остался в доме ребенок». На оссуарии (ящичке с костями), найденном вблизи Иерусалима, есть надпись: «Саломея, дочь Саула, в муках почившая, покойся в мире». В ящичке — скелет восемнадцатилетней женщины с младенцем.

Пережитая при тяжелых родах опасность не проходит бесследно ни для матери, ни для ребенка, результатом могли быть психические сдвиги, иногда ненависть матери к ребенку или граничащая с истерией любовь. В преувеличенной тревоге мать считала своей обязанностью защищать свое дитя против враждебности всего мира и невидимых сил.

Но кому было защитить роженицу от бесчувственности окружающих? Окружающих, которые, вместо того чтобы помочь беременной и оберегать ее, видели в ней источник опасности и ее избегали! Иррациональный страх заставлял считать рожениц табу. К ней нельзя было прикасаться. Намеренное или невольное нарушение табу посредством полового акта могло навлечь на мужчину несчастье.

Газетная заметка нашего времени сообщает об австралийском аборигене, который, вернувшись ночью с многодневной охоты, лег спать со своей женой, как раз недавно родившей. Утром, узнав, что он натворил, он от страха убил ее и сам умер спустя две недели — так велик был его ужас перед мезьей демонов.

Все, чего касалась роженица, было обречено умереть, увянуть, погибнуть — будь то человек, животное или растение. Древние считали, что кровь обладает силой, которая может даровать жизнь, но может ее и отнять. Как исходит кровь из тела менструирующей, как, согласно воззрениям древних, из крови создается младенец, так вытекает кровь из уголка рта умирающего, когда от него отлетает жизнь. Запрет прикасаться к роженицам должен был соблюдаться в Израиле,

как потом и у ранних христиан, сорок дней, если рождался мальчик, и восемьдесят, если рождалась девочка. Почему такая разница в сроках? В эпоху средневековья, когда этот обычай еще строго соблюдался в Европе, христианские богословы объясняли, что он биологически связан с более быстрым развитием в материнском теле сравнительно темпераментного мальчика и более медленным развитием сравнительно флегматичной девочки; мужская душа входит в зародыш спустя сорок дней после зачатия, женская — спустя восемьдесят дней.

У античных греков этот запрет длился 40 дней, рождался ли мальчик или девочка; по завершении этого срока предписывалось очистительное омовение. Надписи на греческих храмах до мельчайших подробностей излагают очистительные мероприятия для рожениц и менструирующих. На время «нечистого состояния» всякой женщине было строжайше запрещено входить в святилище (как и у евреев). Лишь по истечении положенного срока и очистившись в воде священного источника, она могла вступить в храм и принести благодарственную жертву.

Народы древности приписывали воде из источника магическую, мистическую силу, которая снимает с человека вину, прегрешение и болезнь. «Что это никак не связано с гигиеной тела, — пишет В. Вундт в „Психологии народов“, — свидетельствует тот факт, что первобытный человек, как известно, не очень отягощает себя заботой о чистоте, зато считает себя нечистым после всякого сексуального осквернения (и после родов. — *Примеч. авт.*), поскольку с этим для него связано представление о демоническом воздействии, которое возникает в результате».

У греков женщина считалась в культовом отношении чистой лишь через семь дней после полового общения. Мудрая гречанка Феано, любимая ученица Диогена, так отвечала на вопрос, какое время спустя после полового сношения женщину можно считать чистой: «Если она была с собственным мужем — то сразу же, если с чужим — вообще никогда».

## «У нас родился сын»

Велико было ликование, когда рождался сын. Все соседи, весь город должны были радоваться вместе с родителями. В Афинах счастливые родители украшали дверь дома оливковыми ветвями. В Иерусалиме бежали по улицам и провозглашали во всеуслышание: «У нас родился сын!» О нем мечтали все женщины, его желали все мужчины: сына, наследника, который примет нажитое трудом состояние семьи и достойно его приумножит.

В мифах всех народов рождению героев-мужчин всегда предшествуют всяческие трудности, например длительное бесплодие, тайные сношения родителей, политические или общественные препятствия, угрозы и воздействие злых сил. Угрозы невидимых сил не прекращались и после рождения; чтобы их умиловить, люди в древности исполняли различные обряды, например обрезание крайней плоти. Обрезание как ритуал инициации и приема новичка в племенное сообщество существовало у многих племен; у арабов мальчики восьми лет вводятся таким образом в мужской союз. По-арабски «хатан» значит жених, а «хатана» — обрезание. Как бы намекая на это, Сепфора, жена Моисея, назвала своего сына, которого она сама обрезала,



Мать-богиня держит сына на коленях. Двое вооруженных мужчин с дарами пришли почтить его. В стороне стоит старшая дочь (оттиск печати из Беотии, около 1500 г. до н. э.)

когда он был уже взрослым и созрел для женитьбы, «кровавым женихом». Это свидетельствует о том, что и древнееврейские племена видели в обрезании ритуал инициации. Позднее, однако, оно было перенесено на восьмой день после рождения как акт «посвящения» и «освобождения».

При обрезании отрезается верхушка крайней плоти мужского члена. Греки, в отличие от азиатов, обрезания не знали. Познакомившись с нравами Азии, они с удивлением констатировали, что там этот обычай распространен. Они высмеивали варваров, «обрезанных», которым недоставало «кусочка мужского естества». «Обрезанные», в свою очередь, презирали греков, «необрезанных», как людей религиозно нечистых.

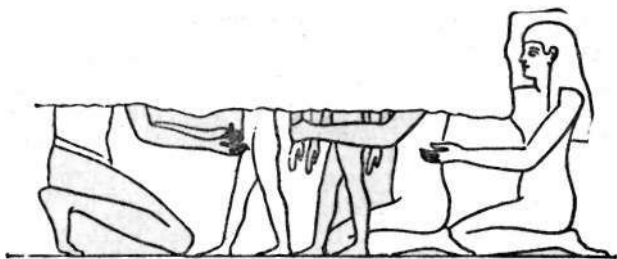
Восьмой день после рождения мальчика считался у греков и римлян таким же важным, как и у евреев. Совершался особый ритуал торжественного наречения\*. Имя считалось существенной составной частью индивидуума. У рабов не было своего личного имени\*\*. Лишь получив имя, ребенок становился полноправным членом общества и оказывался под особым покровительством. Этот день был торжественным не только для мальчика, но и для его матери. Она теперь была уже не просто подчиненным существом, а матерью такого-то и такого-то, этим определялись уважение к ней и ее общественный статус.

Укрепляло ли это событие и взаимную любовь супругов? Современная писательница Э. Альбертсен говорит об этом так: «Любовь — это не фейерверк, не полет космонавтов, она есть не что иное, как тоска по детям, по сыновьям, по всему этому проклятому восточному праху».

С. де Бовуар так отвечает на вопрос, может ли ребенок обеспечить женщине чувство истинной полноценности: «Если жена еще не представляет собой личности в полном смысле слова, она может ею стать, став матерью. Ребенок — не только ее отрада, но и ее оп-

\* У римлян на восьмой день давали имя только девочке, а мальчику — на девятый. Греки давали имена на пятый, седьмой или десятый день. — *Примеч. отв. ред.*

\*\* Речь может идти лишь о римских рабах (да и то с оговорками — сохранялись их прежние имена или давались клички). Не было у них, естественно, родового римского имени. — *Примеч. отв. ред.*



Обрезание двух мальчиков. Эта операция производилась у египтян с наступлением половой зрелости, у евреев — на восьмой день после рождения. По-видимому, обрезание детородного члена заменило жертвоприношение первенца, существовавшее в первобытную эпоху (рельеф эпохи XXI династии)

равдание. В нем она осуществляет себя. В нем институт брака получает свое оправдание и достигает своей цели».

Что дает мать ребенку? Она дает ему саму себя, частицу своей жизни, того, чем живет сама. И, отдавая, она ничего этого не теряет, напротив, все возвращается к ней, обогащает ее, усиливает в ней чувство жизни. Ребенок прибавляет ей самоуважения, уверенности, чувства полноты, ценности. Маленький человечек, которого она держит на руках, есть часть ее плоти и крови, он уязвим, требователен, ищет ее любви и тепла, это ее богатство, сокровище, но одновременно и тиран. Радость матери есть радость самоотвержения. Она готова защищать свое дитя и заботиться о его счастье. Это ее сын! Ее юный возлюбленный! Ее герой! Исполнение ее снов!

### **Материнская любовь**

Мать для ребенка — это не просто тепло, питание, забота; это эйфорическая стадия удовлетворенности и защищенности. Она замечает малейшие физические изменения в младенце, его желания и потребности прежде, чем он сам их выразит. Она просыпается от малейшего плача ребенка, тогда как другие, более сильные звуки не могут ее разбудить. Образ матери — обычно первое, что запечатлевает новорожденный, этот образ сопровождает человека всю жизнь, и он же —

последнее, что является умирающему. Так было раньше, так остается и теперь. Неудивительно, что мотив матери и ребенка оказывается первой темой в первобытном искусстве каменного века и получает все новое и новое воплощение.

«Праобразом» материнской любви в Египте была Исида, богиня-мать, кормящая свое дитя; ее культ широко распространился. В этой стране мать с древнейших времен пользовалась большим уважением, недаром в поучениях египетских мудрецов говорится: «Носи свою мать на руках, как она терпеливо носила тебя, тяжелую ношу, в своем чреве. Удвой хлеб, который давала тебе мать. Три года грудь ее была у тебя во рту. Она воспитывала тебя и не брезговала твоими нечистотами».

Для египтян само собой разумелось, что почитать женщину значило почитать мать. Но удивительно видеть это у скептических насмешников-греков. Греческий писатель Стобей рассматривает почитание матери с философско-религиозной точки зрения: «Для всех, кто имеет истинное понятие о божественных вещах, нет ничего более великого, чем мать». Даже в Спарте, где господствовали суровые мужчины, мать пользовалась большим уважением. Клеобис и Битон, сыновья Кидиппы, жрицы богини Геры, впряглись вместо волов в повозку своей престарелой матери, чтобы отвезти ее на праздник Геры. Кидиппа просила богов воздать за это деяние сыновней любви самым прекрасным, что только можно дать человеку. За это обоим был дарован вечный тихий сон. Спартанцы перенесли статуи братьев в Дельфы, они были обнаружены во время раскопок и отождествлены по надписям.

В Афинах некие благодарные сыновья велели высечь на надгробие своей матери такую надпись: «Я ро-



Рисунок на аттической вазе изображает счастливую мать с сыном, который держит игрушечную повозку (Государственный музей, Берлин)

дила многих сыновей, не вышла второй раз замуж, в сыновьях обрела я свое бессмертие». Даже у римлян, при всей их рассудочности, существовал культ «почитания матери». В основе его лежали не эмоции, а просто большая роль, которую играла в Риме семья: своего рода «государство в государстве». Хотя непререкаемым главой семьи считался «*pater familias*» \*, которому по закону подчинялась «*mater familias*» \*\*, но практически она была «*domina*» — доминирующая фигура в семействе.

Корнелия, старшая дочь Публия Корнелия Сципиона Старшего, того, что победил Карфаген, состояла в переписке с философами и учеными. Рано овдовев, она целиком посвятила себя образцовому воспитанию двух сыновей. Когда однажды гостя похвасталась ей только что купленными золотыми украшениями, усыпанными жемчугом и драгоценными камнями, она гордо ответила: «Мое драгоценнейшее украшение — мои сыновья». Оба ее сына, известные в истории как братья Гракхи, никогда не забывали, что своими знаниями и своим ярко выраженным чувством справедливости они обязаны матери, образованнейшей женщине своего времени. Оба стали в Риме народными трибунами и погибли при попытке провести социальные реформы в 133 и 121 гг. до н. э. Фрагменты писем Корнелии к младшему сыну показывают ее по-человечески страдающей женщиной и озабоченной матерью, которая предчувствовала поражение своих сыновей и не имела возможности его предотвратить. Плутарх особенно отмечает, как героически перенесла она трагическую гибель обоих своих сыновей, здесь проявились самые замечательные ее качества. «Некоторым людям казалось, что возраст или горе просто лишили ее разума, но люди эти не способны были понять, какая сила таилась в этой женщине».

Подводя итоги, можно сказать: мы вправе восхищаться античными женщинами именно как матерями и высоко ценить то, что им удавалось делать, несмотря на свое подчиненное положение. Мужчины в общем не достигали такой высоты человечности, как женщины.

\* Отец семейства (лат.).

\*\* Мать семейства (лат.).

## 6. ДОМ И РАБОТА

### Черепаша — символ домохозяйки

Для всякого, кто изучает частную жизнь людей в древнем мире, особое значение имеет домашняя сфера: в этом ограниченном мире между четырех стен проходила значительная часть всей жизни женщины.

Дом в Средиземноморье ведет свое происхождение от пещеры каменного века или от земляной ямы с кровлей. Даже в гомеровскую эпоху, знаменовавшую более высокий уровень общественной организации, во внутренних помещениях дома царил, как в пещере, таинственный полумрак. Большинство комнат не имело окон, свет и воздух поступали через дверь, которая в теплых краях большую часть года держалась открытой. С древних времен центром античного дома был внутренний двор — в Риме он назывался атриум (атрий). Это было как бы главное помещение, вокруг него располагались комнаты. Гомер не зря называет дом, лишенный окон, где дым выходит через отверстие в крыше, «темнотенистым». Само латинское слово «atrium» происходит от «ater» (черный, темный), в атриуме находился очаг и стены были черны от копоти.

Границей домашнего царства была дверь, отделявшая дом от улицы. Женщине не позволялось переступать дверной порог и одной выходить на улицу. Когда требования к жилью возросли и дома стали строить двухэтажными, женщина поселялась на верхнем этаже, а мужчина — на нижнем.

В Греции символом женщины — «хозяйки дома» и атрибутом богини-матери Афродиты-Урании была черепаха, никогда не покидающая своего дома. Лишенная возможности участвовать в каких-либо обществен-



ных делах, женщина отдавала все свои силы домашнему хозяйству. Согласно законам афинянина Солона, в домашних делах она не только считалась равноправной с мужем, но и имела «законные» преимущества. Она была хранительницей дома, и дом хранил ее.

Здесь, в четырех стенах дома, женщина могла действовать и распоряжаться по своему усмотрению. Это лишь звучит поэтически; на деле же объем работы, которую она обязана была выполнять ежедневно, был необычайно велик. Ей надо было встать до рассвета, принести из колодца воды на день, растопить очаг дровами или навозом, намолоть муки — весьма тягостная процедура — и испечь хлеб. Когда завтрак был готов, она будила семью. И вновь отупляющая ежедневная домашняя работа: надо было ухаживать за детьми, стирать, варить, убирать и т. д. Показательно, что в Афинах на надгробиях умелых домохозяек изображали три символа: уздечку, намордник и петуха. Эти образы выражают больше, чем слова: покойная умела «держаться в узде» служанок, «молчать» в мужском обществе и вставать «с первыми петухами».

Для представителей средних и нижних слоев населения к этому огромному объему домашних работ добавлялись еще и другие: жена должна была помогать мужу в поле или в ремесле. Катон Старший занимался сельским хозяйством. В своем труде «О земледелии» он пишет об обязанностях женщины в деревне: «Она должна быть довольна мужем, который ей дан, муж же должен держать ее в страхе. [Выполняя основные домашние обязанности, жена земледельца, кроме того,] должна была содержать достаточно кур, чтобы было много яиц, закладывать в бочки сушеные овощи, заливать в сосуды, зарытые в землю, выжатое масло и заботиться о том, чтобы каждый день в доме имелась мука. В плохую погоду, если не было возможности работать вне дома, она должна была прясть и ткать и изготавливать одежду из чесаной шерсти. Своей работой она помогает мужу экономить». Катон Старший имел при этом перед глазами пример собственной матери, жены владельца богатого поместья, которая распорядилась рабами, а не жену мелкого земледельца, которая за отсутствием другой рабочей силы сама обрабатывала с мужем землю и, если не было волов, сама впрягалась в плуг, как это случалось в бедных европейских странах еще в прошлом веке.



Керамические вазы с изображениями сцен повседневной жизни служили главным образом для жертвоприношений или помещались в могилы. На этой прекрасной аттической вазе изображена пряжа (из погребения в Афинах, 490 г. до н. э., Британский музей, Лондон)

По мнению историков хозяйства, женщины с древних времен выполняли основную часть земледельческих работ, более того, они, собственно, и начали первыми обрабатывать поле. Один шумерский миф, относящийся к III тысячелетию до н. э., описывает время до сотворения человека: до тех пор шумерские боги должны были сами добывать себе пищу и не могли ни поесть, ни попить досыта, «ибо они еще не создали Ашнан (покровительницу хлебов) и Утту (покровительницу ткачества)». А поскольку тех еще не существовало, боги не знали «ни хлеба, ни питания, ни одежды, чтобы в нее облечься, они щипали траву, как овцы, пили воду из ям, как скот...». Вот когда боги сотворили людей, способных взять на себя весь тяжелый труд, кормить их, работать на них. Показательно, что первыми, кто, согласно шумерскому мифу, придумал земледелие и ткачество, были женщины, Ашнан и Утту.

### Прядение и ткачество

В мифах и легендах всех народов прядение и ткачество упоминаются как древнейшие человеческие ремесла. В эпоху неолита, когда человек еще обитал в пещерах, наряду с кремневыми ножами у него уже были блочки, веретена и ткацкие гири — древнейшие человеческие инструменты. В античную эпоху во вре-

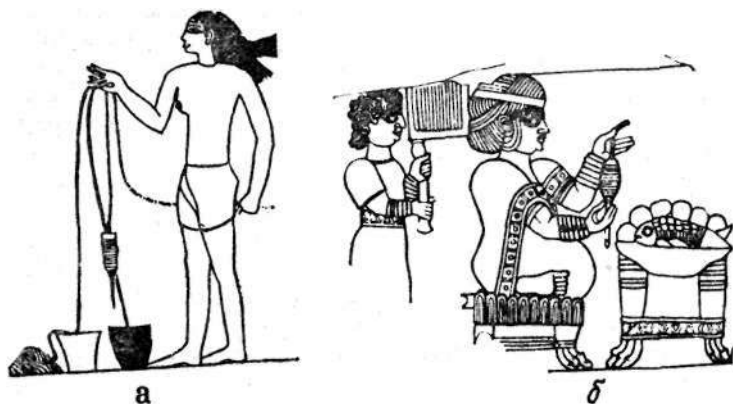
мя торжественных свадебных шествий перед невестой несли веретено и прялку, напоминая ей о ее будущих обязанностях. Как символ бесконечной работы воспевают Гомер труд Пенелопы, верной жены Одиссея, царя Итаки: день и ночь просиживает она у ткацкого станка и сотканное днем ночью опять распускает.

Важнейшим предметом обстановки в каждом греческом доме наряду с кроватью и очагом был ткацкий станок, причем уже в гомеровское время это был станок с глиняными блочками, необходимыми для вертикального натяжения нитей. Вдоль широкого ткацкого станка надо было во время работы ходить, и Гомер весьма образно описывает, как «Пенелопа станок свой обходит».



Пенелопа у ткацкого станка, такого широкого, что, по выражению Гомера, она «обходила» его. Прекрасная верная супруга Одиссея двадцать лет ткала одну одежду, уклоняясь от домогательств осаждавших ее женихов, чтобы затянуть работу, она ночью распускала сотканное днем (рисунок с аттической вазы)

Узкие ткацкие станки позволяли работать сидя. Сложное узорное тканье требовало большого умения, необычайного терпения и внимания. Легче было вышить орнамент на готовой ткани, для чего использовали, в частности, штампованные или вырезанные золотые пластины. Изделия, хранящиеся в музеях, свидетельствуют, что женщины достигали в этих работах изумительного мастерства. Показательна в этом смысле легенда об искусной жительнице Лидии Арахне, дочери красильщика Идмона из Колофона; она вызвала на состязание саму богиню Афину, покровительницу женских ремесел. Богиня приняла вызов, но вначале явилась к дерзкой лидианке в облике старухи и предупредила ее, чтобы та держалась скромнее. Арахна отказалась, ответив оскорблениями. Действительно, в ходе состязания ей удалось выполнить работу быстрее и красивее, чем Афине. Это разгневало богиню, она



Прядильщицы разных стран. а) Египетская рабыня (1900 г. до н. э., Бени-Хасан). б) Вавилонская царица прядет сидя, и то время как рабыня обмахивает ее; для рабыни прядение было рабочей обязанностью, для царицы — досугом

разорвала работу соперницы, а ее превратила в паука.

Женщины, занятые прядением, на греческих вазах изображены полными достоинства, грациозными и веселыми. Они обращаются с веретеном умело и легко, словно это для них интересная игра. «Прежде, — пишет римский сатирик Луцилий (II в. до н. э.), — не было семейных проблем, тогда женщины были скромны, им нужен был лишь светильник у ткацкого станка». Египетский мудрец, живший во времена XIX династии, тоже говорит о том, как было «прежде», когда женщины, «чьи спины ломались от усталости», да еще в тесной каморке без окон, «работали у станка при масляном светильнике до глубокой ночи, когда все уже спали, так что колени приклеивались к животу».

Симонид из Аморга (VII в. до н. э.) в своем «Зеркале женщин» перечисляет сто разных женских типов, и среди них лишь один считает хорошим. Эту редкую женщину — «у кого она есть, тот нашел редкое счастье», — он сравнивает с пчелой: «она, как пчела, усердна в работе и умножает имущество». О достоинстве женщины судили по ее вкладу в домашнее хозяйство, по тому, сколько ткацких изделий она вырабатывала на продажу.

Еще и в наши дни на Ближнем и Среднем Востоке

невесту оценивали в зависимости от пользы, которую она может принести. Д-р Нагель сообщает, что в Афганистане в XX в. простая крестьянская девушка, знающая лишь домашние и полевые работы, ценилась как невеста гораздо ниже, чем молодая туркменка, которая умеет изготавливать ковры и ткать. Такую обученную невесту оценивали, в пересчете на немецкие деньги, в 7500 марок. Подобную сумму афганец с низким доходом должен был накопить к тридцати годам.

Идеальную женщину-работницу воспевают библейская «Хвала добродетельной хозяйке», которая так восхитила Ф. Шиллера, вдохновив его на подражание. Там говорится: «Добродетельная женщина, как найти ее? Она драгоценней кораллов, ей доверяет сердце супруг, и не знает он недостатка в доходах. Усердно, как пчела, хлопочет она с шерстью и льном, и руки ее радуются работе. Еще сумерек час ночной, а она уже встает и готовит еду для своей семьи и назначает работу служанкам. На деньги за свою работу она покупает землю, на доход от своих трудов покупает виноградник. Неустанно снуют ее руки у ткацкого станка, и ночью еще долго не гаснет ее светильник, в пальцах ее прялка и веретено. Ни холод, ни снег не пугают ее людей, ибо они носят двойные одежды из тончайшего полотна и пурпура, которые она сама соткала и сшила. Наверху у городских ворот, где ее муж восседает в совете старейшин, его уважают ради нее, и счастливые сыновья ее славят свою мать».

Существуют многочисленные свидетельства широкого распространения домашнего ткачества: на юге, в Иудее, изготавливались изделия из шерсти, на севере, в Галилее, — полотно. О том, какого объема достигало ткачество в галилейских деревнях, которые работали даже на продажу, говорит один закон: он запрещал устанавливать в четырех стенах более одного ткацкого станка; определялась также максимальная дневная выработка, которая не должна превышать 215 граммов полотняных изделий. При плохом урожае конопли — из нее изготавливалось полотно — в Галилее устраивали молитвенные шествия, сопровождаемые душераздирающими воплями, как при большом несчастье.

Жители Галилеи в большом количестве изготавливали также тончайший биссус. В Британском музее подвергли лабораторному исследованию полоску ткани, взятой с покрывала мумии. Нить, пошедшая на эту

ткань, была такой тонкой выработки, что при длине 90 километров она весила бы всего 500 граммов. Тончайшая, почти прозрачная пряжа, называемая виссон, была еще тоньше. Установлено, что 500 граммов этой пряжи давали нить длиной 408 километров, то есть из 1 грамма волокна можно было получить тончайшую нить длиной 816 метров. Такого в наши дни без помощи машин достигнуть невозможно!

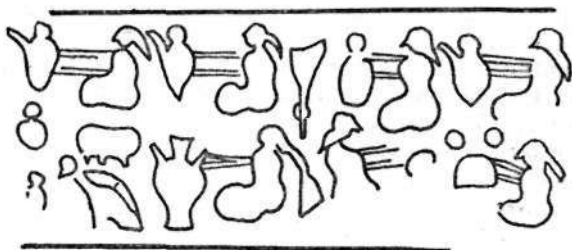
### **Храм как крупное хозяйство**

Первые крупные ткацкие ремесленные мастерские возникли уже в III тысячелетии до н. э. в шумерских храмах. Согласно документам, трудовые процессы там были специализированы и усовершенствованы. Одни женщины занимались очисткой конопли, другие — мытьем шерсти, прядением, вышивкой, изготовлением ковров, тканей для шатров и занавесей. При храмах существовали специальные школы; чтобы стать первоклассной ковровщицей или прядильщицей биссуса, надо было учиться пять лет. Особой квалификации требовала выделка узорных тканей с использованием золотых и серебряных нитей. Для этого благородный металл надо было очень тонко расплющить молоточками, нарезать тонкими полосками и затем вытянуть в нити. Искусные ткачихи создавали фантастические узоры из золотых, серебряных, синих и пурпурных нитей. Насколько это была тяжелая работа, можно судить по тому, что руководители храма требовали от одной мастерицы в день вы ткать всего лишь 15 сантиметров такой узорной ткани.

Вначале такие мастерские обслуживали только культовые нужды храма, изготавливая облачение для многочисленных жрецов, завесы и ковры, шатры, в которых размещались паломники. Для этой цели каждый храм получал треть всех женщин, взятых в качестве военной добычи. Они становились рабынями храма, используемыми для самых «низких» работ. Но вскоре в Шумере появился избыток рабской рабочей силы, а тканей изготовлялось больше, чем нужно было для собственных потребностей, так что излишек руководство храмов вынуждено было продавать паломникам. Таким образом, храмы сосредоточивали и крупную торговлю. А во времена, когда не существовало еще

денежного обращения, а лишь натуральный обмен, крупная торговля давала большие возможности для накопления.

В шумерских храмовых списках III тысячелетия до н. э. кроме ткачих упоминаются и многие другие профессии: садовницы, горшечницы, женщины, занимавшиеся выпечкой хлеба, варкой пива, переработкой молока, обжигом извести, добычей торфа, соли, парикмахерши, певицы, цимбалистки, женщины-управляющие и женщины-писцы. В этом древнейшем длинном перечне женских профессий особенно обращают на себя внимание умеющие писать. Возможно — это весьма смелое предположение, — какая-то женщина из числа храмового руководства изобрела и письменность? В Шумере почитали богиню Нисабу как «богиню урожая» и «богиню писцового искусства». Научив людей земледелию, Нисаба, как повествует шумерский миф, обеспечила человечеству пропитание, а дав им письменность — и культурный прогресс.



Массовое изготовление глиняных сосудов в шумерской мастерской при храме. На рисунке (оттиск с цилиндрической печати, III тысячелетие до н. э.) изображены одни женщины. Многие ученые полагают, что гончарное ремесло, возможно, было первоначально женским делом

Здесь не место излагать долгую историю расшифровки клинописных знаков, которые шумеры изобрели более четырех тысяч лет назад и которые начали шаг за шагом раскрывать свои тайны лишь в прошлом веке; достаточно сказать, что сотни тысяч найденных глиняных табличек дают нам обширное представление о хозяйственной, политической и культурной жизни шумеров. В частности, из них видно, какое уважаемое положение занимала в ней женщина.

Древнейшие из найденных документов и записей

содержат краткие хозяйственные заметки руководства шумерских храмов; например, на ручках жертвенных кувшинов значится: «Содержимое: столько-то масла»; или на глиняном черепке написано: «Столько-то от такого-то и такого-то (получено)». В Шумере некоторыми храмами руководили женщины, именно те, что знали грамоту и вели учет. Так, документы из Ниппура, Ларсы, Шуруппака, Ура, Урука и Лагаша сообщают о верховных жрицах, которые занимались торговыми и финансовыми делами. Руководство храма держало в своих руках также «банковское» дело, умело распоряжалось продуктами питания и благородными металлами, которые поступали сюда в качестве жертвоприношений. Частные лица, наделавшие долгов и нуждавшиеся в субсидиях, могли обратиться к храму.

Шумеры, создавшие в IV—III тысячелетиях до н. э. города-государства в Средней Месопотамии, известны нам благодаря найденным клинописным храмовым табличкам. Около 2300 года до н. э. шумеры были покорены аккадцами. Аккадцы использовали в своих целях богато украшенные шумерские храмы, причем женщины потеряли свое бывшее влияние. Затем крупные дела, торговля, надзор за рынками перешли в руки аморейских племен и их царей.

### **Участие в хозяйственной жизни**

Греки-аристократы высокомерно чуждались работы. Сословные представления не позволяли утонченному человеку марать свои руки. «Лишь бедняку, — говорит Аристофан, — приходится превращать своих дочерей и жену в работниц, потому что у него нет рабов». Но сам он к работе не должен был прикасаться! Ксенофонт, современник Аристофана, приводит характерный пример: один из его соучеников (оба были учениками Сократа), аристократ по имени Аристарх, «потерял свое состояние во время политических волнений». Из сословного высокомерия он не хотел, чтобы его сестры работой добывали себе пропитание. Но голод оказался сильнее гордости. Девушки стали на дому ткать для одного оптового торговца. Обедали они днем во время работы, а потом ели только после работы, когда гас светильник. Сократ, сам бывший сыном акушерки, уп-





В соответствии с представлениями рабовладельческого общества греки-аристократы считали труд делом постыдным. На этой терракотовой статуэтке изображены женщины, которые месят тесто под музыку флейты для большой пекарни (Лувр, Париж)

рекнул за это аристократа-ученика: «Ты единственный в доме ешь, не работая».

Римляне совершенно по-разному относились к мелкому ремесленнику и владельцу большой мастерской. Презиралось лишь то ремесло, где надо было пачкать свои руки, но то, где пачкались чужие, пользовалось уважением. Или, говоря словами Цицерона (106—43 г. до н. э.): «Грязно всякое мелкое ремесло, не дающее большого дохода, но крупный владелец мастерской, умеющий превращать в богатство труд многих других, напротив, играет важную роль в хозяйстве страны и потому считается достойным почтения гражданином». Он приводит пример: какой-нибудь дубильщик, который сам должен каждый день собирать мочу животных и людей для своего ремесла, вечером ложится в супружескую постель вонючий и грязный. А хозяин большой кожевенной мастерской, у которого сбором мочи и обработкой кож занимается целая армия рабов, чист и пользуется почтением в любой компании.

У греков и римлян рабы-вольноотпущенники и женщины занимались не только таким «грязным ремеслом», как домашнее ткачество, но и мелкой торговлей. Исключительно мужским делом считалась добыча, обработка и продажа металлов, металлических изделий и оружия. Изготовление же тканей, напротив, до начала нашей эры были занятием женщин и служанок. Лишь в первое столетие нашей эры, когда на ткани повсюду возник массовый спрос, в эту важную отрасль проникли мужчины.

В Палестине социально-экономические отношения сложились совсем иные, чем в Элладе. Здесь не было

покоренного коренного населения и массы рабов. В этой преимущественно безлесной стране, по выражению Ф. Рюккерта, было «больше камней, чем хлеба», и потому древние евреи больше ценили труд, чем греки. В уже упомянутой библейской «Хвале добродетельной хозяйке» говорится: «Да, ремесло ее процветает... Роскошные рубахи шьет она и продает торговцам».

Тут имеются в виду оптовые скупщики; мелкие торговцы в Иерусалиме — по большей части ханаанские и финикийские купцы, поскольку религиозные предписания запрещали иудеям заниматься такими делами, — умели хитрыми, сладкими речами склонить женщин не только к невыгодным покупкам, но и к греху. Иисус, сын Сирахов, иерусалимский мудрец предостерегает: «Купцу трудно уберечься от неправедных дел, и мелкому торговцу — от греха. Как гвоздь входит в стену между двух камней, так входит грех между покупателем и продавцом». Вот почему в «Хвале добродетельной хозяйке» женщина не сама продает свой товар на рынке, а несет его оптовому торговцу, но полученной прибылью распоряжается сама, вкладывает ее в недвижимость, в землю и виноградники.

Последнее обстоятельство указывает на значительную хозяйственную самостоятельность женщины. Это уже не прежняя затворница, она берет теперь на себя заботу о материальном благополучии семьи, занимается организацией, размещением средств, продажей. Эта деятельность требовала творческого подхода, женщине уже не приходилось ограничиваться однообразной готовкой и уборкой в доме, ее жизнь обрела новый смысл, ее труды вознаграждались. Приданое принесло женщине определенную материальную независимость, особенно после того, как она получила право распоряжаться как им, так и приобретенным ею в браке имуществом.

Самостоятельная профессиональная деятельность позволила женщине войти в контакт с внешним миром, порвать с запретами, с изоляцией, которой требовал от женщины обычай. Доказательством нового положения могут служить печати с именами их обладательниц-женщин. Впрочем, древние мужчины позаботились о том, чтобы ограничить эту самостоятельность: каждая женщина, получавшая право на печать и подпись, должна была иметь еще и опекуна, который ставил дополнительную подпись под всяким документом. «Если

судить по результатам профессиональной деятельности женщин, — пишет С. де Бовуар, — и попытаться сделать отсюда выводы на будущее, нельзя упускать из виду эти связи. Находясь в мучительной ситуации, отягощенная чувством, что она женщина, вступает она на собственный путь. Всегда трудно быть новичком, пытающимся пробиться через недоверчивое общество, тем более если ты женщина, стремящаяся обеспечить себе будущее».



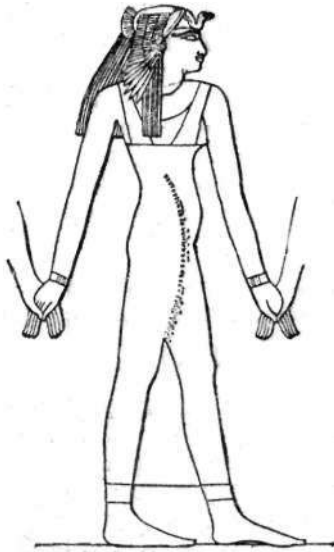
Римская торговка дичью и птицей. Мраморный рельеф времен империи (музей Тортонаия, Рим)

Относительно большую самостоятельность женщины, занятые ремеслом и торговлей, получают лишь в эллинистическую эпоху. «Хвала добродетельной хозяйке», относится именно к этой эпохе, примерно к 150 г. до н. э. Особенно наглядный пример дает нам Египет: один папирус из Фаюма, датированный 250 г. до н. э., сообщает о некоей крупной греческой землевладелице, которая сама руководила своим хозяйством, распоряжалась возделыванием полей и урожаем, имела собственные суда для вывоза своего хлопка и вина.

### Две знаменитые царицы

Египетская царица Хатшепсут (XVI в. до н. э.), еще в юности овдовев, взяла в свои руки управление страной и отказалась от завоевательной политики своего отца Тутмоса I. Унаследованное от него богатство она употребила для мирного развития своего царства.

Придя к власти, Тутмос III приказал уничтожить



В правление царицы Хатшепсут Египет достиг экономического расцвета и политического могущества. Свою мать, беременную ею, царица велела изобразить в виде божественного существа, чтобы ее саму почитали как богиню (рельеф из храма Хатшепсут в Дер эль-Бахри, 1480 г. до н. э.)

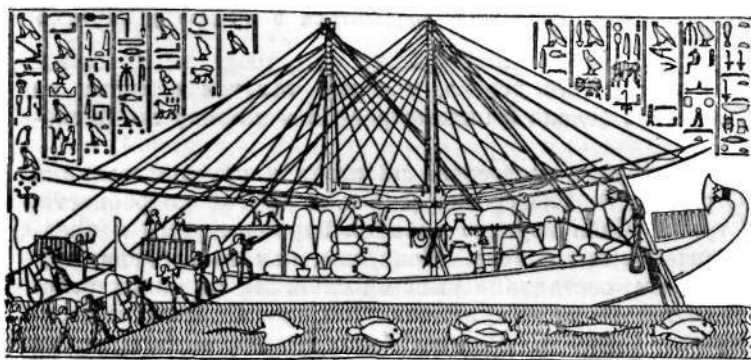
все письменные упоминания о Хатшепсут и все воздвигнутые ей памятники, разбить ее изваяния, стереть ее имя и приписать ее годы правления к своим. Сохранился лишь выстроенный ею величественный храм в Дер эль-Бахри. Изображения на его стенах увековечили важнейшее мероприятие Хатшепсут: успешную экспедицию в таинственную страну Пунт.

Чтобы обезопасить небывалый прежде маршрут, царица должна была сначала снарядить флот, очистить Красное море от пиратов, а порты и побережье — от разбойников. Выстроенный торговый флот включал среди прочих грузовые суда 25 метров длиной и с парусами 10 метров высотой — удивительное достижение для тогдашнего судостроения. В те времена легкие, чувствительные парусные суда на ночь вытаскивали на берег, опасаясь, как бы их не разбила буря. Морские перевозки в этих местах были делом рискованным и дорогим; чтобы на такое отважиться, требовалось мужество.

Как свидетельствуют настенные изображения, результаты египетской экспедиции превзошли все ожидания. Из Восточной Африки и с запада Аравии привезли предметы роскоши, которые ценились очень высоко: золото, серебро, пряности, слоновую кость, драго-

ценное дерево, леопардовые шкуры, обезьянью кожу, деревья, из которых получали мирру и ладан. Ладан поставляла Аравия, он был необычайно дорог, дороже золота. Во всех странах Восточного Средиземноморья его воскуривали по ходу религиозных ритуалов. Геродот рассказывает, что во время одного торжества в вавилонском храме Мардука было сожжено ладановой смолы на 1 тысячу талантов.

Ради этой ароматической смолы торговые корабли Хатшепсут во время экспедиции посещали также и гавани Юго-Западной Аравии — родины другой знаменитой царицы, известной в Библии под именем царицы Савской.



Погрузка экзотических товаров на суда царицы Хатшепсут в Пунте (рельеф из храма в Дер эль-Бахри, 1480 г. до н. э.)

В начале нашего века австрийский ученый-путешественник Э. Глазер поставил себе целью жизни пройти по следам этой экзотической женщины, чье легендарное прошлое, как пишет он в своей биографии, обладало для него «неодолимой притягательной силой. Я хотел и надеялся приоткрыть завесу тайны, окутывавшей образ этой царицы». Кроме легендарных библейских свидетельств указателем ему служили экономико-географические данные античных авторов Плиния Старшего и Страбона. «Жители Сабейского царства, — пишет Плиний, — самый богатый из мне известных народов. Своим богатством они прежде всего обязаны обилию деревьев, из которых добывают ладан... Их столица называется Мариб, и расположена она среди планта-



Долговая расписка (II в. н. э.). В расписке говорится, что взятые в долг 12 статов и 2 денария должны быть возвращены с «законными процентами»: «Если долг к назначенному сроку не будет уплачен полностью, каждый, кто представит эту расписку, может потребовать ареста на имущество. Должник отвечает за нее всем своим имуществом». Эта расписка была найдена среди свитков с документами в пещере у Мертвого моря

ций ладанового дерева, которые тянутся в длину на 20 схинов (около 8 километров), а в ширину на 10 схинов».

Из трудов греческого писателя и путешественника Страбона Э. Глазер мог узнать и другие подробности. Страной Саба нередко правили царицы-жрицы и предводительницы войска. Женщины, как во времена матриархата, составляли высший слой. На их полях работали только рабы-мужчины. Они, как особенно подчеркивает Страбон, должны были «жить в чистоте, не иметь ни сношений с женщинами, ни участвовать в погребениях. И все это лишь для того, чтобы религиозный вымысел повышал цену товара».

Предприимчивость южноаравийской царицы доходила до того, что посланные ею торговые экспедиции на востоке достигали Индии и шли на запад по Средиземному морю. Одну савскую царицу звали Билкис из Мариба. Была ли она той царицей, о которой говорит Библия, Э. Глазер установить не смог, хотя нашел 100 надписей. Историческая Билкис была во многом не столь миролюбива, как египетская царица Хатшепсут. В соответствии с древней арабской традицией царица была одновременно и военачальницей, она сопровождала через пустыню свои караваны с отрядом всадников на верблюдах, чтобы обезопасить важный торговый путь от Аравии до средиземноморского побережья. Прodelала ли Билкис, то есть предполагаемая царица Савская, этот далекий путь лишь для того, чтобы за-

дать загадки прославившемуся на весь мир своей мудростью царю Соломону в Иерусалиме, или она хотела принудить его военной силой, чтобы он позволял ее караванам проходить через свою страну в обмен на часть прибыли, этого Э. Глазер установить не смог.

## Печати

Самым наглядным свидетельством самостоятельной хозяйственной деятельности женщин служат уже упомянутые печати, вырезанные из полудрагоценных или драгоценных камней; их остались тысячи. Иногда на них просто значится имя, но иногда это маленькие произведения искусства.

Печать употреблялась, когда надо было подписывать документы. Но в ранней древности она была одновременно знаком принадлежности к сословию. В Вавилоне и Ашшуре важные персоны гордо шествовали по улице с булавой или палкой (предшественницей позднейшей трости), с бечевкой и кольцом-печатью, которое носили на шейной цепочке, чтобы простой народ видел: идет важное лицо. Царские служители употребляли цилиндрические печати до 6 сантиметров величиной, чтобы скреплять документы и послания, а также запечатывать сосуды. Налоговые чиновники пломбировали таким образом, например, кувшины. Правом на печать обладали только известные, уважаемые граждане и высокие чиновники.

Египтяне особенно почитали каменные изображения жуков-скарабеев, одно время использовали их в качестве печатей. Позднее они стали необычайно цениться также как магические амулеты. На нижней стороне там была подпись, надпись или магический знак — в зависимости от того, для чего служил скарабей (то же относится и к цилиндрическим печатям). «Было бы интересно, — пишет Ж. Йойо, — обобщить когда-нибудь все сведения, которые могут нам дать печати и скара-



Оттиск печати жительницы Иудеи (700 г. до н. э.). На нем надпись: «(Печать) Алид, матери Хаманель» (Израильский музей, Иерусалим)

беи об экономической, общественной и религиозной жизни в древности».

Для ономастики — науки об именах — отски печатей дают представительный перечень распространенных личных имен. При этом некоторые ученые обратили внимание на большое число печатей с женскими именами. Они свидетельствуют, как пишет У. Тюрк, «о стремлении женщины добиться как можно более независимого от мужчины положения... Они абсолютно не соответствуют представлению о беспомощной, замкнуто живущей восточной женщине».

Печати с женскими именами исследователи делят на три группы. На печатях первой группы их владелица была обозначена как «жена такого-то»; это указывало, что женщина вела свое дело с одобрения мужа и имела право скреплять печатью собственную подпись. Печати второй группы называли «дочь такого-то». Их было найдено больше всего; ими пользовались незамужние женщины. Реже всего встречаются печати третьей группы, на которых названа «дочь такой-то». Такие печати были предметом особой гордости, они свидетельствовали, что уже мать соответствующей незамужней женщины имела право на печать и передала свое дело по наследству дочери.

Сохранились налоговые списки иудейской Колонии в Элефантине (Египет), относящиеся к 550—400 гг. до н. э. В одном из них перечислено не менее 32 женщин, которые в Египте, как пишет У. Тюрк, «обладали значительной, почти неограниченной правоспособностью».



## 7. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ

### От звериной шкуры до мехового манто

Первобытный человек носил на плечах шкуру животных — отчасти ради маскировки, отчасти защищаясь от холода. Одежда как феномен культуры впервые предстает перед нами в шумерских изображениях. Возникла даже мода: длинноволокнистая шерсть с завитками имитировала шкуру. Может быть, какой-то первобытный инстинкт побуждает и современных женщин носить дорогие меховые манто? Одежды разной длины, имитирующие шкуру, превратились у вавилонян, ассирийцев и арамейцев в бахромчатые одеяния с завязками, доходившими до щиколоток, — модель, которую несколько тысячелетий носили и мужчины и женщины.

В. Цинзерлинг, специалист по археологии и тканям, в результате сравнительных исследований установила, что в областях Восточного Средиземноморья за тысячи лет, разделяющие набедренную повязку из шкуры и одежду с рукавами, не происходило особых колебаний моды. Существовало всего лишь сорок основных моделей. Медленное развитие моды соответствовало истории развития человечества, которое лишь постепенно переходило от «животного сообщества» к «культуре». «Область моды находится между искусством и необходимостью, здесь творческая фантазия всего ближе к телу, здесь получают свое воплощение тончайшие колебания вкуса, присущего эпохе, здесь выносятся на продажу само мировоззрение. Одежда делает человека, если не личность. В сущности, она призвана выявить красоту и своеобразие человека».

Женщине издавна известно, что ее оценивают не только по природным качествам, достоинствам, харак-



Развитие женской моды: шумерская женщина III тысячелетия до н. э. и греческая жрица V в. до н. э. в длинном хитоне с драпировкой

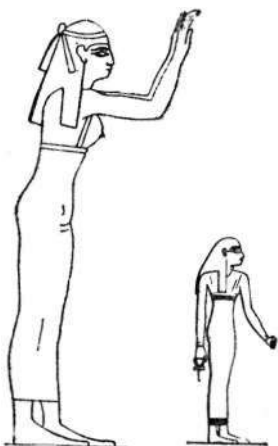
теру или уму, о ней судят и по ее туалету, в зависимости от него уважают, желают. Одежда есть зеркало ее сути, в том числе и зеркало ее свободы.

Египетские женщины первоначально носили легкие полотнища «без верха», просто обернутые вокруг бедер; в эпоху Древнего царства уже появилась полотняная одежда с глубоким вырезом и длинными бретельками, так что часть груди оставалась открытой. Легкое одеяние египтянки не только соответствовало жаркому климату, оно свидетельствовало также о свободном положении женщины.

Иначе обстояло дело в Месопотамии, где строгий обычай требовал от женщин надевать неуклюжие, похожие на мешок до самых щиколоток платья и закутываться в покрывало!



Шерстяная бахромчатая одежда шумерской и аккадской женщин (II тысячелетие до н. э.)



Египтянка в платье с бретельками «без верха» и в одежде из одного полотнища.

О свободном положении женщины свидетельствовали также одежды жительниц Крита и Спарты. На Крите женщины носили длинные узорчатые платья, которые оставляли грудь совершенно открытой. Одеядне спартанки было таким, чтобы она могла широко шагать. Ивик высмеивал эту моду, «которая бесстыдно открывает бедра».

Как происходило развитие моды со всеми ее колебаниями в Греции, стране, о которой до нас дошло больше всего сведений? Дождливое время года со снегопадами в горах заставляло греков в гречанок надевать шерстяные плащи, называемые «пеплосами» \*. Это были плотные четырехугольные полотнища, которые ночью употреблялись как одеяла. Их просто накидывали на плечи и закалывали булавками или застегивали пряжками. Плотное полотнище ниспадало вдоль тела широкими складками, иногда вокруг талии его подвязывали поясом.

Со времен походов Александра Македонского в Индию греки знали про хлопок — «древесную шерсть» \*\*. Еще раньше Геродот рассказывал о деревьях, на которых растет шерсть, из коей индийцы делают свои одеж-

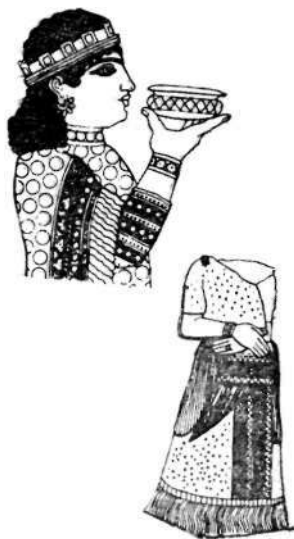
\* Словом «пеплос» в Греции называлось всякое платье, а автор, очевидно, имеет в виду так называемый гиматий. — *Примеч. отв. ред.*

\*\* Немецкое слово «Baumwolle» (хлопок) состоит из «Ba--» — дерево и «Wolle» — шерсть. — *Примеч. пер.*



а) Критянка в длинном узорчатом одеянии. б) Афинянка в складчатом хитоне. в) Спартанка в одеянии, открытом с правой стороны

ды. Македонские воины привозили из Персии попавшие туда из Китая матово отблескивающие шелка, которые продавались по баснословным ценам. Шелковые одежды считались роскошью. В 16 г. н. э. в Риме издали даже закон, запрещающий ношение шелковых



Платье вавилонской царицы с искусной вышивкой или аппликацией. Часть ее юбки с богатой плиссировкой и бахромой понизу

одежд. Из Дамаска привозили тончайшую ткань, которую в Риме называли «тканым воздухом».

Различие в одежде городского и сельского населения наблюдал еще Иосиф Флавий. Зажиточные городские жители предпочитали греческую моду с восточными элементами. Иерусалимские женщины демонстрировали свои новые наряды во время представлений, и зрители смотрели больше на их великолепие, чем на борьбу, которая происходила на арене. Иосиф добавляет: «Сельские жительницы в Галилее, напротив, носили длинные простые одежды старинного образца».

Возмущение, которое вызывает всякое обновление моды у «вечно вчерашних», не является чем-то новым; оно известно со времен фигового листка Евы. Так, римский философ Сенека пишет: «Конец пришел добрым нравам! Торжествует бесстыдство в одежде! Мертвы добродетель и приличие! Человечество становится все хуже! Так говорили во времена наших отцов, так говорим мы сегодня, и то же станут повторять завтра наши дети».



Одежда состояла из несшитого куска материи без пуговиц или застежек; держалась она с помощью серебряных или золотых пряжек или декоративных булавок. Римская пряжка на верхнем рисунке датируется II в. н. э., две нижние булавки — II тысячелетием до н. э. (Израильский музей, Иерусалим)

Во времена римских императоров крайне дешевая готовая одежда вытеснила «домашний пошив», позволявший учитывать индивидуальность заказчика. Крупные мастерские, которые могли производить дешевую продукцию благодаря рабскому труду, наводнили рынки своего рода «униформированной» одеждой. Желание быть как все превратилось для потребителей в необходимость быть как все.

## Мода и нравственность

Строгая надпись на стенах храма в Элевсине требовала от всех женщин, желавших принять участие в мистериях, сдерживать свою безнравственную страсть Кфрантовству и надевать «лишь скромную верхнюю и нижнюю одежду стоимостью не более чем 100 драхм, для девушек не дороже 60 драхм, а для рабынь не дороже 50 драхм. Никому не дозволяется надевать золотые украшения, диадемы на голову, подкрашиваться или носить искусную прическу... Если женщина, участвующая в мистерии, носит недозволенное, то надзиратель над женщинами (!) должен ей это запретить, оштрафовать ее и забрать недозволенное; оно отдается богам».

Раннее христианство, следовавшее за апостолом Павлом, в моде видело руку дьявола, который с помощью украшений и искусных портных пытался свратить новообращенных с пути истинного. Ни одной женщине не дозволялось появляться во время богослужения без покрывала. Сегодня свадебная фата — это просто символ, воздушное украшение для невесты. Возможно, юные девушки не стали бы ее надевать, если бы они знали, что покрывало на древнем Востоке было знаком подчинения также и в том смысле, о котором говорил апостол Павел: замужняя женщина носила покрывало, незамужняя — нет. Еще у римлян женщин, которые осмеливались «бесстыдно» появиться на улице без накидки или покрывала, ожидало суровое наказание, вплоть до изгнания.

Античные философы утверждали, что мораль и нравы у всех народов различны, что они связаны не только с человеческими чувствами, но и с местными обычаями, они меняются по мере того, как меняются времена и устроения. Нравы вавилонян и египтян, основанные на тамошних религиозных представлениях, грекам казались варварскими, и наоборот. В самой Греции существовали самые разные и противоположные друг другу обычаи. В Спарте позволяли девочкам нагими заниматься с мальчиками спортом. Афиняне возмущенно отвергали это как безнравственность. Уже тогда философы подчеркивали относительность таких человеческих оценок, как «хорошее», «прекрасное», «отвратительное», «дурное», как по части мод, так и по части нравственности.

## Украшения

С античных времен одежда и украшения дополняли друг друга, как красота и гармония, образуя совершенное целое. Об этом писал уже Гомер:

Он же (Анхиз), увидев богиню (Афродиту), в уме  
размышлял и дивился  
Виду и росту ее, и блестящим ее одеяньям.  
Пеплос надела она лучезарный, как жаркое пламя,  
Ярко блистали на теле витые запястья и пряжки,  
И золотые висели на шее крутой ожерелья  
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий  
Месяц вокруг нежных грудей Афродиты светился чудесно —  
Страсть овладела Анхизом... \*

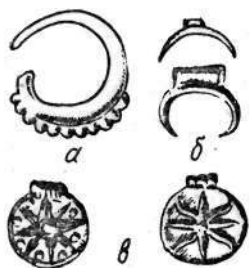
На Ближнем Востоке богиню любви и красоты звали Астартой, и всякий влюбленный мужчина видел в своей «божественной» возлюбленной Астарту, украшенную драгоценными камнями.

Герой угаритского эпоса Даниилу просит у царя Пабелли руку царевны в таких выражениях: «Дай мне Хурай (твою дочь), она, как Астарта, прекрасна, волосы ее блестят, словно лазурный камень, веки ее подобны чашам, украшенным рубинами. Эль, отец людей, назначил ее мне (в невесты)». В Угарите, торговом городе, в приданое за царской дочерью давали во II тысячелетии до н. э. помимо обширного гардероба также и украшения. В одном списке перечисляются 204 предмета одежды, а кроме того, различные золотые украшения весом всего 15 (прописью: пятнадцать) килограммов.

Украшения служили не только признаком роскоши, которая возвышала их обладателя, но одновременно и амулетами, которые обеспечивали человеку магическую защиту; мужчины тоже носили многочисленные украшения. Так было уже в древнейшую эпоху человечества.

К числу прекраснейших произведений древнего искусства относится ожерелье из крохотных косточек антилопы, найденное в пещере каменного века на горе Кармел (Израиль). Ему двенадцать тысяч лет. Обра-

\* Перевод В. В. Вересаева. Здесь цитируется не Гомер, а один из позднейших, так называемых «гомеровских» гимнов. — *Примеч. пер.*



Украшение было не только элементом наряда, но и магическим амулетом для всех слоев населения. В древнейшую эпоху особенно предпочитали космические знаки. а) Носовое кольцо. б) Серьги в форме месяца. в) Подвески с вавилонскими знаками звезд (Израильский музей, Иерусалим)

ботка благородных металлов, начавшаяся за несколько тысячелетий до нашей эры, привела к значительному расцвету искусства украшений.

В 1928 году английский археолог Л. Вулли обнаружил в царских погребениях Мукайира (древний Ур) украшение царицы Пу-аби (Шубад), шедевр ювелирного искусства. Изделие, созданное четыре с половиной тысячелетия тому назад, и сейчас очаровывает всякого, кто его видит.

Египтяне, верившие в потустороннюю жизнь и в воскресение, клали в могилы драгоценности из золота. Уже в древнейших пирамидах близ Саккары были найдены изделия редкостной красоты, поистине шедевры искусства и вкуса: браслеты, ожерелья, бусы, цепи, пояса, диадемы и заколки для волос — все из золота, украшенного слоновой костью, аметистами и бирюзой. Ювелиры нашего времени, исследовавшие эти сокровища, должны были выразить величайшее почтение своим древнеегипетским коллегам и признать, что, несмотря на весь технический прогресс, такие достижения сейчас никому не под силу.



Греческая золотая цепь с растительными мотивами (середина II тысячелетия до н. э.). Уже в микенских шахтных гробницах, датированных II тысячелетием до н. э., обнаружены многочисленные и разнообразные украшения, подлинные шедевры искусства и вкуса (Национальный музей, Афины)



В Греции, особенно в микенских шахтных гробницах II тысячелетия до н. э., тоже были найдены дорогие украшения и изделия из золота, которые клали для покойников и изделия родственники. Греки ранней и классической эпох довольствовались украшениями, простыми по форме; это отвечало общим имущественным отношениям, когда не наблюдалось еще чрезмерной концентрации богатства. Лишь с ростом богатства позднее стало возможным появление более изысканных золотых изделий, которые могли удовлетворить претензии зажиточных слоев.

В Риме иные красавицы навешивали на себя целое состояние в виде изделий из золота, драгоценных камней. Предметом особенной роскоши, который привлекал женщин и который поэтому вызывал больше всего нареканий, считался жемчуг. Несомненно, жемчуг стоил очень дорого. Сенека, видимо, не преувеличивал, когда говорил, что женщины иногда носят в ушах два-три крупных имения. Сервилия, мать Марка Брута, получила от Юлия Цезаря жемчужину, стоившую 6 миллионов сестерциев. Лоллия Паулина, жена императора Тиберия, носила, по свидетельству Плиния, украшения, стоившие 40 миллионов сестерциев. Она могла предъявить документы, доказывавшие, что эти украшения получены ею не в подарок от царственного супруга, а в наследство от семьи.

## Косметика

Один древнеегипетский косметический рецепт начинался многообещающими словами: «Превратить старуху в молодую». Египтянки понимали это в буквальном смысле: красота означала для них вечную юность. Найденные в захоронениях горшочки с косметикой, притирания, карандаши для глаз и ручные зеркальца однозначно свидетельствуют о желании женщин сохранить красоту даже в другом мире. Исследовательская группа американского косметического концерна Елены Рубинштейн могла бы, думается, найти немало ценного для себя в гробницах Нефертити или Клеопатры.

Впрочем, и без утонченной косметики египтянки имели репутацию самых красивых женщин в мире. Царь Кадашман-Эллиль (XIV в. до н. э.) сватался к дочери Аменхотепа III и, получив отказ, писал разочаро-

ванно: «Почему ты так со мной поступаешь? В Египте есть достаточно прекрасных дочерей. Найди мне красавицу по твоему вкусу. Здесь (в Вавилоне) никто не заметит, что она не царской крови».

Соприкосновение с Востоком обогатило греческую косметику. Греческие женщины заботились о красоте не только лица, но и всего тела, используя для этого купание и спорт. Изображения на вазах могут много рассказать о том, какие усилия прилагали для этого женщины. Красота в стране, давшей человечеству представление о классической красоте, была знаком культуры; уродство, как и неухоженность, означало варварство. Для Платона косметика и уход за телом — существенные предпосылки достойного человеческого существования.



Красились даже состоятельные мужчины. а) Египетская царица красится перед ручным зеркалом. б) Косметические принадлежности знатным египтянам клали в захоронения, чтобы они вечно могли оставаться красивыми (около 1200 г. до н. э.)

Согласно Талмуду, женщина могла тратить десятую часть денег, предназначенных для хозяйства, на одежду и украшения. В древности у всех цивилизованных народов употребление косметики достигло уровня, который выдержит любое сравнение с современностью. В одном фрагменте у Аристофана перечисляется каталог «средств красоты», среди прочего названы: красители для волос, парики, румяна (анхуса), сульфид свинца, мирра, пемза, косметические средства из водорослей, краска для глаз, золотой порошок и золотые украшения для волос, золотые сетки для волос, заколки для волос, косметические мушки и многое другое,

чему мы сегодня даже не знаем названия. Овидий (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) советовал женщинам среди средств, которые могли бы освежить их увядающую красоту, лечение ослиным молоком, маски из теста, парики из настоящих белокурых германских волос, вставные зубы из слоновой кости или взятые у детей рабов, родосскую мазь, способную разгладить уродливые морщины и складки и пробудить на увядших щеках «розовую зарю».

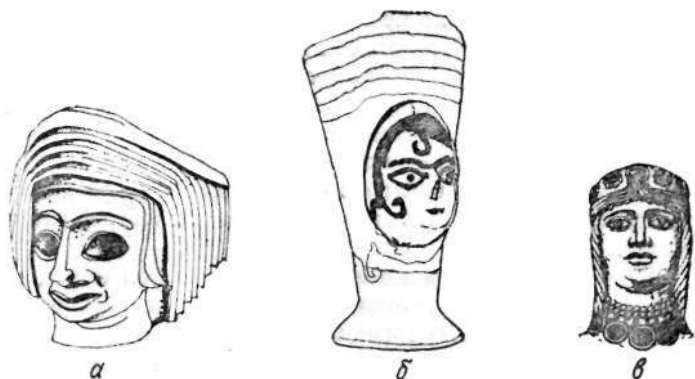
Ни одна женщина не желала склониться перед напором времени и казаться старше, чем она чувствовала себя в душе. Одна римская матрона, уже достигшая определенного возраста, писала своему зятю, находившемуся на Родосе: «Пришли мне баночку родосской медовой мази, которая так хорошо снимает морщины у глаз».

### Индивидуальное и общее

Попробуем себе представить в жизни модели мраморные скульптуры Праксителя, Лисиппа или Фидия: па любом международном конкурсе красоты в античную эпоху гречанки, без сомнения, заняли бы первое место. У всех этих юных женщин, прекрасно сложенных, узкобедрых, прелестных, были «идеальные» формы тела, предназначенного для любви. Но это были гетеры. «Порядочные» женщины моделью для художника служить не могли.

Художников-творцов вдохновляли эротические переживания; главным для них было передать чарующую прелесть женского тела, но лица, неповторимая индивидуальность их не интересовали; напротив, они нивелировали индивидуальные черты, создавая обобщенно-правильный, совершенный профиль. Гетеры, изваянные в мраморе, представляли божественными существами, но главным в них было совершенство их ноготы, иногда наполовину прикрытой прилегающими складчатými одеждами, которые лишь дразнили воображение; эротизм «чудесного женского тела» был для художников важнее «физиономий».

Под физиономией греки подразумевали «запечатленные черты», внешние признаки, по которым распознают личность. Сейчас, говоря о физиономии, имеют в виду выраженность каких-то характерных свойств, которые присущи именно данному человеку и отражают



Хотя древние художники не стремились к портретному сходству, некоторые лица поражают индивидуальными чертами. а) Шумерийка, III тысячелетие до н. э. б) Хеттская ваза в виде головы, XIII в. до н. э. в) Вавилонская царица, VII в. до н. э.

его особенную суть; «четкий характер» — это тип человека, который остается верен сам себе и действует по определенным принципам. Согласно одному американскому психологу, всякий человек является в определенном отношении таким же, как *все* другие люди, таким же, как *некоторые* другие, и таким, как *никто* другой. Ни один человек не похож на другого, у каждого есть индивидуальные особенности. Хотя греческие художники знали, что всякий человек есть единственное, неповторимое существо с определенными духовными и физическими чертами, способностями и свойствами, они умышленно сглаживали всякое своеобразие, чтобы создать обобщенный образ.

Гиппократ выводил разнообразие индивидуальных признаков из различных темпераментов, которые, согласно его воззрениям, являются результатом неравного смешения четырех основных «телесных соков»: крови, слизи (греч. «флегма»), желтой и черной желчи (греч. «холе»). Так он различал сангвиников, флегматиков, меланхоликов и холериков. Платон насчитывал лишь три варианта. Трем сословиям в его идеальном государстве: сословию философов и властителей, военному сословию и сословию кормильцев (земледельцы и ремесленники) — соответствует разделение людей на три слоя: самый нижний слой составляют «люди страстей», у которых наиболее сильно выражено стремление к самосохранению и сексуальное влечение. Вто-

рой слой — это люди с прямым, честным, но заурядным характером. Высший слой, или слой господ, — это люди со склонностью к духовным занятиям.

Человек — это прежде всего мужчина или женщина, которые различаются как своими индивидуальными чертами, свойствами и способностями, так и устройством тела и множеством связанных с этим функций и свойств; поэтому находятся философы, склонные еще более облегчить себе задачу: они делят людей всего на два типа: мужской и женский — с разными душевными свойствами, особенностями, неодинаковыми задатками и характером поведения.

По мнению же Аристотеля, существует лишь один тип: мужской. Женский тип он определяет как негативную форму: женщина является женщиной лишь из-за отсутствия мужского начала. Отсюда все ее слабости, ее неуравновешенность, ее чувствительность. Греческим мыслителям оказывается недостаточно одних биологических понятий, чтобы ответить на вопрос: почему женщина есть «нечто другое»?

Согласно представлениям греков, первоначально существовали гермафродиты, двуполые существа, соединявшие в себе элементы мужского и женского начал. Упоминается двупольный бог Афродит. У этого бога борода, как у Зевса, но формы тела и половые органы женские, как у Афродиты. Его почитатели-мужчины, приходившие в его храм на Кипре, носили женскую одежду, а поклонницы-женщины — мужскую.

Известен миф о красивом мальчике, сыне Гермеса, которого полюбила нимфа Салмакида. Она увидела его, когда он купался в водах источника, носившего ее имя. Напрасно молила Салмакида о любви прекрасного юношу. Когда же он ступил в воду, чтобы искупаться, она в отчаянии обхватила его и стала молить богов, чтобы они слили ее с возлюбленным в одно целое. Так возник Гермафродит, двуполое существо. По его (или ее?) просьбе боги наделили источник способностью превращать каждого искупавшегося в нем мужчину в женщину, а женщину — в мужчину.

Так возникло у греков представление, что ни один мужчина не обладает стопроцентно мужским характером и ни одна женщина — стопроцентно женским. К тому же выводу пришел венский исследователь сексуальной психологии О. Вейнингер, написавший книгу «Пол и характер». Он говорит о постепенной градации между

теоретическими крайностями М (мужское) и Ж (женское) и определяет тип человека, в котором черты обоих полов распределены поровну, как «интерсексуальный». Женщины, подобные Медее с ее стихийной энергией, или подобные Сапфо, добившиеся особенно выдающихся достижений в духовной области, причисляются соответственно к группе М.

Противоположность мужских и женских черт характера, которые в различной степени есть у всякого человека, интересовала также и швейцарского психолога и психиатра К. Г. Юнга; он ввел ее в свое учение об архетипах (образах). Мужское начало в женщине он обозначил как «анимус», а женское в мужчине — как «анима». Физиологии известно, что и в мужском, и в женском организмах содержатся гормоны противоположного пола, соответственно и в подсознании каждый мужчина таит в себе в той или иной степени «внутренне женское», а каждая женщина — «внутренне мужское». Анима и анимус порождают полярность характера с его позитивными и негативными оттенками. К. Г. Юнг рассказывает об одной своей пациентке, которая считала себя особенно нежной, чувствительной и женственно-мягкой. Когда врач впервые обратил внимание на ее мужские черты, она вскочила, возмущенная таким совершенно ошибочным, на ее взгляд, диагнозом, и навсегда покинула врача. Никто не хочет слушать о себе правду.

Когда же древние открыли для себя «душу женщины»? Впервые реалистические, индивидуализированные портреты появились довольно поздно, лишь на рубеже эр, в Египте. Египтяне отказались от первоначального обычая придавать изголовью саркофага черты человеческого лица и клали на лицо умершему маску, обычно из дерева или полотна; на ней в технике энкаустики или темперы изображались черты покойного — как правило, омоложенные. Лица на погребальных масках своим общим выражением и классическим спокойствием напоминают ретушированный фотопортрет. Этот обычай был распространен главным образом в области греческих поселений; в Фаюме на мумиях было найдено более 600 портретов, относящихся к I в. до н. э. — IV в. н. э. Женские лица, как правило, никогда не выглядят веселыми. Темные усталые глаза постоянно выражают меланхолию, тот, кто смотрит на них, чувствует себя очарованным пугающей живостью этого взгляда. Жен-



Фаюмские портреты (II в. н. э.) с почти фотографической точностью передают черты женских лиц эллинистической эпохи

щине, которую мужской мир осудил на бессловесность, приходилось взглядом выражать то, о чем молчали ее уста. Хотя нас разделяют с ними два тысячелетия, кажется, что мы знаем этих женщин. Несмотря на всю ретушь, эти портреты способны сказать больше целых жизнеописаний.

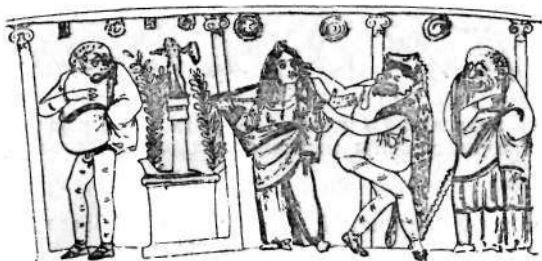
Хотя люди, которые после смерти могли рассчитывать на погребальные маски, принадлежали к высшим слоям общества, их глаза, устремленные на нас, выражают скрытый упрек, они говорят о проблемах своего времени и своего пола.

**«Благодарение господу за то,  
что не сотворил меня... женщиной»**

Еще Гомер ценил женщину наравне с мужчиной. Он описывает ее с величайшей проникновенностью. Изображалось ли где-нибудь еще прощание супругов так задушевно, как в знаменитой сцене прощания Гектора с Андромахой? Когда она берет его за руку, в этом жесте — трепет и забота любящей жены, которая страшится за жизнь своего мужа, уходящего на битву, и предчувствует его судьбу. А другие незабываемые женские образы у Гомера: Пенелопа, верная жена, или Навсикая, милая девочка, которая спасает выбравшегося на берег Одиссея? Спасенный желает ей мужа, дом и «жизнь в благородном согласии». Ибо нет ничего лучше, говорит Гомер, чем когда муж и жена согласно живут в своем доме, «ближним на радость, на счастье себе».

А затем возникло учение о женщине как о непол-

ноценном и неспособном к обучению существе. Этот взгляд, который мы сейчас назвали бы антифеминистским, находит особенно полное выражение в теологических и философских трудах, причем не только в Греции, но и в Библии.



Во всякой бытовой комедии высмеивалась женщина; это забавляло зрителей. Насмешник, женщина, позволяющая себя одурачить, любовник, наряженный Геркулесом, и лысая старуха-сводница. Публике это нравилось (римская копия)

Лишь в ранней истории евреев мы встречаем главным образом достойных восхищения женщин, гордых, исполненных достоинства пастушек, женщин-судей, пророчиц, предводительниц войск; затем, однако, этот положительный образ исчезает, возникает общее отрицательное отношение к женщине. Дискриминация женщины в основном была составной частью «исповедания» благочестивого еврея.

Евреи, как и греки, исторически считали себя особым народом, превосходящим все «варварские» народы в силу своей избранности. Более того, мужчины в безмерном своем тщеславии считали себя выше женщин, как и любого иноземца. Благочестивый еврей ежедневно повторял молитву: «Благодарение господу за то, что не сотворил меня язычником, непросвещенным и женщиной». Только мужчина обладал способностью возвышаться духовно и постигать бога. Женщина погрязла в земном и отвращала мужчину от всего высокого и святого.

Подобное же чувство превосходства выражал и Сократ: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина».

У евреев мудрейшим царем считался Соломон. Ему



приписывают изречение: «Горше смерти женщина». Можно спросить, почему же у него самого была тысяча жен — не хотел ли он тысячу раз умереть? Сократ, которого греки считали мудрейшим из мудрецов, выразился в том же духе: «Лучше чаша с ядом, чем Ксантиппа».

### **Все женщины — Ксантиппы**

Ксенофонт окариковал жену Сократа, Ксантиппу, и этот образ дошел до наших дней. Люди в античности были убеждены, что не только жена Сократа, но и все женщины — Ксантиппы. Все античные комедии полны насмешек над женщинами, остроумия в духе казарменного юмора, поскольку они должны были утвердить в мужчинах — а большая часть зрителей были мужчинами — чувство превосходства, питать их фантазии и цинизм в отношении женщин.

Все греческие драматурги изображали только эротические отношения, они не уставали все в новых вариациях описывать всевластие любви в ее двойственности — как высшего блаженства и жгучего страдания. Мужчины, жаждавшие блаженства, черной краской изображали на сцене характеры немногих женщин, которые причиняли им только страдания. Даже почтенные жены у них втайне думают лишь о любовных интригах да изменах. Все они гетеры или, может быть, все женские роли игрались лишь гетерами?

Во время сатурналий мужчины, изображавшие служителей плодотворящего бога, и хор — положительные персонажи — для большего гротеска несли сделанный из кожи и весьма заметных размеров фаллос. Грубые шутки в адрес женщин призваны были удовлетворить потребности толпы; но трудно сказать, почему присоединялись к современному им антифеминизму также греческие писатели и мыслители, высокомерно считавшие интеллект чисто мужской областью.

Неприятно поражает последовательность, с какой греческие философы изгоняли из представлений о любви и браке все личные чувства и обрекали женщину, по выражению Ф. Ницше, на «растительное существование». Аристотель, передовой для своего времени мыслитель, объяснял это так: «Женщина является женщиной в силу отсутствия мужских свойств. Мы должны

видеть в женщине существо, страдающее природной неполноценностью».

Для Платона подчиненное положение женщины определяется природой и находит историческое выражение в государственной и общественной структуре. У Менандра, писавшего о женщинах в общем положительно, срываются однажды злые слова: «Среди странных животных, населяющих сушу и море, поистине ужаснейшее животное — женщина». Гиппонакт из Эфеса высказал суждение, должно быть, исходя из собственного опыта: «Лишь дважды радуется тебе жена: в день свадьбы и в день ее похорон». В «Зеркале женщин» Симонид из Аморгы под видом басен о животных подвергает женщин резкой критике. Он анализирует десять типов женщин и сравнивает их с вонючими, ленивыми, безмозглыми, злыми, твякающими, прожорливыми, франтоватыми, находящимися в состоянии течки животными. Исключение он делает лишь для тех женщин, которые без усталости трудятся, как пчелы, которые прядут и шьют, умножая благосостояние семьи, и содержат дом в чистоте.

Здесь приведены лишь некоторые высказывания мужчин, которых принято называть великими. Разоблачение женской природы было модно и в философских кругах, и в обычном мужском обществе. С древних времен мужчины любили обобщенно высказываться о женской душе. Выражая коллективное недоверие, они говорили о «женщинах» во множественном числе.

Но, может быть, у этой скрытой мизантропии греческой литературы и философии, которые изображали женщину критически, трезво, приземленно — в противоположность идеализированному изображению женщины в пластическом искусстве, где многое определяется эротикой и где женщина предстает как божество, как объект поклонения, — были другие причины? Может быть, она была порождена глубоко укорененным страхом перед женщиной и гомосексуальными склонностями греков? Или «интеллектуалы» говорили о «власти женщин», чтобы скрыть собственное неосознанное бегство от них? Женщина была козлом отпущения за все несовершенства жизни и мира.

«Ибо женщина повинна во всех великих бедствиях мира...» Или, как выразил это Ш. Бодлер: «Я не могу себе представить красоты, не связанной с несчастьем». У великого трагика Еврипида довольно часто изобража-

ется более или менее скрытая конфронтация полов, и нередко возникает впечатление, что женский пол оказывается более сильным. Одному из своих женских персонажей он влагает в уста исполненные чувства собственного достоинства слова, которые можно отнести не только к эротической области: «Напрасно метит в нас мужчина острием своих упреков и говорит о женщинах плохо. Ибо мы лучше мужчин, так я скажу».

А вот каковы, по мнению Еврипида, умные женщины: «Те, что с мужем своим задушевно слились. Если супруг ее некрасив, жена должна считать его для себя прекрасным, ибо не глазу судить, а рассудку. Все, что ему по душе, должна она принимать и хвалить. Она должна также понять, что доставляет ему наслаждение в любовном союзе. Что бы ни произошло, она должна делить с ним радость и боль».

Нет, унижение и оскорбление женщин, которые древнему Востоку были известны так же, как Греции, имели причины более глубокие, чем мужская гомосексуальность или страх перед женщинами: тут были религиозные, можно сказать, мистические мотивы, корни которых восходят к доисторическим временам. Они связаны с эротическим влечением и с попыткой противиться ему. Эротика — естественный закон бытия и один из первоисточников религии. От нее исходит и доброе и плохое. Плохое олицетворяют женщины...

## 8. ЭРОТИКА

### «Возвышение сердца»

Мужчина в древности критически смотрел на свою жену, но влюбленно — на свою подругу или на чужую женщину. Вавилонянин, посещая чужую женщину в храме, называл это «возвышением сердца». Особого рода «возвышение сердца» происходило в праздник Нового года, когда он приходил к величественному семиступенному святилищу Мардука, благоговейно, затаив дыхание, наблюдал церемонию «священного брака» царя с верховной жрицей, происходившую на верхнем этаже, и сам мог за плату повторить ту же церемонию с храмовой рабыней. Под «возвышением сердца» он понимал молитву, культ и жертву деятельной любви.

Восточный человек, интенсивный и страстный в жизненных проявлениях, требовал, чтобы религия заботилась не только о его духе, призывая почитать высшие силы, но и о его чувствах, способствуя общению с божественным. Жизнь коротка, трудна и мучительна, будущее темно, поэтому надо радоваться редким часам праздника с пением, танцами и «возвышением сердца».

Эпос о Гильгамеше, возникший около четырех тысяч лет назад, содержит такой совет:

Наполняй свое чрево, день и ночь наслаждайся,  
Пусть каждый день тебе будет праздником радости...  
Пусть будет счастлива каждая женщина на твоей груди,  
Ибо в этом — радость людей...

Гильгамеш воздал богатую дань земной и небесной любви, последней — в храме Урука. В Малой Азии и в Израиле храмовые рабыни имели общее название

«посвященная богу»; в Греции их называли «иеродулы».

Считалось, что храмовые блудницы могут цивилизовать человечество посредством любви. Гильгамеш нанял такую «посвященную», чтобы научить Энкиду морали, приличиям, приобщить с помощью ее любви дикаря к культуре людей. Умирая, Энкиду проклинает женщину за эту услугу, которую она оказала ему против его желания. В ответ бог Шамаш упрекнул его, сказав, что он не понял истинную суть «посвященной» служительницы, ибо культовая проституция означала жертвенную отдачу божеству; общавшийся с этими женщинами тем самым служил божеству. Это и было «возвышением сердца»,



Эротические культовые сцены представлены уже древнейшими изображениями Месопотамии. Шумерская печать (из Тепе-Гавра) датируется 3500 г. до н. э. На ней можно увидеть любовную пару на алтаре, справа от них — змея

Для религии не существует вопросов, лишь абсолютная готовность верить и служить. В Вавилоне имелись специальные храмовые школы, в которых девушки учились выполнению своих специфических обязанностей и задач, получая уроки танца, пения, игры на струнных инструментах, культовых ритуалов, а также искусства любви. Благодаря такой подготовке они высоко ценились. Богини Инана, Нинту, Иштар, Анат и другие также именовались почтительным словом «небесные иеродулы». В Вавилоне были богатые иеродулы из лучших семейств; они могли выходить замуж и получать статус законных жен. Но, будучи «посвященными», они не имели права рожать детей. Для этой цели они либо приводили к мужу служанок, либо усыновляли детей.

Нельзя судить сакральную проституцию и наивно-раскованную чувственность посетителей храма по мер-



Изображение любовной пары на аттическом одноручном сосуде для вина (430 г. до н. э.). Эротические сцены постоянно встречаются на греческих вазах, особенно на сосудах для вина (Государственный музей, Берлин)

кам современной морали. И. Зейберт в книге «Женщина на древнем Ближнем Востоке» поясняет это подробнее: «То, что в сфере влияния христианской религии считалось „греховным“, а именно половое удовольствие, в древневосточных религиях связывалось с самой природой. Половое соединение считалось культовым священным действием и в своем сакральном значении не предполагало ничего непристойного или аморального. Религия, представлявшая богов в антропоморфном виде — они и ведут себя как люди, в том числе и по части любви, полового желания, — находила место и для сексуальности, причем с такой открытостью, какую сейчас нам трудно представить. Житель древнего Востока говорил о любви и зачатии у богов и людей без робости



Посещение иеродулы не воспринималось как что-то «непристойное» в современном смысле. Напротив, оно приравнивалось к молитве, жертвоприношению, «священному браку». Финикийцы и сирийцы нередко изображали на камне и слоновой кости храмовых девушек, выглядывающих из окна храма Астарты, богини любви (мелкая резьба на слоновой кости, 800 г. до н. э., Иракский музей, Багдад)

и без моральных опасений, в соответствии со своими специфическими, совершенно естественными представлениями».

К сожалению, замечает И. Зейберт, множество клинописных табличек по причине своей «аморальной» откровенности портится в подвалах различных музеев; иные ученые полагают, что широкой публике незачем знать такие «непристойности». Даже такой фразе, как эта: «Я хочу при свете луны играть в любовные игры; на чистом роскошном ложе я хочу распустить тебе волосы», пришлось ждать восемьдесят лет, чтобы ее опубликовали.



«Возвышением сердца» называл житель Вавилона посещение храмовой девушки. Любовь к своей жене он, наоборот, считал унижительным «долгом» (небольшая табличка из Ашшура, VIII в. до н. э., Переднеазиатский музей, Берлин)

Примерно за девять тысячелетий до нашей эры, когда еще не существовало письменности, человек начал без ложной стыдливости изображать культовое «возвышение сердца», чтобы магически способствовать плодородности человека, плодородию животных и растений.

На бронзовой табличке, которая сейчас находится в Берлинском Государственном музее Передней Азии, изображено культовое объятие. «Посвященная» девушка лежит на каменном алтаре примерно 80 сантиметров высотой. Ноги ее покоятся на плечах стоящего перед ней мужчины, который совокупляется с ней, держа ее за руку и бедро. Следует обратить внимание: она лежит на алтаре! Он исполнен сознания, что на алтаре совершается священнодействие.

По-видимому, любовный акт совершался в таинственном полумраке, сопровождаемый музыкой и песно-

пением. При этом посетителя называли нежно «женихом» богини или ее представительницы. «Я хочу украсить ложе свое и себя, — говорится в одной шумерской культовой песне. — Он положит свои руки в мои, он прижмет сердце свое к моему. Рука в руке — сон его так отраден, сердце к сердцу прижато — упоенье так сладко...»

Высшие жрицы были знатного происхождения, иные даже из царского дома. В Южной Аравии найдены стелы с надписями, которые свидетельствуют, что вожди племен посвящали своих жен и дочерей в верховные жрицы и невесты бога. Низшие служительницы храма набирались из числа подкидышей или обедневших, женщин, не сумевших расплатиться с долгами, и девушек средних и низших слоев населения. Исследователям теперь известно, в какой мере бедность была причиной проституции, как храмовой, так и обычной.

В одном вавилонском тексте 550 г. до н. э. вдова Батиннин заявляет: «Мой муж умер. В стране голод. Поэтому я отметила обоих своих детей знаком звезды (Венеры) и доверила госпоже. За это она даст им пропитание».

### Проститутки и святые

Постоянные войны и экономические неурядицы со временем истощили средние слои в Месопотамии. Храм не мог принять всех дочерей обедневших горожан. Получившим отказ приходилось зарабатывать себе на жизнь заурядной проституцией, сбивая храмовые цены и назойливо себя предлагая. Так вскоре стерлись границы между сакральной и обычной проституцией. Детей стало продаваться так много, что обедневшие родители бывали рады, когда могли их задаром отдать в публичные дома или школы, в которых обучали этому ремеслу. Поэтому в сохранившихся документах на эту тему идет речь не о «покупке», а об «удочерении»: «Она должна быть воспитана для проституции, а ее доходы идут ее приемной матери».

Если же ребенок оказывался строптив или убегал, приемная мать имела право продать его в публичный дом, где юную девушку могли побоями принудить к любому извращению. До нас дошли записи знаменитого вавилонского «дома Мурашу», крупного предприятия, которое занималось всякого рода «делами», в том чис-



ле, как видно из документов, продавало или предоставляло на время «хороших» женщин и девушек в «публичные дома».

С ростом городов росла бедность, и все больше падали нравы. Вскоре число «публичных» женщин стало уже так велико, что «культовым» проституткам также приходилось выходить на улицы и рынки, чтобы конкурировать с ними. В связи с этим в Ашшуре были изданы законы, которые строжайше запрещали тем и другим под угрозой наказания закутываться в покрывало, как честным замужним женщинам, вводя в заблуждение мужчин.

Точно так же ни одна городская жительница не могла выходить на улицу с непокрытой головой, чтобы не выгладеть «свободной» женщиной.

«Уличная свобода», конечно, не та свобода, которой можно было желать. Шумерские документы III тысячелетия до н. э. упоминают два вида «свободных» женщин. Одни — «кто жили на улицах», подобно бездомным собакам, и «при всех позволяли себя покрывать», те, у которых «были толпы мужчин», которые, «как нищенки, ютились в тени стен, готовые к любовным услугам за любую подачку». Другие распутничали тайно и лишь время от времени, обычно же имели вид добропорядочных девушек или женщин.

И те и другие торговали собой за две-три меры ячменя или, как говорит пророк Осия, за две смоквы. Действительно, известны вавилонские «прейскуранты», согласно которым «самые дешевые» девицы могли продать себя за две смоквы или за несколько мелких монет. Не так уж много, но иному мужчине, который, как страстный игрок в рулетку, не умел противиться искушению, это могло в конечном счете стоить жизни. Египетский мудрец Птаххотеп предостерегает: «Всего лишь миг любовной радости, подобный краткому сну, а человек уже во власти смерти. Тысячи сгубили из-за этого свою жизнь: глупеешь в их нежных объятиях, и конец их бывает ужасен». Немногие прислушивались к предостережениям Птаххотепа; причем именно люди старшего возраста, которые, казалось бы, должны стремиться к благоразумию, глупели особенно и волочились за молодыми девицами, «ибо, чем старше кот, тем за более молодыми мышками он охотится». На стареющих проституток не обращали внимания, как они ни красились и ни ухищрялись.

Местом встречи нижних слоев общества были кабачки и постоялые дворы. В кабачке мужчины получали двойное удовольствие: они утоляли здесь и жажду и похоть. В одной шумерской песне поется: «О боже, как сладко питье юной девы, как сладко ее лоно, сладко, как опьянение...»

Среди всех содержательниц питейных заведений древнего мира самая знаменитая — ханаанейка Раав из Иерихона: она спрятала в своем заведении у городской стены двух израильских соглядатаев. Один рабби в Талмуде восхваляет ее двойственную природу: хотя Раав «ослабила тысячи мужчин распутством и плохим вином, но две души (соглядатаев) она спасла, и потому ее надо причислить к святым».

### Девы «для удовольствия»

Греческий историк Геродот написал «Историю», причем события мифических времен, по его словам, исключил, ибо трудно проверить, насколько они истинны. Среди прочих мест он посетил также и Вавилон. Правда, ко времени Геродота город уже почти сто лет находился под персидским господством и был уже мало похож на прежний великий город. По утверждению Геродота, каждая женщина в Вавилоне должна была лишиться девственности в ходе культового ритуала в храме Милитты (то есть Иштар). Это сообщение не подтверждено никем из других античных авторов. Если иметь в виду, что персы сделали более строгими законы о браке и что для Вавилона это был период общественно-го и экономического упадка, сообщение Геродота должно показаться сомнительным, — возможно, его ввела в заблуждение церемония «священного брака», которую он наблюдал. В любом случае греку не стоило бы слишком возмущаться чужими нравами, ведь в его собственной стране проституция, существовавшая под эгидой государства, достигла, несмотря на расцвет культуры, значительного размаха. Официально греки жили в единобрачии, однако проституция для многих была своего рода отдушиной. Платон даже в государстве будущего предусматривал и приветствовал общение с купленными женщинами, «однако совершаемое лишь втайне». Ему представлялось необходимым сохранить стыд «как непреходящую ценность общественной жизни».



Девушка музыкой и танцами развлекает возлежащих на пиру мужчин (с краснофигурной аттической вазы, V в. до н. э., Британский музей, Лондон)

Проститутками (по-гречески «порне») могли быть рабыни или свободные. Исходя из общего убеждения, что «ни один мужчина не может быть верен лишь одной женщине», в посещении публичного дома не усматривали ничего постыдного, жены должны были с этим мириться как с чем-то самим собой разумеющимся. Поэтому не без оснований отец в комедии Менандра «Третейский суд» предупреждает свою только что вышедшую замуж дочь:

Свободной трудно женщине, —  
Памфила, знай — тягаться с потаскухой (которую посещает  
ее муж. — *Примеч. пер.*).  
Она куда хитрей, куда бесстыднее  
В льстит сильнее\*.

Афинский трагик Еврипид влагает в уста Андромахи, супруги Гектора, невеселые слова: «Жена, которая действительно любит своего мужа, должна терпеть соперницу, делая вид, что ничего не замечает».

Сакральную проституцию греки, судя по всему, заимствовали из Малой Азии. Афродита, богиня любви и изобилия, прелести и красоты, видимо, первоначально почиталась там как богиня природы. Одно из имен этой богини было Урания («небесная») и Пандемос

\* Перевод Г. Церетели.

(«земная») \*. Первое имя говорит о далекой небесной царице, второе — о чувственно-земной возлюбленной, которой служили тысячи и тысячи иеродул.

Критически настроенные греческие мыслители, у своих жен находившие одни отвратительные стороны, в служительницах Афродиты видели лишь прекрасные, привлекательные стороны: «улыбку, сладостный обман, прелесть и наслаждение, нежность и кротость». Праздник любви в большом храме Афродиты в Коринфе отмечался, по свидетельству греческого писателя Лукиана (II в. н. э.), подобно празднику Осириса в Египте, как праздник «воскресения». Любовь должна была способствовать «воскресению» жизненных сил как в этой, так и в потусторонней жизни. Избытком фантазии торжества в честь животворящей Афродиты превосходили даже египетский праздник воскресения, посвященный оживающему Осирису. При храме Афродиты в Коринфе имелась «для удовольствия» тысяча храмовых рабынь. Изображения прелестных доверчивых храмовых девиц в самых соблазнительных позах украшали многочисленные вазы, которые каждый паломник уносил с собой из Коринфа на память.

«Сейчас, — пишет В. Цинзерлинг, — трудно понять, с какой наивностью и безоглядностью пронизывало всю греческую жизнь и греческое искусство утверждение телесно-чувственного начала... Возможно, прелестные доверчивые девушки в прозрачных одеяниях и с соблазнительными телами существовали лишь в фантазии тех, кто расписывал вазы?»

Это сомнительно.

### **Любовь по водяным часам**

Лукиан проклинал сакральную, но защищал обычную проституцию, ибо, по его мнению, «ничто не постыдно, если сам не считаешь этого постыдным». Сакральная проституция порождена религиозным безумием, обычная же проституция — необходимость, в которой повинно общество. В одном из своих «Разговоров гетер» он описывает афинскую семью, обедневшую в результате политического переворота и решившую по-

\* Точнее, «всенародная». — *Примеч. пер.*

жертвовать дочерью — это был единственный выход из нищеты. Кибила, мать, убеждает здесь свою дочь Коринну такими словами: «Никак иначе нам не справиться, милая моя дочь. Когда был еще жив твой отец, лучший медник в Пирее, у нас было всего вдоволь. Но вот прошло два года, как он умер, и дела наши все хуже. Мне пришлось продать его мастерскую за 2 мины, тканьем и чесанием шерсти едва зарабатываю несколько мелких монет, но надолго ли этого хватит? Я отказывала себе во всем ради тебя, растила тебя в надежде, что когда-нибудь ты сможешь помочь нам, мне и себе самой... если ты станешь проводить время с молодыми мужчинами и они станут тебе за это платить».

В качестве образца мать приводит дочери знаменитую городскую гетеру: «Она одевается всегда изящно, со всеми весела и мила, не хихикает почему зря, держится разумно, и всегда на устах ее приятная, сладостная улыбка. С мужчинами она ведет себя умно, читает по глазам всякое их желание и никого не разочаровывает. Никогда она не напивается в обществе, лишь пригубит бокал, еду берет маленькими кусочками, не говорит больше, чем нужно, и смотрит лишь на того, кто ее пригласил».

В другом месте Лукиан говорит о своем личном опыте: «Гетеры лучше порядочных женщин... Тут все честно, по крайней мере знаешь, за что платишь деньги...» Один греческий писатель с большим опытом «ночной» жизни признается: «На мой взгляд, у девиц для удовольствия благороднейший характер: самоотверженностью, душевностью и умом они намного превосходят чопорных и холодных городских женщин». А слова афинянина Эмбула (IV в. до н. э.) звучат просто как реклама: «Знаешь ли ты этих нарядных кобылок Афродиты в легких одеждах, знаешь ли ты, как они ставят сети, как музицируют и выманивают деньги, как в прозрачных одеждах, подобные нимфам у священного источника, встречают они гостей?»

В Риме обитательниц публичных домов звали «лупрае» (волчицы), а сами публичные дома назывались «лупанария». В городе существовали дешевые постоянные дворы. Когда хозяин спрашивал приезжего, желает ли он комнату «с или без», то это означало не «с ванной или без», а «с девушкой или без». На счете постоялого двора, найденном в Помпеях, значилось: за вино —  $\frac{1}{6}$ ,

за хлеб — 1, за жаркое — 2, за сено для осла — 2 и за девушку — 8 асов. В публичных домах на каждой комнате значились имя обитавшей там девушки и ее минимальная цена. Когда у девушки был гость, она запирала дверь и вешала табличку с надписью «Занято».

До четырех часов заведения открывать не разрешалось чтобы не отвлекать молодых людей от учебы. Большую часть гостей составляли либо очень юные, либо очень старые мужчины; последние предпочитали малолетних девочек. Петроний, знаток римской жизни, любимец Нерона, который называл себя «*elegantiae arbiter*» (судья тонкого вкуса) и участвовал во множестве оргий пресыщенного общества с Нероном и без него, возмутился, когда стали расхваливать семилетнюю девочку. Сводница Квартилла на его упреки отвечала с вульгарной грубостью: «Что?! Да разве она сейчас младше, чем я была в то время, когда мне впервые пришлось принять мужчину? Да прогневаешься на меня Юнона, если я хоть когда-нибудь помню себя девушкой! В детстве пришлось иметь дело с ровесниками, потом пошли юноши постарше». Сводница цитирует половицу: «Кто поднимал теленка, поднимет и быка».

В эпоху, когда воцарился лозунг «Кто не наслаждается, сам не может усладить», потребность в таких заведениях была весьма велика. В Помпеях, где едва насчитывалось 20 тысяч жителей, во время раскопок было обнаружено семь публичных домов, одни из них одновременно служили кабачками, другие — цирюльнями. Причем Помпеи раскопаны еще не до конца. В «*Vicolo del Lupanage*» можно и сейчас увидеть напоминающие пещеры помещения со сложеными из камня кроватями. На внешних стенах выведены заманчивые надписи: «Для любящих жизнь сладка, как для пчел (в этих ячейках)». На другом публичном доме была надпись: «*Nic habitat felicitas*» («Здесь обитает наслаждение»).

### **Любовь по обязанности и любовь для радости**

«Гетеры каждому нужны для радости», — восклицал оратор Демосфен (около 384—322 гг. до н. э.) на афинской агоре, обращаясь к судьям в ходе процесса против гетеры Нееры. И под рукоплескания публики продол-

жал: «Да, для радости; на почтенных женщинах женятся по обязанности, чтобы родить полноправных, законных детей и иметь в доме верную хранительницу».

С развитием культуры появился слой избранных гетер. Это греческое слово означает «спутница», по толкованию Демосфена — «спутница радости». Гетеры играли важную роль в греческом обществе.



Свидание с гетерой (с краснофигурной аттической вазы, VI в. до н. э., музей Ньюхавена)

Они отличались не только изысканной красотой, но и были весьма образованны: разбирались в музыке, литературе, философии, политике и многих других областях. Это были единственные представительницы женщин в сфере культуры. Лаиса из Коринфа была подругой и ученицей Диогена и сама считалась признанным философом; Диотима принадлежала к окружению Сократа и Платона, который с похвалой упомянул ее в «Шире», восславив как жрицу. Леонтион была вдохновительницей эпикурейцев, чье учение вызвало крайнее осуждение «консервативных умов».

Гетера Фрина была обвинена в кошунстве: это она послужила моделью великому ваятелю Праксителю для его Афродиты Книдской. Знавшие Фрину улыбались, глядя на статую Афродиты, а видевшие статую благоговейно смотрели на Фрину. Сотни тысяч паломников, которые молитвенно простирали руки в книдском святилище Афродиты и посылали поцелуи мраморной статуе, вслух восклицали: «Афродита, прекрасная Афродита!» Но про себя они шептали: «Как ты прекрасна, Фрина, божественна твоя красота!» Ее защитником на процессе о кошунстве был Гиперид. Когда ему не хва-



Ссора двух гетер или женщины с гетерой, символически изображенная как борьба Адик с Дикой. Деталь рисунка на аттической вазе, V в. до н. э. (Британский музей, Лондон)

тило слов, чтобы ответить на нападки ханжей-обвинителей, он обнажил грудь своей подзащитной и воскликнул: «Вот, посмотрите!» И этим сразу склонил на свою сторону престарелых судей: ослепленные ее красотой, они прекратили процесс. Конечно, это всего лишь замечательный анекдот.

Великий государственный деятель Перикл (около 490—429 гг. до н. э.), которому Афины обязаны своим политическим и культурным расцветом («золотой век»), признавался, что часто советовался с гетерой Аспасией и учился у нее искусству риторики; она влияла на форму и содержание его блестящих речей. Овдовев, он женился на Аспасии. Аристократы-оппозиционеры протестовали против присутствия Аспасии \* — не из-за прежнего ее ремесла, а из-за ее низкого происхождения — и обвиняли ее в безбожии, точно так же как гетер Нееру и Фрину. Греки, обычно терпимые в религиозных делах, понимали под безбожием угрозу существующему общественному порядку.

Эпикур (341—270 гг. до н. э.), основатель учения о блаженстве, говорит: «Наслаждение есть высшая цель человечества и дается лишь разумной воздержанностью и нравственностью поведения». Он тоже признает, что возникновению его философии способствовала гетера по имени Леонтион. Он хранил ей верность до самой ее

\* Аспасия, дочь Аксиоха из Милета, не имела прав афинского гражданства, но распространенное мнение, что она была гетерой, по всей видимости, неосновательно. Перикл женился на ней, не овдовев, как утверждает автор, а расставшись с прежней женой. — *Примеч. отв. ред.*



смерти и сказал о ней прекрасные слова: «Она живет со мной в во мне».

Менандр, выдающийся комедиограф, также говорил, что не смог бы выдержать пренебрежение критиков и ругань публики, если бы не поддержка Гликеры, его возлюбленной и спутницы жизни. Однажды он пришел домой подавленный после провала премьеры и хотел уже уничтожить все свои рукописи, труд целой жизни. Она без слов протянула ему молоко. Он в раздражении отказался пить, потому что на молоке плавала пенка. Гликера многозначительно утешила его: «Сдуй пенку и наслаждайся тем, что под ней». Это означало: не обращай внимания на поверхность, ценно то, что внутри!



Аспасия — высокообразованная гетера, возлюбленная, а затем жена знаменитого политика Перикла (с аттического бюста V в. до н. э., Государственный музей, Берлин)

Платон в своем «Пире» обессмертил гетеру Диотиму из Мантиней. Она обогащала идеями его и Сократа. Почему после всех ученых споров в кругу мужчин именно слова Диотимы были признаны мудрейшими? Потому что она, как женщина, знала, что такое рождение, «ибо всякое творческое стремление к добру и красоте порождается жаждой продолжения жизни. Всякое рождение есть чудо, то есть проявление божественного в человеке, в том числе и когда речь идет о зарождении и становлении в нас нравственности или о познании божественного».

Благодаря Диотиме Сократ пришел к пониманию любви как стремлению к прекрасному. Под прекрасным Сократ подразумевал философию. Однако для Диотимы прекрасное было связано прежде всего с сексуальностью. Вот наиболее впечатляющая часть ее объяснения: «Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают все животные... когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда

кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только бы их выкормить, и вообще сносить все что угодно. О людях еще можно подумать... что они делают это по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных?» Эрот, греческий бог любви, для нее — изначальная космогоническая сила. Его возлюбленная, дополняющая его, — это Психея («душа»). Поэтому для Диотимы Эрот олицетворяет стремление к формированию души и ума, потребность в прекрасном.

В платоновском «Пире» Диотима далее говорит: «Все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном». И добавляет: «Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение».

Есть предание, что Диотима, имя которой по-гречески означает «Богобоязненная», в 429 г. до н. э., во время вспышки чумы, вымолила отсрочку болезни для афинян и была за это сделана жрицей.

В те времена самостоятельность, образование, возможность развивать свои способности были доступны лишь такой женщине, у которой хватало мужества жить свободно, отказавшись от священного ритуала брака. Она противостояла давлению общества и обеспечивала себе средства к существованию, лишь торгуя собственным телом. Женщина, стремившаяся к законному браку, желавшая жить обеспеченно, то есть без материальных забот, вынуждена была оставаться бесправной и необразованной. Для нее у греческих писателей и философов находились только слова насмешки и презрения, тогда как для гетер, напротив, — слова величайшего восхищения.

## 9. СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ

### Двойная мерка

Если мужчина, согласно тогдашним взглядам, считался от природы предрасположенным к общению и ему позволялись любые доступные внебрачные связи, даже многоженство, отношение к женщине как к существу легкомысленному было в высшей степени недоверчивым. Один римский цензор заявлял в публичной речи в 30 г. до н. э.: «Если бы можно было жить без жены, мы освободились бы от этого бремени. Природа, однако, устроила так, что с женщинами жить крайне неудобно, но без женщин жить вообще нельзя». Если судить по античной литературе, все женщины более или менее склонны к патологической неверности, мужчины — к патологическому недоверию; но к любви и ревности то и другое имеет мало отношения.

Английский этнолог Дж. Дж. Фрэзер утверждает, что скрытое недоверие к женщинам можно усмотреть уже в обычаях первобытных народов, где оно издавна проявлялось в виде страха перед демонами. Малейшее подозрение против жены могло принести несчастье мужчине на охоте или на войне. Когда мужчины племени отправлялись на долгую охоту или в далекий поход, их жены должны были жить в полном уединении, не причесываться, не украшать себя, никуда не выходить и не принимать гостей, не говорить с чужими и никому не давать к себе прикоснуться. Они строжайше охранялись.

Что недоверие может принести вреда не меньше и даже больше, чем неверность, люди в древности не знали. Нам, современным людям, трудно понять, почему древнее, да и средневековое общество мужчине позволя-

ло все, женщину же строжайше судило за малейшее подозрение в неверности. Не следует ли, вопрошал римский комедиограф Плавт (середина III в. — около 184 г. до и. э.), требовать от мужчин и женщин одинаковой верности? Дословно: «Поистине, для женщин существует строгий закон, которому несправедливо подчинили их мужчины; ведь если мужчина тайком спутается с гулящей и если жена об этом проведает, ему ничего не будет. Но если жена всего лишь тайком выйдет из дома, для мужа это уже достаточный повод, чтобы развестись. Ах, если бы один закон был для мужчин и для женщин! Хорошая жена довольствуется одним мужчиной, почему же мужчина не довольствуется одной женщиной? Поистине, если бы мужчин судить по тому же закону, сейчас было бы больше вдов, чем разведенных женщин».

Разводы существуют с тех пор, как существуют браки, и обвиняемой стороной всегда была женщина. В Нузе (современное городище Иорган-Тепе, Ирак) археологи Э. Кьера и Ф. С. Старр обнаружили в 1930 году глиняные таблички времен Митаннийского государства с подробными протоколами судебных процессов, на которых ревнивые мужья обвиняли своих жен. Если обвинитель брал назад свое — необоснованное — обвинение, он «мог» не убивать ее ударом ножа в спину. Вместо этого он для острастки вправе был «всего лишь» отрезать ей уши или нос или же, если он любил свою жену и «прощал» ее, один палец. Но в любом случае закон требовал, чтоб ее чувствительно предупредили; полного освобождения от наказания не могло быть, как не могло быть совершенно невиновных женщин.

## Ордалия

«Отелло» из Нузы еще до судебного разбирательства и во время него отвергали всякое посредничество или примирение, и если они не могли доказать никакой вины своих жен, то требовали «божьего суда» (ордалии). Один документ сообщает: «Ты должен поклясться, что не спала с Бельшуну. Я твердо убежден, что ты изменяла мне с ним, а при возможности с любым другим мужчиной (когда меня не было дома и никто не мог этого видеть). Ты, он и все другие мужчины сговорились против меня и лжесвидетельствуете. Если



Дева Мария, чтобы доказать свою невинность, пьет для испытания горькую воду, которую ей подал священник. За ее спиной парит ангел-хранитель Гавриил. Мотив взят из апокрифического Евангелия (деталь резьбы по слоновой кости с престола епископа Максимилиана, 546—554 гг. н. э. Архиепископство Равенны)

ты не хочешь умереть, докажи, что я не прав, и убеди меня, обратившись к божьему суду».

Ассирийские законы требовали: «В день, когда мужчина застигнет свою жену на месте преступления, она умирает от железного ножа; более ей не жить. Если же он лишь слышал от других про измену или подозревает ее, но доказать не может, он вправе потребовать божьего суда. Ее надо связанной бросить в воду. Если она выберется из реки, она оправдана. Стоимость ордалии должен возместить муж. Доносчик, который сказал: „Твоя жена тебе изменяла“, но не смог этого доказать, наказывается сорока палочными ударами, кастрируется, и в течение месяца он должен работать на царя».

Чтобы не нарушать основ общественного устройства, которое на Ближнем Востоке предполагало прежде всего коллективный надзор за исполнением религиозных предписаний, приходилось прибегать к божьему суду при малейшем подозрении. Закон Моисея устанавливает: «Если изменит кому жена... и не будет на нее свидетеля... и найдет на него дух ревности... пусть приведет муж жену свою к священнику и принесет за нее жертву... А священник пусть приведет и поставит ее пред лицо господне... и обнажит голову жены, и даст ей в руки... горькой воды, наводящей проклятие. И заклянет ее священник, и скажет жене: „Если никто не преспал с тобою и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невреждена будешь от сей воды, наводящей проклятие. Но если ты изменила мужу твоему и оск-

вернулась... да предаст тебя господь проклятию и клятве в народе твоём, и да сделает господь лоно твоё опавшим и живот твой опухшим..."» \*.

После каждой формулы проклятия женщина должна была говорить: «Аминь! Аминь! Да будет со мной так!» Священник записывал все проклятия на папирусе, сжигал его, смешивал пепел с пылью на полу храма, сыпал все это в сосуд с водой и с заклинаниями давал женщине выпить. Воздействовало это по-разному, в зависимости от того, какое впечатление производило на перепуганную женщину; если у нее был сильный характер и она выпивала отвратительного вкуса напиток без последствий, это считалось доказательством ее невинности: если она была слабой и внушаемой, ее рвало, и это считалось доказательством вины. В исключительных случаях особенно чувствительная женщина могла и умереть от потрясения. Тогда считалось, что бог ее покарал.

Похожая процедура существовала в древнем Риме: в храме Юноны в Ланувии имелся камень с отверстием величиной в кулак. В это отверстие подозреваемая должна была глубоко засунуть руку с едой. Если змея, которая обитала там или будто бы обитала, кусала ее или если испуганная женщина отдергивала свою руку, она считалась изобличенной. Проперций (около 50 г. до н. э. — 15 г. н. э.) в одном стихотворении писал:

Девы бледнеют, когда их спускают для жертвы священной,  
И наудачу суют руку в змеиную пасть.  
Жадно хватает змея принесенные яства,  
Даже корзины дрожат в нежных девичьих руках.  
Если невинны они, обнимают родителей снова,  
А земледельцы кричат: «Год урожайный грядет» \*\*.

Последняя строка свидетельствует, что народные верования ставили жертву (еду), принесенную девственницей, которая доказала свою невинность, в связь с общим благосостоянием и плодородием земли.

Схожими были отношение к изменнице или подозреваемой в измене и суд над нею у греков. Агамемнон, верховный предводитель греков, мог перед стенами Трои держать при себе рабынь-пленниц, мог принести в жертву собственную дочь Ифигению, а другую дочь

\* Числа, 5, 12 и сл. — *Примеч. пер.*

\*\* Перевод Л. Остроумова.

предложить Ахиллу в обмен на рабыню, ибо, по словам Гомера, «сладострастие двигало им». Но когда Клитемнестра, его жена, вздумала расплатиться с ним той же монетой, общественное мнение ее осудило и ей пришлось умереть от меча собственного сына, который решил исполнить приговор богов, «ибо так боги решили».

Особенно тяжким с религиозной и моральной точки зрения считался проступок невесты или девственницы; его ничем нельзя было искупить, и карался он наиболее сурово. Афинский оратор Эсхин (390—314 гг. до н. э.) приводит следующее сообщение: «Наши предки были очень строги к не соблюдавшим девственности. Если кто-то узнавал, что дочь его не сохранила, как то подобает до свадьбы, девственной крови, он приказывал замуровать ее вместе с жеребцом, чтобы она умерла от голода. В народе такие места называют „У жеребца и девушки“».

Демосфен, знаменитый оратор, цитирует один афинский закон: «Если женщина уличена в измене, мужу не позволено жить с нею дальше. Если он все же так поступает, он бесчестит себя и лишается всех прав гражданина. Изменнице же (если муж ее простит. — *Примеч. авт.*) не дозволено больше посещать храм. Если она все же явится туда, с ней можно делать что угодно, не боясь наказания».

Демосфен подчеркивает, что мужчине тот же самый закон позволяет изменять сколько угодно, это не мешает ему оставаться в глазах общества порядочным и благочестивым человеком. Плутарх рассказывает, как в Киме одну женщину, заподозренную в измене, хотя собственный муж ее простил, посадили на осла, вывезли на рыночную площадь в назидание другим и, поставив на помост, стали оплевывать.

О весьма своеобразной ордали рассказывает один остракон (надпись на черепке), найденный в Фаюме и хранящийся сейчас в парижском Лувре. В этой надписи женщина клятвенно заверяет коллегию жрецов, что она не спала ни с кем, кроме своего мужа. Этого письменного заверения в верности болезненно ревнивый супруг потребовал как свидетельства для потустороннего мира. Согласно египетским религиозным представлениям, лишь верная жена может сопровождать своего мужа в иной мир, и названный мужчина торжественно объявляет в записи на черепке, что он верит всему, сказанному женой под присягой, ибо хотел бы и в будущей

«вечной» жизни пребывать с ней, несмотря на болезненное недоверие. Он охотно выплачивает крупную сумму, говорится в заключение, 4 таланта и 100 серебряных монет, за то, чтобы коллегия жрецов скрепила клятву его жены и ее можно было предъявить перед судом вечным.

### **Покинутая, отпущенная или изгнанная?**

Поскольку бракосочетание не было правовым актом, то и развод мог осуществляться безо всякого юридического вмешательства; мужчина все решал по своему усмотрению. Ни о каком возмещении речи не шло, на какое-либо содержание женщина претендовать также не могла.

Муж также мог прогнать жену, если она «не слушалась» его, отказывалась выполнять супружеские обязанности или не вызвала у него желания спать с ней, если она была бесплодна, не рожала сына, применяла предохранительные средства, если она вытравила плод и просто если ему больше нравилась другая женщина. У арабов в древности муж мог прогнать жену только из-за того, что в его доме случилось или могло случиться какое-нибудь несчастье, а за всякое несчастье отвечала женщина как хранительница дома.

Брак в древности не был просто сообществом двух любящих людей, поэтому нельзя подходить к нему с современных позиций. Мужчина и женщина вступали в союз лишь ради определенной цели, и, если женщина не выполняла своей главной задачи — обеспечивать потомство, сохранять и приумножать семейное имущество, мужчина был вправе и даже обязан прогнать ее и найти вместо нее другую, отвечающую этой цели.

Какие права на развод были у женщины? Даже если она устанавливала, что мужчина душевно болен, жесток, что оставаться с ним опасно для жизни, она не могла помышлять о разводе.

«Изгнание», как назывался развод, с религиозно-социальной точки зрения считалось самым тяжким наказанием после смертной казни. Человек изгонялся из семейной, племенной, религиозной общности за нарушение установленных норм. Если женщина изгонялась из семейного сообщества, значит, она не выполнила супружеских обязанностей и потому нарушила также об-





Свидетельство о разводе, написанное в 100 г. н. э.: «Я даю тебе свободу и изгоняю по собственной воле (дата), я, Иосиф, сын Наксана, тебя, Мариам, дочь Ионатана, которая прежде была моей женой, так что ты можешь свободно уйти и стать женой любого другого мужчины... Свадебные деньги, как и все приданое, я отдаю тебе». Подпись мужчины и трех свидетелей (найдено в пещере у Мертвого моря)

щепринятые общественные нормы. Развод означал не просто прекращение сожительства двух лиц, не просто законный разрыв между партнерами, это всегда было клеймо для женщины: она оказывалась исключена из общества. Поэтому ни один мужчина не имел права жениться на разведенной женщине и сам бывший супруг не мог вернуть изгнанную жену; разведенной паре не позволялось жить далее под одной крышей. «Ибо, — заявляет пророк Иеремия, — разведенная женщина подобна земле, что стала нечистой и остается нечистой». «Кто женится на разведенной, тот прелюбодействует», — провозглашал Иисус в Нагорной проповеди (Лука, 16, 18; Матф. 5, 32), но совсем по другой причине: «Что соединил господь, нельзя разрушать человеку». Пророк Малахия гневно упрекает мужчин: «Зачем, зачем вы так поступаете? Господь был свидетелем между вами и женой юности вашей, против которой вы поступили вероломно. Против спутницы жизни, с которой заключили навеки союз перед господом! Кто изгоняет жену свою, совершает кощунство и поступает вероломно» \*. А рабби Шамаи, верховный судья в Иерусалиме

\* В русском каноническом переводе это место звучит иначе: «Вы скажете: „за что?“. За то, что господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно, между тем как она подруга твоя и законная жена твоя... Итак, берегите дух ваш, и никто не поступай незаконно против жены юности своей» (Малах. 2, 14—15). — *Примеч. пер.*

на рубеже двух эр, говорил: «Развод с женой дозволен, но нет ничего, что больше было бы ненавистно для господа».

Параграф 37 ассирийских законов (так называемого «Женского зеркала») гласит: «Когда муж изгоняет свою жену, он может ей дать что-нибудь, если сердце его этого пожелает. Если сердце его не пожелает этого, он не дает ей ничего. Она уходит в пустоту свою».

Уходит в пустоту свою! Какое слово: «пустота»! Для женщины это означало быть изгнанной в одиночество, в отчаяние, стать ненужной, сексуально несостоятельной, неполноценной и заклеянной, а сверх всего лишенной всяких средств, всяких основ для существования. Если у разведенной женщины не было богатых родственников или родителей, к которым она бы могла вернуться, она вынуждена была зарабатывать себе на жизнь нищенством или проституцией. Ее положение было незавидным.

В Греции, несмотря на ее гуманную и просвещенную философию, обычаи развода были такими же односторонними, как и на Востоке. В Афинах мужчине было легче легкого добиться перед архонтами развода. Уже сам текст закона, как нам его передает Плутарх, звучит достаточно однозначно: развод означает, что мужчина отсылает женщину прочь, женщина покидает мужчину. В пору, когда мужчины стали поздно жениться, государство разрешало им прогнать жен, если те не желали «производить потомство», отказывались исполнять супружеские обязанности, использовали предохранительные средства или избавлялись от плода. Единственная цель любого брака — обеспечить государству потомство.

Несколько изменилось отношение к разводам, при браках с приданым, скреплявшихся договором, по которому муж обязывался в случае развода возместить жене приданое вместе со всеми процентами, равно как и ее долю в нажитом за годы брака семейном имуществе. Для мужчины это могло означать чувствительный материальный ущерб. Поэтому — к удивлению исследователей — в античной древности известно множество законов о разводе, но мало самих разводов.

В Риме гордились тем, что за первые пятьсот лет со дня основания города здесь не было ни одного раз-

вода\*. Зато известны случаи, когда римские мужья, чтобы обойти неудобные для них законы, доводили жен до самоубийства. Претор Плавтий Сильван, как рассказывает Тацит, выбросил свою жену из окна спальни, а перед судом хладнокровно заявил, что после обильных возлияний крепко спал и не слышал, как его жена покончила с собой.

Во времена империи бурный экономический подъем и рост богатства аристократов повлекли за собой такую распушенность нравов, что императорам пришлось прибегнуть к суровым законам против морального разложения в семьях. Тацит пишет: «Какие бы ни издавались законы, простые люди (в противоположность аристократии. — *Примеч. авт.*) жили, не ослабляя семейных уз, не меняя жен, не зная проблем с наследством». И добавляет: «Как раньше страдали от преступлений, так теперь страдают от законов». Эти слова сохраняют свое звучание и в наши дни.

Ни один историк, ни один поэт, ни один философ не обмолвился даже словом о тех, кто жил после развода неприметно, как тень. Тем больше внимания привлекает к себе одна афинская надгробная надпись: «Пришелец, взгляни на эту могилу и оплачь несчастную, которую воды морские прибили к чужим берегам и укрыли глубины земли. Она была родом откуда-то из Финикии, изгнанная, бродила по свету, одинокая, бедная женщина из народа; и вот я, Апес (установивший этот камень. — *Примеч. авт.*), обращаюсь к тебе. Задержись из сострадания и пролей слезу; помяни и того, кто благородно похоронил ее здесь».

## Мечь Меден

Дети как до, так и после развода принадлежали отцу. Это не имеет ничего общего с современным бракоразводным правом, о котором так много спорят. Жен-

\* Начиная с эпохи Поздней республики развод стал распространенным явлением, причем не только по инициативе мужа, но и жены. Сенека писал по атому поводу: «Ни одна женщина не постыдится развестись, потому что женщины из благородных и знатных семейств считают годы не по числу консулов, а по числу мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж, и выходят замуж, чтобы развестись». — *Примеч. отв. ред.*

щина, которая сама была перед законом бесправна и которая во всех делах, практических и юридических, должна была всегда действовать через представителя или опекуна, не могла претендовать даже на своих детей. Философ Филон Александрийский высказывался против любых разводов по той причине, что «они влекут наихудшие последствия для детей».

В случае, когда брак распался, ребенок терял и мать, и родительский дом. Это относилось и к грудным младенцам, и к маленьким детям, на которых отец до тех пор не обращал внимания. После развода муж, который имел над детьми полную власть, но не мог или не хотел заботиться об их воспитании, был вправе подкинуть детей, ставших ему обузой, продать их или отдать кому-то для усыновления — смотря как захочет новая жена, которую он вскоре брал, то есть мачеха.

Еще и поныне в случае развода не спрашивают тех, кого это больше всего касается: детей. В те же времена развод должен был восприниматься женщиной не как людской, а как божий суд, и детей она лишалась в наказание.

Как тут протестовать? Покинутая женщина — это значило женщина своенравная, не желавшая покоряться мужу, восставшая против него, против норм, навязанных ей обществом, против укоренившейся религиозной традиции подчинения женщины, или, хуже того, это была женщина, которая не могла выполнять свое женское предназначение, сексуально несостоятельная. Она была лишена либо всякого женского чувства, либо чувства ответственности — в любом случае ей невозможно было доверить детей.

Какие страсти, какое отчаяние может пробудить в женщине развод, показывает миф о Медее. Греческий красавец герой Ясон отправился в Колхиду, на Черное море, чтобы вернуть похищенное у греков золотое руно. Пока он выполнял пожелания царя Колхиды, царская дочь Медея влюбилась в белокурого атлета. Золотое руно, шкуру мифического барана, стерег в роще бога войны Ареса дракон, с которым не могли бы совладать даже пятьдесят силачей, лишь сила разума могла его победить. Таким замечательным умом обладала Медея; без ее помощи Ясон никогда бы не совершил своего подвига. Пленившись обещаниями красивого чужестранца, Медея покидает родителей, отчизну и следует за ним в Грецию. Сначала они отправляются в



Медея, изгнанная Ясоном, не желая оставлять двух детей мужу, как того требовал тогдашний закон, убивает их в приступе неистовой ярости. Позднее общество объявило ее ведьмой и бессердечной убийцей, Ясона же, напротив, возвело в ранг героя (римский саркофаг эпохи империи, Государственный музей, Берлин).

Июлк. Там они женятся, у них рождается двое детей, но спустя несколько лет Ясон попадает в немилость, ему приходится покинуть город и поселиться в Коринфе. Там греческий красавец-герой вновь храбро служит царю Креонту и завоевывает благосклонность царской дочери Главки, которая обещает ему полную поддержку, если он на ней женится, а Медею прогонит.

Слабохарактерный герой уже мечтает, как он с помощью Главки станет царем Коринфа. Он охотно соглашается развестись с Медеей, которую давно уже хотел оставить. «Да, да, — думает Медея, получив весть о разводе, — брак со мной с самого начала нужен был ему, лишь чтобы достигнуть цели; для него это был лишь кратковременный эпизод. Наши дети участвовали в этой лжи, они были неверной опорой и основой, но только для меня. Для Главки дети будут означать беспокойство, угрозу, они покажутся ей стеной между ее будущим и моим прошлым. Смогут ли они и дальше влачить на себе груз этой лжи? Что будет с ними?»

Дети — это часть ее самой, оторвать их от себя — все равно что отрезать кусок собственной плоти. Обезумев от боли, Медея прижимает детей к себе. При всем своем незаурядном уме в этот миг она теряет способность ясно мыслить, она ослеплена страданием, и действия ее импульсивны. Она убивает обоих сыновей и умерщвляет соперницу.

В греческой мифологии Ясон обрел черты великого

героя; он сумел запрячь в плуг изрыгающих пламя быков, посеять зубы дракона и покорить азиатские царства, равно как и царских дочерей. Чужеземная Медея, напротив, обратилась в мрачное ночное страшилище, в демоницу, ведьму, колдунью.

Исследователи мифологии готовы видеть в Мееде богиню-мать древнейшего населения азиатской части черноморского побережья. Когда греки, возможно с помощью хитрости или при содействии какой-то местной женщины, покорили эти земли, они «изгнали» богиню-мать, а исторический эпизод стал восприниматься как миф, в котором мужское самосознание берет верх над материнским правом Колхиды.

Судьбу покинутой женщины, которая поневоле становится детоубийцей, по-настоящему глубоко смог почувствовать и описать лишь просвещенный грек, великий драматург Еврипид. Ему удалось создать достоверный, глубоко противоречивый образ Медеи со всеми ее положительными и отрицательными чертами. На материале мифа он создал драму, в которой отразилась духовная и социальная проблематика той сложной эпохи. Еврипидовская интерпретация мифа о Мееде при всем ее рационализме и скептицизме звучит актуально и в наши дни. Медея — героиня духа, выступившая против всего отжившего, против традиционных представлений.

Такие фразы в трагедии Еврипида, как: «Мужчина, отнимающий у женщины ее детей, отнимает у нее одновременно жизнь» или: «Варварство со стороны жен-



Пьющая старуха. Единственное, что осталось изможденной старой женщине при ее бедности и одиночестве, — это сосуд с вином, который она прижимает к себе, как ребенка. Кажется, с открытых уст ее вот-вот сорвется пьяное бормотание, обращенное к себе самой (мраморная статуя, 270 г. до н. э., глиптотека, Мюнхен)

щины рожать ребенка мужчине, который ее не любит», — это жемчужины мировой литературы, не уставшие до сих пор. Великий знаток людей предпочитал выводить в своих трагедиях образы протестующих женщин, которые духовно обогнали мужчин и свое время. Одни страдают от невозможности что-либо изменить в своей жизни, другие — от силы собственного темперамента или одержимые демонами эроса. Все они терпят крушение, столкнувшись с законами мужского мира, и вынуждены горько расплачиваться за свои порывы. Эти властные и подвластные, неистовые и рассудительные, любящие и изгнанные, но всегда незаурядные женщины постоянно находятся как бы в состоянии аффекта — из-за психического ли потрясения или эмоциональной предрасположенности. Все женские персонажи у Еврипида вызывающе активны; ни одна не желает мириться с царящей в мире косностью. В уста Медеи, превратившейся в неистовую фурию и детоубийцу, Еврипид влагает такие слова:

Между тех, кто дышит и кто мыслит,  
Нас, женщин, нет несчастней. За мужей  
Мы платим — и недешево. А купишь,  
Так он тебе хозяин, а не раб...  
А главное — берешь ведь наобум:  
Порочен он иль честен, как узнаешь.  
А между тем уйти — тебе ж позор,  
И удалить супруга ты не смеешь... \*

\* Перевод И. Анненского.

## 10. СТАРОСТЬ

### Вдова, — значит, нищая

Изгнанная жена, девушка, изнасилованная и не вышедшая замуж, невеста, жених которой перед свадьбой умер или исчез, и женщина, у которой умер муж, — всех их в древнесемитских языках называли одним собирательным словом «вдова», ибо всех их, если они не имели средств к существованию, ждала одна судьба. Десятилетняя девочка могла носить такое же серое, похожее на мешок вдове одеяние, как и престарелая матрона. У пастушеских народов и у арабов в древности вдова, муж которой погиб во время набега или военного похода, могла быть взята в шатер соплеменника в качестве наложницы или рабыни. Тех, кто не мог работать, изгоняли в пустыню.

Во времена, когда решающую роль у оседлых народов стало играть землевладение, вдову должен был взять в жены деверь, чтобы сохранить семейную и племенную собственность. Религиозные представления не позволяли вдове с детьми вступить в новый брак, но от бездетной вдовы, напротив, требовали, чтобы она вышла за брата своего покойного мужа. Родившийся от такого брака сын считался законным наследником покойного; лишь он, как продолжатель его дела, мог обеспечить умершему дальнейшую потустороннюю жизнь. Если у человека не оставалось наследника мужского пола, который бы мог, как положено, позаботиться об умершем, дух его обречен был носиться, не зная успокоения.

Параграф 193 хеттских законов предписывал: «Если мужчина умрет, его брат должен взять за себя вдову, или один из братьев, или отец покойного».

Обычай левирата (от лат. «levir» — брат мужа, де-



верь) был распространен у вавилонян, египтян, эламитов, евреев, хурритов, у жителей Нузы, Угарита, Греции. Причина была не столько в религиозно-мистических представлениях, сколько в земных законах о наследстве: они обеспечивали передачу имущества.

Если брат мужа не хотел жениться на невестке, он должен был публично совершить церемонию отказа, которая освобождала его от такой обязанности. При этом вдова снимала с него обувь и ударяла ею деверя по лицу с такими словами: «Вот тебе, ибо ты не захотел восстановить дом брата своего и помочь мне родить ребенка». Все присутствовавшие при этой унижительной сцене восклицали: «Тьфу на него!» Снятие обуви в древности символизировало изъятие и передачу собственности; подобная церемония совершалась при продаже участка и т. п. После акта отказа вдову мог или обязан был взять ближайший родственник.

В Греции против архаического обычая левирата, согласно которому вдова, чтобы сохранить семейное имущество, по своему желанию или против воли должна была передать деверю свое тело и свое имущество, выступил Эсхил.

Если же у бездетной женщины не было ни имущества, ни родительского дома, куда она могла вернуться, ее, как это называлось по-древнеарабски, «изгоняли в пустыню» или, по ассирийскому выражению, «отсылали в пустоту». Платон в своем проекте идеального государства считал необходимым «в достойной форме» оказывать помощь неимущим гражданам.

Оставшиеся без средств могли только просить милостыню, рассчитывая на сострадание отдельных людей. Если вдова была еще молода и хороша собой, дававший милостыню мог кое-что в ответ за нее потребовать. До нас дошли слова предостережения, сказанные еще в XIII в. до н. э. в Угарите: «Одинокая, запрети на застав дом свой, вдова, замкни как следует жилище свое, ибо за тобой теперь будут охотиться».

Аристофан так излагает жалобу некоей торговки цветами: «Пока она не овдовела, молодые люди покупали у нее цветы, идя на свидание со своими милыми. А как она овдовела, они норовят купить уже не цветы, а на часок саму продавщицу».

## Руфь — собирательница колосьев

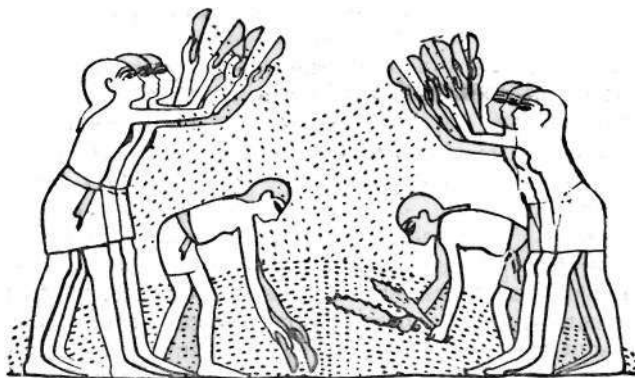
Библия, апеллируя к ответственности, чувству социальной справедливости, то и дело призывает помогать вдовам и сиротам, причем не только полноправным гражданам, как считал необходимым и Платон, но и пришельцам. Каждый должен предоставлять им для пользования край поля, виноградника, оливковых рощ и фруктовых садов, а также все, что упало или осталось неубранным. «Когда будут жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста, оставь это бедному и пришельцу» (Левит, 19, 9—10).

Библейская повесть «Руфь» не только свидетельствует о тенденции к примирению разных народов, но и реалистически рисует судьбу вдовы, да к тому же чужестранки.

Две вдовы, молодая и старая, пришли на пасху из Моава в Вифлеем, когда здесь в полном разгаре была уборка ячменя. Жнецы работали своими серпами, расторопные женщины вязали и складывали снопы, а за ними шли нищие в лохмотьях и подбирали упавшие или оставленные колосья, как им это дозволялось.

К ним присоединилась и юная моавитянка. Хозяину именина Воозу приглянулась красивая, хотя уже и не очень юная женщина — ведь Руфь вдовела уже десять лет, — и он спросил у своего старшего слуги: «Чья это молодая женщина?» Сам вопрос много говорит о времени: женщина всегда чья-то, кому-то принадлежит, иначе она никто, легкая добыча для любого охотника. Вооз благосклонно кивает чужестранке: «Не ходи подбирать на другое поле... будь здесь... я приказал слугам моим не трогать тебя». Руфь падает перед ним на колени и шепчет: «Чем снискала я в глазах твоих милость, что ты принимаешь меня, хоть я и чужеземка?» Вооз подбадривает ее: «Будь здесь с моими служанками».

Вечером хозяин именина не считает зазорным лечь спать вместе со своими поденщиками на куче зерна, чтобы охранять драгоценный урожай. Среди ночи моавитянка по совету своей свекрови, крадучись, пробирается к нему, открывает плащ, которым он укрывался, и ложится у его ног. «В полночь он содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина. И сказал ей



События библейской истории о вдове Руфи происходят во время страды. Служанки-работницы принадлежали к самому низкому общественному слою, еще ниже в социальном отношении стояли вдовы, которые подбирали остатки на сжатых полях. В библейской сказке богатый землевладелец из Вифлеема, словно сказочный принц, женится на Золушке-вдове (египетское изображение на гробнице)

Вооз: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя; прости крыло свое на рабу твою... Вооз сказал ей: не бойся, я сделаю тебе все, что ты сказала... Переночуй эту ночь».

Выражение «накрыть своей одеждой женщину» или «лечь с женщиной под одним плащом» на Востоке означало «обручиться»; с правовой точки зрения переспать с женщиной, овладеть ею значило уже совершить женитьбу. Поначалу после любовной ночи Вооз не собирается жениться на Руфи, он утром отчитывает ей за услугу шесть мер ячменя, в шесть раз больше, чем она с трудом могла бы набрать за день. Еще до рассвета он отсылает ее, чтобы никто не знал, «что женщина приходила на гумно».

Этот сюжет разыгрывают как мистерию во время праздника уборки урожая; но она имеет не только религиозный смысл, она дает также представление о реальной жизни той эпохи, подтверждая, что вдова действительно могла существовать, подбирая остатки с полей. И. В. Гёте называл книгу «Руфь» «прекраснейшим маленьким произведением, дошедшим до нас в эпическом и идиллическом предании». Поэт Р. Шредер даже утверждает: «Ни один писатель в мире не создавал более прекрасного рассказа».

Любая вдова, читавшая эту историю, могла воспринимать как поддержку и отраду ее сказочный «хэппи энд»: Вооз, богатый землевладелец, женится на чужеземке Руфи, собиравшей колосья, и она становится прародительницей царя Давида, а через него — и Иисуса Христа.

### Целомудренное вдовство

Женщины, жившие в «золотых клетках», часто после смерти мужа оказывались совершенно не приспособленными к жизни. Об этом свидетельствует, например, документ из Фаюма III в. до н. э. Одна богатая вдова, владевшая большим земельным участком, после смерти мужа закладывает себя и своих детей храму бога Собека. «Ты (Собек) должен предоставить мне кров, кормить меня, заботиться о моем здоровье и охранять против всех злых духов. За это я плачу тебе (храму) ежемесячно несколько медных монет в течение 99 лет». Благочестивая женщина надеялась, что в четырех стенах храма, отгородившись от грубого мира, она сможет избавиться себя от тягот, на которые обычно были обречены вдовы, и жить в «целомудренном вдовстве».

«Целомудренное вдовство» славилось как добродетель, всякое же вторичное замужество клеймилось как безнравственность. Овдовевшая матрона должна была сосредоточиться на религии, которая сулила ей воскресение и «новую жизнь». В 200 г. до н. э. раб Ливий написал для женского хора «плебейского» храма стыдливого хвалебную песнь «целомудренному вдовству» тех, «кто сумел смирить похоть свою и приблизиться к небесам». Это песнопение было принято с таким восторгом, что Ливий получил права гражданина и смог отныне посещать также и «аристократический» храм. Чтобы вдова оставила всякую мысль о новом замужестве, Титиний составил объемистую антологию высказываний разных благочестивых вдов, реально существовавших и вымышленных. Одна из них отвергает предложение сватовства такими словами: «Мне больше не найти мужчину, которого бы я так любила, как любила своего мужа». Другая отвечает в испуге: «О нет, если второй муж окажется так же хорош, как мой первый, я стану так же дрожать за его жизнь, как дрожала за первого. Если же он окажется хуже, зачем брать на себя такое



Верность даже после смерти. Средняя часть мраморного лекифа (погребального сосуда) из Афин, 375 г. до н. э. Этот образ высокого человеческого благородства пережил века (Государственное собрание древностей, Мюнхен)

бремя?» Третья отвечает: «Сервий все еще живет во мне».

Известен миф о Дидоне, финикийской царице, ставшей основательницей и царицей Карфагена. Храня верность своему убитому супругу и желая избежать домогательств царя Ярба, она добровольно приняла смерть на костре. Более известна версия Вергилия (70—19 гг. до н. э.), согласно которой Дидона оказала гостеприимство Энею, приставшему к ее берегам, и влюбилась в него. При этом она на время забыла своего покойного супруга. Почувствовав, что любовь к Энею перешла в «страсть, которая наполняет душу и разрушает ее», Дидона сама лишила себя жизни. Римский поэт Вергилий хотел противопоставить ей пример той эпидемии разводов, которой оказались подвержены женщины в правление Августа. Он как бы напоминал им слова греческого писателя Плутарха: «Благословен для женщины первый брак, но проклят второй».

Моральные требования эпохи были различны для женщин и для мужчин. Женщинам предписывалось подавлять свою якобы чувственную природу и не выходить замуж вновь, мужчина же, напротив, именно в силу своей чувственной природы должен был по возможности скорее жениться снова, чтобы не поддаться соблазнам развратной жизни. В качестве курьеза можно привести письмо египтянина, которого три года мучил

дух его жены (или собственная совесть?), так что он решил положить это письмо ей в могилу: «Что я тебе сделал? Почему ты так взялась за меня, несчастного, хоть я ничего плохого не сделал тебе, когда ты была жива? Я женился на тебе молодым, был всегда вместе с тобой и никогда не обманывал тебя с другой женщиной. Я всегда старался ничем тебя не обидеть. Пока ты была жива, я обращался с тобой хорошо. Почему же ты мешаешь мне (жениться еще раз и) стать снова счастливым?»

Совсем иначе звучит письмо, с которым одна римская женщина, умирая, обратилась к находившемуся в отъезде мужу и к своим детям: «Если я уйду от вас, дорогой муж мой Павел, ты должен заменить меня детям. Будь с ними нежен и, когда станешь их целовать, добавь каждому еще один поцелуй от меня. Женись снова! А вы, дети, будьте добры с мачехой и не хвалите меня перед ней открыто, чтобы ее не уязвлять. Если отец останется один, то облегчите ему грядущую старость и не отказывайте ему ни в какой заботе. Пусть столько лет, сколько отняла у меня смерть, прибавится Павлу и вам. Пусть ты, Павел, до старости будешь радоваться своим детям. Ваша Корнелия».

### Преждевременная осень

В страхе вопрошает женщина зеркало: не оставило ли время предательских следов на ее лице? Ее жизнь в большей степени, чем жизнь мужчины, зависит от физиологических процессов, происходящих в ее теле. Ее существование определяется этими сравнительно регулярными процессами. Внезапно происходит перемена, которая характеризуется органическими нарушениями.

Как можно задержать недомогания климактерического периода, остаться молодой, перехитрить зеркало и календарь? Роковой необратимый процесс делает свое разрушительное дело. Наступает момент, когда надо подвести черту и принять биологическую неизбежность, отказавшись от иллюзорных надежд, будто можно еще что-то изменить с помощью косметики или молитв.

Разве что богиня Гера была счастлива: пройдя через три жизненные фазы — девичества, супружества и вдовства, — она могла искупаться в источнике и выйти из воды помолодевшей, чтобы начать все заново. «Ах,



Бронзовая голова (римская копия)

постареть, — вздыхает Саффо, — кто этого не хочет и кто этого не боится?» С горьким юмором говорит великая поэтесса с Лесбоса о смерти: «Это бедствие. Будь это благом, тогда бы и боги смертными стали». Она по себе хорошо знала, что такое страх старости. Меняется организм, слабеют силы, усталость, болезни, потребность в уходе дают о себе знать все более. Безумная мечта овладевает стареющей женщиной: еще раз оказаться любимой, хотя бы немного, услышать ободряющее слово. Ночью, проснувшись и осознав свое одиночество, она заливается слезами. Жалобно звучат последние песни Саффо:

...Немеет язык, под кожей  
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,  
Ничего не видя, глаза, в ушах же —  
Звон непрерывный.  
Потом жарким я обливаюсь, дрожью  
Члены все охвачены, зеленее  
Становлюсь травы, и вот-вот как будто  
с жизнью прощусь я\*.

У Аристофана Лисистрата жалуется: «Быстро проходят молодые женские годы, а потом сидит она одиноко и листает книгу сновидений».

Экклезиаст лирически воспел старение в «Песни о юности и смерти»: «Скоро померкнет все и умолкнет, не слышно станет щебета птиц, затихнут песни дев, и расцветет миндаль белым цветом (в старческих волосах. — *Примеч. авт.*), и вот-вот оборвется серебряная нить жизни, и угаснет золотой светильник, тогда подумай о том, что надо радоваться жизни, пока можешь»; «Не возбраняй сердцу твоему никакого веселья и наслаж-

\* Перевод В. Вересаева.

дайся всем, что видят твои глаза!»; «Когда тени становятся длиннее, когда близится осень, прими оставшиеся тебе еще годы как подарок судьбы, и прими с благодарностью». Осень тоже может быть прекрасна. И в осенних деревьях есть своя красота.

Писатели древности не без оснований сравнивали жизнь человека с жизнью бабочки-однодневки: продолжительность ее в ту эпоху была очень невелика. За немногими исключениями, простые люди доживали (как свидетельствуют археологи, основываясь на изучении останков) в среднем до двадцати восьми лет, а женщины жили года на два меньше. Лишь впоследствии благодаря улучшению питания продолжительность жизни возросла до тридцати пяти лет.

Те самые «старые» вдовы, о бесправном положении которых не раз упоминали пророки и сам Иисус, были не старше двадцати-тридцати лет. Еще не достигнув климактерического периода, они уже чувствовали себя отжившими свой век матронами. Вспомним, что в середине прошлого века, когда Оноре де Бальзак написал свой роман «Тридцатилетняя женщина», этот возраст считался во Франции порой, когда женщине надо было прощаться с любовью и радостями жизни. Лишь достижения медицины позволили удвоить продолжительность жизни женщины.



## 11. СМЕРТЬ

### Траурные обряды

Женщина умерла ночью во сне, тихо, как гаснет свеч- тильник. Смерть проникла через окно и унесла свою жертву. Утром родственники, беспомощные, испуган- ные, в угнетенном молчании стояли возле ее постели. Чтобы смерть не взяла с собой других жертв, присут- ствующие начинали молиться — если назвать молитвой архаические заклинания, — а также выполнять все про- щальные ритуалы, которые должны были отделить жи- вых от покойной. Они делали себе надрезы на коже, рвали на себе волосы, посыпали песком головы, разры- вали свои одежды, бросались на землю и кричали, по- вторяя имя покойной, словно для того, чтобы пробудить ее или убедиться самим, что она умерла в самом деле. Истинной же целью всего этого было напугать и ото- гнать душу, которая еще блуждала в доме, в простран- стве.

Так и гомеровские герои, «шлемоблещущие», силь- ные, бесстрашные перед лицом смерти, во весь голос оплакивают своих товарищей, павших под стенами Трои.

Все разнообразные обычаи, связанные со смертью человека, обусловлены были страхом заразиться «ба- циллой смерти». Даже когда души умерших достигали загробного царства, их тела считались в культовом от- ношении нечистыми. Кладбища полагалось устраивать вне жилых поселений, могилы ориентировались на во- сток, в сторону света, где мертвый должен был пробудиться для новой жизни.

Священник не должен был касаться покойного, по- сещать дом умершего или вступать на кладбище. Все



В древности человек громко сетовал на удары непостижимой судьбы. Он бил себя по обнаженной груди, распускал волосы и посыпал голову пеплом (египетская роспись, XIV в. до н. э.)

иудеи из рода священнослужителей, в том числе и Иисус, избегали города Тивериады на Генисаретском озере, поскольку там кладбище находилось в городской черте.

Подготовка к погребению и траурным церемониям возглагалась на группу мужчин. Они осторожно клали покойницу на землю или на солому, ставили возле ее головы светильник, чтобы отгонять духов, натирали или обрызгивали тело маслом — умягчение соответствовало тогда обмыванию — и обергивали его в полотно. Незамужнюю наряжали как невесту. На женщину надевали ее украшения, по крайней мере бусы, а в рот или на лоб клали монету как плату за переправу в загробный мир. Затем мужчины гасили огонь в очаге, который покойница всю жизнь заботливо поддерживала.

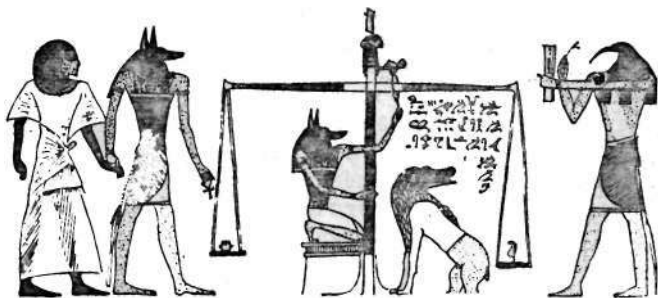
Чем более укреплялась со временем вера в загробную жизнь, тем сложнее становились траурные обряды. Беда, если пренебречь хоть малейшим культовым предписанием: это могло иметь губительные последствия для оставшихся в живых. Поэтому позднее все церемонии стали проводить профессиональные погребальные общества или союзы. Это превратило похороны в дорогостоящее мероприятие. Даже зажиточным семьям приходилось всю жизнь откладывать на похороны, немущие должны были брать взаймы, иначе их закапывали просто как дохлых собак. К началу нашей эры первый взнос погребальному союзу составлял 100 сестерциев, а ежегодный взнос — 50 сестерциев.

Не только покойник или покойница считались в

культовом отношении нечистыми, но и комната, где лежало тело, и дом покойного или покойницы были «заражены» духами мертвых. Чтобы эта зараза не распространялась за пределы дома, перед порогом ставили сосуд с освященной водой. Каждый, кто покидал дом, омывал в нем руки. Кое-где и сейчас еще сохранился обычай мыть руки, уходя с кладбища. Как правило, в древности всех мертвецов, в том числе погибших и казненных, полагалось похоронить до захода солнца, чтобы их не схватили ночные духи.

Но что, если «покойник» не умер, а лишь пребывал в глубоком беспамятстве? В древности многие, почитавшиеся как чудотворцы, на самом деле, видимо, воскрешали мнимоумерших. Рассказывают, что греческий врач Аполлоний Тианский в Риме вернул к жизни невесту, которая упала замертво во время приготовлений к свадьбе и которую уже собрались хоронить. В источнике об этом говорится так: «Увидел ли он (то есть врач) в ней искру жизни, которую не заметили другие — девушке дули и брызгали в лицо — сумел ли он своим искусством пробудить и раздуть в ней угасшую жизнь — этого присутствовавшие решить не могли». Пробудившаяся невеста соскочила с погребальных носилок и заспешила на свадьбу.

Император Александр Север (222—235 г. н. э.), который держал в своем домашнем святилище изображения благодетелей человечества, поместил среди них и



Суд над мертвыми египтяне представляли себе так: сначала Анубис подводит умершего к весам и взвешивает его сердце, бог Тот в это время ведет запись. Затем его ведут к богу Осирису. Под весами поджидает «поглощающий» демон подземного мира с львиной головой (папирус, Новое царство, Британский музей, Лондон)

Аполлония Тианского за то, что тот «возвращал людям жизнь».

В древней Греции летаргию считали настоящей смертью. Мнимый покойник, внезапно вставший с погребальных носилок, должен был подвергнуться ритуалу нового рождения, чтобы у него не осталось никаких воспоминаний о том свете. Его клали к лону женщины, затем обмывали, повивали пеленками и кормили молоком; лишь после этого он получал право вновь находиться среди живых.

### Тихий и громкий траур

По-еврейски громкие траурные стенания называются «цаака» (крик), тихое страдание — «эбель» (печаль). О том и о другом у мудреца сказано: «Громкая печаль утешает слушающих, тихая покоится глубоко в сердце». И он добавляет: «При торжественных обрядах простота лучше, чем высокопарность, ибо в печали больше значит внутреннее чувство, нежели внешние проявления». Истинная боль не может найти выхода в сильной вспышке, которая лишь заглушает собственный страх смерти; настоящая боль остается глубоко в душе неистребимым воспоминанием. В одной траурной песне греческая поэтесса Эринна с Родоса упрекает природу за «тишину смерти», за «молчание небес», за «беззвучность пустоты», за «звучащий мрак». Может ли громкое стенание избавить от глубокой боли?

Иные философы обращались к умершим супругам с каким-либо прощальным стихом: «Всему на земле можно найти замену, только не жене своей юности»; «Когда умирает жена, в мрак и безмолвие погружается мир»; «Потерявший жену гибнет сам». Прекрасные слова! Пока жены их были живы, эти мудрые мужья смотрели на них весьма критически и неблагоприятно; лишь оставшись в одиночестве, они с трогательной сентиментальностью заговорили о том, как они им дороги. Должны ли мы потерять что-то, чтобы по-настоящему оценить утраченное?

Великим «трубадуром» латинского мира считался Проперций. Он скорбел в стихах о своей возлюбленной Цинтии (Кинфии) (в жизни ее звали Гостия), которую отравила соперница. Во сне безутешному поэту является ее тень и шепчет:

Даже в смерти тебе я верна. Я ожидаю тебя.  
Когда придет час и тебе умереть, я прижмусь к тебе,  
И ты будешь навеки мой, только мой\*.

Египтяне верили, что каждый умерший должен предстать перед судом — двадцатью двумя судьями подземного мира. Ему требовалось подтвердить перед ними, что он жил «в чистоте», не творил блуда, не изменял своей жене и т. д. В заключение он должен был повторить: «Я чист, я чист, я чист!»

Любовь сильнее страха смерти — на это была способна только женщина. Такую любовь приписывает легенда царице Алкестиде. Когда ее муж, Адмет, царь фессалийского города Фера, должен был умереть, она согласилась добровольно умереть вместо него. Парки потребовали жизнь царя, но готовы были взять кого-нибудь вместо него. Царь обратился к своему народу, к своим друзьям, своим старым родителям — все отказались; лишь Алкестиде, его жена, пошла на это. Хотя парки еще раз показали ей заманчивые картины счастья, от которого она отказывается: дом, двух детей, жизнь с любимым супругом, — она не поколебалась и подтвердила свое решение. О величии и благородстве ее натуры говорит ее последняя просьба к супругу: пусть он поскорее возьмет себе другую жену, «быть может, не более верную, но более счастливую, чем я». Еврипид, написавший трагедию «Алкестиде», мастерски изобразил сцену прощания. Современный человек станет искать в этой сцене психологические обоснования и связи, однако намерения драматурга были гораздо проще: он хотел растрогать свою публику и потом обрадовать счастливым концом. Геракл отбивает женщину, ставшую образцом верности и любви, у Танатоса, крылатого демона смерти, победив его в поединке. «не на жизнь, а на смерть», и возвращает Алкестиду семье.

\* В стихотворном переводе Л. Остроумова:

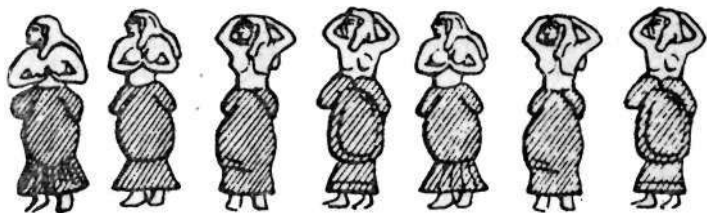
...Я скоро тобой завладею,  
Будешь со мной, твой костяк кости обнимут мои. —  
*Примеч. пер.*

## Плакальщицы

Оплакивание мертвых было, как правило, делом женщин. В Библии говорится, что отцы должны учить своих сыновей военным песням, а матери своих дочерей — плачам по мертвым. Форма, содержание и, вероятно, мелодия плачей были определены так же строго, как и траурные обряды. В целом по всему Востоку для них характерно одинаковое трехмастное лирическое построение. В первой части звучит жалоба на судьбу, во второй восхваляется покойный, в третьей выражена боль оставшихся. Всякая погребальная процессия понималась как шествие в вечность. Вскоре образовался целый разряд профессиональных плакальщиц, которым платили за вопли и заунывные песнопения. От них зависело, как пройдут похороны, наполнит ли «пение их глаза наши слезами» (Иеремия).

Древнейший плач влагает в уста иерусалимских плакальщиц пророк Иезекииль: «Ах, брат мой, ах, мой супруг, ты ушел, и я плачу; как дом опустевший, как опустевший город, как дерево, увядшее и иссушенное, как ложе, остывшее и пустое, — так я, жена усталая, обреченная навек остаться одна».

Плакальщицы шли с распущенными волосами и обнаженной грудью. В Египте они следовали за статуями Осириса и Исиды, богов царства мертвых, и выкрикивали время от времени имена умерших вместе с именем «Осирис»: «Ах, Осирис такой-то!» Подобно тому как плач Исиды смог пробудить Осириса, так плач профессиональных плакальщиц мог вернуть к жизни умершего. Египтяне называли этих женщин «служительницами, которые оживляют имя господина».



Плакальщицы из Тира. Волосы их распущены, грудь обнажена. Одни в знак скорби рвут на себе волосы, другие бьют себя в грудь (рельеф с саркофага Ахирама из Тира, около 1000 г. до н. э., Государственный музей, Бейрут)

В погребальной камере Тутанхамона сохранился текст плача, который произносила его жена Анхесенамон вместе с плакальщицами во время погребения: «Ах, мой брат, ах, мой супруг, пробудись, пробудись, ты болен, ты только делаешь вид, что спишь. Подними голову к небу. Появись, появись!» Тутанхамону было всего 18 лет, когда он умер. Видимо, его погребальную процессию сопровождали не только профессиональные плакальщицы, но и множество простых людей.

Похоже, что этот тысячелетний обычай долго еще сохранялся в Египте. Г. Масперо, французский археолог, руководитель Департамента древностей в Каире, описывал такое событие, происшедшее в 1881 году: когда найденную в тайнике мумию фараона погрузили в Луксоре на баржу, «произошло нечто в высшей степени примечательное. От Луксора до Куфта по обоим берегам Нила за судном следовала все возрастающая толпа женщин-крестьянок. Они рвали на себе волосы и выпускали громкие вопли. Женщины из простонародья сопровождали судно с мумией, как провожали когда-то своего незабвенного фараона».

По иному отнеслись к событию таможенные чиновники в Порт-Саиде: с бюрократической тупостью они долго обсуждали с Г. Масперо, по какой таксе оценить необычный «товар». Наконец они обложили его налогом как на сушеную рыбу!

## **В «Доме вечности»**

Вот как описывает Петроний скорбь одной гречанки из Эфеса (в Малой Азии): «Когда умер ее муж, она, не удовольствовавшись общепринятым обычаем провожать покойника с распущенными волосами или бия себя на виду у всех в обнаженную грудь, последовала за мужем даже в могилу и, когда тело, по греческому обычаю, положили в подземелье, осталась охранять его там, в слезах проводя дни и ночи. Ни родные, ни близкие не могли уговорить ее покинуть склеп или что-то поесть все те пять дней, что длился траур. Мать пыталась ее взразумить: „Хватит горевать, тут уже ничего не исправить. Или ты думаешь, что тебя услышит усопший или его маны (духи)? Не лучше ли вернуться к жизни? Ведь и то неподвижное тело, что лежит перед тобой, напоминает тебе, что надо жить!“ Но она оставалась глу-



Надгробие женщины из Пергама с надписью: «Юлий Басс Отакилии Полле, дорогой супруге, которая любила своего мужа и детей и тридцать лет была безупречной спутницей жизни» (Государственный музей, Берлин)

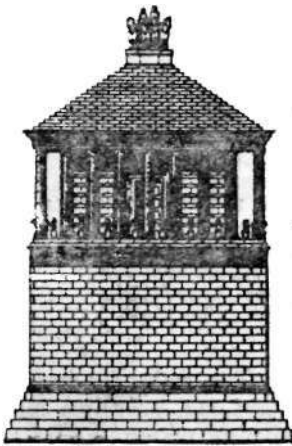
ха ко всем словам утешения, и лишь сильнее терзала свою грудь, и в слезах рвала на себе волосы, и бросалась к покойному, который лежал неподвижно» \*.

Описанная сцена происходит в мраморном семейном склепе со специальными камерами для поминовения и угощения покойных. Такие подземелья служили первоначально гробницей для двоих; здесь должны были покоиться оба супруга, и их великолепие как бы говорило миру о высоком общественном и имущественном положении покойника. Каменные памятники демонстрировали одновременно богатство и трогательные чувства.

Гробницы, свидетельствовавшие о счастливой совместной жизни супругов, не были в эпоху древности редкостью у крупных землевладельцев и зажиточных граждан; именно такая гробница стала — по египетскому образцу — мавзолеем, огромным памятником любви. В 351 г. до н. э. гречанка Артемисия построила для своего умершего супруга, тирана Карию Мавсола, великолепный, высотой 50 метров монумент в Галикарнассе, который называли одним из семи чудес света. Отсюда и пошло слово «мавзолей». На мощном основании возвышалась гробница-храм, окруженная ионическими колоннами, а на них — пирамидообразная крыша. Все сооружение было увенчано изваянием колесницы, запряженной четверкой лошадей, на которой ехала идеальная супружеская пара — Мавсол и Артемисия. Часть цокольного рельефа, изображавшего битву с амазонками, находится сейчас в Британском музее в Лон-

\* В русском издании «Сатирикона» это место частично изменено иначе. — *Примеч. пер.*





Мавзолей пятидесяти-метровой высоты, который гречанка Артемисия воздвигла в Галикарнассе своему умершему супругу, тирану Карию Мавсолу в 351 г. до н. э. Рельефы находятся сейчас в Британском музее в Лондоне (реконструкция Ф. Киршена)

доне. Артемисия сама считала себя царицей амазонок и после смерти Мавсола правила Карией.

Гораздо больше сохранилось монументальных сооружений, которые воздвигали своим женам благодарные мужья. Птолемей II Филадельф объявил свою супругу-сестру Арсиною II после ее смерти богиней и воздвиг ей великолепную усыпальницу в фаюмском городе, который был назван ее именем. Иудейский царь Ирод I, вообще-то человек не очень чувствительный, воздвиг для своей убитой жены Марианны усыпальницу на обрыве Масада у Мертвого моря. Триумвир Красс велел поставить для своей супруги Цецилии Метеллы внушительный мавзолей на Виа Аппиа, который до наших дней производит сильное впечатление на всех, приезжающих в Рим. Император Антонин Пий велел после смерти своей жены Фаустины украсить западную часть храма Артемиды в Садесе у подножия Акрополя прекрасными колоннами в память о ней.

### Говорят надгробные камни

Надгробные камни не мертвы, они говорят. На древнейших надгробных камнях порою нет надписей, лишь изображения; того, что скорбящие передумали, переживали, о чем тихо молились у могилы, нельзя было выразить словами. В этих символических изображениях на надгробных камнях перед нами проходят все



Надгробие с призывом отомстить за убитую Гераклею из Делоса (100 г. до н. э.): «Я призываю бога, повелителя духов и всего живого, отомстить тем, кто коварно умертвил бедную, такую еще юную Гераклею, пусть убийцы и дети их также будут убиты или отравлены» (Бухарестский музей)

периоды человеческой жизни. Тут можно увидеть маленькую девочку с любимой куклой, которую она взяла с собой в могилу; на надгробии женщины, умершей при родах, кормилица протягивает новорожденного матери, которая, скорчившись, сидит на родильном стуле. Или мы видим женщин, которые прощаются со своими мужьями, со своими семьями, молчаливо их утешая. Эти изображения говорят нам больше, чем длинные надписи.

Надгробные надписи впервые появились у греков. Первоначально так назывались вообще надписи на памятниках; лишь незадолго до нашей эры получили распространение надгробные эпитафии, иногда поражающие своей простотой и глубиной чувства; перед иссле-



На древнеегипетских надгробиях часто изображались супружеские пары, которые вместе сидят за столом; этим выражалось их желание и в «вечности» продолжить совместную жизнь (по Эрнеману)

дователем они раскрывают едва ли не все области общественной и частной жизни. До нас дошло свыше ста тысяч греческих надгробных надписей, авторы которых вовсе не были так называемыми поэтами.

Даже если брак был совершен по расчету и ему не хватало любви, если сложность человеческой природы делала невозможной идеальную совместную жизнь, надписи, если они были свободны от шаблона и лицемерия, выражали хотя бы в какой-то мере взаимное уважение и признательность супругов. Трезвым реализмом дышит латинская эпитафия: «Наш брак не был счастливым, но не было у нас ненависти друг к другу. Никто в этом не виноват. Перед строгим судьей подземного мира мы надеемся на милостивый приговор». Другие мужья были счастливее и не стыдились открыто выразить свои настоящие чувства: «Прощай, Аппония Паула, редкостных достоинств супруга, которая тридцати трех лет вынуждена была уйти в мир иной, оставив своего мужа в страшном горе».



Мать и дочь на надгробии Гегесо. Дочь держит в руках шкатулку с украшениями и с выражением глубокой скорби смотрит на умершую мать (Национальный музей, Афины)

В 1950 году французский исследователь М. Дюрри опубликовал надпись на мраморной доске, которая относилась к 8 г. н. э. и которую он назвал «Хвала Туррии». В ней 180 строк текста. Это поминальная речь знатного римлянина, посвященная его жене, умершей после сорока с лишним лет брака. Речь начинается с сетованием на трудную жизнь этой женщины, затем сжато перечисляются ее достоинства, такие, как добродетельность, чистота, высокая нравственность. Супруг особо указывает на то, какой это редкий случай, когда в высшем слое общества многолетний брак прерывается

смертью, а не разводом, как в те времена бывало чаще всего. Среди добродетелей женщины перечисляются почтение к богам, уважение к родителям, согласие с родственниками, стремление к добру и справедливости. Подчеркивается также усердие в домашней работе и скромность в повседневной жизни.

Надпись греческого врача Главка сообщает нам из глубин пространства и времени, что супруга его Пантея не только умела содержать в порядке дом, но и помогала ему в профессиональных делах и не уступала во врачебном искусстве: «Привет тебе, жена моя Пантея, от мужа, который пребывает в неизбывной скорби с тех пор, как пагубная смерть унесла тебя. Никогда еще богиня Гера не видала такой жены, равно прекрасной видом и разумом и нравственности великой. Ты твердо руководила домашней жизнью и, хоть была женщина, не уступала мне в искусстве. Здесь муж твой Главк поставил тебе это надгробие, и здесь он хочет покоиться сам. Как с одной лишь тобой по велению судьбы делил я брачное ложе, так могильная земля пусть укроет нас одним покрывалом».

### **Госпожа смерть или господин смерть**

Египтяне считали покровительницей мертвых богиню Исиду, которая склоняется над землей, укутывает мертвых и оберегает их, как своего возлюбленного Осириса. «Это та же самая мать мертвых, которую христиане знают как мадонну, которая держит на своих коленях мертвого Христа, вновь к ней вернувшегося», — пишет английская ученая-египтолог В. Ионс. С древних времен люди считали, что между могилой и матерью существует внутренняя связь. Древнейшими гробницами служили пещеры, гроты, расщелины в скалах, то есть чрево матери-земли. Из *тела* земли человек вышел, и в него же он возвращается. Изначальная связь с матерью, от которой человек однажды оторвался, восстанавливается с его смертью.

Для многих народов древности смерть была матерью, которая вновь принимает в свое лоно жизнь, ею рожденную. Умереть значило для древних вернуться в «материнское лоно». Поэтому амореи, хурриты и другие народы, погребая своих покойников, придавали их телам позу скорчившегося зародыша — это было глубо-



Чтобы увековечить свою незабвенную супругу, некий муж велел скульптору в 450 г. до н. э. изобразить на мраморном рельефе надгробия миф об Орфее, отнеся его к себе. В центре — умершая Эвридика, справа — Орфей с арфой, слева — Гермес, сопровождающий души (нынешнее местонахождение — вилла Альбани, Рим)

чайшее выражение чувства защищенности. Особенно наглядно выражает это чувство «Ригведа»: «Как мать прикрывает спящего сына краем своей одежды, так покрываешь его ты, о земля!»

Так же ощущал праматеринское начало И. В. Гёте. Во второй части «Фауста» Эмфорион, сын Фауста и Елены, падает после безрассудно смелой попытки полета, и «из глубины» доносятся его слова: «Не оставь меня, мать, одного в царстве мрака».

В греческой мифологии рождение и смерть представляют собой некое единство. Поэтому смерть там олицетворяет женщина. Существовало представление о женщинах-пряках, которые прядут нить жизни, плетут из нее судьбу, вяжут узлы, а под конец обрезают. Их называли «мойры». Ф. Отто так описывает их в своей книге «Боги Греции»: «Звездные часы этих мойр — начало и конец, рождение и смерть, и еще третий час —



Это надгробие женщины, умершей при родах. Акушерка справа — одна из мойр (парок), которые прядут и обрезают нить жизни (Национальный музей, Афины)

свадьба. Вот три решающих момента в жизни женщины; богини судьбы всегда помогают при родах и покровительствуют бракам. Роды и смерть, равно как свадьба и смерть, — нет ничего важнее для женщины».

С возвращением в землю завершается кругооборот бытия и должен начаться новый. Таким образом, смерть неотделима от жизни. Плутарх написал Аполлонию такие слова утешения: «Род смертных, подобно царству растений, движется постоянно по кругу. Одно расцветает для жизни, другое умирает, и его срезают». Сходную мысль выражает Филон Александрийский: «Всякий конец есть начало чего-то другого. Конец дня есть начало ночи, и наоборот. Если нам предстоит погибнуть, то верно мудрое изречение: „Ничто сущее не умирает, оно лишь является в новом облике“».

Иудаизм, не признававший женских полубожеств, представлял смерть в образе мужчины. Это был мужчина с косой, кровожадное, ненасытное чудовище. Жители Палестины не могли представить себе смерть как тихое испускание духа, как мирный, успокоительный сон; для них это был немилосердный косарь, который косит свои жертвы целыми рядами. Это библейское представление о страшилище с косой сохранилось в Европе вплоть до средних веков.

Мужской или женский облик смерти — какая персонализация больше соответствует современным представлениям? В нашем веке, после двух мировых войн, при нынешнем напряженном положении в мире вопрос о смерти особенно близок именно женщинам. Перед лицом нарастающей угрозы, которую могут принести жизни новые войны, атомное оружие и т. п., необходимы усилия, чтобы преодолеть кризис; женщины, как и во все времена, способны внести в это особый вклад.

## **ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ (вместо послесловия)**

Название данной книги, очевидно, привлечет к ней внимание широкого круга читателей. К сожалению, в нашей научной и популярной литературе очень мало работ, посвященных подобной тематике. Между тем она не только занимательна, но и научно значима по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, все больше ощущается потребность — и среди людей «читающих», и среди «пишущих» — в живом и конкретном представлении об истории. Только реальная картина того, «как жили люди в старину», позволит в будущем избежать социологических схем, где люди вовсе заменяются борьбой абстрактных «сил» и «отношений». Второй существенный аспект данной тематики определяется тем, что сами теоретические построения должны учитывать огромную роль семьи, институтов и культурных традиций, связанных с системой родственных отношений. Эти проблемы особенно важны для истории древнейших и древних обществ.

В книге Е. Вардимана читатель найдет информацию о старинных обычаях или представлениях, касающихся женщин. Впрочем, нельзя сказать, что она заполнит существующую в литературе на русском языке лауну. Автор по образованию — не историк, а архитектор, и недостаток профессионализма отчетливо чувствуется в его труде. Ценность сообщаемых им сведений зависит главным образом от избранных источников. Между тем материал черпается им обычно из вторых рук и не всегда используется достаточно осмотрительно. В процессе редактирования книги пришлось провести определенную работу по исправлению явных фактических ошибок. Кроме того, было сделано небольшое сокращение материала, не имеющего прямого отношения к основной тематике книги.

Работа Е. Вардимана не претендует на то, чтобы быть специальным научным исследованием, она имеет весьма популяр-

ный характер. По этой причине было бы нецелесообразно вступать с автором в полемику по тому или иному частному вопросу. Необходимо сделать лишь ряд самых общих замечаний: судя по названию, книга посвящена женщине в древнем мире, но, за редкими исключениями, речь в ней идет только о средиземноморско-ближневосточном регионе, то есть Иран, Индия и Китай остаются за пределами внимания автора. Сам же указанный регион рассматривается как нечто единое. Между тем в древности здесь сложился целый ряд цивилизаций, каждая из которых отличалась своими традиционными особенностями. Специфику той или иной культуры автор не всегда ясно чувствует. Внезапные переходы от страны к стране лишают изложение необходимой конкретности. Характеристики, которые даются римской матроне, иногда явно не годятся для вавилонянки, гречанка мало напоминает жительницу древней Палестины и т. д. Столь же неожиданно и мгновенно меняются в книге и эпохи без достаточного внимания к своеобразию разных веков, тысячелетий, целых исторических периодов.

Не следует слишком серьезно относиться к теоретическим суждениям Е. Вардимана. Здесь мы встречаем весьма пеструю смесь разнообразных идей — от высказываний З. Фрейда и К. Юнга до работ исследователей прошлого века, впервые пытавшихся восстановить древнейшие этапы эволюции семьи. Автор часто обращается к трактовке древних мифов, и в его повествовании не всегда отчетливо видна грань между мифом и исторической действительностью. Широко пользуется он такими общими понятиями, как «матриархат» и «патриархат», очевидно не вкладывая в них особенно глубокого научного содержания.

Для констатации матриархальных порядков ему бывает довольно лишь ссылки на «вольный» покррой женского платья. Некоторые представления автора по истории семьи трудно охарактеризовать иначе, чем удивительные (например, о чисто женских земледельческих поселениях, которые вынуждены обороняться от нападений мужчин, еще не перешедших к оседлости).

Читатель, всерьез интересующийся проблемами появления и развития семьи, без труда найдет соответствующие исследования современных этнографов. О положении женщины в древнем Риме мы располагаем общей работой, соединяющей научную достоверность с доступностью изложения, — это известная книга М. Е. Сергеенко «Жизнь древнего Рима» (М.—Л., 1964). Значительно хуже обстоит дело с древней Грецией — приходится рекомендовать переводную книгу П. Гиро, опубликованную еще в начале века (*П. Гиро. Частная жизнь греков*. Пг., 1915),



а также монографию Л. Винничук (Люди, нравы и обычаи древней Греции и Рима. М., 1988). Что же касается стран древнего Востока, то здесь имеются лишь научные статьи, посвященные частным вопросам (будь то порядок наследования по женской линии у хеттов или оформление брачных контрактов в древней Ассирии), а также крохотные главы или параграфы в общих и популярных очерках.

Отчасти для того, чтобы восполнить такой пробел в нашей популярной литературе, мы и расскажем о положении женщины лишь в одном, но весьма обширном и важном регионе древнего мира — в Индии. Конкретный материал по истории отдельной страны позволит увидеть и те общие проблемы, которые приходится решать, обращаясь к данной тематике, и те сложности, которые ожидают исследователя.

\* \* \*

Как известно, древнейшая в Индии цивилизация существовала в III—II тысячелетиях до н. э. в долине реки Инд. Мы располагаем о ней практически только археологическими данными. Свидетелями ее расцвета являются развалины городов — Мохенджодаро и Хараппы. Письменность ее еще до конца не дешифрована, а монументальной скульптуры (как, например, в Египте того же времени) не найдено. Изобразительный материал относительно немногочислен и представлен главным образом небольшими резными каменными печатями. На этих печатях изображались обычно мифологические сцены. Встречаются среди них и женские персонажи. Наиболее характерны женские фигурки в ветвях дерева или такие, из лона которых поднимается растение. Они напоминают позднейшие (в частности, буддийские) изображения духов дерева — *врикшаки* или *якишни*. Женские божества дерева часто встречаются в классической индийской литературе и мифологии, женщина представлялась олицетворением животворящего начала. Уже жители городов долины Инда 4000 лет назад, судя по печатям из Мохенджодаро, поклонялись женскому божеству в виде дерева как прародительнице не только людей, но и всего растительного мира.

Культ женского божества засвидетельствован также грубыми глиняными фигурками, такими же, какие были у всех древнейших земледельческих племен. Сходные терракотовые статуэтки женщин в сложных головных уборах и со множеством украшений-амулетов изготавливали в Индии и через много веков после гибели цивилизации долины Инда. Культ богини-матери — один из самых важных для позднейшего индуизма. Нет

никаких сомнений в том, что основой хозяйственной жизни Северо-Западной Индии уже в III тысячелетии до н. э. было земледелие, а у всех земледельческих народов распространено почитание женщины-богини, покровительницы плодородия. Но сделать из этого вывод о «матриархате» в общественном и политическом устройстве было бы весьма неосторожно. Даже в религиозных представлениях так называемой протоиндийской культуры невозможно обнаружить господство лишь «женских» культов. На тех же печатях мы неоднократно видим и богамужчину с бородой и ветвистыми рогами, окруженного дикими животными. Его обычно считают верховным божеством и владыкой мира. Есть основания считать, что этот культ также связан с обеспечением плодородия. Характерно для религии жителей долины Инда и почитание быка. Среди немногочисленных памятников каменной скульптуры преобладают мужские фигуры. Особенно известен небольшой бюст бородатого человека с перевязью на голове и в одежде со священным изображением трилистника. Его принято именовать «правителем-жрецом» города.

Знаменитая бронзовая статуэтка изображает изящную девушку, стоящую в непринужденной позе. У исследователей она вызывает ассоциация с храмовыми танцовщицами Индии, хорошо известными в более позднее время. Е. Вардиман сделал вывод о господстве матриархата на Крите исходя лишь из того, что у женщин на фресках Кносского дворца «смело открыта» грудь. Хотя безвестная танцовщица долины Инда открыта еще смелее (кроме множества браслетов на руках и на ногах, на ней ничего нет), я все же не решился бы говорить о «протоиндийском матриархате». В научной литературе давались различные оценки общественному строю Мохенджодаро и Хараппы. Однако сам уровень развития городской цивилизации заставляет предполагать возникновение здесь общественного строя и государственности, аналогичных тем, что были в то время в Шумере и в Египте. И в шумерском, и в египетском обществах III тысячелетия до н. э. женщина занимала довольно высокое, по отнюдь не господствующее положение.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в Северо-Западной Индии расселяются индоевропейские племена ариев, занимавшиеся как земледелием, так и скотоводством. Главным источником наших сведений об ариях являются так называемые веды — сборники гимнов, напевов, жертвенных формул и заклинаний, с глубокой древности почитавшиеся в Индии как священные. Естественно, что на основании памятников религиозной литературы легче составить представление о мире богов, чем о чисто земных отношениях. Центральное место в ведийском

пантеоне занимают мужские божества — Варуна, Агни, Митра. Едва ли не самым популярным из них был бог-воитель Индра, мужественность которого подчеркивается особо. Есть божества и чисто женские: Земля, Ночь, Адити — мать богов Митры и Варуны, священная река Сарасвати, утренняя заря Ушас. Женские соотвествия великих богов, такие, как Индрани и Варунани, представляются лишь в виде бледных теней своих супругов. Встречается и целая группа божественных существ, связанных с небесными водами, — это обворожительные индийские нимфы *ансары*, иногда спускающиеся на землю и обольщающие царей и героев.

Как обычно бывает в политеистических религиях, родственные связи между богами не определяются с излишней категоричностью. Мы находим поэтому в гимнах «Ригведы» упоминания о том, как поклонником женственной Ушас выступает то бог Дьяус, то Пушан, хотя, согласно другим мифам, первый приходится ей отцом, а второй — братом. Было бы, во всяком случае, крайне опрометчиво на основании подобных мифологических сюжетов предполагать отсутствие понятия инцеста в арийском обществе или мудрствовать об «эдиповом комплексе» и тому подобных вещах.

Большинство гимнов «Ригведы» исполнялось во время крупных жертвоприношений, общинных или племенных празднеств, обрядов, совершавшихся по заказу вождя-царя. В этих церемониях и сопровождавших их текстах постоянно воспроизводится одна и та же священная драма акта творения. Как и во многих других религиях, в основе космогонии древних индийцев лежало представление о союзе мужского и женского начал. Небо-Дьяус выступает как мужчина-отец (это божество является общинноевропейским, соответствуя греческому Зевсу и римскому Юпитеру, последнее имя и значит, собственно, Небо-отец), а земля-Притхиви — как женщина-мать. Идея о браке этих первоначал — неба и земли — находит отражение и в индийской свадебной обрядности. Жених, обращаясь к невесте, говорил: «Я — он, ты — она; Я — небо, ты — земля; давай же соединимся и породим потомство». Жених и невеста во время свадьбы как бы приобщаются к космическим силам, отождествляются с ними, и сама брачная церемония становится актом, от которого зависит продолжение жизни не только одной семьи, но и всей живой природы. Союз юноши и девушки превращается в ритуал «священного брака».

Земля постоянно отождествляется с женщиной, а ее вскапывание и орошение получают в религиозной поэзии эротическую трактовку. Как оплодотворение земли рассматривается дождь, в этом случае «мужем земли» является бог грозы Пард-

жанья (также индоевропейское божество, соответствующее славянскому Перуну и литовскому Перкунасу). В скотоводческих образах ведийской поэзии Парджанья как дождь уподобляется быку, покрывающему корову. Бог-воитель Индра нередко отождествляется с Парджаньей, и в описаниях его подвигов также подчеркивается не только мужество в сражениях, но и чисто мужские достоинства. К нему часто прилагают эпитет «обладающий тысячей тестикул», эротическую интерпретацию получает и его знаменитое оружие — огромная палица-*ваджра*. Бога восхваляют как неутомимого быка, всегда готового покрыть корову.

Хотя европейские индологи прошлого века и некоторые современные индийские санскритологи приложили немало усилий для создания идеального образа отвлеченной и чисто духовной религии вед, при чтении ведийской литературы бросается в глаза весьма чувственный, плотский характер ее образности и символики. В основе ее метафор лежат культ плодородия и религиозное восприятие той любовной страсти, от которой зависит продолжение всякой жизни на земле.

Огонь для священного костра добывался посредством двух палочек. Верхняя при этом рассматривалась как мужчина, а нижняя — как женщина. Вспыхивающий от трения огонь именовался ребенком, возникшим от взаимной страсти. К этой теме неоднократно возвращалась теологическая мысль — верхняя палочка сопоставлялась с героем древности Пуруравасом, а нижняя — с прелестной апсарой Урваши и т. д., далее продолжалась цепь уподоблений — рожденный огонь сравнивался о быком как воплощением мужского начала.

Жертвенный костер разжигался на алтаре, а сам алтарь сравнивался с женщиной, которая принимает на себя и обнимает мужчину. В одном из ведийских текстов говорится так: «Алтарь — это женщина, а огонь — бык-мужчина. Женщина лежит, обнимая мужчину, я от этого возникает потомство. Алтарь выглядит как красивая женщина: очень широкие бедра, чуть более узкие плечи и тонкая талия. Если именно таким будет алтарь, то он доставит радость богам». Во время совершения жертвоприношения пели гимны с определенной мелодией, Гимн и мелодия, которые неразрывно связаны между собой, — это тоже мужчина и женщина, жаждущие друг друга. Возвращаясь вновь к свадебной обрядности, можно вспомнить, что жених произносит и формулы, отождествляющие его и невесту с гимном и мелодией.

Одним из важнейших ведийских ритуалов было выдавливание из особого растения опьяняющего или галлюциногенного напитка сомы. И эта процедура сравнивалась с брачным сою-

зом. Сливание сомы с водой или молоком вновь вызывало ассоциации о слиянии мужского и женского начала, о быке и козлах и т. д. Очевидно, во время празднества исполнялись и песни, полные эротических намеков. Примером такого рода поэзии служит известный гимн из «Ригведы» об обезьяннем самце Вришакапи. Вришакапи в нем обращается к жене бога Индры с насмешками как по поводу ее женских прелестей, так и ее «доступности». Утешая жену, сам Индра говорит ей, что нет другой женщины, у которой были бы столь широкие бедра и прекрасные ляжки. Наконец жена Индры и жена Вришакапи восхваляют мужские достоинства своих супругов, отзываясь с пренебрежением о соответствующих способностях их соперников.

Так называемые великие жертвоприношения ведийского ритуала нередко обнаруживают непосредственную связь с культурами плодородия. Во время этих обрядов нарушались порой всякие сексуальные запреты и происходило символическое или реальное соединение либо по меньшей мере произносились непристойные тексты, очевидно вызывавшие веселье. Аналогичные обряды и верования прослеживаются не только в древней Индии, но и в более близких нам европейских культурах, в том числе в русских праздниках, сопровождавших приход весны.

В качестве примера можно привести знаменитую *ашвамедху*, ритуал «жертвоприношения коня», совершаемый царем, претендующим на титул «владыки всей земли». По царскому приказу специально отобранного белого коня в дорогих украшениях весной отпускали на волю. Куда бы ни ступала нога коня — та земля считалась перешедшей под власть царя. Обширная вооруженная свита, сопровождавшая коня, готова была силой заставить любого правителя признать верховную власть того, кто решил совершить ашвамедху.

Отношения между царем и землей трактовались в терминах супружеской связи. «Обладание всей землей» рассматривалось в качестве акта как бы сотворения мира. Недаром в течение всего года, пока конь шел из страны в страну, царь приносил трижды в день обильные жертвы богествам, обладающим творческой силой, различным ипостасям солнечного бога Савитара. Конь пасся там, где желал, но его свита не позволяла ему ни подходить к кобыле, ни погружаться в воду — он не должен был терять своей мужской силы.

Наконец заключительная часть ашвамедхи особенно показательна. Коня умерщвляли, и тогда рядом с ним ложилась главная жена царя (имевшая титул «махиши», букв. «буйволица»), Жрец набрасывал на них покрывало, а царица произносила: «Что же никто не берет меня? Конь спит». Она раздвигала ноги

и изображала соитие с конем. Один из руководивших ритуалом жрецов подавал непристойную реплику, царица отвечала ему тем же. И тогда участвовавшие в церемонии другие царские жены, жрецы, придворные и дочери высшей знати обменивались такими выражениями, что европейские переводчики, как правило, не решаются сохранить эти строки даже в сильно смягченном виде.

Нечто аналогичное происходило и в другом известном ритуале, называемом *махаврата* (букв. «великий обет»). Он включает в себя множество разнообразных элементов — шумную игру на барабанах, танцы и стрельбу из луков, состязание белого ария и черного шудры, символизировавших день и ночь и т. д. Но центральный эпизод ритуального цикла — соединение мужчин и женщин в специально отведенном помещении и крайне непристойная перебранка между куртизанкой и брахманским учеником, соблюдавшим строгое целомудрие. Весь этот обряд посвящен Праджapati — «Владыке потомства», и, очевидно, является также одним из проявлений культа плодородия.

Давно уже привлек внимание исследователей еще один обрядовый цикл — *варунапрагхаса*. Во время этого празднества жрец спрашивал царицу о том, какие у нее были возлюбленные, а если она не решалась назвать их, просил ее положить на землю столько пучков травы, сколько знала она мужчин кроме мужа. Обряд также сопровождался множеством эротических загадок и шутливой перебранкой с неприличными намеками. Ритуал происходил в начале сезона дождей, когда иссохшие поля с нетерпением ожидали «оплодотворяющего» дождя. Даже в значительно более позднем тексте, в «Артхашастре» — трактате об искусстве политики, говорилось о том, что актерским труппам в период сезона дождей надлежит ставить забавные фарсы, потешая зрителей непристойностями.

В ведийской литературе довольно часто возникает тема сексуальных запретов. Порой конфликт разрешается их нарушением, в других случаях соблазн отвергается ради торжества установленной богами социальной нормы. Знаменитый гимн «Ригведы» содержит диалог самой первой пары людей, близнецов Ямы и Ями. Ями пытается «вдохновить своего брата на дружбу» и лечь с ним на общее ложе. Яма решительно отказывается, говоря: «Не хочу такой дружбы, при которой родная занимается тем, чем должна заниматься лишь та, что с мужчиною не состоит в родстве». Он не прельщается любовными речами сестры и предлагает ей найти себе другого мужа.

Иной мотив звучит в диалоге мудреца Агастья с его женой Лопамудрой. Последняя жалуется на одиночество, на то, что ее молодость и красота пройдут, пока муж будет совершать

аскетические подвиги, пренебрегая своей супругой. Агастья пытается оправдываться, ссылаясь на принятые им обеты благочестия, но, повинувшись внезапно возникшему желанию, уступает наконец настояниям женщины.

Уже в указанных прежде ведийских ритуалах обыгрывались мотив целомудренного воздержания, приводящего к накоплению сексуальной энергии, а с другой стороны, женской страсти, готовой преодолеть любые преграды. Фигура аскета, испытывающего влечение к обнаженной красавице, характерна для повествований древнеиндийского эпоса. Здесь мы находим, например, образ отшельника, который так долго сидел неподвижно в состоянии медитации, что вокруг него появился даже огромный муравейник, засыпавший его с головой. Из муравейника виднелись лишь глаза аскета, это и позволило ему увидеть проходившую мимо обворожительную девушку, и вспыхнувшее вдруг желание нарушило отрешенность от мира.

Подвижничество некоего Шарадвана внушило опасения самому владыке богов: как бы он не сравнялся с ним могуществом благодаря своим немислимым подвигам. Но и здесь оказалась кстати милая апсара с несравненным станом, имевшая на себе одну лишь набедренную повязку. Шарадван задрожал от страсти, и хотя удержался от соблазна, но желание было столь сильным, что даже без близости с девушкой оно завершилось появлением на свет пары близнецов.

Мифы, ритуальные формулы и обрядовые действия, о которых мы говорили до сих пор, имеют очень большое значение для понимания роли женщины в древнеиндийской религии. Но было бы крайне наивно простое отождествление ритуального поведения с бытовым. Та сексуальная свобода, которая прослеживается в некоторых ведийских текстах и ритуалах, не может рассматриваться как свидетельство распушенности или эмансипации, а огромная роль женщины в культах плодородия еще не дает оснований для суждений о ее месте в древнеиндийской семье и обществе.

Несколько ближе к реальности стоят описания домашних ритуалов и читаемые во время их совершения тексты. В «Ригведе» это прежде всего знаменитый свадебный гимн, представляющий собой отчасти описание «божественного» брака Сурьи (Ушас), отчасти собрание ритуальных свадебных формул. В этом гимне упоминаются сваты и подружки невесты (прообразы земных неперемных участников свадебного торжества). Девушку мужу отдает отец, но при этом отмечается, что она «изъявляет согласие всей душой». Центральный момент обряда — свадебная процессия, когда женщина вместе со своим приданым переезжает в дом мужа и его родни. Разрыв с прежней,

родительской семьей и вступление в новую представляет множество опасностей со стороны сверхъестественных сил, и потому все помыслы участников свадебного поезда направлены на то, чтобы избежать дурных предзнаменований. Молодая хозяйка, наконец, восхваляется не только как будущая мать прекрасных сыновей, но и «царица» в доме, от которой зависит благо всех «двуногих и четвероногих» его обитателей.

Свадебные формулы невозможно толковать буквально и оценивать лишь в социальном и бытовом аспектах, в них прежде всего подчеркивается «космический» аспект женщины — жены и матери. Например, во время церемонии «семи шагов», которая являлась главной частью собственно брачного обряда, муж предлагал ей сделать шаг ради «сока», живительных сил растений, ради времен года и т. п. В свадебном гимне «Атхарваведы» также выражалось пожелание, чтобы «от этой матери народились разного рода домашние животные». Женщина, вступающая в брак, являлась воплощением животворных сил всей матери-природы.

В специальных книгах, посвященных домашним обрядам, сохранилась запись древнейших гаданий о судьбе невесты. Девушка должна была выбрать один из комочков земли, взятых с плодородного и с бесплодного поля, с перекрестка, с кладбища и т. д. Если она останавливала свой выбор на земле с плодородного поля, у нее должны были родиться дети, у которых дом будет полной чашей, если с бесплодной земли — дети будут нищими и т. д. С ней магически связана была и сама жизнь супруга. По особым признакам считалось возможным узнать, суждено ли женщине быть вдовой или, как выражались сами индийцы, «мужеубийцей» — жизнь мужа зависела от судьбы жены.

Свадебная обрядность отражала прежде всего стремление разорвать связи женщины с родительским домом и приобщить ее к новой семье и ее духам-покровителям. Этот момент превращения прежде чужого человека в одного из членов семьи грозил множеством опасностей. Для предотвращения их совершались особые обряды — расплетание волос для освобождения от прежних уз, вступление невесты на камень для одоления злых духов и т. д. Новобрачная не полностью принадлежала мужу и в ночь после свадьбы. Около нее находился ее прежний, неземной супруг, дух плодородия *гандхарва* Вишвавасу, которого символизировала палка. Палку потом торжественно уносили и просили самого гандхарву удалиться, отдав девушку человеку — ее новому мужу. Молодожены первые дни постились с целью достичь магической «чистоты», они носили украшения как амулеты против всякой нечистой силы. С той же целью



три первые ночи продолжалось воздержание от брачной связи (порою речь идет и о воздержании в течение двенадцати ночей и даже года). Испачканная кровью рубашка новобрачной казалась особенно опасной, и потому ее передавали жрецу брахману, проводившему очищение и читавшему заклинания.

Разрозненные сведения о повседневной жизни и отношениях в древнеиндийской семье начала I тысячелетия до н. э. можно получить, анализируя случайные сравнения, отдельные предания и термины. В ранних ведийских текстах жена обычно именовалась словом «джая» — «рождающая». Иной термин появляется в более поздних сочинениях — «бхарья» (букв. «та, которую надо кормить»). Индийская семья имела ярко выраженный патриархальный характер. Во главе ее стоял хозяин, муж, «кормилец» (*бхарта*). Жена включалась в обширную категорию младших членов семьи, домочадцев — их иногда называли *дасабхарья* (букв. «рабы и те, кого надо кормить»). Сами индийцы определяли домочадцев следующим образом: это все те, «кто едят пищу хозяина дома».

Как правило, семья не ограничивалась только родителями и детьми, и после свадьбы молодые не выделялись из хозяйства отца. Во всяком случае, в ведийской литературе есть сравнения с тем, «как свекор притесняет снох» и они «кричат от него». Встречается и рассуждение о том, что мужчине не следует пить крепкие напитки, ибо пьющий теряет всякий авторитет в глазах снох. Теоретически не было никаких ограничений многоженства. Мифы сообщают о десятках жен у богов и царей древности. Кроме того, в распоряжении состоятельных и знатных людей могли быть наложницы и рабыни из числа захваченной на войне добычи. Легендарные цари дарили своим приближенным не только золото, колесницы и скот, но и множество представительниц прекрасного пола. Правда, потомство от таких наложниц, видимо, могло быть признано законным. Во всяком случае, среди наиболее почитаемых в Индии мудрецов встречаются и такие, которые считаются детьми рабынь.

Есть основание полагать, что реально многоженство не было особенно распространенным явлением и мало кто из индийцев той эпохи мог себе позволить содержать несколько жен. В полигамной семье главной была старшая супруга. Именно она имеет в виду при описаниях семейных обрядов, совершаемых совместно с хозяином и хозяйкой дома. Для царя, впрочем, делается исключение — в царских ритуалах принимали участие четыре его жены.

Супружеская неверность женщины порицалась в весьма характерных выражениях: «Нехорошо поступает та, которая, будучи куплена мужем, живет с другими». Итак, измена воспри-

нималась главным образом как нарушение собственнических прав мужа, «купившего» себе жену. Естественно, что, не будучи связана по происхождению с родом мужа, женщина, оставшаяся вдовой, не имела и никаких прав на наследство. В этом отношении она, как сказано в текстах, «хуже худшего из мужчин».

Более того, вероятно, она сама как бы подлежала наследованию после смерти мужа. Описание похоронной церемонии как в гимнах, так и в специальных ритуальных сочинениях содержит следующий любопытный эпизод. До возжигания огня жена ложилась на погребальный костер возле тела мужа и принадлежащего ему оружия и утвари. Затем «деверь либо другой человек, заменяющий ей мужа», или же престарелый раб побуждал ее встать и вернуться к миру живых. В этом обряде ясно выражено представление о том, что жена связана с мужем так же, как все принадлежавшее ему при жизни. Трудно сказать, отражает ли этот обряд более древний обычай сожжения вдовы на погребальном костре мужа. Во всяком случае, в основе засвидетельствованного позднее обычая самосожжения вдов лежал совершенно тот же круг представлений.

По-разному решается в науке вопрос о том, в каком смысле речь идет о «человеке, который заменит ей мужа». Так как поднять вдову с костра дозволено и «престарелому рабу», речь идет, очевидно, о замене мужа лишь в качестве кормильца. В то же время вовсе не исключено, что в древнейший период по обычаю левирата вдова просто переходила по наследству к деверю, становясь одной из его жен.

Богатый мир человеческих эмоций — любовных желаний, семейных привязанностей, родительских надежд — предстает перед нами в заговорах и заклинаниях, входящих в состав «Атхарваведы». Здесь юноша, стремящийся завоевать любовь девушки, произносит обращенный к ней заговор: «Пожелай же ты меня, я слаще чем мед». Молодой человек прокалывает избрание любимой, восклицая: «Пронзаю тебя в сердце стрелой Камы — бога любви». Древняя «присушка» гласит: «Как лиана дерево, обними меня. Засохни от любви по мне». Судя по этим текстам, несмотря ни на какие «патриархальные устои семьи», женщина ведет себя в любви не менее активно, чем мужчина. Она, например, выкапывает «приворотную траву» и ворожит над ней, читая заклинания: «Пусть он воспылет любовью ко мне. Сведи его с ума, о ветер» и т. п. Женщине принадлежит и заговоры от ревности: «Я выпускаю ревность, как горячий пар из мехов» — или такие, которые читаются ради торжества над соперницей: «Я — высшая среди высших, соперница — низшая среди низших».

Среди «семейных» заклинаний и описаний домашних ритуалов значительное место занимают такие, которые связаны с заботой о рождении детей. Специальный обряд совершался, например, ради благополучного зачатия. При этом произносились священные формулы, призванные обеспечить помощь богов: «Пусть зародыш положат боги, зародыш трав, зародыш деревьев, всего сущего»; «Как стрела в колчан пусть войдет герой»; «Да станешь ты коровой дойной» и т. д. Зачатие и рождение ребенка осмыслились в кругу тех же представлений о культе плодородия, о которых говорилось выше. Для плодovitости на шею женщины вешали ветку дерева удумбара, плодоносящего трижды в году. Особо заботились о рождении мальчика — продолжателя рода. Для этого существовала специальная церемония, проводившаяся обычно на третьем месяце беременности. Женщине предлагали съесть ячменное зерно с двумя бобами и глоток простокваши. При этом она трижды повторяла слова: «Рождение мальчика». Во время брачной ночи молодой муж читал и специальную формулу на этот счет: «Пусть боги вложат девочку куда-нибудь еще, а сюда пусть вложат мальчика».

Беременная женщина считалась подверженной множеству опасностей, не столько естественных, сколько сверхъестественных, это заставляло прибегать к различным магическим средствам: в ноздри ей капали сок баньянового дерева, читали заклинания против злых демонов, стремившихся съесть зародыш или подменить его так, чтобы у женщины родилась лягушка, змея или черепаха. Описания так называемых «женских обрядов» составляют весьма существенную часть древнеиндийской ритуальной литературы. Как и в других обществах, именно женщины являлись хранительницами древних обычаев и поверий. Недаром сами мудрые брахманы рекомендовали во всех сложных случаях обращаться за советом и помощью к старым женщинам, знающим гораздо больше сказанного в книгах.

Некоторые, сохранившиеся в эпосе предания различных народов Индии повествуют о женщинах, спасших и прославивших род — отца или мужа. Достаточно вспомнить знаменитое сказание о Савитри, которая подчинила себе самого бога смерти Яму и вырвала из его рук своего мужа Сатъявана. При чтении легенды о Савитри бросается в глаза, что, несмотря на такие постоянные эпитеты, прилагаемые к ней, как «нежная, робкая, слабая», на самом деле эта женщина отличалась необычайным характером. Хотя муж по традиции и считался ее защитником, он в сложной ситуации терялся и плакал, значительно уступая жене по смелости, энергии и неукротимой силе духа.

Само имя Савитри является не чем иным, как женским ва-

риантом имени бога-творца Савитара («Рождающего»). Не случайно от этой эпической героини и ее близких вело свою родословную известное индийское племя малавов. Сама Савитри, очевидно, принадлежит к типу особо почитаемых женщин-родоначальниц. Надо сказать, что вообще среди основателей царских родов или династий в индийских преданиях встречаются не только мужские, но и женские имена. Даже тогда, когда счет родства, несомненно, велся лишь по отцовской линии, героев нередко величали не только по отцу, но и по матери — как Каунтея (сына Кунти) или Шакунталея (сына Шакунталы). Позднейшая обработка эпоса не всегда могла уничтожить следы тех архаических традиций, согласно которым, по крайней мере у отдельных народов Индии, женщина играла более значительную общественную роль, нежели было принято в классический период — в начале нашей эры.

Во всевозможных трактатах, в дидактических частях «Махабхараты», в поэзии и драме последнего периода индийской древности мы находим отражение как действительного юридического и социального статуса женщины, так и сложившихся общественных идеалов. Обширная литературная традиция позволяет более подробно осветить вопрос о положении женщины в древней Индии этого времени — ее жизненный путь от рождения до смерти.

Вначале следует сказать о периоде до замужества. Отношение к дочери в семье было иным, чем к сыну. В «Махабхарате», например, говорится так: «Сын — воплощение отца, жена — это друг, а дочь — несчастье». Другой вариант того же изречения гласит: «Старший брат равен отцу, жена и сын — это часть самого человека, но дочь — великое несчастье». Причиной подобной негативной оценки является то, что девочка — чужой человек в отцовской семье, она не будет в ней ни работником, ни наследником и, как только наступит срок, перейдет в другое семейство. К тому же вместе с ней необходимо давать и приданое, нередко большое, даже разорительное для родительской семьи. Отец опасался и за поведение дочери, ибо, как известно, «от женщины зависит репутация трех семейств — ее отца, и матери, и мужа». Всевозможные жалобы на рождение дочери заставляли ученых даже предполагать существование в древней Индии (как позднее у раджпутов) обычая умерщвлять новорожденных девочек. Однако эта гипотеза не нашла убедительных подтверждений. По крайней мере подобная практика в древности не была распространенной.

Предпочтение, безусловно, оказывалось сыновьям-наследникам. Выше уже говорилось о специальном обряде, который проводился с целью рождения именно мальчика. Большое вни-

мание уделялось и всяческим на этот счет приметам. Полагали, например, будто в четные дни месяца происходит зачатие мальчиков, а в нечетные — девочек. К жене, которая рожала только девочек, относились, конечно, лучше, чем к вовсе бесплодной, но все же считалось, что она не до конца исполнила свое предназначение, и муж имел право взять вместо нее другую. Но не следует и преувеличивать предубеждение против дочерей. В ритуальных книгах имеются указания на приметы для того, кто хотел лишь дочерей. Он при свадебной церемонии должен был взять ладонь невесты, не захватывая при этом ее большой палец. Тот же, кто хотел детей обоюбого пола, брал ее руку целиком, вместе с большим пальцем. В доме обычно радовались появлению и мужского и женского потомства. В индийской повествовательной литературе нередки примеры особой отцовской любви и привязанности именно к дочке. Вообще предпочтение, оказываемое сыновьям, объясняется вовсе не предубеждением против женского пола. Причина этого заключается лишь в необходимости наследования семейного имущества и продолжении культа предков, а то и другое не могло быть женским делом, ибо женщина после брака неизбежно уходила из отцовского дома.

Если все же в семье не было мальчика-наследника, приходилось прибегать к юридической фикции. Отец объявлял тогда дочь *путрикой* («дочерью вместо сына»), и ее сын считался уже не потомком своего действительного отца, а сыном-наследником деда с материнской стороны. Существенного различия между родным сыном и таким внуком по женской линии в этом случае уже не делалось. Обделенным оставался лишь муж путрики, недаром индийские мудрецы не советовали жениться на той девушке, у которой нет братьев.

О воспитании девочек сведений почти нет. Переломным моментом в ее жизни являлось наступление зрелости. С нетерпением ожидали срока, когда она могла наконец исполнить свое предназначение и стать женщиной-матерью. В «Махабхарате», например, содержится легенда о девочке, прислуживавшей ученому брахману. Тот, обладая волшебной силой, в благодарность за послушание осчастливил ее необычайно ранним наступлением половой зрелости, и сама, будучи почти младенцем, она смогла зачать и родить сына.

Уже в древности в Индии появился обычай детских браков. Греческие писатели с удивлением отмечали, что индийские женщины способны рожать уже в шесть-семь лет. Это, конечно, явное недоразумение, но наблюдатели были, очевидно, введены в заблуждение совершением свадебной церемонии в весьма раннем возрасте. В религиозных текстах обычно дава-

лись рекомендации выдавать дочь замуж, пока она является *нагника* (букв. «голенькая»). Согласно позднейшим комментаторам, речь идет о таких малолетних девочках, которые бегают еще обнаженными (то есть в возрасте до двух, четырех или сами лет). В современной науке склоняются к точке зрения, что первоначально слово «нагника» означало такую девочку, у которой еще не появилось волос на теле, и, таким образом, в предписаниях древних индийских мудрецов рекомендовалась лишь свадьба непосредственно перед наступлением зрелости. Тем не менее указанные комментаторами сроки в древности и в средние века нередко действительно были временем «брачного возраста» невесты.

Главное требование заключалось в том, что девочка должна была пройти свадебный ритуал до появления месячных. Если она стала способной к зачатию, но еще не выдана замуж, то ее родители считались виновными в гибели возможного зародыша. Если не находилось для нее подходящей пары, рекомендовалось выдать хоть за кого-нибудь, лишь бы не совершить «греха убийства зародыша». Девушка, не выданная замуж в течение трех месяцев (или трех лет) после появления признаков зрелости, имела право и без спроса старших «сама искать себе мужа». Помимо такого позора боялись и того, что она умрет, не став чьей-либо женой. По крайней мере позже брак считался обязательным для женщины, и, если девушка умирала до свадьбы, в некоторых районах Индии перед похоронами над ней совершался и символический свадебный обряд.

Свадьба не означала, конечно, реального начала брачной жизни. Мужу прямо запрещалось жить с женой, пока она не достигнет совершеннолетия. Обычно до этого времени она и пребывала в доме отца. Следовательно, и сама свадьба превращалась скорее в помолвку с одним, но существенным различием: она была не простой предварительной договоренностью, а реальным, нерасторжимым союзом. В настоящий же ритуал начала брака превратился другой обряд — *гарбхадхана* (букв. «зачатие»), совершавшийся уже после наступления зрелости.

Иногда девушка становилась вдовой, так и не став фактически женой. Все строгие правила, относящиеся к поведению вдов, распространялись и на тех из них, которые остались девицами. Им почти так же трудно было выйти второй раз замуж, хотя порой они и сами не знали, кто же был их первый муж.

Неизменно давались рекомендации, чтобы жена была моложе мужа, но соотношение возрастов предусматривалось различное, в зависимости от точки зрения, с которой рассматривался сам брак. В эротической литературе наилучшим счита-

лось такое положение, когда муж был года на три старше жены. В религиозных наставлениях, приписываемых прародителю людей Ману, предлагались менее рациональные соотношения возрастов: тридцать и двенадцать лет или двадцать четыре и восемь. Аналогичное правило содержится и в «Махабхарате», жена должна быть втрое моложе мужа; впрочем, сами эпические предания отнюдь не соответствуют подобным установлениям.

Необходимо также иметь в виду, что дидактические сочинения были адресованы главным образом благочестивым брахманам. Близкой к ним общественной средой в основном и ограничивалось распространение самого обычая «детских браков». В древнеиндийской повествовательной литературе — прозе, поэзии, драме — речь идет о вступлении в брак вполне взрослых юношей и девушек. Это подтверждается и косвенными свидетельствами юридических текстов. Так, например, в перечне различных видов сыновей (родных и приемных) упоминаются не только те, которые родились в браке, но и появившиеся до брака или вскоре после свадебной церемонии. И те и другие не вполне уравнивались в правах с «законными», но сама возможность появления детей до брака свидетельствует, конечно, о зрелости невесты.

Девственность невесты рассматривалась не только как доказательство ее нравственной чистоты, она служила обоснованием законности прав на женщину ее супруга. Жена могла располагать статусом главной лишь в том случае, если она до брака оставалась девицей. Преимущественные права на наследство имели те сыновья, мать которых не знала мужчины до брака. Порой обнаружение «греха» после свадьбы давало мужу право даже прогнать молодую, расторгнув свадебный договор. Очевидно, уже в глубокой древности в Индии возник обычай показывать утром рубашку новобрачной, демонстрируя всей деревне чистоту невесты.

Представление о связи между девственностью невесты и законностью прав на нее мужа отражается и в эпических преданиях. Известно, что главные герои «Махабхараты», пятеро братьев Пандавов, имели Драупади своей общей женой. Все пятеро имели на нее полные супружеские права, так как овладели ею впервые. Чудесным образом она вновь становилась девицей перед первой ночью с каждым из братьев. Аналогичные истории о возвращенной девственности содержатся и в повествованиях о других эпических героинях. Мы уже говорили о часто встречающейся метафоре, точно отражающей суть отношения древних индийцев к женщине: «Женщина — это поле». Правило «хозяином участка является тот, кто вырубил на нем

деревья» действительно не только для поземельных отношений в древней Индии. Оно цитируется прежде всего в брачном праве как обоснование прав на жену того, кто впервые «завладел полем».

Древнеиндийские теоретики выделяли шесть или восемь форм брака. Наиболее благочестивой считалась *брахма*, представляющая собой торжественное дарение дочери жениху. В форме *дайва* («связанной с богами») девушку преподносили жрецу в виде вознаграждения за совершенный им обряд. Третья форма брака рассматривалась как свойственная древним мудрецам-риши. Жених в этом случае в обмен на невесту передавал ее отцу пару коров. Вполне возможно, она была одной из древнейших у ариев. Вероятно, именно эту форму брака имели в виду и греческие авторы, писавшие, что «индийцы покупают себе жену за пару коров» (или упряжку быков). Первоначальный смысл брачной сделки, впрочем, не был чисто коммерческим. Речь должна идти скорее о ритуальном обмене, ибо одностороннее дарение не могло считаться полным. Браком-куплей принято называть форму *асура*. Очевидно, она была самой распространенной, ибо нередко носит также название *манушья*, то есть «принятая среди людей». Однако и здесь нет ни малейших оснований оценивать статус женщины в семье как «рабский».

В описаниях некоторых форм брака явно чувствуется дань традиции. Так, например, признается обычаем военной знати добывать себе жен силой, похищая девушек у родителей. Как и у других народов, в эпических преданиях Индии довольно многочисленны примеры такого умыкания невест. Достаточно вспомнить легенды о подвигах героев «Махабхараты» Арджуны и Бхишмы. Это вовсе не значит, что в древней Индии классического периода было легализовано похищение девушек. В юридических сочинениях рубежа нашей эры назначаются за такое преступление самые суровые наказания. Сведения о подобной форме брака являются всего лишь отголоском эпических повествований.

Нечто аналогичное произошло, по-видимому, и с формой *гандхарва*, описываемой как тайный союз юноши и девушки, основанный на взаимной любви. Когда-то так сочеталась с царем Душьянтой красавица Шакунтала, героиня легенды из «Махабхараты», легшей в основу знаменитой драмы Калидасы. Однако во времена Калидасы брак гандхарва был не более чем эвфемизмом для выражения любовной связи. Для законного оформления этой связи необходимо было пройти обычную свадебную церемонию с обходом вокруг огня, чтением священных заклинаний и т. п.



Брак гандхарва часто восхваляется в литературе, поскольку он основан только на любви. В древнеиндийских трактатах или дидактических сочинениях, отличающихся пристрастием к мелочной регламентации и педантичным классификациям, встречаются на этот счет довольно неожиданные пассажи. Среди разного рода требований относительно родни и имущества невесты, перечисления примет, предвещающих счастливое супружество, появляется вдруг совет: «Но главное — пусть в жены берет ту, которую любит. Иначе что толку в приметах?» Отцу невесты рекомендуется ни в коем случае не выдавать девушку замуж против ее воли, так как цель брака составляет рождение детей, а именно от супружеской любви и зависит появление потомства.

В эпосе рассказывается также о формах брака, которые не нашли отражения в позднейших ученых классификациях. Это прежде всего *сваямвара*. Буквально слово «сваямвара» означает «собственный выбор» невесты. Судя по известному рассказу из «Махабхараты» о Нале и Дамаянти, обряд происходил следующим образом. Отец девушки объявлял о том, что намерен выдать дочь замуж. Отовсюду приезжали женихи, и на празднестве девушка вешала гирлянду цветов на шею своему избраннику. Но сваямварой в эпосе именуется и такая процедура, где, строго говоря, никакого выбора не было вовсе. Между женихами устраивались состязания в стрельбе из лука, а наградой победителю служила невеста. На подобных состязаниях Арджуна завоевал Драдади, а Рама — Ситу. Встречаются и рассказы о настоящих побоищах, когда в борьбе за девушку женихи выпускали стрелы не в цель, а осыпали ими друг друга.

На первый взгляд женщина почти в любой из основных форм брака кажется только объектом собственности: ее дарят, отдают в виде вознаграждения за жертвоприношение, похищают, покупают, выигрывают в состязании. В известном смысле это впечатление не обманчиво: девушка тем или иным образом должна быть передана из одной семьи в другую. В то же время далеко не всегда она рассматривалась как бессловесная вещь: достаточно вспомнить брак гандхарва или сваямвару Дамаянти. Еще более важно, что складывающиеся в новой семье отношения вовсе не определялись самим правом приобретения, как в случае простой купли имущества.

К жениху и невесте предъявлялись определенные требования. Некоторые из них имели обязательный характер, другие являлись лишь общими рекомендациями. Наиболее важно было правило экзогамии — невеста не должна была принадлежать к числу родственников жениха. Само родство исчислялось двоя-

ким способом. Во-первых, не мог быть заключен брак между людьми, происходящими из одного рода, то есть от общего предка по мужской линии (даже если точно отношения родства не могли быть установлены и сам «предок» был фигурой вполне мифической). С некоторой условностью «род» в древней Индии может быть сопоставлен с нашей фамилией, и, таким образом, запрещался брак между всеми «однофамильцами». Второе ограничение касалось уже только реальных родственников — вплоть до седьмого колена с отцовской и до пятого колена с материнской стороны.

Действовали и эндогамные правила, то есть следовало брать в жены девушку, равную по происхождению — по кастовой принадлежности. Мезальянс был, впрочем, вполне допустим, если жена ниже мужа по социальному статусу. Если же ее каста была выше, чем у мужа, это рассматривалось как потрясение самих основ общественного устройства, как то «смешение каст», которое способно привести к гибели весь мир. Дети от подобных браков даже не считались законными наследниками отца.

В специальных дидактических сочинениях жениху давалось множество советов относительно выбора невесты: не брать в жены лысую, рыжую, беспалую, шестипалую, кривую, хромую, с неприятным именем и т. д. до бесконечности. Естественно, никакой юридической силы подобные предписания не имели, и если бы все они строго исполнялись, то каждая вторая девушка в Индии оставалась бы старой девой. От жениха особой привлекательности не требовалось, но зато большое внимание уделяли тому, чтобы он обладал способностями мужчины. Сравнение жены с полем использовалось и здесь: «Муж — тот, кто сеет на поле, а у кого нет семян, тому и поле не требуется». В этой связи древнеиндийские мудрецы предлагали детальное описание тех внешних примет, которые помогали определить, является ли жених полноценным мужчиной.

Братья и сестры должны были жениться и выходить замуж по порядку старшинства. Считалось большим позором для семьи, если младший брат женился раньше старшего. Грех в этом случае падал на всех родичей и на ту семью, которая соглашалась отдать девушку. То же самое правило распространялось на сестер и соответственно семью жениха. Когда старший из сыновей казался совершенно бесперспективным, для него играли символическую свадьбу с веткой дерева, лишь бы дать таким образом возможность жениться младшему брату.

На свадьбе устраивалось и угощение для предков — одна из разновидностей поминок. Брачная церемония представлялась общесемейным делом, торжеством всех поколений, бывших и

будущих. Вероятно, надеялись и на помощь предков в деле продолжения рода.

Несмотря на огромное значение, придававшееся в Индии аскетизму, все же основой существования мира признавался домохозяин, своими трудами и жертвоприношениями «содержавший» и людей, и предков, и богов. Любопытный рассказ о великом мудреце и подвижнике Джараткару имеется в «Махабхарате». Бродя по лесу, этот праведный человек однажды увидел глубокую яму, где висели вниз головой его собственные предки. Они объяснили своему потомку, предававшемуся суровому аскетизму, что страдают именно из-за него, ибо он, «глупый, не хочет жениться». Предки так наставляли Джараткару: «Старайся, о сын, ради продолжения рода. Это будет похвальное дело и для тебя, и для нас. Ни добродетелью, ни аскетизмом не достигнуть удела человека женатого и думающего о потомстве».

Женитьба и рождение сына рассматривались как религиозный долг. Тот, кто не оставит сына-наследника, после смерти мог превратиться в *прету* — несчастное существо, не находящее себе покоя и мучающее живых. Сына сравнивали с судом, при помощи которого человек способен переплыть океан и добраться до берега бессмертия. Сын рассматривался как продолжение отца — он тождествен ему, то есть отец как бы переживал второе рождение на земле в виде собственного сына. И почитание жены было связано с тем, что она являлась средством рождения сына. Популярный афоризм гласил: «Жена называется „джая“ (рождающей), ибо в ней муж возрождается (джаяте) вновь».

Еще более важен брак был для женщины. Свадебный обряд для нее приравнивался к церемонии посвящения, означавшей «второе рождение». После заключения брака женщина вступала в новую, основную стадию жизни, приобщаясь к семейному культу в доме своего мужа. Индийцы часто подчеркивали, что главная цель женщины — рождение мужу законных детей. Домашние дела может выполнять и служанка, радости любви мужчине доступны и с куртизанкой, но потомство зависит только от супруги. Вследствие этого жена бездетная — существо не только несчастное, но и презираемое, даже ритуально нечистое, как наказанное богами. Дары, полученные от бездетной женщины, ничего не могут принести, кроме вреда. Боги не примут жертвы не только от самой бесплодной, но даже те жертвы, на которые она бросит взгляд. Недаром столь часто в индийской литературе обсуждались темы бесплодия и разнообразных средств от него (пост, паломничество, обеты, амулеты и заклинания).

По индийским представлениям, женщина имела право и должна была рожать столько детей, сколько ей позволяла природа. Среди традиционно выделяемых «трех целей жизни») — долга, выгоды и любви (*дхармы, артхи и камы*) — порой именно последняя считалась самой главной, ибо без любви как порождающего начала не могла бы возникнуть вселенная, не существовал бы животный и растительный мир. Поскольку любовная страсть — «священное безумие», отвергнуть женщину значило оскорбить бога Каму. На этом построен целый ряд сюжетов индийского эпоса, где сказано так: «Когда прекрасноробкая, томимая любовью, сама пришла к мужчине, то он пойдет в ад, убитый ее вздохами, если не насладится ею». Праздник любви приходился на весеннее время сева, и в ряде областей Индии, например в Махараштре, устраивались настоящие любовные оргии, когда «можно было увести любую» и «не поймешь, кто чей возлюбленный». В позднейшей философии и мистике любовный экстаз нередко трактовался метафизически как средство познания или путь спасения, но сама основа соответствующего культа восходила к очень древней эпохе в развитии религиозных представлений.

В Индии довольно рано появилась и специальная литература о любви-каме, отличающаяся (как и соответствующие дисциплины о долге-дхарме и выгоде-артхе) чрезвычайной серьезностью повествования. Очевидно, всякий, кому приходилось читать знаменитую «Камасутру» Ватсьяяны, обращал внимание на полное отсутствие фривольности и на схоластический характер обсуждения «Учения о любви». Согласно традиции, эта наука была впервые изложена самим Самосушим, то есть богом Брахмой, вместе с учениями о религиозном долге и материальном успехе. Покровителем ее считался бык Нанди — спутник великого бога Шивы (ранее уже говорилось о быке как архаическом символе плодородия). Со старинными культами была связана и так называемая «храмовая проституция» в индуизме, и те изображения на стенах средневековых храмов, которые, по европейский взгляд, кажутся неприличными.

Брачная связь как ритуал, как важнейшее священнодействие обставлялась множеством всевозможных запретов. В свадебных обрядах и обычаях мы уже отмечали явственную боязнь сверхъестественных сил, подстерегающих молодоженов. Индийская религиозная литература полна предписаний, целью которых являлось устранение магического вреда. В определенные дни лунных месяцев брачные связи были вовсе исключены, считалось также, что ласки в утреннее или дневное время сокращают жизнь, с забавным педантизмом перечислялось, где именно никогда де должно быть супружеской близости: на де-

реве, в повозке, в воде и т. п. Смертельно опасным казался сам вид обнаженного супруга. Вся сфера интимной жизни человека окружена была в Индии множеством суеверий.

В книге, приписываемой прародителю людей Ману и представляющей своего рода кодекс поведения благочестивого индуйста, есть такие строки: «Взаимную верность надлежит сохранять до смерти — вот высший долг и мужа и жены». В древнеиндийской литературе немало рассказов, повествующих о трогательной взаимной любви между супругами, их тоске при расставании и радости при встрече. Одна из таких новелл в «Махабхарате» сопровождается изречением: «Дом — это не помещение, дом — это жена».

Между тем в основе семьи лежало неизбежное неравенство, ибо не муж приходил в семью жены, а жена — в семью мужа. Женщина была до известной степени чужим человеком в доме собственного отца, поскольку со временем должна была его покинуть. Но и в доме мужа она оставалась в буквальном смысле чужеродным элементом, так как по происхождению принадлежала другому роду. С этой разобщенностью супругов и представлением о господстве в доме мужчины связан целый ряд обычаев и представлений. Уже с глубокой древности, например, считалось, что жена не должна есть вместе с мужем: нарушение этого правила предвещало большие несчастья, прежде всего с детьми. Индийские юристы считали достаточным основанием выгнать из дома жену, если она ела раньше мужа.

Жене не следовало ни в чем противоречить мужу и предписывалось выполнять его распоряжения, даже рискуя собственной жизнью. Древнеиндийская дидактическая литература многократно называет мужа высшим божеством для жены. В «Махабхарате» содержится такой любопытный сюжет: хозяйка попросила брахмана подождать подаяния у ворот, однако в этот момент домой вернулся ее супруг, и она забыла о святом человеке, занявшись угождением мужу — омовением его ног, приготовлением ужина и т. д. Заждавшийся брахман готов был проклясть женщину (а такое проклятие способно, по индийским представлениям, испепелить человека), но она объяснила ему причину задержки. Мораль рассказа такова: даже богов и брахманов женщина может забыть, думая о своем супруге.

Сказания о верных и преданных женах принадлежат к самым популярным эпизодам индийского эпоса. Достаточно вспомнить рассказы о Савитри, о Дамаянти, о такой идеальной жене, как Сита в «Рамаяне». В значительно более искусственных сюжетах идеальные черты индийской женщины доводятся до крайности. Таков, например, известный рассказ «Махабхараты» о женщине, муж которой спал, положив ей голову на колени.

Между тем она заметила, что их маленький сын ползет к костру, но не решалась побеспокоить спящего. Ей оставалось только обратиться к огню с просьбой не сжечь малыша. Лишь когда муж проснулся и поднял голову, она смогла наконец подбежать к костру и вынуть из него улыбающегося младенца — сам бог огня внял мольбам этой добродетельной супруги.

Другая история повествует о том, как мужчина любил ходить по веселым домам и вследствие подобных излишеств у него отнялись ноги. Тогда преданная жена, чтобы муж не лишился привычных радостей, на спине стала таскать его к куртизанкам. Хотя в древнеиндийских текстах и говорится порой о взаимной любви и верности между супругами, но сами идеалы семейного уклада были основаны отнюдь не на равенстве полов.

Известный древнеиндийский афоризм гласит: «Женщина всегда остается несамостоятельной: до брака она находится под опекой отца, после брака — мужа, в старости — сына». Муж вправе был и наказывать жену за непослушание. Юридические тексты предусматривали возможность даже физического воздействия — прутом или веревкой, правда, только пониже спины и не более трех ударов. В противном случае она могла жаловаться на побои. Наставления жене полагалось давать, не прибегая к словам непристойным и оскорбительным. В целом же супруга рассматривалась как существо, нуждающееся в воспитании наряду с детьми и учениками, и границы произвола зависели не столько от письменных установлений или законов, сколько от общественного мнения и степени влияния ее родительской семьи.

В целях обеспечения неприкосновенности супружеского ложа можно было вовсе не выпускать жену из дома, но обычай затворничества в Индии, очевидно, сложился лишь к концу древности, и его распространение ограничивалось только особо знатными и состоятельными фамилиями. Вообще необходимо сказать, что хотя положение женщины в низших социальных слоях было тяжелым из-за постоянного физического труда, но по отношению к мужу она сохраняла значительно большую свободу, нежели ее сестры из высших классов.

Принцип, характерный для древних обществ, согласно которому «жена, сын и раб не имеют ничего своего; все, что есть у них, принадлежит их хозяину», известен и в Индии. Однако действительность была значительно сложнее, чем подобные общие декларации. В семье существовала раздельная собственность супругов. Жена, как правило, не могла наследовать мужу или распорядиться имуществом последнего при его жизни. Но она имела свое имущество, на которое муж также не имел прав и обычно его не наследовал. «Женская собственность» состоя-

ла в основном из приданого, полученного из дома отца, из наследства, оставшегося после матери, и подарков по случаю свадьбы от многочисленных родственников и от самого мужа. После смерти женщины все это переходило по наследству к ее детям или, если она умирала бездетной, возвращалось в семью отца.

Целью брака считалось рождение детей, и потому ни муж, ни жена не должны были избегать исполнения супружеских обязанностей. В противном случае виновный осуждался за страшный грех убийства зародыша и подвергался не только общественному осуждению, но и каре по закону. Впрочем, и здесь сохранялось неизбежное различие в положении мужчины и женщины: муж не обязан был приходить к больной жене, поскольку для рождения детей он мог взять себе другую, жена же должна была и больному мужу дать возможность иметь наследника.

При некоторых формах брака (в частности, с уплатой выкупа) предусматривалась возможность развода по взаимному согласию супругов (против воли одного из них развод был запрещен), но о таких разводах в сохранившихся источниках почти не говорится. Практически нерасторжимым являлся брак «брахма», оформленный как священнодействие (так называемое «дарение девицы»). Жена считалась свободной в тех случаях, если муж безвестно отсутствовал много лет, был изгнан из касты, ушел в отшельники или если сразу после бракосочетания обнаружилась его полная неспособность иметь детей. Таким образом, женщина освобождалась от мужа лишь в том случае, когда приходилось констатировать, что фактически брачных отношений между супругами не существует. Бездетная женщина, муж которой исчез, могла родить от другого мужчины, равного ей по касте, и при этом не совершала греха. Однако внебрачный ребенок, появившийся до формального освобождения от супруга, по закону рассматривался как принадлежавший ее мужу, поскольку «все, что родилось на поле, принадлежит хозяину поля».

Значительно чаще, чем о разводе в собственном смысле слова, речь идет об «оставлении» жены. «Оставленная» продолжала жить в доме, и муж обязан был выделять ей содержание, хотя и самое мизерное: спала она на земле, носила лохмотья и питалась плохо. «Оставление» жены часто устанавливалось на определенный срок, например на год, как форма ее наказания. Проступками, которые могли его вызвать, являлись супружеская неверность, нанесенное мужу оскорбление, пьянство или аборт. Конечно, правила на этот счет отличались известной неопределенностью и могли служить оправданием произвола. Од-

нако, если родичи, соседи или члены той же касты признавали, что муж безвинно отверг жену верную, послушную и родившую ему детей, они вправе были подвергнуть виновного позорному наказанию и заставить вернуться к ней.

Многоженство считалось совершенно естественным явлением (в отличие от существовавшего кое-где в Индии многомушества), но для того, чтобы взять новую законную супругу (а не просто рабыню или наложницу), необходимы были достаточные основания. В качестве таковых признавалось бесплодие жены или рождение ею только девочек. В первом случае по закону необходимо было выждать пять-семь лет, во втором — более десяти. Муж должен был заплатить жене «отступное», если он заменял ее на другую. Но в принципе количество жен и наложниц не ограничивалось — их могло быть столько, сколько хозяин семьи был в состоянии прокормить, ибо «женщины берутся ради потомства».

Отношения между ними, очевидно, нередко бывали напряженными. Случалось, первая жена уходила, оскорбившись новым браком мужа, но он был вправе вернуть и наказать ее. Молодая должна была признавать авторитет главной супруги. Например, в «Махабхарате» похищенная Арджуной Субхадра, обращаясь к жене последнего (и его братьев) Драупади, почтительно говорит: «Я — твоя служанка». Но в эпосе есть и красноречивые признания о том, что нет худшего несчастья для жены, чем брак мужа на молодой сопернице, и нет вражды более страшной, чем между женами-соперницами. Непростым оказывалось и положение мужа в полигамном браке. Уже в ведийской литературе встречались жалобы на этот счет: «Геснят меня, как несколько жен одного мужа». Особенно много жен и наложниц находилось под охраной евнухов в гаремах правителей. Судя по специальной главе «Камасутры», посвященной этой тематике, царственному супругу стоило немалых усилий примирять обидчивых красавиц. Единственный общий совет, который мог дать ученый составитель трактата, — распределять любые знаки внимания поровну между всеми. Аналогичные предписания даются любому мужчине, имеющему несколько жен.

Хотя выше и приводился текст с требованием взаимной верности между супругами, отношение к изменам мужа было совершенно иным, чем к неверности жены. Это и вполне понятно, ибо последняя угрожала появлением незаконных детей, неправильным разделом наследства и нарушением культа предков, всех основ общественного и религиозного порядка. Именно поэтому строгим карам (огромным штрафам, изгнанию, кастрации и даже смертной казни с пытками) подвергался и муж-



чина, но только за прелюбодеяние с чужой женой. Напротив, простое нарушение верности собственной жене как действие, несколько не подрывающее семейных устоев, не вызывало особых беспокойств и даже осуждения. Когда женатый мужчина соблазнял девушку, он мог взять ее в качестве второй жены (если только не было препятствий в виде различия в их общественном положении, кастовой принадлежности и т. д.). К тому же в распоряжении представителей сильного пола всегда находились рабыни и публичные женщины.

Семьи в Индии, как правило, были большими, и женатые сыновья продолжали оставаться под родительской властью. Молодая после свадьбы также должна была подчиняться не только своему мужу, но и старшим в семье — свекру и свекрови. Если муж считался для нее божеством, то свекор, употребляя индийское выражение, — это бог богов. В сказаниях о верных женах всегда особо подчеркивается почтительность снохи и со свекром, и со свекровью. Реальная действительность, однако, и здесь выглядела далеко не столь идиллически, как можно подумать, читая поэтические легенды или нравоучительные рассказы. В литературе встречаются довольно прозрачные намеки на сложности в отношениях между снохой и старшими в доме. Буддийские тексты свидетельствуют о том, что уже в древности появился запрет на беседы и другое общение между свекром и снохой. Составители религиозных поучений вынуждены снова и снова повторять, каким страшным грехом является связь с деверем или свекром. О приставаниях деверя к молодой говорится в индийской поэзии. Непросто складывались и отношения между женщинами в доме, по крайней мере, судя по индийским басням и новеллам, ссоры снох со свекровью или между собой были весьма распространенным бытовым явлением.

Двойственным кажется положение в семье матери. Она — женщина, то есть не может быть самостоятельной и нуждается в охране со стороны мужчины. После смерти отца такую опеку над ней осуществляет собственный сын. Вместе с тем от детей требуется почтительность по отношению к обоим родителям — и к отцу, и к матери. В «Махабхарате» Гандхари, мать одного из главных героев эпоса, Дурйодханы, публично и резко осуждает поведение сына, и тот вынужден слушать ее упреки. Нередко говорится, что связь между матерью и детьми — особо тесная, а любовь матери к детям — самая сильная. И напротив, самое страшное, что может постигнуть человека, — гнев его собственной матери, ибо от материнского проклятия искупления быть не может. Для Индии было характерно настоящее поклонение женщине-матери. Как гласит известная сентенция:

«Отца почитать надо в сто раз больше, чем учителя, но мать в тысячу раз достойнее почитания, чем отец». Среди гуру — учителей и воспитателей — мать нередко именовали самой главной.

Вся жизнь женщины связана с мужем и детьми. Именно поэтому в действительно бедственном положении она оказывалась в тех случаях, когда не могла выполнить своего предназначения: не вышедшая замуж, бесплодная или вдова. Обычай самосожжения вдов упоминали уже греки, побывавшие в Индии после походов Александра Македонского в конце IV в. до н. э. Они давали и такое рациональное объяснение этого изумлявшего их обычая: жену, чтобы у нее не было соблазна подсыпать мужу в пищу яд, принуждают умирать вместе с ним. Нет нужды говорить о курьезности подобной трактовки, впрочем весьма характерной для самих античных авторов. Древность обычая и связанных с ним представлений подтверждается как сравнительным материалом по истории других индоевропейских народов, так и некоторыми особенностями похоронной обрядности в ведийскую эпоху, о которых уже говорилось прежде.

В самих древнеиндийских памятниках о самосожжении речь идет довольно редко. Наиболее известный пример самосожжения вдовы нам известен из «Махабхараты», где говорится о том, как две жены царя Панду спорили между собой за честь взойти на погребальный костер мужа. Некоторым женщинам, прежде всего беременным, запрещалось следовать этому обычаю, но и для остальных он не был обязательным. Однако если женщина изъявляла согласие погибнуть как «благочестивая жена»-сати, то считалось страшным позором в последний момент объявить об отказе от своего решения. Чужеземцы часто писали об этом индийском обычае, ибо он поражал их воображение. Однако распространение его никогда не было широким и ограничивалось преимущественно царской семьей и кругом высшей знати.

Вдова, как правило, оставалась жить, но жизнь эта была весьма нелегкой. До самой смерти ей полагалось соблюдать траур: не носить никаких украшений, спать на земле, есть лишь один раз в день, совершать паломничества и обеты. Всю себя надо было посвятить детям.

В том случае, если детей не было, брахманские авторитеты рекомендовали так называемую *нийогу* (букв. «поручение»). Свекор или другие старшие члены семьи поручали вдове произвести потомство от деверя или иного родственника мужа. Ребенок считался сыном не своего действительного родителя, а мужа матери. Его и называли *кшетраджа* (букв. «рожденный полем»), опять-таки имея в виду общий принцип, что плоды на поле принадлежат его хозяину. Отношения между деверем и

невесткой ни в коем случае не должны были носить характер постоянного сожительства. Деверь приходил к ней лишь однажды (или до начала беременности), и сама эта связь (по крайней мере согласно наставлениям брахманских книг) должна была происходить без всяких ласк и даже не глядя друг на друга.

Нийогу часто рассматривают как пережиток ранее существовавшего левирата — обязанности деверя жениться на вдове. Но и сам левират также был распространенным явлением в древней Индии. В соответствии с волей свекра женщина могла перейти по наследству к братьям или другим близким родственникам мужа. Настоящей свадебной церемонией левиратный брак уже не сопровождался, ибо свадебные формулы-мантры могли читаться только для девушек. Общий принцип гласил, что «девушек выдают замуж лишь однажды», вторичное замужество, хотя и совершенное по воле старших, рассматривалось скорее как законное сожительство, чем подлинный супружеский союз.

Упомянется в источниках и возможность свободного, без согласия старших, второго замужества вдовы. Однако подобная женщина, «действующая по своей воле», лишалась всяких имущественных прав, а с точки зрения закона представляла собой просто распутницу, по отношению к которой не действовали никакие обычные правила, ограждающие женское достоинство и честь. В общественном сознании она приравнивалась к проститутке, а в чем-то была даже хуже последней, ибо стала таковой не по воле судьбы, а по собственному желанию.

Характеристика положения женщины в древней Индии будет неполной, если не сказать о так называемых гетерах. В «Махабхарате» говорится о том, что существует несколько категорий публичных женщин — царские куртизанки, городские гетеры, такие, которые живут при храмах или в местах паломничества, наконец, замужние женщины, предающиеся разврату. Образ жизни всех этих «служительниц любви» был различным, так же как и отношение к ним. Когда описываются придворные церемонии и увеселения, постоянно упоминаются и многочисленные красавицы куртизанки с зонтами и опахалами при царской колеснице и в паланкине. Изображения этих юных дев украшают знаменитые росписи пещерных храмов и монастырей Аджанты. Куртизанки считались наиболее образованными женщинами Индии (наряду с царевнами и дочерьми вельмож). Список шестидесяти четырех наук и искусств, которым, согласно традиции, должны быть обучены настоящие куртизанки, включал преимущественно умение одеваться, носить украшения, петь, танцевать и т. д. Но от них требовались

познания и в серьезных дисциплинах, очевидно, с тем, чтобы непринужденно поддерживать разговор на любые темы. По существу, как и в древней Греции, только гетеры и нуждались в образовании, ибо умственный кругозор женщины-хозяйки не выходил за пределы «детской и кухни». Блистательная куртизанка была центром культурной жизни города, предметом гордости горожан, восхищения и зависти иноземцев. В буддийских преданиях упоминается такая куртизанка по имени Амбапали, в доме которой останавливался и сам Будда.

В «Артхашастре» имеется описание жизни тех гетер, которые принадлежали царскому хозяйству. Специальный надзиратель устанавливал плату за посещение их в соответствии с молодостью и красотой каждой. Размер этой платы порой не уступал жалованью вельмож и царских сановников. Естественно, и выкуп женщины на свободу составлял фантастически большую сумму. Для того чтобы выглядеть особенно привлекательно, куртизанка брала из казны дорогие украшения (но без права их продажи или залога). Специальные учителя преподавали всевозможные искусства царским куртизанкам. Их дочери наследовали профессию матерей, а сыновья с восьми лет поступали в артистические труппы.

Городские гетеры жили в особых кварталах, каждая под присмотром так называемой «матушки». Иногда это могли быть действительно их матери, иногда престарелые гетеры. Положение «жрицы любви» всецело зависело от умения привлекать клиентов, и, естественно, все ее помыслы были направлены на то, чтобы получать как можно большие доходы. Как правило, она имела постоянного возлюбленного, с которым заключала временный союз (до той поры, пока он в состоянии был содержать ее и делать всевозможные подарки). Искусство гетеры, описываемой в «Камасутре», состоит преимущественно в умении полностью разорить возлюбленного, а затем без скандала от него освободиться. Впрочем, в индийской литературе встречаются идеальные образы нежно любящих, верных и способных к самопожертвованию гетер. Такова знаменитая Васантасена в драме Шудраки «Глиняная повозка».

По роду своей деятельности городская гетера часто нуждалась в защите со стороны властей, поэтому «Камасутра» рекомендовала ей активно завязывать связи со стражами порядка, судьями, воинами, а если удастся, то и с царскими сановниками. Согласно тому же источнику, свиту гетеры составляли такие персонажи, как разорившиеся щеголи, шуты и прихлебатели, однако хорошо образованные и с изысканными манерами.

Проститутки более низкого пошиба обитали на окраинах

города, в притонах возле лавок продавцов мяса и крепких напитков. С точки зрения древнеиндийского права они рассматривались как представители свободных профессий, и на них распространялись те же правила, которые регулировали отношения между работником и нанимателем. Здесь уже не было романтической игры в бескорыстный и постоянный союз с возлюбленным. О плате договаривались заранее. И расплачивались клиенты не дорогими подарками, а просто деньгами, зерном или мелким скотом — кто чем богат. Иногда услуги предоставлялись и в долг до времени, когда поспеет урожай или будут реализованы товары. Налог с проституток взимался в объеме платы с клиента за две ночи. Их широко использовали в качестве царских осведомительниц как в делах политических, так и уголовных. Розыски преступников начинались именно с «трактиров и борделей». Постоянный спрос на подобных женщин был и в войске. Даже «Махабхарата» упоминает, что они вместе с торговцами в обозе сопровождали войско в походе. Потерявшие привлекательность престарелые публичные женщины использовались для работ на царских складах или по заказу занимались прядением шерсти и ткачеством.

На особом положении находились храмовые танцовщицы *девадаси* (рабыни бога) и публичные женщины, жившие в местах паломничеств. Здесь их занятие было освящено религиозной традицией, восходившей к эпохе глубокой древности. В качестве женщин вольного поведения, практически неотличимых от куртизанок, рассматривались и актрисы. Впрочем, они в большинстве своем были замужними, и муж имел право не разрешать жене вольное поведение. Но обычно этого не происходило, почему актрисы, певицы и танцовщицы назывались «такими женщинами, чьи мужья позволяют им жить свободно».

Приведенный материал показывает, что любая однозначная характеристика положения женщины в древней Индии была бы упрощенной. Противоречивые оценки давались в индийской литературе и женскому характеру. В каноне женской красоты обычно подчеркивались пышные формы ее бедер («широких, как деревенская улица») и груди, тянувшей ее вниз тяжелым грузом. Индийский идеал — не субтильная девица, а женщина, которая может быть символом плодородия (хотя и не лишенная своеобразного изящества, «идущая грациозной походкой слона»). Она — воплощение богини изобилия (Шри или Лакшми), к которой надлежит относиться с почтением, а порой и с некоторой опаской. Женщине полагалось уступать дорогу (в особенности беременной) так же, как жрецу или царю. Убийство женщины — ужасный грех, не меньший, чем убийство брахмана или священной коровы. Один из героев «Махабхараты»

ты», Шикхандин, переменял пол, став из женщины мужчиной. Именно это позволило ему смертельно ранить мудрого Бхишму, который не решился сразаться даже с бывшей женщиной. Как неоднократно повторяется в древнеиндийской литературе: «Добрые женщины — матери мира, на них держится весь свет», «Где не почитают женщин, там все обряды бесплодны».

Но в то же время индийская литература знает немало новелл о женских хитростях и коварстве, а в популярных афоризмах высказываются весьма определенные суждения о женской морали. Женщина сладострастна и так же не может насытиться мужчинами, как огонь — дровами или океан — водами рек. Рядом со стихами о том, что женщины — воплощение богини Шри, в книге Ману, древнего мудреца, говорится об их непостоянстве, природном бессердечии и подлости: «Они не смотрят на красоту, им нет дела до возраста. Они наслаждаются с красивыми и безобразными, считая: „Довольно того, что он мужчина“». И чем более строгими становились постепенно требования к святости домашнего очага, тем больше пессимизма звучало в оценке самой возможности обеспечить женскую верность.

Сложившийся в древней Индии идеал женщины запечатлен в эпических образах Ситы, Драупади, Савитри. Они послушно исполняют обязанности жены и дочери, невестки и матери, видят цель своей жизни в верности супругу, а порой и в служении ему. Занимая свое место в доме, они вовсе не спорят с мужчиной о главенстве или даже о равенстве. Вместе с тем в исполнении долга, в самых сложных жизненных обстоятельствах эти женщины неизменно проявляют твердый, героический характер.

*А. А. Вигасин*

## СОДЕРЖАНИЕ

---

<b>Введение</b>	3
Часть первая. ЖЕНЩИНА КАК МИФ	7
<b>1. Матриархат</b>	7
Предыстория 7. Исследование матриархата 11. Госпожа богиня 14. Написано на глине 18. Египет — страна утренней зари 21. Исида, первая богиня-мать 25. Как испанские тоreadоры 29. Существовали ли амазонки? 34	
<b>2. Богиня-мать</b>	38
Богини с птичьими лицами 38. «Дарующая воду» из Мари 44. Вавилон, «великая блудница» 48. Элевсинские мистерии 53. Мать и дочь 57. Аттис — Адонис — Осирис 59	
<b>3. За и против Ваала</b>	63
Анат и ее супруг Ваал 63. Древесная богиня и столб 70. Израиль и культ дерева 72. Миф ли Библия? 78. Первая женщина проклята 81. Абсолютный патриархат 84	
<b>4. Рубеж эпох</b>	87
Эмансипация в эпоху эллинизма 87. Ученые женщины 89. Женщина и политика 90. Богиня эмансипации 96. Женщины как носительницы религиозности 99. Иисус и женщины 100. Любовь к ближнему 105. Женщины и апостол Павел 106	
Часть вторая. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ	113
<b>1. Детство</b>	113
Когда опасно родиться девочкой 113. Знаменитые подкидыши 115. «Планирование семьи» в античном мире 117. Ребенку дается имя 118. Колыбельная, которой	

- пять тысяч лет **121**. Материнское молоко, молоко небесное и молоко кормилицы **123**
- 2. Юность** 127  
 Первый период жизни **127**. Воспитание — для чего? **128**. Обрезание и отцовская власть **131**. Инцест, тайное желание нежности **133**. Ритуал инициации: погребение заживо **138**. Первая любовь **142**. «Песнь песней» **148**
- 3. Свадьба** 152  
 Цена невесты — овца **152**. Договор о покупке **155**. Приданое **157**. Брачный возраст **160**. Борьба за женщину **162**. Приготовления к свадьбе **166**. Свадебный пир **169**. Свадебное шествие **170**. Свадебная песнь Сапфо **172**. Ночь тайн **174**. Первое переживание **175**
- 4. Семейная жизнь** 179  
 Суровые семейные законы **179**. «Женщины — ваша нива» **187**. «Дай мне детей, не то я умру» **189**. Жена и наложницы **191**. Предпочтение молодым, красивым рабыням **193**. Зелья и колдовство **195**. Чудесные исцеления **198**. Беременность — каким образом? **200**
- 5. Роды** 203  
 «В болезни будешь ты рожать детей» **203**. Инфекции и родильная горячка **206**. «У нас родился сын» **209**. Материнская любовь **211**
- 6. Дом и работа** 214  
 Черепаха — символ домохозяйки **214**. Прядение и ткачество **216**. Храм как крупное хозяйство **220**. Участие в хозяйственной жизни **222**. Две знаменитые царицы **225**. Печати **229**
- 7. Образ женщины** 231  
 От звериной шкуры до мехового мантио **231**. Мода и нравственность **236**. Украшения **237**. Косметика **239**. Индивидуальное и общее **241**. «Благодарение господе за то, что не сотворил меня... женщиной» **245**. Все женщины — Ксантиппы **247**
- 8. Эротика** 250  
 «Возвышение сердца» **250**. Проститутки и святые **254**. Девушки «для удовольствия» **256**. Любовь по водяным часам **258**. Любовь по обязанности и любовь для радости **260**



<b>9. Семейный конфликт</b>	265
Двойная мерка <b>265</b> . Ордалия <b>266</b> . Покинутая, отпущенная или изгнанная? <b>270</b> . Мечь Медеи <b>273</b>	
<b>10. Старость</b>	278
Вдова,— значит, нищая <b>278</b> . Руфь — собирательница колосьев <b>280</b> . Целомудренное вдовство <b>282</b> . Преждевременная осень <b>284</b>	
<b>11. Смерть</b>	287
Траурные обряды <b>287</b> . Тихий и громкий траур <b>290</b> . Плакальщицы <b>292</b> . В «Доме вечности» <b>293</b> . Говорят надгробные камни <b>295</b> . Госпожа смерть или господин смерть <b>298</b>	
<b>А. А. Вигасин. Женщина в древней Индии (Вместо послесловия)</b>	301

Научное издание

**Вардиман Е.**

**ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕМ МИРЕ**

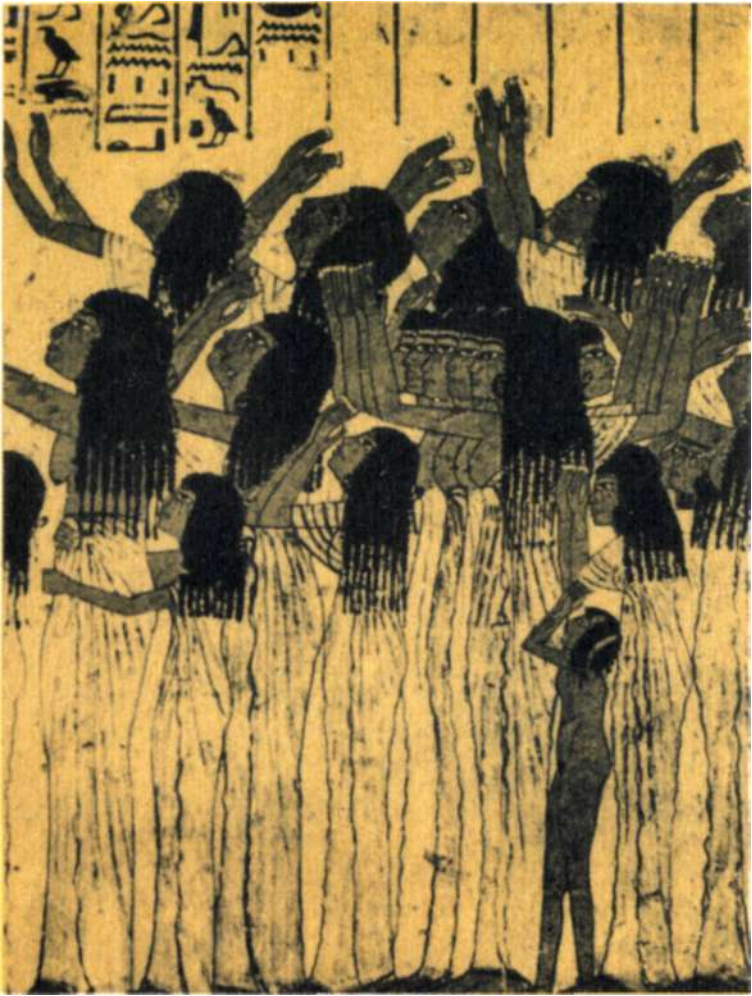
Редактор *Я. В. Барина*  
Младший редактор *М. С. Грикурова*  
Художник *Э. Л. Эрман*  
Художественный редактор  
*Б. Л. Резников*  
Технический редактор *Л. Е. Синенко*  
Корректор *Е. В. Карюкина*

ИБ № 15558

Сдано в набор 14.02.89. Подписано к печати 25.04.90. Формат 84x108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. типографская № 2. Вкл. отпечатана на офсетной бум. Печать высокая. Усл. п. л. 17,64+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 19,74. Уч.-изд. л. 18,68. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6291. Зак. № 4578. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени  
издательство «Наука»  
Главная редакция восточной литературы  
103051, Москва К-51, Цветной буль-  
вар, 21

Ордена Ленина  
типография «Красный пролетарий»  
103473, Москва, И-473, Краснопроле-  
тарская, 16



Наемные плакальщицы с отчетливо изображенными слезами. Испуская все вместе громкие вопли, они должны были привести участников похорон в состояние экстаза (египетское изображение)

Эмблема богини плодородия из Суз (терракота, 200 г. до н. э. Лувр, Париж)



Слева: Ева со змеей? В древних культурах змею толковали по-разному; одни видели в ней воплощение зла, для других она олицетворяла мудрость и искусство врачевания. Красавицы носили на шее золотые кольца в виде змеи и украшения на ногах для защиты от злых сил. На снимке: статуя Афродиты, относящаяся к эллинистической эпохе, найдена на горе Кармел (археологический архив Министерства культов, Иерусалим)

Справа: Реализм и мистика. Древние религии возвеличили любовь матери, единственной кормилицы и защитницы ребенка (статуэтка высотой 12 см, 1900 г. до н. э. Государственный музей, Берлин)



Надгробие Эвколины (около 330 г. до н. э.). Рельеф дышит глубоким почтением к умершей, и в то же время в нем есть что-то утешительное (Национальный музей, Афины)



Финикийская богиня. Была доставлена в Ниневию в качестве военной добычи (слоновая кость, I тысячелетие до н. э.)



Портрет женщины. Она задумчиво поднесла к губам стило, в руке у нее восеная дощечка. Видимо, она должна записать на табличке доходы и расходы за день (настенная роспись из Помпей, до 79 г. н. э.)



Деметру почитали как богиню земли. Аид, бог подземного мира, похитил ее дочь Персефону. По решению Зевса она должна была треть года проводить у Аида в подземном мире, а две трети — у своей матери Деметры. Без нее не всходит ни один росток, вся природа горюет. Перемена наступает лишь весной. С возвращением Персефоны земля вновь обретает плодородие (парк культуры в Измире)





Египетская супружеская пара изображена на восточной стене гробницы Рамоса. Рамос был сановником фараона Аменхотепа III, а затем Эхнатона. Здесь изображены брат Рамоса по имени Май и его жена (некрополь, Фивы, 1380 г. до н. э.)



На лбу жены пальмирского купца Аммиат золотой обруч, поверх покрывало

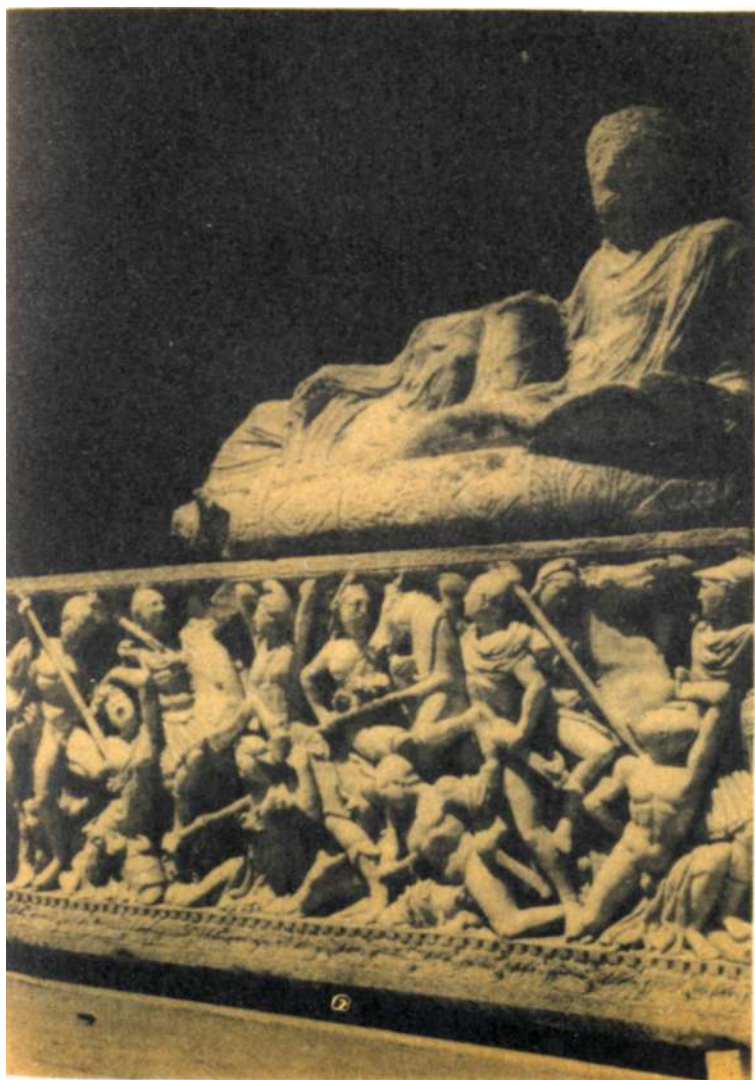


Если египтянки носили одежду из тонкого белого полотна, то чужеземки-бедуинки предпочитали узорчатые одежды, которые делались из четырехугольного куска ткани, скрепленного на плечах. Художник превосходно передал особенности их внешности и осанки (роспись гробницы Хнумхотепа в Бени-Хасане, 1900 г. до н. э.)

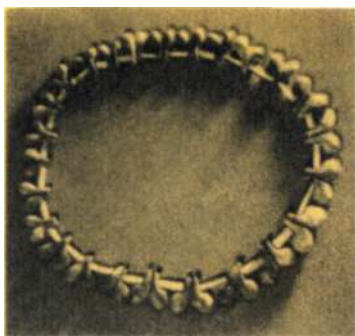


Слева: Девственность ценилась так высоко, что девушек старались выдать замуж как можно раньше, еще до наступления половой зрелости. На снимке: девятилетняя южно-марокканская невеста в полном свадебном наряде в наши дни

Справа: Египетский сосуд для снадобий в виде женщины с ребенком. Такими снадобьями лечили больных рожениц и новорожденных детей (красная керамика, высота 14 см, Государственный музей, Берлин)



Со времен Александра Великого вошло в моду украшать цоколи саркофагов изображениями «битв с амазонками». Полуготовые изделия вывозили в разные страны, где местные художники придавали «полуфабрикату» черты портретного сходства с покойным. Найдено в Кесарии



Слева сверху: У наших далеких предков, еще обитавших в пещерах, занимавшихся только охотой и носивших звериные шкуры, уже был довольно развит тонкий вкус к украшениям, которые представляли собой настоящие произведения искусства. Превосходное ожерелье, которому 17 000 лет, сделанное из маленьких косточек газели, найдено в одной из пещер горы Кармел (недалеко от Хайфы) (Израильский музей, Иерусалим)

Слева внизу: Эта фигура найдена на Кипре, подобные фигурки обнаружены и во многих местах Передней Азии; они воплощают идеал женщины. У нее особенно широкие бедра и узкая верхняя часть тела (музей, Тель-Авив)

Удивительно, что подобные изображения Астарты, с такой же прической и руками, поддерживающими грудь, были найдены не только в ханаанских областях, но и в Иерусалиме (а), и в Лахише (б). Они относятся к позднему периоду Иудейского царства. а) Израильский музей, Иерусалим. б) Метрополитен-музей, Нью-Йорк

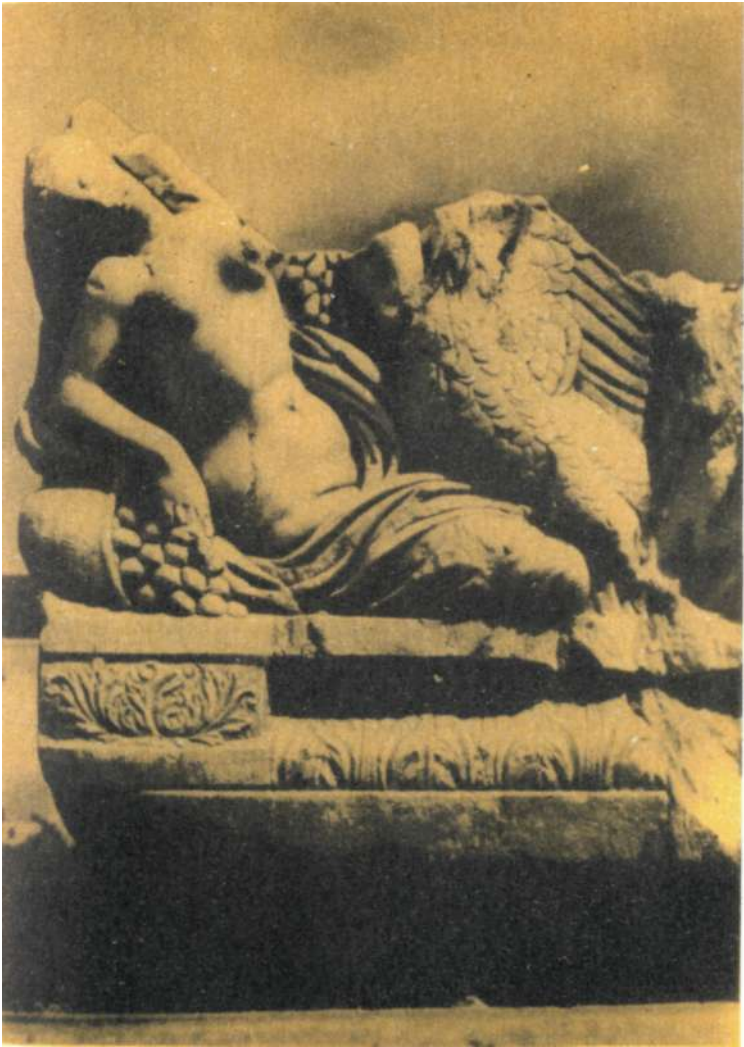


Царица Нефертари, украшенная, как богиня (XIII в. до н. э.). Ее гробница в Долине царей, воздвигнутая ее мужем Рамсесом II, считается одним из прекраснейших сооружений того времени и отличается замечательной росписью



Статуя египетской богини Исида в греческом одеянии. Мрамор, II в. до н. э. В греческую, но особенно в римскую эпоху богиня Исида, супруга воскресающего бога Осириса, пользовалась все возрастающим почитанием также и за пределами Египта. Без сомнения, черты этой богини народ перенес на богиню Марию





Широко распространенным сюжетом был греческий миф о Леде, дочери этолийского царя и жене спартанского царя, которую Зевс соблазнил, приняв облик лебеда. Этот фрагмент саркофага был найден на горе Кармел (Израильский музей, Иерусалим)



Эта фреска в Помпеях изображает подготовку к свадьбе

Богиня обращается к невесте, закутанной в белые одежды. Мать невесты (на рисунке ее не видно) готовит свадебное омовение, а ее подружки поют свадебные песни (Ватиканская библиотека, Рим)



Портрет юной девушки, выполненный из серебра, и сейчас поражает своей красотой и прелестью (I в. до н. э., Галерея искусств, Вашингтон)